ERT!

condition of this item is such that extreme care should be given to its use. We
library consider making it available for building use only. When returning it,
g to minimize further damage in shipping.

being sent to you for a limited 2-week loan period, calculated from date of shipm
enewal permitted and you may receive an automatically generated recall notice on i
save on it for binding on our online circulation system, LCS. The item will be fo
ng upon return.

to meet the need of remote library users, we are making every effort to share our
ry loan. If this approach does not prove workable, our alternative will be not to
ms in the future. Your cooperation in handling this transaction will be appreciat

PLEASE HANDLE WITH CARE

end

d

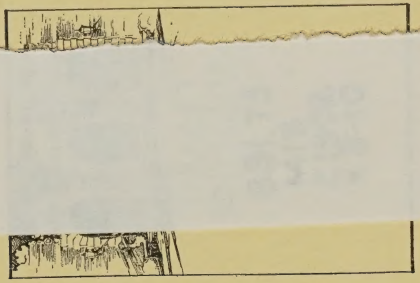
ction

POOR CONDIT

The ph
that the bo
use added p

The vo
There will
since we pl
for priorit

In an
through int
poor condit



Printed in Soviet Union

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Г. А. МАЧТЕТА.

Первое посмертное изданіе

съ біографіей и портретомъ автора.

Томъ IX.

ИЗДАНІЕ Б. К. ФУКСА.
Кіевъ.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 4-го Сентября 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, соб. домъ, № 40.

891.73
M18
I 1902
V. 9-10

Томъ IX.

Тѣни пережитаго.

I. Изъ любви.

II. Хроника одного дня.

III. Блудный сынъ.

IV. Баба.

V. Безгласный.

ИЗЪ ЛЮБВИ.

Разсказъ.

Право же, нашъ городокъ совсѣмъ напрасно обвинялъ предобрѣйшаго Кузнечикова въ крайнемъ пессимизмѣ... Если, правда, онъ и утверждалъ съ такимъ жаромъ, что у людей даже горячая любовь и самое искреннее желаніе добра приносятъ часто объектамъ того и другого однѣ лютыя муки въ результатѣ, разбиваютъ подчасъ всю жизнь человѣка, точно самая злая нелюбовь,—то все-таки это не мѣшало ему любить жизнь, вѣрить въ нее и считать ее великимъ благомъ. И обвинялъ онъ въ такихъ случаяхъ не „бытіе“, какъ дѣлаютъ это дѣйствительные пессимисты, а непомѣрно-де раздутый эгоизмъ и властолюбіе современнаго человѣка, мѣшающіе будто бы хорошо видѣть и понимать изъ-за своего „я“—чужое, а, слѣдовательно, уважать и принимать въ разсчетъ желанія, потребности и особенности этого чужого „я“. Неменьшее значеніе придавалъ

онъ тутъ и разнымъ установившимся издавна понятіямъ, представленіямъ или „предразсудкамъ“, по его словамъ, нашего жизненнаго обихода, гдѣ все-де размѣрено и подведено по рубрикамъ еще отъ дѣдовъ, залѣпляющимъ-де глаза человѣка и заставляющимъ его будто бы поступать не по разуму и совѣсти, а по той или иной „рубрикѣ“.

— Вымотаютъ у человѣка душу и сердце,— кричалъ онъ:—напихаютъ вмѣсто нихъ всякихъ „рубрикъ“ съ ярлыками: „се, молъ, добро, а се зло“, „се добродѣтель, а се порокъ“,— и пустятъ гулять по свѣту, не разбираясь, такъ ли оно или не такъ... Ну, какова же и будетъ „любовь“ такого человѣка?! Что изъ его „желанія добра“ выйдетъ,—будь они хоть самыя разгорячія и самыя разъискреннія?!...

— А то выйдетъ,—отвѣчалъ нашъ „философъ“,—такъ звалъ городокъ смотрителя училища (и голова же былъ этотъ „философъ“!):— а то выйдетъ-съ, что, получивъ твердыя правила, человѣкъ и будетъ всегда поступать правильно-съ!

— И чужую жизнь разобьетъ?!

Истина требуетъ сказать, что, выпаливъ такой парадоксъ, Кузнечиковъ немедленно иллюстрировалъ его фактами, хотя, конечно, съ извѣстными натяжками. Онъ ссылался на генеральшу Пистонову, что выдала насильно свою единственную и любимую дочь, влюбленную было въ лохматаго учителя,—за старика-

богача Распекаева, чѣмъ, естественно, испортила всю ея жизнь. Кузнечиковъ увѣрялъ, что тутъ-де виноваты все тѣ-же эгоизмъ, властолюбіе, а, главное,—тѣ же внѣдренныя съ дѣтства „рубрики“ съ ярлыками: „mésaliance“, „счастье въ богатствѣ“ и т. д., которыя заслонили генеральшѣ ея любовь и совѣсть. Онъ ссылался и на Федину мамашу, заставлявшую сына хватать черезъ силу „пятерки“ въ классѣ, вмѣсто того, чтобы дать ему поотдохнуть,—отчего хилый мальчикъ и закашлялъ кровью. Ссылался и на добродѣтельную историческую старушку, подложившую несчастному Гуссу и свои три полѣнца... Много приводилъ онъ еще разныхъ другихъ фактовъ, прихватывалъ и женъ, и мужей, и отцовъ,—но на указанную старушку упиралъ въ особенности и, какъ увидитъ читатель, имѣлъ на то свои личные и большіе резоны.

Очень можетъ быть, что, не уклоняйся онъ отъ серьезнаго спора, и ему легко доказали бы всю ложность его заключеній. Но бѣда была въ томъ, что онъ немедленно умолкалъ, какъ только споромъ заинтересовывались люди солидные и съ большимъ авторитетомъ. Онъ упорно молчалъ, когда нашъ достойный пастырь, отецъ Арефа, сокрушенно заявлялъ, что съ такимъ „пессимизмомъ“, съ такимъ отрицаніемъ твердо установленныхъ „основоначалъ“, легко, конечно, сбиться съ истиннаго пути и пойти по стезѣ лжеученій и покло-

ненія идоламъ. Онъ молчалъ, когда нашъ достойный исправникъ высказывалъ опасеніе — не подрываетъ ли такой пессимизмъ незыблемости законовъ. А на возраженія болѣе общаго характера, дѣлаемыя другими, на указанія, что такимъ-де путемъ легко придти и къ отрицанію принциповъ вообще,—онъ только и кричалъ, сардонически покручивая рыжеватую бородку:

— Принципы! Ишь чѣмъ напугали,—принципами?!.. Да что такое ваши принципы, какъ не голыя формулы, шаблонное примѣненіе которыхъ къ каждому явленію можетъ принести подчасъ неизмѣримое зло?! Не лги—принципъ! А развѣ вы не лжете больному, скрывая отъ него опасность?! Развѣ не изъ-за принципа жарила добродѣтельная старушка Гусса, да еще, можетъ быть, и любовно-то жарила?! Принципы!...

За это-то и звали его пессимистомъ, какъ онъ ни злился на эту кличку...

Правду сказать, было время, когда Кузнечиковъ былъ совсѣмъ иной. Въ нашъ городокъ онъ прибылъ розовымъ идеалистомъ, полнымъ благоговѣнія къ принципамъ, въ мягкой, любящей душѣ котораго не было и слѣда какихъ бы то ни было желчи и скептицизма, не только пессимизма. Много, думаю, должны были насолить ему разныя генеральши Пистоновы, Федины мамаши и добродѣтельныя старушки, прежде чѣмъ онъ пришелъ къ такимъ

ужаснымъ заключеніямъ. Я и хочу разсказать вамъ, что за смѣшная, хотя, можетъ быть, и грустная исторія вышла у него при первой встрѣчѣ въ нашемъ городкѣ съ подобной старушкой.

Какъ и почему явился Кузнечиковъ въ наши холодныя палестины, я говорить не буду: во-первыхъ, это мало идетъ къ дѣлу, во-вторыхъ, онъ и самъ къ этому факту относился какъ-то философски-спокойно: вышла, молъ, такая линія,—ну, и ничего не подѣлаешь! Онъ не тосковалъ, не грустилъ, не нылъ, а, прибывъ, послѣ долгаго и утомительнаго пути, въ городокъ, немедленно усѣлся за любимыя книги, вычисленія и какой-то мудренѣйшій трактатъ, за которымъ просиживалъ иногда цѣлыя ночи, ничего кругомъ не видя и ничѣмъ другимъ не интересуясь. Кажется, онъ разсчитывалъ въ будущемъ представить этотъ трактатъ какъ ученую диссертацію, и, право, со стороны можно было подумать, что Кузнечиковъ даже вполнѣ счастливъ, получивъ, наконецъ, досугъ и возможность послѣ долгихъ передрягъ и пути предаться любимому дѣлу. Изъ-за этого вѣчнаго сидѣнья за книгой, постоянной замкнутости, нежеланія войти въ нашъ „кругъ", участвовать въ нашихъ пикникахъ и вечерахъ городъ и прозвалъ его сначала **„анахоретомъ"**.

Знакомство велъ онъ только съ Кожинымъ, университетскимъ товарищемъ, всего за

годъ передъ тѣмъ прибывшимъ въ нашъ городокъ на должность окружного врача. Кожинъ, конечно, просилъ его поселиться съ нимъ, пожить хоть немного у него, чтобы лучше осмотрѣться въ новомъ мѣстѣ, но тотъ и слышать не хотѣлъ,—ему нужны-де были полная тишь и одиночество для излюбленнаго книгоѣденья. Въ первый же день онъ снялъ себѣ свѣтелку на окраинѣ у одинокой старухи-старовѣрки, смахивавшей по виду на бабу-ягу такъ же точно, какъ ея домикъ на пресловутую „избушку на курьихъ ножкахъ", сейчасъ же переселился и засѣлъ за свои книги и трактатъ. Кожинъ выѣхалъ въ округъ, гдѣ открылась тифозная эпидемія, а когда вернулся, то засталъ своего пріятеля просто въ восторгѣ отъ старухи-хозяйки.

— Не хозяйка, а кладъ!—ликовалъ онъ.— Ей-Богу, точно родная мать за мной ходитъ!

И старушка въ свою очередь, правду сказать, была имъ очень довольна... То и дѣло бѣгала къ сосѣдямъ и все хвалилась новымъ жильцомъ.

— Такого ужъ Господь послалъ, такого, что и сказать не могу!—тараторила она, захлебываясь отъ радости, что и жилецъ у нея есть, и поговорить съ сосѣдками есть о чемъ.—Воды, слышь, не замутитъ,—словно дѣвица красная! Не по здѣшнимъ мѣстамъ человѣкъ! Н-ѣ-ѣ-тъ, родимыя, не по тутошнимъ!.. Что-й-то такихъ я какъ будто и не видывала.

Дни проходили за днями, а обоюдная радость жильца и хозяйки, обоюдное довольство ихъ другъ другомъ все росли и росли. Если добрая отъ природы старуха явилась для Кузнечикова кладомъ, то и онъ для нея въ свою очередь былъ таковымъ же. Скука, вѣчное одиночество, отсутствіе новыхъ впечатлѣній, о которыхъ можно было бы всласть побесѣдовать, „отвести душеньку“ съ разными сосѣдками-старухами, Митревнами, Сидоровнами и т. д.— пріѣстся хоть кому; пріѣлись они давно и Карповнѣ. Новый жилецъ, какой-то странный, необычный,—„тихой“ человѣкъ, какихъ она еще „не видывала“, кромѣ дохода принесъ ей еще и развлеченье,—хоть душа-то, молъ, живая въ домѣ есть—а затѣмъ, казалось, явился и объектомъ, которому она могла, пожалуй, отдать свою неудовлетворенную до сихъ поръ потребность материнскаго чувства, материнской любви, какъ извѣстно, никогда не глохнущей въ женскомъ сердцѣ, всегда живой и сверлящей. Въ прошломъ Карповны ничего, кромѣ „ада кромѣшнаго“,—какъ сама называла она пережитое,—не было, о какой бы то ни было ласкѣ не было и помину. Въ дѣтствѣ осталась она круглой сиротой, выдали ее затѣмъ замужъ за пожарнаго, прельщеннаго ея крохотной наслѣдственной избушкой, который то и дѣло дежурилъ на каланчѣ, а, отдежуривъ, напивался и тузилъ жену за разбитую-де жизнь, пока не сгорѣлъ съ-пьяна на пожарѣ, оста-

вивъ ее горемычной вдовой самъ-третей съ избой, коровой, да собакой Жучкой. Только всего и было у нея на бѣломъ свѣтѣ, потому что сыночка-малолѣтка Богъ прибралъ. Ласку, доброе, человѣческое къ себѣ отношеніе, деликатность она узнала только отъ своего „чудного“ жильца... И неудивительно, что, присмотрѣвшись, примѣнившись, попривыкнувъ, она незамѣтно для себя самой дѣйствительно привязалась къ нему и привязалась именно такъ, какъ только и могутъ привязываться одинокія старухи, никогда, во всю свою многострадальную жизнь не любившія, можетъ быть, толкомъ. Привлекали ее и скромность жильца, и его дѣйствительно сердечная доброта и ласковость, и наивность въ дѣлахъ жизненнаго обихода, и самое равнодушіе къ своему благу, какая-то непонятная ей, но нравившаяся безпечность въ вопросахъ о личныхъ выгодахъ.

— Такъ ужъ къ ему тянетъ, такъ ужъ тянетъ!—захлебывалась въ восторгѣ Карповна своимъ сосѣдкамъ Митревнамъ и Сидоровнамъ.—Такой ужъ ласковой, такой тихой, ровно, скажу, младенецъ!... Все ему ладно, что ни сдѣлай, что ни скажи!

— Спервоначалу, можетъ быть!—возражали тѣ немного скептически, проученныя горькимъ опытомъ, чѣмъ только въ сущности подзадоривали счастливую Карповну.—Ты, слышь, дѣвонька, въ оба гляди,—въ оба, слышь, гляди, какъ бы чего, упаси Господи, не вышло...

Зна-а-емъ мы эту ласковость, сами видали! Спервоначалу-то всѣ поди такіе... Варнакъ, вѣдь,—откедова прибрелъ-то?!.. Въ оба, слышь, гляди!

Старуха глядѣла „въ оба“; въ самомъ дѣлѣ, хитры вѣдь они, эти пришлые „россейскіе“ люди, умѣющіе прикидываться ягнятами, чтобы послѣ выпустить свои волчьи когти, остро отточенные тюрьмой, этапами, развратомъ большихъ центровъ, всей сутолокой безалаберной городской жизни и отвращеніемъ къ труду, воспитаннымъ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Глядѣла она подозрительно „въ оба“,—но изъ глядѣнья этого, конечно, такъ-таки ничего и не вышло. Жилецъ оставался все по-прежнему добрымъ, ласковымъ и „чуднымъ“ человѣкомъ, все по-прежнему „не мутилъ и воды“, возился день-деньской съ своими книгами, точно ничего больше и знать не хотѣлъ на свѣтѣ. И сердце доброй Карповны таяло все больше и больше.

Очень можетъ быть, что, не вздумай Карповна полюбить своего жильца—и они до конца остались бы добрыми пріятелями: она—кладомъ-хозяйкой, онъ—разлюбезнымъ жильцомъ Но, на бѣду свою, она полюбила его ревнивой материнской страстью, полной деспотизма, какъ зачастую бываетъ, и, понятно, заботиться только о томъ, чтобы онъ былъ сытъ, чтобы ему было хорошо, тепло, уютно, спокойно—стало для нея уже мало. Ее вдругъ озаботила и его

„душенька“, его духовное „я“, его будущее. Теперь, когда онъ сталъ для нея какъ бы „своимъ“, точно недѣлимой ея частью, ея собственностью, ее стало заботить и что онъ такое на самомъ дѣлѣ, что онъ думаетъ, кто онъ, зачѣмъ и что за книги вѣчно читаетъ. Она стала, наконецъ, ломать голову, почему онъ такой „чудной“, не какъ всѣ, отчего-де такой тихій и скромный. Строгая до фанатизма послѣдовательница своего толка, она съ горечью убѣждалась, что Кузнечиковъ не вѣритъ ея предразсудкамъ, не исполняетъ ея обрядовъ,—но въ то же время видѣла, что изодня въ день онъ ведетъ самую „праведную“, скромную, „монашескую“, по ея понятіямъ, жизнь, даже не пьетъ и не куритъ. Онъ никакъ не укладывался въ рамки съ дѣтства вложенныхъ въ ея бѣдную голову представленій о добромъ и зломъ, праведномъ и неправедномъ человѣкѣ, и это-то смущало ее въ особенности, даже совсѣмъ сбивало съ толку. Въ одно и то же время Кузнечиковъ, казалось, былъ и „праведникъ“, и „грѣшникъ“, и какъ бы „монахъ“ и „нехристь“... Какъ хотите, а тутъ, казалось старухѣ, было что-то „неладно“, было что-то загадочное, чудное, необычайное, что-то такое, что и заинтриговывало вмѣстѣ и какъ будто пугало.

— Ума не приложу, сердешныя,—шептала совсѣмъ сбитая съ толку бѣдная Карповна своимъ сосѣдкамъ: — что за чудной пра такой чело-

вѣкъ!... Не видывала что-й-то такихъ!... Пра не видывала!..

— Все въ книжку читаетъ, говоришь?—угрюмо, недоумѣвая тоже, переспрашивали тѣ.

— Все-е-е, милыя! Все въ книжку!—почти плакалась старуха.—Даже въ кровать ляжетъ—и то книжку предъ собой держитъ! Никогды, чтобы слово тебѣ супротивное—ни-ни! Какъ ребеночекъ словно!

Сосѣдки не помогали рѣшенью сложной, головоломной и страшной, казалось, въ то же время загадки и такимъ образомъ любовь Карповны мало-по-малу перешла для нея просто въ пытку, которая только разжигала и бередила и безъ того острое чувство любопытства... Желаніе, потребность во что бы то ни стало проникнуть въ не дающійся тайникъ, уяснить и разоблачить себѣ все съ каждымъ днемъ становились сильнѣе. Старуха даже спать перестала и все только лихорадочно металась въ своихъ думахъ, догадкахъ, безпокойствѣ, зорко слѣдя за жильцомъ, за каждымъ его шагомъ, ничего не видя такого, что помогло бы уясненію, и ничего не понимая въ то же время. А бѣдняга-Кузнечиковъ, не подозрѣвавшій даже и во снѣ, не только на яву, ни этой любви, ни пытки, не замѣчавшій страннаго, лихорадочнаго безпокойства хозяйки, съ каждымъ днемъ давалъ все больше и больше поводовъ для новыхъ недоумѣній, сомнѣній, тревогъ, и все сильнѣе запутывалъ таинственный узелъ.

— Пра, слышь, дѣвоньки, ума не приложу!— удивлялась и ахала Карповна передъ сосѣдками.—Вотъ хоть голову срѣжь! Снамеднись я чайникъ разбила, полоскамши, а ёнъ хоть бы тебѣ словечко!

— Ну-у?!—недовѣрчиво и удивленно тянули сосѣдки.

— Вотъ не сойти мнѣ съ мѣста!.. Хоть бы словечко!... Сама же на него, дѣвоньки, закричала: добра, молъ, тебѣ своего не жаль что-ли?—а ёнъ только ухмыляется!

— Ухмыляется?!

— Только! Ну, что-жъ, говоритъ, разбила, такъ разбила,—на то, вишь, онъ изъ глины. Что-жъ, молъ дѣлать-то?! Новый, говоритъ, куплю!—Да еще и штаны Митькѣ-посельщику подарилъ, почитай совсѣмъ новые!... Ну, и чудной-же, дѣвки, пра, чудной!..

Сосѣдки съ какимъ-то сожалѣніемъ чудного человѣка, недоумѣвая, покачиваютъ головами. Такихъ онѣ не видывали!.. Чтобы безъ единаго словечка за разбитое?!.. Опять же штаны?! чайникъ?! Нѣтъ, тутъ несомнѣнно есть что-то особенное!..

— И виномъ, говоришь, не занимается?

— Ни-ни! Ни Боже мой!— клянется Карповна.—Не видывала! Ни маковой росиночки,— не сойди я съ мѣста! Ужъ я день-деньской все въ щелку-то гляжу, всѣ глаза проглядѣла, милыя, а ничего такого не видывала! Ни Боже мой! Вотъ те Христосъ!..

— Все въ книжку читаетъ?

— Все-е, милыя! Съ утра, слышь, только поднимается, такъ и клюетъ въ нее, да строчитъ, знай! Ч-у-д-н-ой, пра! — качаетъ Карповна головой. — И каки-таки книжки?! Святыя, что ль?..

Она не договариваетъ и въ смущеньи умолкаетъ. Ей даже страшно подумать, что эти книжки могутъ быть не святыя, а какія-нибудь... кто его знаетъ какія! Страшно и за себя, и за свою любовь, и за „евойну душеньку“...

— А ты попытай его, попытай, Карповна: можетъ, что и скажется!—надоумила ее разъ сосѣдка.—Что-й-то сумленіе беретъ меня... Какой-такой праведникъ въ нашихъ мѣстахъ вдругъ объявился!.. Попытай-ко-сь его виномъ спервоначалу!

Для Карповны, втайнѣ сгоравшей лихорадочнымъ любопытствомъ, такой совѣтъ пришелся какъ разъ по вкусу... Отчего въ самомъ дѣлѣ и не попытать? Мало она, что-ль, изъ-за него уже настрадалася?! Авось праведность-то вся разлетится и человѣкъ объявится, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а съ ея души тогда и вся тяжесть заботы спадетъ. Мало-ли людей притворяется, отъ вина открещивается, а глядишь, прорветъ его,—и валяется онъ гдѣ нибудь подъ заборомъ на срамоту и на смѣхъ! А, можетъ, отъ вина и разскажетъ что... Вино веселитъ, языкъ развязываетъ... перестанетъ

онъ букой сидѣть да въ свою псалтырь не псалтырь глядѣть!..

Такъ думала бѣдная Карповна, глубоко возмущенная и даже какъ будто обиженная, что тайникъ ей никакъ не дается и все остается такимъ же тайникомъ. Злорадно, казалось, ухватилась она за поданный ехидный совѣтъ, но доброе сердце старухи, конечно, трепетало въ то же время отъ страха и сжалось бы невыразимой болью, приведи это „пытанье“ къ чему нибудь нехорошему. Такая непослѣдовательность и раздвоенность наблюдается часто въ жизни. Развѣ не такъ-же говоритъ раздосадованная мать своему шалуну ребенку, несмотря на всѣ уговоры тянущемуся къ свѣчѣ: „ну... на, бери!“—чтобы затѣмъ сейчасъ же страстно пожалѣть и любовно расцѣловать потянувшіяся къ огню рученки? Или, еще лучше,—не такъ ли же „пытаетъ“ эта самая мать своего лакомку, нарочно оставляя на столѣ запретные соблазны, а сама лихорадочно наблюдая за нимъ съ затаеннымъ страхомъ со стороны?... Но Кузнечиковъ, какъ и слѣдовало ожидать, и не подозрѣвавшій истиннаго характера приставанья Карповны съ водкой за обѣдомъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, — „пытанье“ выдержалъ блистательно. Онъ дѣйствительно и въ ротъ не бралъ никогда хмѣльного. Такимъ образомъ, какъ ни билась Карповна, но изъ ея „пытанья“ ничего, кромѣ новыхъ доводовъ въ пользу

„праведности“ жильца, не получалось. Пробовала она оставлять вино въ его свѣтелкѣ, точно по забывчивости,—авось, молъ, коли притворяется, самъ на самъ-то и не выдержитъ,—но опять ничего не выходило... Какъ ни слѣдила Карповна въ свою щелку, водка не убывала,—жилецъ совсѣмъ точно и не видѣлъ ее!

— Не беретъ! Ни к-а-а-пельки, милая!—шептала старуха надоумившей ее сосѣдкѣ.—И не глядитъ даже! Въ ротъ, говоритъ, не беру,—вотъ те Богъ! Какъ ужъ я ни приставала,—не беретъ, слышь!—Духу, говоритъ, не выношу!

— Ну, а ты его теперь дѣвицей попытай! Супротивъ этого оно трудно, слышь! Ежели супротивъ нея выстоитъ,—ну!..—Умная сосѣдка не договорила, а только руки развела.

Началось новое „пытанье“ и ободренная неудачей старуха повела его гораздо смѣлѣе. Къ удивленію ничего не подозрѣвавшаго Кузнечикова, вѣчно тихая, безмолвная кухонька, гдѣ только трещали до сихъ поръ сверчки да кряхтѣла Карповна, превратилась въ шумную сибирскую „вечорку“ съ гармоніей, пѣніемъ и плясомъ. Красавицы дѣвки, одна другой лучше, „шутили шутки“ съ парнями, водили плясъ и поднимали такой содомъ, что бѣднякъ волей-неволей долженъ былъ оставить свои книги. Онъ вышелъ поглазѣть, но велъ себя, конечно, такъ, что у надоумившей Кар-

повну сосѣдки совсѣмъ опустились руки. Не только не ухаживалъ за красавицами, не только не „шутилъ вольныхъ шутокъ“, но и выглядѣлъ какимъ-то строгимъ старцемъ, не то красной, жеманной дѣвицей.

— Да ты что-жъ букой-то стоишь?—окликнула она его:—что жмешься-то недотрогой?—Ну-ко-сь въ плясъ!..

Ай, вы, дѣвки красныя, вес-е-е-лыя,
Вы лебедки не ущ-и-и-пныя!

залилась она вдругъ визгливымъ фальцетомъ, прихлопывая въ ладони.

— Ну-ко-сь, возьмите его, красавицы! Что ему идоломъ-то стоять! Ну-ко-сь!—выходила она изъ себя.

Дѣвушки взяли Кузнечикова, но онъ выглядѣлъ такимъ растерянным букой, такъ переконфузился, такъ неуклюже двигался, бормоча одно и тоже: „я не умѣю“ да „я не умѣю“,—что волей-неволей пришлось его оставить.

„Вечорка“ шла за „вечоркой“, а Кузнечиковъ не только не увлекался, но даже сердито уходилъ изъ дому, заслышавъ издали приближающіеся гамъ и топотъ. Очевидно, *такъ* дѣло не выгорало, и старуха рѣшилась на героическое средство.

— Что-й-то я тебѣ скажу, слышь!—начала она, совсѣмъ неожиданно войдя въ свѣтелку, какъ разъ въ то время, когда Кузнечиковъ

дописывалъ въ своемъ трактатѣ что-то крайне важное. Онъ слегка поморщился, но встрѣтилъ ее по обыкновенію ласково.

— Что скажешь, Карповна?—отвѣтилъ онъ, кладя перо и поворачиваясь, но, очевидно, плохо слушая, глубоко занятый своими мыслями.—Что скажешь?

— Надзирателеву дѣвушку знаешь?

— Какую-такую надзирателеву?—недоумѣвая, вытаращилъ Кузнечиковъ глаза и сдвинулъ брови.

— Баскую такую, изъ себя полную,—что въ намедневомъ годѣ у надзирателя жила... Анютой звать... бѣленькая такая, слышь... Аль не помнишь?.. пѣсни даве заводила?..

— Анюту?!—Какъ же, помню!

— Ну, ну... Такъ она, слышь, пересказать тебѣ велѣла, что ежели... коли что... такъ она съ полнымъ своимъ удовольствіемъ... Потому, пондравился ты ей...

Кузнечиковъ сразу не понялъ, а когда разобралъ, то покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ и насупился волкомъ.

— Нѣтъ, Карповна,— сурово отвѣтилъ онъ пытливо всматривавшейся въ него старухѣ:— нѣтъ,—ты это оставь! Нехорошо это, Карповна!..

Старуха вспыхнула,—ее вдругъ прорвало.

— Чѣмъ коришь-то?! Что туточка нехорошаго?! Монахъ ты, что ль—говори?!—наступала она, расходившись.—Монахъ?! Какой-такой монахъ?..

— Ну, монахъ,—будь по-твоему, только оставь это! — нетерпѣливо отвѣтилъ Кузнечиковъ, чтобы скорѣе отвязаться, и повернулся къ работѣ.

— Монахъ?!.. Нѣтъ, ты говори!— наступала, не унимаясь, старуха.—Ты толкомъ скажи... Монахъ! А въ постный-то день скоромное? А лобъ-то часто-ль крестишь? А платье-то на тебѣ,—а?...

Кузнечиковъ молча взялъ шапку и вышелъ раздосадованный. Онъ недоумѣвалъ, что это вдругъ сталось такое съ тихой, доброй старухой, и отчасти винилъ себя, что можетъ быть слишкомъ рѣзко отвѣтилъ ей на ея наивную, совершенно въ характерѣ мѣстныхъ простыхъ нравовъ, болтовню. Тѣмъ не менѣе царившій до сихъ поръ миръ былъ уже нарушенъ, и во всякомъ случаѣ Кузнечиковъ чувствовалъ себя уже не такъ привольно, какъ прежде.

А старуха совсѣмъ растерялась, даже испугалась немного этого молчаливаго ухода. Она сейчасъ же, конечно, побѣжала каяться сосѣдкамъ, прося „наставить на умъ“ и выручить совѣтомъ изъ этой каши „пытанья“. Тѣ, конечно, тоже ахали вмѣстѣ съ нею.

— А, можетъ, человѣкъ въ самъ-дѣлѣ спасается?—поколебалась надоумливавшая на „пытанье“.—Кто его знаетъ?! Разное, вѣдь, на свѣтѣ бываетъ, дѣвонька!... Можетъ, и спасается...

Покой старухи былъ нарушенъ окончательно. Цѣлыя ночи напролетъ металась она какъ въ лихорадкѣ на печи, сильно заинтересованная этой возможностью „спасанья“, тщетно ломая голову надъ необъяснимыми противорѣчіями: „монахъ“ и скоромное, „праведникъ“ и грѣшникъ, „спасается“ и живетъ на міру и ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Безысходный сумбуръ наполнялъ ея голову, но потребность разобраться въ немъ, уяснить себѣ всѣ эти противорѣчія, все загадочное, таинственное,— росла и росла. Приставать къ Кузнечикову она больше не рѣшалась, а сама добиралась до всего, страшно напрягая всѣ силы своего мозга, давнымъ-давно все рѣшившаго, все опредѣлившаго, всему давшаго свою форму, въ которомъ все было подведено еще съ дѣтства подъ строго опредѣленную рубрику, отъ дѣда къ внуку переходившими положеніями. До сихъ поръ тамъ все, казалось, было ясно, каждое явленіе имѣло свое опредѣленное имя, вполнѣ ему соотвѣтствовавшее; то-то было „грѣхомъ“, то-то „святостью“, это—„правдой“, то—„неправдой“, „монахъ“ долженъ быть непремѣнно т а к и м ъ, а „грѣшникъ“ вотъ э т а к и м ъ; теперь же тамъ все смѣшалось, все спуталось, какъ скомканныя нитки... День проходилъ за днемъ, ночь за ночью, а путаница, сумбуръ все росли и росли...

Очевидно для старухи было одно, что жилецъ ея не то, что всѣ, а несомнѣнно что-то

иное... Но что же именно такое—вотъ этого-то она и не могла рѣшить никакъ. Ее положительно сбивала съ толку эта „праведность“ жизни, замкнутость, скромность, неустанное чтеніе и т. д.,—все, что такъ рѣзко отличало Кузнечикова отъ „другихъ прочихъ“. Ну, развѣ не „монахъ“ только не куритъ, не пьетъ, бѣжитъ красавицъ, запирается отъ свѣта, относится ко всѣмъ любовно и мягко? Несомнѣнно, одинъ только монахъ, потому что всѣ, безусловно всѣ люди, не монахи, поступаютъ иначе... Съ этой стороны жилецъ всецѣло, казалось, входилъ въ рамку ея издавна, еще съ дѣтства сложившагося представленія о „монахѣ“. Но какой же онъ монахъ? Что значитъ эта грѣховная сторона его? И какіе же могутъ быть на свѣтѣ другіе еще монахи, кромѣ извѣстныхъ ей „Божьихъ“ монаховъ въ черныхъ рясахъ, съ черными клобуками, изможденныхъ строгимъ постомъ и молитвой?

Разъ вопросъ былъ поставленъ такъ, Карповна уже приблизилась къ его рѣшенью...

И дѣйствительно, въ одну глухую, безсонную ночь на нее вдругъ снизошло вдохновенье. „Монахъ-то онъ, монахъ,—точно зашепталъ въ ней какой-то внутренній голосъ:—въ этомъ нѣтъ сомнѣнья, но не настоящій, не „Божій“,—вотъ въ чемъ бѣда! Настоящій-то монахъ насчетъ „скоромнаго“ и прочаго—не такъ... Какой же онъ, чей же монахъ?“—Ее начиналъ охватывать почему-то ужасъ. Она

старалась заглушить свои страшныя мысли, старалась не думать, но тотъ же назойливый внутренній голосъ все продолжалъ и продолжалъ свое... Чей же онъ въ самомъ дѣлѣ? Міръ она дѣлила на Божій и чортовъ, людей дѣлила такъ-же. Чей-же?!.. И вдругъ въ ней какъ будто просвѣтлѣло. А что, если „чортовъ“?— смутно зашевелилось въ ней.—Что, въ самомъ дѣлѣ, если „чортовъ“?! Отчего-же бы чорту и не имѣть своихъ монаховъ?!..

Старуху объялъ холодный, бездонный ужасъ. Зубы ея застучали какъ въ лихорадкѣ, въ испуганномъ, возбужденномъ мозгу роились страшные черти, вставали призраки кромѣшнаго ада, бряцали цѣпи, шипѣла смола, уготованная для „него“, а, можетъ быть, уже и для нея. Сначала она какъ будто и не повѣрила себѣ, но сознаніе, какъ бы обрадовавшись, цѣпко ухватилось за ужасное открытіе и невидимый внутренній голосъ неопровержимыми силлогизмами разсѣевалъ одно за другимъ всѣ сомнѣнія. Онъ шепталъ ей, что жилецъ ея „варнакъ“, напоминалъ о скоромномъ, о другомъ, о третьемъ, и страшное убѣжденіе, повергавшее все въ большій ужасъ, вползало въ душу на мѣсто сомнѣнія. Неужели въ ея свѣтелкѣ изо-дня въ день совершалось какое-нибудь таинственное колдовство по этимъ страннымъ, совсѣмъ непохожимъ на святыя, книгамъ? Неужели такому она отдала и свои помыслы, и сердце, и ласку? Ста-

руха вскочила въ неописуемомъ страхѣ, зажгла предъ иконой освященную свѣчку, зашептала святыя молитвы...

Но съ сердцемъ своимъ она все-таки совладать не могла. Къ ея ужасу оно подсказывало ей не проклятья, билось не злобой, не гнѣвомъ,—оно учило ее спасти несчастнаго, спасти во что бы то ни стало. Да, спасти!— Добрая Карповна готова была для этого на всякую жертву. И это одно, конечно, было уже большимъ грѣхомъ,—но что же могла она сдѣлать съ собою, если бившемуся страхомъ сердцу было въ то же время и такъ невыразимо жаль?.. Ей хотѣлось только убѣдиться во всемъ во-очію, неопровержимо и непоколебимо, а это, казалось, было нетрудно.

Она быстро придумала ловушку.

День Кузнечиковъ провелъ у своего пріятеля Кожина, а вечеромъ, вернувшись домой и войдя въ свѣтелку, засталъ ее полною густого непроницаемаго ладоннаго дыма, тяжелыми клубами висѣвшаго въ воздухѣ, обволакивавшаго все. Въ удивленьи остановился онъ среди своей свѣтелки, растопыривъ руки и поводя изумленными глазами... Пуще всего на свѣтѣ, кажется, боялся онъ угара, а между тѣмъ густой дымъ просто душилъ. Бѣднякъ задыхался и закашлялъ во всю мочь.

А старуха слѣдила за каждымъ его движеніемъ жаднымъ, лихорадочнымъ взглядомъ и сердце ея колотилось въ испугѣ и тревогѣ

все сильнѣй и сильнѣй. Она замѣтила его смущеніе, изумленіе, даже испугъ, какъ ей казалось, и убѣдилась во всемъ! Теперь послѣднее сомнѣніе, если таковое и было,—разлетѣлось прахомъ. Лицо ея вытянулось.

— Что ты?.. Что это такое? Зачѣмъ?—недоумѣвая бормоталъ Кузнечиковъ, задыхаясь.—Зачѣмъ это, Карповна?

— А-а-а... Н-н-не любишь?!—злорадно протянула та въ отвѣтъ и въ тонѣ ея голоса ясно зазвучали и ужасъ, и хищная радость поймавшаго дичь охотника.—Н-н-не любишь?!

— Да, вѣдь, я задохнусь!.. голова разболится! Что ты, помилуй?!

Но та торжествовала. Подперевъ щеку рукой, не спуская съ него лихорадочно блестѣвшаго злораднымъ торжествомъ взора, она продолжала тянуть свое:

— Н-не любишь?! Гол-лова заболитъ?! Голловы жалко!? А „душеньки“, небось, н-ѣ-ѣтъ? „Душеньки“ не жалко?

— Какая душенька? Что съ тобой?—совсѣмъ недоумѣвалъ Кузнечиковъ.

— Какая душенька?!—съ укоромъ, качая головой, переспросила Карповна.—Ишь ты, не знаешь?! Какая душенька?! А ты не вертись,—покайся, слышь! Всё-ё-ё знаю! Всё! Ладону боишься. А ты его не бойся,—для душеньки своей не бойся! На пользу онъ ей, — на добро!—уже всхлипывая упрашивала любящая старуха.

— Да ты хмѣльна, Карповна, что-ли?—все еще недоумѣвалъ Кузнечиковъ, понемногу раздражаясь.

— Хмѣльна?! Ишь ты, что выдумалъ! Не хмѣльна, а любя говорю,—для душеньки для твоей, брось свою нечисть, оставь! Покайся, говорю! Брось его,—отрекись!

— Да кого „его"?—выходилъ уже изъ себя Кузнечиковъ, ничего не понимая.

— Н-не зна-а-ешь?! Ишь! Да с в о е г о-т о,—пропади онъ совсѣмъ, окаянный! Тьфу на него! Отрекись, говорю, брось! О душѣ-то своей подумай! Святъ, святъ, святъ!...—забормотала, совсѣмъ плача, старуха.

— Ну, вотъ что, Карповна, я съѣду, если еще разъ! Я не могу!—говорилъ внѣ себя Кузнечиковъ, ничего по-прежнему не понимая и думая, что старуха рехнулась.—Ей-Богу, съѣду!

Онъ нахлобучилъ шапку и выбѣжалъ на улицу.

— Не серчай, Филиппычъ!—молила та его вдогонку.—Не серчай, сердешный! Для добра, вѣдь, для душеньки твоей! Любя, вѣдь, Филиппычъ! Фи-ли-ппычъ!...

Но тотъ бѣжалъ безъ оглядки и прямо къ доктору.

— Старуха моя рехнулась!—выпалилъ онъ ему, вбѣжавъ задыхаясь:—Богъ ее знаетъ что съ нею сталось! Бѣги-ка, братъ, къ ней!...

Докторъ побѣжалъ стремглавъ и прямо влетѣлъ въ свѣтелку. Карповна лихорадочно

суетилась по свѣтелкѣ, полной еще ладоннаго дыма, и, шепча молитвы, быстро наводила свѣчной копотью большіе черные кресты на бѣлыхъ стѣнахъ, потолкѣ, косякахъ—вездѣ, куда только доставала рукой.

— Что ты, Карповна?! Что дѣлаешь?!

Та быстро остановилась, испугавшись его оклика, и повернулась къ нему.

— Это ты, баринъ?!—узнала она, наконецъ, доктора, всмотрѣвшись. — Для души Филиппыча стараюсь! Жалко мнѣ его, сердешнаго. Одолѣлъ его окаянный... Для души его...

— Да съ нимъ-то что-жъ по твоему?

— Съ нечистымъ, слышь, спознался,— вотъ, не сойди я,— съ имъ! Въ услуженіи у него, въ послушникахъ, — а мнѣ его, слышь, жалко. Жалко, слышь... Полюбился онъ мнѣ, прости Господи!—И старуха принялась рыдать.

— Все, слышь, спалить надо!—говорила она всхлипывая, полная навѣяннаго ужасомъ ожесточенія:—весь грѣхъ спалить... Все!

И быстро схвативъ дрожащими руками его записки, вычисленія, объемистый трактатъ,— все, надъ чѣмъ бѣднякъ корпѣлъ такъ долго, на что возлагалъ такія надежды, чѣмъ жилъ изо-дня въ день,—вся обливаясь горячими слезами, она навѣки похоронила въ багровомъ пламени ярко пылавшей печи.

Кузнечиковъ осунулся и даже позеленѣлъ отъ горя. Онъ увѣрялъ, что самый злѣйшій врагъ по самой лютой злобѣ едва ли рѣшил-

ся бы на то, что было сдѣлано ему доброй Карповной изъ любви и желанія добра. Съ этихъ-то поръ, можетъ быть, онъ и началъ относиться скептически къ этимъ, въ сущности высокимъ, чувствамъ. По крайней мѣрѣ, онъ всегда восклицалъ съ жаромъ:

— Любовь! Желаніе добра! Такъ-то оно, такъ... чувства высокія, положимъ, но ихъ однихъ мало-съ! Нужно, судари мои, еще и умѣть любить и творить добро! А это штука не легкая-съ! Не всякому дается! Да! Тутъ, батюшки мои, и головой поработать нужно! Бываютъ-съ и такія положенія, что невольно завопишь: не любите меня, сердешные, и добра вашего не нужно!

И очень сердился, когда Кожинъ, шутя, звалъ его „чортовымъ монахомъ“.

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ.

Увы, я проснулся!...

Опухшими отъ долгаго сна глазами,—чувствуя только тупую тяжесть въ головѣ, ничего еще не понимая и не сознавая,—я вглядываюсь въ полумракъ крохотной, почернѣвшей отъ времени горенки и протяжно и долго зѣваю. Въ горенкѣ полусвѣтъ, ибо сквозь щели и дыры въ стѣнахъ и плотно прикрытыхъ ставняхъ врываются лучи яркаго лѣтняго солнца и бѣгаютъ по потолку и полу неугомонными зайчиками. Со двора доносится голосъ „жизни“: чириканье влюбленныхъ воробьевъ, амурное кудахтанье куръ и чья-то невозможная пьяная ругань.

До всего этого мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Я хочу, я долженъ спать, спать и только спать; бодрствуя, сойдешь съ-ума отъ тоски, отъ бездѣлья... Сонъ — это спасеніе... Ничего не чувствуешь, не сознаешь, ничего не хочешь,

и ѣсть не надо,—а это тоже не мало значитъ, да къ тому-же

. . . . . снятся
Золотыя грезы,
Какъ роса на солнцѣ,
Высыхаютъ слезы.

Я закрываю глаза, зарываюсь въ подушку, закрываю ухо локтемъ и сплю.... Нѣтъ, я дѣлаю усилія, я стараюсь заснуть.

О, ужасъ,—сна нѣтъ!

Да, нѣтъ его! Я спалъ долго, безконечно долго, какъ не спитъ самый усталый человѣкъ. И сну есть, видно, мѣра.

Но я не хочу сдаваться сразу, позорно, безъ боя... Я напрягаю всѣ свои силы, чтобы заснуть, чтобы заставить себя заснуть. Съ цѣлью убить мысль, сознаніе, я начинаю безсмысленно считать про себя цифры, разъ, два, три.... десять.... сто... пятьсотъ... шестьсотъ.... шестьсотъ шестьдесятъ шесть...

— Апокалипсисъ... „Число звѣрино“... Наполеонъ I...—проносится при послѣдней цифрѣ въ просыпающейся головѣ.

О, проклятый мозгъ, проклятое сознаніе, и ты, ассоціація идей! Какъ-бы избавиться отъ нихъ, отъ этихъ непрошенныхъ, незванныхъ гостей! Морфія-бы принять...

— Но гдѣ его взять!—проносится въ головѣ.

Впрочемъ, что-же это? Я начинаю думать,—значитъ „жить“! Еще Декартъ сказалъ... Чортъ знаетъ что... и этотъ Декартъ въ голову лѣзетъ! Спать!..

Я прибѣгаю къ „воображенію“. Крайнее и однообразное напряженіе утомляютъ мозгъ, а утомленіе ведетъ ко сну... Лучше всего воображать, или заставить себя вообразить, представить,—длинную-длинную дорогу, съ безконечнымъ рядомъ телеграфныхъ столбовъ... Я знаю это по опыту...

Я воображаю длинную-длинную дорогу,—сѣрую и пыльную... рядъ телеграфныхъ столбовъ... безконечная даль... туманъ какой-то дальше... Я, кажется, засыпать начинаю...

Но что-же это такое вынырнуло вдругъ на дорогѣ?... Это — тройка! Да, тройка... и сидитъ кто-то и машетъ назадъ рукой... Боже мой,—да вѣдь это я на тройкѣ... я самъ!.. Это я машу рукой, переѣзжая „границу“, и говорю: „прощай!“

— Фу, ты!—такъ не заснешь!

Лучше „вообразить“ море... сѣро-зеленыя волны, вѣчно ходячія, неугомонныя... вѣчно качающіяся... Онѣ убаюкаютъ меня, какъ ребенка колыбель... Вотъ онѣ ходятъ и качаются... Какъ мѣрно и плавно, какъ строго пластически!.. Вотъ валъ. На верху бѣлая пѣна... Вотъ чайка... Опять волны и волны... волна за волною... безконечныя, безконечныя волны...

Опять!.. опять что-то выдѣляется въ сѣромъ волнистомъ туманѣ.

Дымъ... свистъ... Это пароходъ! Вотъ зеленые берега... и опять я на пароходѣ, и опять я машу рукой и говорю: „прощай“...

А кто-то такъ горько, такъ горько плачетъ!

Эти воспоминанья не дадутъ спать. Нужно стараться „ничего не думать, не сознавать... лежать трупомъ“. Ба, идея! По индусски, какъ учатъ брамины: направить взоръ въ одну точку! Навѣрное набѣжитъ сонъ...

Я направляю взоръ въ одну точку, упорно и долго смотрю въ уголъ кровати, — но все уже напрасно... Я дѣлаю неимовѣрное напряженіе — не думать; но разъ проснувшаяся мысль не засыпаетъ, не даетъ покоя. Голова по ассоціаціи идей наполняется всякой всячиной... Цѣлая вереница эпизодовъ, лицъ, историческихъ драмъ и житейскихъ дрязгъ проходитъ безконечной панорамой въ воспоминаньи... Вотъ Будда — этотъ до-историческій титанъ Азіи, этотъ другъ человѣчества, изрекшій ему въ утѣшеніе: „твой удѣлъ—страданье“... твое блаженство—въ „ничто“...

Неужели онъ правъ? А я, а мое состояніе?.. Но развѣ одинъ личный опытъ что нибудь значитъ?.. Я вспоминаю давнишній мой споръ съ Петромъ по этому поводу... Какъ онъ горячился, какъ онъ отстаивалъ свой „повисшій носъ“, свою „хандру“, свой искусственно, жизнью созданный скептицизмъ! Онъ цитировалъ Шопенгауэра и восторгался Гартманомъ... А мнѣ жаль Шопенгауэра, — онъ честный и любящій человѣкъ, хотя и съ сильно повисшимъ носомъ. Какъ онъ долженъ былъ

страдать! А, впрочемъ, нѣтъ — онъ успокоился въ своемъ невѣріи и скептицизмѣ; „все—предѣлъ, его-же не прейдеши!“ Онъ, вѣроятно, и не ненавидѣлъ даже... Петра мнѣ больше жаль... Вѣдь это все накипѣвшая желчь говоритъ въ немъ... вѣдь это стонъ, а не убѣжденіе... это искусственное, наносное.

Растревоженная мысль окончательно просыпается... Я уже сознаю, и усилія мои побѣдить это сознаніе ослабѣваютъ... я теряю вѣру въ возможность заснуть вновь и чувствую это... Но что-же дѣлать? Господи-Боже, чѣмъ убить время, наполнить долгій, долгій день!.. „Зайчики“ рябятъ въ глазахъ, врывающійся въ щели свѣтъ невольно привлекаетъ мое вниманіе; со двора все неистовѣе несется тотъ-же голосъ „жизни“ и ухо невольно прислушивается къ нему. О, проклятый свѣтъ!.. И зачѣмъ это ты врываешся ко мнѣ непрошенный, незванный и будишь меня?.. Хоть-бы минуту заснула эта „жизнь!“

Это—послѣднее проявленіе моихъ усилій. Я окончательно просыпаюсь!

— Что-же дѣлать?

Я методически, долго зѣваю и сто разъ задаю себѣ этотъ вопросъ. — Одѣться? Да, одѣться, а затѣмъ? Затѣмъ — ѣсть! подсказываетъ желудокъ... Ѣсть — значитъ сходить къ Анисьѣ... Ладно, а затѣмъ? Затѣмъ?

Этотъ вопросъ я задаю себѣ, уже сидя въ постели, свѣсивъ голову и глубоко задумав-

шись. Въ самомъ дѣлѣ, что-же затѣмъ? Какъ-бы подавленный этимъ неотвязнымъ, безъисходнымъ вопросомъ, я точно въ изнеможеніи опускаюсь снова въ постель... Какъ ни напряжена мысль, — придумать я ничего не могу... Сходить къ тоскующимъ сосѣдямъ — тоска; читать сто разъ перечитанныя книги — тоска; дразнить „Жучку“ — надоѣло, да она вѣрно убѣжала въ поле со скотомъ... Повадилась теперь бѣгать! Вотъ не сходить-ли къ Матренѣ узнать, не отелилась-ли „буренушка?“ — радуюсь я вдругъ представившемуся полю дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ сходить,—а затѣмъ?

Снова не знаю я, что отвѣтить, и снова думаю и ничего не придумываю. Долго длится такое придумываніе, тяжелое и обидное до отчаянія. Спорить съ Петромъ о Гартманѣ, что ли? Да, но вѣдь все это уже надоѣло и переспорено.

— О, Шекспиръ! Что, если-бъ твой Ричардъ, отдававшій полъ-царства за коня, былъ въ моемъ положеніи? Ты-бъ навѣрное заставилъ его предложить „все“ за одинъ часъ осмысленной трудовой жизни!

Я начинаю одѣваться, медленно, методически, стараясь какъ можно дольше продлить время туалета, — все-же занятіе. Перебираю я свои лохмотья, которые ношу изъ приличія, по традиціи.... Нельзя-же совсѣмъ нагимъ являться на улицу!

Проснувшійся аппетитъ начинаетъ мало-

по-малу вытѣснять изъ головы всякія другія помышленія и желанія.

„Ѣсть!“—шевелится въ головѣ... „Ѣсть!“—щемитъ въ желудкѣ... „Ѣсть!“—настоятельно требуетъ весь организмъ.

Я одѣваюсь быстрѣе и начинаю припоминать, когда это я ѣлъ въ послѣдній разъ. Это было вчера, ровно въ два часа дня, во время самаго страшнаго солнцепека... Мы купили у Анисьи десять луковицъ, десять огурцовъ, крынку молока, — Господи, какъ все это вкусно! — три фунта хлѣба и мигомъ уничтожили... Да, мигомъ, — я даже оглянуться не успѣлъ, какъ не осталось ни крошки... Помню, помню!.. Да, еще Анисья хотѣла содрать лишнюю копѣйку,—проклятая баба,—божилась, что овощи и молоко вздорожали. О, хитрая,—даромъ, что кривая на одинъ глазъ! Затѣмъ мы съ Петромъ улеглись, погрузились въ Нирвану, въ культъ Буддѣ вплоть до... до... до восьми вечера... да, до вечера. Затѣмъ проснулись... онъ ушелъ... а я?.. я продолжалъ покланяться Буддѣ до...

Съ этимъ вопросомъ я открываю окно и съ нимъ ставень—и яркій, ослѣпительный день волной, неудержимой массой врывается въ горенку, на мигъ совершенно ослѣпляя меня. Я щурю глаза, жадно глотаю свѣжій, лѣтній воздухъ и, „приспособивъ, наконецъ, зрачекъ“,—какъ выражается учебникъ физики,—различаю на завалинкѣ старуху-тетку Варначку. Изо дня въ день сидитъ тетка Варначка на своей за-

валинкѣ, спасаясь отъ тоски уличными происшествіями.

— Тетка... а тетка! который часъ?

Старуха, тоже прищурившись, поворачиваетъ ко мнѣ свое доброе, многострадальное, все въ глубокихъ морщинахъ лицо и медленно и какъ-бы съ сожалѣніемъ спрашиваетъ:

— Аль проснулся, соколъ мой?

— Проснулся, тетка... вышелъ такой грѣхъ! Который часъ?

— А кто его мѣрялъ?.. Много, поди... къ полдню близко!

И въ самомъ дѣлѣ близко. Сколько-же это я спалъ?

Много, много... Теперь ѣсть нужно!.. И я торопливо застегиваю оставшіяся еще въ видѣ традиціи пуговицы на нѣкогда европейскомъ, а теперь и чортъ не разберетъ какомъ костюмѣ.

— Рыжій-то сапоги пропилъ! — продолжаетъ старуха, обрадованная „живой душѣ“, собесѣднику, стараясь какъ можно скорѣе подѣлиться своими впечатлѣніями, всѣмъ „видѣннымъ и слышаннымъ“.

— О!—возражаю я, занятый приведеніемъ въ порядокъ своего внѣшняго образа.

— У Ѳедосьи свинья опоросилась!

— А!

— Андрей съ Зеленой улицы опять жену избилъ!

Я очень радъ, что могу ограничиться одними междометіями и восклицаніями, ибо

старухѣ собственно и не нужны мои отвѣты. Она просто чувствуетъ что-то въ родѣ органической потребности подѣлиться съ человѣкомъ и только... Даже не потребности, а обязанности... Почти молча выслушиваю я длинную хронику о „пропитомъ“, „съѣденномъ“. „побитомъ“, „украденномъ“ и перестаю, наконецъ, отзываться даже восклицаніями, что нимало не смущаетъ тетку Варначку, обязательно продолжающую посвящать меня въ тайны „жизни“.

Но я думаю уже о другомъ,—болѣе важномъ и существенномъ, чѣмъ хроника утра,— по крайней мѣрѣ, для меня лично, — я бесѣдую съ своимъ карманомъ.

Всего одиннадцать копѣекъ! Третьяго дня, когда я продалъ свою зимнюю шапку, было ровно тридцать... вчера уже двадцать двѣ... а сегодня одиннадцать. Плохо! Какъ-же быть завтра?.. Ну, да не бѣда,—проживемъ какъ-нибудь!

Что-же ѣсть? Три копѣйки — хлѣбъ. О, нельзя-ли хоть четыре? — копошится гдѣ-то глухо, — но дѣйствительность сурово возражаетъ — „нѣтъ“. Ну, ладно, — три копѣйки хлѣбъ... Лукъ и огурцы?.. Ну,—хоть... Больше копѣйки — никакъ нельзя... Никакъ нельзя, — потому завтра тоже ѣсть надо!.. Значитъ, — четыре... да три копѣйки молоко. — А марка? Господи,—почтовая марка!..

Я стою растерянный, точно подавленный тяжелымъ, до боли грустнымъ чувствомъ...

О, какъ давно писалъ я уже ей, — моей дорогой, моей хорошей старухѣ-матери... Какъ давно уже ждетъ она не дождется вѣсточки, строчки, одной строчки того, кто для нея дороже жизни, чище слезы, прекраснѣе луча солнечнаго!.. Бѣдная, бѣдная!.. Какъ давно уже дрожала рука твоя, распечатывая конвертъ, — туманились слезами глаза, когда ты, рыдая, глотала дорогія строчки!.. Мать,—я напишу тебѣ... сегодня-же!.. Дорогая моя!.. Къ чорту молоко!..

У кривой Анисьи покупаю хлѣба и луку— всего на четыре копѣйки... семь идетъ на марку. Сегодня Анисья,— странное дѣло! — ни слова о вздорожаніи,—напротивъ,—принесла цѣлой луковицей больше... Нѣтъ, не одной—двумя... тремя!.. Господи,—пятью громадными луковицами больше... Что это значитъ? И огурцы... пять громадныхъ, зеленыхъ, еще влажныхъ огурцовъ?! Анисья,—зачѣмъ? Вѣдь у меня нѣтъ денегъ. У меня только четыре копѣйки, всего-на-всего!.. Но она настойчиво суетъ мнѣ ихъ въ руки и при этомъ что-то жмется, конфузится,—точно просить собирается... Чего тебѣ, Анисья? Что это значитъ? А!... написать письмо сыну... сыну, который лежитъ за тридевять земель въ какомъ-то госпиталѣ... Я напишу т а к ъ, Анисья... такъ... безъ платы! Но Анисья и слушать не хочетъ и все суетъ да суетъ заманчивые соблазнительные огурцы да луковицы.

Вотъ, — а еще сегодня я обвинялъ ее въ хитрости и алчности! Какая тутъ хитрость да алчность?.. Сама суетъ въ руки!.. просто „пить-ѣсть надо“, а не алчность! Вѣдь и я тоже... Мнѣ совѣстно брать у Анисьи эти огурцы и луковицы за письмо... а беру... беру вотъ! Потому что тоже „пить-ѣсть надо“, жить надо! Анисья не понимаетъ, что мнѣ тяжело брать ихъ, и потому суетъ ихъ такъ безцеремонно... Да, именно мнѣ тяжело, и я никогда не скажу, что эти лишніе огурцы—законный, естественный налогъ на Анисьину безграмотность. Нѣтъ, никогда не скажу.

Добрый часъ пишу я это письмо... все почти одни поклоны да поклоны: отъ тети, дяди, отъ сватьевъ и зятьевъ и проч., да кой-гдѣ, въ видѣ вставокъ, короткія извѣстія: что тотъ де погорѣлъ, у того корова пала, тамъ коня украли и проч. Въ промежуткахъ между этими поклонами и извѣстіями Анисья заливается горючими слезами и несчетное число разъ сморкается въ фартукъ,—а на это уходитъ не мало времени. Но я терпѣливо выжидаю конца подобныхъ антрактовъ съ перомъ въ рукѣ. Пусть ее поплачетъ и посморкается, — не всегда ей выдается это счастье и возможность... За вѣковѣчной работой не до слезъ! Выпалъ досугъ побесѣдовать съ сыномъ, — ну, и слезамъ время!.. Какъ не заплакать?!

Но вотъ письмо кончено и я сажусь на завалинкѣ глотать эти чудные огурцы, вели-

колѣпный лукъ и заѣдать всю эту роскошь превкуснымъ хлѣбомъ... Вотъ и соль, и вода въ разбитой, но пригодной къ употребленію кружкѣ... Что-же это, — Ганька опять здѣсь? Какъ онъ знаетъ, проклятый, время моего обѣда?.. чутьемъ, что-ли?.. тутъ, какъ тутъ...—И какъ лукаво, умильно смотритъ на всю мою прелестную закуску!.. Ну, на... на... Аллахъ съ тобой,—садись и ѣшь!—И Ганька, бѣлобрысый мальчуганъ, въ одной изодранной рубашонкѣ, курносый, съ цѣлой копной волосъ на головѣ, садится и мигомъ вмѣстѣ со мною уничтожаетъ все до крошки...

Я подымаюсь и иду къ Петру.

Жаръ все усиливается... Эта жара короткаго сѣвернаго лѣта просто невыносима!... Духота—какъ въ жарко натопленной банѣ... Въ горячемъ парномъ воздухѣ ни малѣйшаго движенія, ни струйки вѣтерка. Каждый шагъ подымаетъ густое, какъ ночь, облако пыли, которая долго не улегается и долго виситъ въ воздухѣ чернымъ облакомъ. Мое шествіе къ Петру точно ураганъ наполняетъ всю улицу тучей пыли. Пыль душитъ въ горлѣ, слѣпитъ глаза, щекочетъ въ носу, облѣпляетъ платье, сбѣгаетъ съ потнаго лица ручьями черной грязи. Двигаюсь я одинъ... окрестъ точно вымерло. Нигдѣ ни лица, ни голоса — только свинья хрюкаетъ въ лужѣ и этимъ хрюканьемъ свидѣтельствуетъ о жизни... Спятъ куры въ тѣни, спятъ даже собаки, забывъ свою клас-

сическую роль охранителей и безъ лая пропуская мимо новаго человѣка. Жара на все нагнала лѣнь и дремоту, а мирныхъ, не знающихъ куда дѣвать длинныя сутки обывателей, угнала до вечера въ погреба, сѣни, сѣнники и прочія мѣста прохлады. Не спятъ только комары да оводы,—эти по-истинѣ страшные бичи сѣвернаго лѣта... Облака ихъ обволакиваютъ меня вмѣстѣ съ пылью, но я, какъ опытный человѣкъ, уже не отмахиваюсь отъ нихъ, а невозмутимо предоставляю всѣ открытыя части тѣла въ ихъ полное распоряженіе. Я вѣрю, что они „планида", и знаю, что борьба съ нею—немыслима.

Но вотъ и Петръ. — Счастливецъ, — онъ спитъ!—у него еще заперты ставни.

— Спишь?!—кричу я что есть мочи изъ зависти, чтобы разбудить его.

Отвѣта нѣтъ.

— Спишь, Петръ?—окликаю я еще громче и стучу въ ставень.

— Гм...м...—несется мнѣ въ отвѣтъ, какъ-то глухо:—это ты?

— Я... Спишь?

— Н...н...нѣтъ, не могу!

— Не можешь?

— Дѣлаю усилія... не беретъ! —И что-то въ родѣ „чортъ побери" или и того похуже вмѣстѣ съ самымъ краснорѣчивымъ зѣвкомъ доносится до моего слуха.

— Такъ и я, братъ! Какъ ни напрягался,— ничего не подѣлалъ,—всталъ!

— Давно?

— Часа два.

— Несчастный!.. входи!

Я вхожу и долго ничего не могу разглядѣть въ темной горенкѣ. Парно,—какъ-то особенно душно, какъ въ жаркомъ, сыромъ подвалѣ. Петръ лежитъ на полу. Я растягиваюсь на скамьѣ, и, заражаясь зѣвками Петра, самъ зѣваю.

— Сколько проспалъ?—доносится со стороны Петра.

— Часовъ шестнадцать!

— Важно!—И опять мы оба долго и протяжно зѣваемъ.

— Что-же дѣлать?—нарушаетъ опять молчаніе Петръ.

— Спорить...

— О чемъ-же, чортъ возьми, спорить?.. Все ужъ, кажется...

Длинная пауза, прерываемая зѣвками.

— У меня во рту сухо...—возражаетъ Петръ.

Причина уважительная. Мы оба молчимъ. Петръ лѣниво начинаетъ оглядывать сапоги и прочія принадлежности туалета, какъ-бы разсчитывая, съ чего-бы начать... Онъ точно колеблется и точно застываетъ въ этомъ колебаньи, какъ вдругъ въ дверь раздается стукъ... Разъ... два...

— Дома?...

Мы оба моментально вскакиваемъ, точно подъ дѣйствіемъ электрической машины...

Петръ, какъ есть, бѣжитъ къ дверямъ отодвигать задвижку... Это—Ѳилимонъ. Авось какая-нибудь новость!

Ѳилимонъ, добродушный старикъ, стражъ мѣстнаго благочинія, — со всѣми атрибутами своего величія и власти вваливается въ горенку и долго не можетъ разглядѣть, куда-бы присѣсть и кто на лицо.

— Н..н..ну,—спите!—не-то укоризненно, не-то удивленно качаетъ онъ сѣдой головой.

Но мы не даемъ ему оканчивать сентенціи. Наперебой забрасываемъ его вопросами: нѣтъ-ли писемъ, новостей или чего нибудь въ этомъ родѣ... На все старикъ только качаетъ отрицательно головой, а мы шлемъ ему тяжкіе укоры.—Онъ вотъ только газету несъ къ начальнику,—такъ по дорогѣ зашелъ,— не пожелаемъ ли де пробѣжать... поскорѣй только!

— Конечно, конечно! Спасибо!—Мигомъ распахивается окно, мигомъ вырывается изъ дюжихъ рукъ Ѳилимона № „Правительственнаго Вѣстника“,—на что онъ только добродушно улыбается,—и также мигомъ проглатывается, такъ что Ѳилимонъ едва-едва успѣлъ закурить свою трубку,—проглатывается весь, цѣликомъ, съ заглавіемъ, съ подписной цѣной, съ телеграммами, съ хроникой урядниковъ, съ объявленіями и подписью редактора.—Все?... О, какъ скоро!.. хоть-бы еще немножко!..

— Ѳилимонъ, неужели нѣтъ писемъ? Ни одного письма?

Ѳилимонъ отрицательно качаетъ головой и улыбается... Мнѣ какъ-то чувствуется, что онъ обманываетъ.

— Петръ!—кричу я:—есть письма! Давай, Ѳилимонъ!

И мы разомъ какъ-то набрасываемся на старика и начинаемъ тормошить его во всѣ стороны. „Давай, давай!..“ Ѳилимонъ только улыбается и слабо сопротивляется. Но вдругъ могучимъ движеніемъ плечъ онъ ловко вырывается на середину горенки и съ торжествующимъ хохотомъ вынимаетъ письмо.

— Ко мнѣ, ко мнѣ!—И оно уже у меня!

„Дружище!—громко читаю я, пока Петръ глотаетъ строки чрезъ мое плечо:—vale... и ради самой дружбы научи, наставь, какъ спастись отъ тоски, отъ уподобленія себя Навуходоносору, въ травоядное превратившемуся. Я гибну, сохну, вяну, схожу съ ума отъ тоски, отъ бездѣлья, отъ невозможности хотя чѣмъ-нибудь убить сутки. Работы нѣтъ и нельзя имѣть,—ничего нѣтъ! Какъ спасаешься самъ, научи! Твой С—въ.“

— Петръ,—тихимъ, больнымъ голосомъ спрашиваю я:—Петръ... чѣмъ же спасаться?

Но Петръ вмѣсто отвѣта поворачиваетъ ко мнѣ свои большіе, вытаращенные въ недоумѣніи глаза.

Жаръ сталъ спадать... Уже не жарко,—а только какъ-то душно. Въ воздухѣ та же пыль

и тишь, но не тотъ ослѣпительный, рѣжущій блескъ полудня... Какъ-то мягче, розовѣе свѣтитъ солнце, клонящееся долу... Скоро вечеръ, мягкій, теплый вечеръ,—а мы все сидимъ съ Петромъ,—какъ сѣли съ утра, прочитавъ письмо, по угламъ,—сидимъ и гложемъ собственныя души. Сидимъ и не шелохнемся! Зачѣмъ? Чего? Апатія, тоска, какая-то нравственная дремота,—не то дряблость, не то одурѣлость, вызванная безвыходностью, охватили и мозгъ, и душу, и сердце. Такъ бы до послѣдняго вздоха, до послѣдней минуты не двигался, не шевелилъ бы пальцемъ, кажется! О, нѣтъ!—это такъ только кажется,—только снаружи, такъ сказать. Тамъ гдѣ-то, глубоко-глубоко, гдѣ не видно, не слышно,—незамѣтно для глазъ кипитъ работа, горячая работа! Да,—не замѣчая, не двигаясь, не сознавая кажется,—мы гложемъ съ Петромъ собственныя души, мучимся, терзаемся, глотаемъ незримыя,—но, Боже, какія горячія слезы. Иначе, отъ чего же было бы намъ такъ скверно, такъ душно, такъ гадко, такъ тяжело, такъ страшно тяжело? Да, работа кипитъ: мы живемъ,—иначе и быть не можетъ. Но насколько мрачна сама жизнь, мрачна и функція ея—наша незамѣтная внутренняя работа.

Мы молчимъ, не двигаемся, но цѣлый рядъ представленій, безсознательно вызванныхъ, тѣснится гдѣ-то глубоко и панорамой тянется предъ нашими духовными глазами.

Мы молчимъ, не двигаемся, не говоримъ, не глядимъ другъ на друга... Зачѣмъ?—мы чувствуемъ оба одно и то же, переживаемъ все душа въ душу. И мы хорошо это знаемъ... Не только слова,—не нужны намъ и взгляды... Я насквозь вижу, чувствую, такъ сказать, Петра, какъ и онъ меня. О, я отлично знаю, что теперь ему видится такое мягкое и прохладное рѣчное дно, такое тихое и задумчивое, такое нѣжное. Какъ тамъ покойно! какъ чудно баюкаютъ волны!.. Пустяки, что раки вопьются,—не почувствуешь!... Или „мать сыра-земля“? Тамъ тоже такъ покойно и тихо, и безстрастно, и жары этой проклятой нѣтъ... Стоитъ только... Я отлично знаю это, и потому понимаю, почему вдругъ Петръ ворчитъ: „глупо!“

— Да, Петръ, да, глупо!—подтверждаю я.

Петръ блѣднѣетъ и медленно поворачиваетъ ко мнѣ свое лицо. Губы у него дрожатъ.

— Что же?—какъ-то злобно шипитъ онъ:—аль по пословицѣ: „терпи казакъ, атаманомъ будешь!“

Но прежде, чѣмъ я успѣваю возразить ему, неистовый, дюжій басъ какъ громъ раздается подъ окномъ и прерываетъ болѣзненный споръ.

— Дома, вольтерьянцы, масоны?

— Дома, дома!—кричимъ мы съ Петромъ и бѣжимъ къ окну.

Фантастически одѣтая фигура штабсъ-капитана, давнымъ-давно поселившагося въ нашемъ городкѣ вслѣдъ за какою-то вольностью,

выкинутой въ полку, заслоняетъ собою окно въ тотъ же моментъ.

— Дома! Что новаго?

— Новаго?

Добродушное лицо штабсъ-капитана смѣется... Смѣется давно небритый подбородокъ, смѣются еле видныя изъ-подъ длинныхъ рыжихъ усовъ губы, смѣются эти самые рыжіе усы, смѣется синебагровый носъ—о, какой синій!—и добродушнѣйшіе сѣрые глаза.

— Новаго? Есть!—торжественно возглашаетъ онъ.

— О?!—Мы дрожимъ съ Петромъ.—Ну-же, рыцарь, герой, Ахиллесъ непобѣдимый!

Еще мягче смѣется доброе лицо... Съ невыразимою любовью перебѣгаютъ сѣрые глазки съ меня на Петра и обратно... Длинная рука лѣзетъ куда-то въ лохмотья и въ окнѣ торжественно появляется бутылка.

— Стотрправная!

— Только?—восклицаемъ мы, повѣсивъ носы.—О, герой, о, „basso-profundo"!.. Вѣдь это не по нашей части! Вѣдь знаете же!..

— Стотр-р-равная!—внушительно, строго возглашаетъ ея обладатель.

— Да ну ее къ дьяволу, вашу стотравную!..

Улыбка исчезаетъ, доброе лицо хмурится, носъ похожъ на темную свинцовую тучу...

— Вы русскій?—Порывистый басъ при этомъ вопросѣ становится какимъ-то ехидно-бархатнымъ, мягкимъ.

— Еще-бы!

— Пейте!

— Но почему-же?

— Почему? П-пейте!

— Вотъ логика!—ворчитъ Петръ.—Ну, представьте, что мы французы...

Добродушное, нахмуренное лицо моментально измѣняется... Сѣрые глазки глядятъ такъ ядовито-насмѣшливо, блещутъ такимъ неподдѣльнымъ смѣхомъ, что мы съ Петромъ поневолѣ улыбаемся.

— Го-го-го-го!..—заливается басъ:—го-го-го!.. Французы!!... Французъ и безъ вина живъ-съ!..

Опять добродушно смѣются сѣрые глазки, съ усами, носомъ и прочимъ, и „стотравная“ обязательно опять протягивается намъ, но мы стоически отталкиваемъ ее.

Этого штабсъ-капитанъ переварить не можетъ... Лицо его хмурится до того, что походитъ на злое.

— П-пейте, а не то загрызете себя!—ворчатъ длинные рыжіе усы.

— Вотъ еще! Вздоръ, рыцарь.

— Не вздоръ-съ! Вы русскіе-съ!

— Ну, такъ что-же?—смѣемся мы.

— Ну, такъ что-же?—ехидно переспрашиваетъ воинъ:—а отчего, напримѣръ, господа ученые, русскій человѣкъ въ Мекку не ходитъ?

— Въ Мекку?..—недоумѣваемъ мы.

— Н-да-съ! въ Мекку!.. Почему, напримѣръ, магометкѣ не покланяется?

— Почему?

И прежде, чѣмъ мы успѣваемъ что-нибудь сказать, штабсъ-капитанъ съ дюжимъ, неистовымъ хохотомъ возглашаетъ:

— Руси-бо есть веселіе пити!

— Ладно, рыцарь, кабалеро сибирскій!...—хохочемъ мы этому аргументу въ пользу „шкалика“:—скажи лучше, что дѣлать?

Сѣрые глазки на минуту закрываются и только рыжіе усы шевелятся, выдавая трудную внутреннюю работу.

— Да вотъ-съ, рыбу удить...

— Удочекъ нѣтъ...

— Тьфу ты!.. оборвали, значитъ! Ну, раковъ...

— И то правда,—кричимъ мы:—давай ловить раковъ.

Около часа мы въ водѣ уже всѣ трое, по горло... Ощупываемъ ногами дно, отыскиваемъ рака, нагибаемся, хватаемъ руками и швыряемъ его далеко на берегъ... Капитанъ, конечно, впереди: гдѣ намъ угнаться за нимъ! У него то и дѣло свистятъ раки въ воздухѣ, грузно шлепаясь на берегъ. И, Боже, какъ онъ неистово хохочетъ надъ нами, надъ нашею неумѣлостью, приписывая ее, конечно, „университетскимъ теоріямъ“! И мы хохочемъ съ нимъ, хохочемъ надъ собой,—да, надъ собой! Правда, правда, рыцарь, мы мало чего знаемъ жизненнаго, обыденнаго,—мы знаемъ много теорій, много гипотезъ,—не умѣемъ поймать рака,—ты луч-

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

ше насъ ловишь... Но и только!.. И только, рыцарь! Ты еще меньше насъ и хуже насъ знаешь эту самую „жисть“, какъ она есть,— гораздо хуже, несмотря на свое умѣнье всяческой „ловли“!

Мы грѣемся у костра и варимъ раковъ... Капитанъ добылъ гдѣ-то полуразбитый горшокъ и соли... Что за прелесть этотъ ужинъ на свѣжемъ воздухѣ! О, это вздоръ, что нѣтъ хлѣба,—и такъ хорошо. Да и гдѣ его достанешь? Есть?—говоришь ты. И вправду есть: Ѳедорка-нищій тащится,—у него навѣрное есть хлѣбъ,—а у насъ раки. Садись-же, Ѳедорка, грѣйся и ѣшь раки и дѣлись съ нами! —Мірское, говоришь ты,—„обчее“,—ну, ладно, ладно, знаемъ... Садись!

Ѳедорка садится, тяжело вздыхая. Сѣдая, сухая голова безсильно свѣшивается на грудь, черную, какъ кормилица-земля, съ блестящимъ мѣднымъ крестомъ среди ручьевъ пыльнаго, чернаго, пота. Петръ осматриваетъ его больную ногу и по всѣмъ правиламъ науки дѣлаетъ тщательную перевязку изъ старыхъ, запыленныхъ лоскутовъ и лохмотьевъ. Ѳедорка вздыхаетъ долго и протяжно и спрашиваетъ Петра: долго-ли ему жить осталось?

— Протянешь еще!—говоритъ Петръ.

— Скорѣе-бы дотянуть!—шамкаетъ старикъ, жуя кусокъ чернаго хлѣба.

Штабсъ-капитанъ насупился и уныло смотритъ въ огонь... Что мерещится ему тамъ, въ

огнѣ, въ этихъ красныхъ языкахъ и клубахъ дыма? Не напомнила-ли ему чего нибудь далекаго вся наша обстановка?.. Бивакъ-ли давнишній на носу у зоркаго непріятеля? Какой-нибудь случай изъ прежней жизни,—которому нѣтъ забвенія даже въ глоткахъ „стотравной"! Все грознѣе становятся лица, все ближе и ближе сдвигаются брови. И Ѳедорка, жуя, уставился въ огонь и смотритъ неподвижно въ одну точку,— точно идолъ индусскій! Что онъ видитъ? Тысячи копенъ и сноповъ, что положили нѣкогда эти нынѣ безсильныя, худыя, какъ щепки, руки...

И Петръ насупился... и во мнѣ будитъ этотъ ужинъ на вольномъ воздухѣ, этотъ костеръ у рѣки,—полу-забытое, полу-заснувшее. Далекое встаетъ предъ глазами, цѣпь видѣній тянется въ головѣ, и, какъ живые, встаютъ дорогіе образы. Сердце начинаетъ биться сильнѣе, грудь дышетъ порывисто... Это не дымъ,— нѣтъ! это маленькая, уютная комната... Темно... только каминъ теплится, слабо освѣщая передній уголъ и отражаясь яркой струйкой на образъ Того, Кто впервые научилъ насъ любить ближнихъ своихъ. Кто-то дрожа и рыдая подымаетъ къ образу руки: „О, зачѣмъ ему дана такая доля?" Руки протянуты, голосъ дрожитъ отъ муки и сильныхъ рыданій. Но вотъ она подымается во весь ростъ и твердо говоритъ: „нѣтъ, нѣтъ, да будетъ воля твоя!"

Мать! Добрая, хорошая мать!

Луна свѣтитъ такъ ярко, что я могу писать у окна въ свсей горенкѣ... О, какъ тяжело, какъ страшно тяжело! Неужели пить? Или... Нѣтъ! пока есть силы,— нѣтъ! Только, мать,—поддержи меня своей любовью, своимъ теплымъ словомъ, а то я слабѣю, я падаю... Я все напишу тебѣ, все!... раскрою душу, покажу свое сердце, ничего не спрячу, даже слезъ не спрячу,—поддержи только...

„Мать!"—пишу я... Но вдругъ-что то тяжелое схватываетъ въ груди, сжимаетъ горло, подступаетъ къ глазамъ и на бумагу капаютъ горячія, горячія слезы...

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

Повѣсть.

(Памяти почившаго друга).

I.

У самой кручи высокаго скалистаго берега раскинулась деревня Барвиновка, бывшая вотчина богатыхъ пановъ Нѣготскихъ. Богъ его знаетъ, кто первый выбралъ это мѣсто, кто первый заселилъ его,—только прошли вѣка, разыгрались цѣлыя историческія драмы, тысячи разъ земля заливалась человѣческою кровью, множество поколѣній сходило со сцены, уступая мѣсто новымъ и новымъ, а Барвиновка стоитъ себѣ, какъ стояла сотни лѣтъ тому назадъ, — стоитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Такъ же, какъ и прежде, какъ и всегда, выдѣляется на темномъ фонѣ дубовой рощи ея сѣрая, высокая колокольня, съ каждымъ годомъ наклоняясь только все больше на одну сторону; такъ же кокетливо глядятся въ тихія,

спокойныя воды ея бѣлыя хаты, такъ же хорошо поютъ въ ней дивчата... ничего, кажется, не измѣнилось вокругъ, все осталось по-прежнему, какъ остались на небѣ и яркое солнце, и свѣтлая луна, и Божьи звѣздочки,—точно ни время, ни бури жизни не касались Барвиновки. А, между тѣмъ, чего-чего не видала Барвиновка! Стоило только доброму человѣку поразспросить стариковъ, да не пожалѣть при этомъ „оховитой“,—потому что кто же любитъ говорить съ сухимъ горломъ?—и многое-бъ поразсказали ему старики. Услыхалъ бы онъ и про запорожцевъ, и про славныхъ гетмановъ, и про унію, и про татарскіе угоны. Узналъ бы, какъ славно бились дѣды за святую волю и родную землю, какъ въ наказаніе вырѣзывали ляхи почти до тла всю Барвиновку, какъ... ну, да многое, многое узналъ бы онъ!

Внизу подъ кручей течетъ Бугъ, тихо и спокойно, точно сонный. Каждую весну поднимаетъ старикъ свою сѣдую спину, реветъ и мечется, и брызжетъ пѣной, стараясь добраться до Барвиновки, но, еле дотянувшись до половины кручи, падаетъ, точно изнемогая, и снова течетъ весь годъ спокойно.

Разъ только было,—разсказываютъ старые люди,—что удалось ему добраться до Барвиновки. Еще за гетмановъ, когда казаки запрудили ему дорогу до Чернаго моря панскимъ и жидовскимъ трупомъ... Разсердился старый, заворчалъ, что добрый казакъ, и, весь одѣв-

шись сѣдою пѣной, вырывая столѣтніе дубы, выкинулъ на высокую скалу у Барвиновки множество труповъ, отчего будто бы и зовется та скала съ той поры „панскою могилой". Но это было такъ давно, такъ давно, что и говорить не стòитъ. Впрочемъ, разное говорятъ дѣды. Иные говорятъ, что „панскою могилой" названа та скала потому, что именно тамъ, а не въ иномъ мѣстѣ закопали барвиновцы „здрадника казака Нѣготу",—перваго своего пана. Давнымъ-давно, еще за унію, казакъ Нѣгота, за измѣну своимъ, былъ награжденъ польскимъ королемъ шляхетскимъ званіемъ, „маетностями и хлопами" и, превратившись изъ простого казака въ родоначальника знатнаго рода пановъ Нѣготскихъ, сталъ, по выраженію древнихъ украинскихъ сказаній, „лютымъ псомъ для людей, которыхъ уважалъ за быдло, осквернителемъ святыхъ храмовъ и гонителемъ вѣры казацкой, аки Іуліанъ Богоотступникъ". Кончилось тѣмъ, что барвиновцы закопали его живымъ въ землю, на томъ самомъ мѣстѣ, какъ говоритъ преданіе, что̀ зовется „панскою могилой", а сами за это всѣ до единаго поплатились правыми ушами, двадцать изъ нихъ—правыми ногами, а десять—чубатыми казацкими головами. Умѣли расплачиваться въ доброе старое время!... Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, многое измѣнилось на бѣломъ свѣтѣ. Вмѣсто вольнолюбивыхъ казаковъ остались мирные крѣпостные пахари,

вмѣсто „здрадника“ Нѣготы—его потомки, знатные паны Нѣготскіе. Пора бы, кажется, забыть прошлое, покончить старые счеты,—такъ нѣтъ же!... Все по-прежнему звали паны Нѣготскіе барвиновцевъ „быдломъ“ и „схизмой“, все по-прежнему глядѣли на нихъ барвиновцы какъ на „вражихъ пановъ“ и „здрадниковъ“. Если съ теченіемъ времени измѣнились формы отношеній и придавленный крѣпостной не рѣшался уже мстить по-прежнему; если, съ развитіемъ гуманности, отсѣченіе рукъ, ногъ, головы и т. п. смягчилось до безпощаднаго сѣченія, отрицанія человѣческаго достоинства и требованія безпрекословной покорности со стороны крѣпостного раба пану, то сами отношенія остались, все-таки, прежнія, остались прежнія ненависть и презрѣніе. А что давилъ, презиралъ, топталъ панъ, то, понятно, давилось и презиралось и всѣмъ тѣмъ, что близко окружало пана, всѣмъ полу-шляхетствомъ, разными панами экономами, управляющими, даже панскою дворней, даже вольнымъ корчмаремъ Срулемъ. Все, что не одѣвалось въ „свиту“, ходило въ костелъ, а не въ церковь, служило на жалованьи у пана, считало себя панствомъ, презирало „барвиновца“, презирало его языкъ и вѣру, его нравы, презирало его тяжелый крѣпостной трудъ.

Когда у дьячка барвиновской церкви, Григорія Загайнаго, родился сынъ Андрей, всѣ барвиновцы были еще крѣпостными пановъ

Нѣготскихъ. Маленькій Андрійко, какъ „вольный“, тоже долженъ былъ считаться „панычемъ“ и могъ бы по-настоящему играть съ разными Ясями и Михасями—дѣтьми разныхъ шляхтичей, но на самомъ дѣлѣ товарищами его дѣтства были одни барвиновскіе Стецки и Петрики. Въ то время огульнаго презрѣнія къ „хлопству“ дьячокъ Григорій, какъ представитель „хлопской вѣры“, какъ человѣкъ, говорившій „хлопскимъ“ языкомъ, работавшій и жившій какъ „хлопъ“, считался всѣмъ шляхетствомъ тѣмъ же „хлопомъ“ и „быдломъ“, якшаться съ которымъ было униженіемъ. Онъ могъ имѣть значеніе и вѣсъ только въ глазахъ самого „хлопства“,—конечно, если „хлопы“ вѣрили ему, видѣли въ немъ своего друга, своего же брата, только „разумнаго и письменнаго“, способнаго помочь каждому изъ нихъ добрымъ словомъ, умнымъ совѣтомъ. И дьячокъ Григорій пользовался особеннымъ почетомъ среди нихъ, считался даже неопровержимымъ авторитетомъ и оракуломъ всѣми барвиновцами. Нуженъ ли былъ кому дѣловой совѣтъ, лѣкарство отъ ломоты и брюха, или что-нибудь другое,—вообще, что бы ни случилось такое, гдѣ одной головы было мало,—всѣ барвиновцы шли къ дьячку Григорію, въ полной увѣренности, что онъ разрѣшитъ всѣ сомнѣнія и вопросы, поможетъ всегда и во всемъ. Вопервыхъ, у барвиновцевъ не было больше никого, къ кому бы они могли обратиться въ

такихъ случаяхъ, такъ какъ попъ Паисій жилъ далеко, въ другомъ селѣ, и только пріѣзжалъ по праздникамъ „править службу“ въ Барвиновку. Во-вторыхъ,—и что самое главное,—всѣ были убѣждены, что дьячокъ Григорій—свой человѣкъ, своя душа, что онъ не продастъ, что все его сердце на сторонѣ барвиновцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ могло его сердце, при тогдашнихъ условіяхъ, лежать не на ихъ сторонѣ?

Высокій, смуглый, вѣчно хмурый и угрюмый на видъ, дьячокъ Григорій даже по внѣшности почти ничѣмъ не отличался отъ любого барвиновца, развѣ болѣе длинными волосами и бородой, которой, по „стародавнему заказу“, „козацкому звычаю“, не носили барвиновцы. Въ рабочіе будни, когда онъ пахалъ, и косилъ, и сѣялъ, и молотилъ, онъ ходилъ въ тѣхъ же, что и всѣ барвиновцы, полотняныхъ широчайшихъ штанахъ, въ той же бѣлой сорочкѣ, въ томъ же соломенномъ „брилѣ“, а осенью и зимой—въ томъ же завѣтномъ „кожухѣ“ и высокой овчинной шапкѣ. Свою единственную черную рясу, которую, какъ зѣницу ока, берегла дьячиха, надѣвалъ онъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда, отрываясь отъ неустанной работы „хозяеванья“, шелъ молить Бога о дождѣ и урожаѣ, молить для почившихъ барвиновцевъ вѣчной памяти и жизни безконечной, вѣнчать, крестить и исполнять другія духовныя требы. И, несмотря на это, несмотря на

то, что жилъ онъ общею всѣмъ барвиновцамъ жизнью и въ той же обстановкѣ,—въ такой же бѣлой мазаной хатѣ, съ тѣмъ же земляннымъ поломъ, въ которой развѣ иконъ было только много,—онъ значилъ для барвиновцевъ неизмѣримо больше, чѣмъ всѣ богатые паны вмѣстѣ, чѣмъ кто бы то ни было. Мало того, что въ ихъ глазахъ онъ былъ и первый ученый, и первый философъ, и лучшій лѣкарь, и снотолкователь, и правовѣдъ, и учитель,—для барвиновцевъ онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ „ватажки“ для ихъ дѣдовъ-козаковъ, избирая которыхъ тѣ говорили: „иди, атамане, и гдѣ голова твоя ляжетъ, тамъ и наши лягутъ“. Какъ и всѣ барвиновцы, относилась къ мужу и сама дьячиха—добрая, простая женщина, глядѣвшая на все его глазами и воспитывавшая дѣтей—дочку Мотрю и сына Андрійка—въ страхѣ Божіемъ и строгомъ почтеніи къ отцу. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ пришлось Андрійкѣ слышать кругомъ пожеланія—пойти по слѣдамъ отца, имѣть его голову, его сердце и тому подобное, и онъ привыкъ глядѣть на него, какъ на что-то высшее, недосягаемое, безошибочное, а къ его словамъ относиться, какъ къ святому завѣту. А отецъ, чуть ли не съ той поры, какъ маленькій Андрійко сталъ крѣпко держаться на своихъ рѣзвыхъ дѣтскихъ ножкахъ, когда ему такъ страстно хотѣлось бѣгать по огородамъ, пускать змѣя, бороздить Бугъ бабками, сбирать въ лѣсу орѣхи и ягоды,—за-

садилъ его за азбуку, за часословъ и псалтырь и вѣчно долбилъ ему одно и то же: „учись, сынку!“

Крѣпко плакала потихоньку, крѣпко жалѣла „милаго сынка“ дьячиха, глядя на его „лютую муку“, на слезы, которыя тихо глоталъ онъ, оторванный отъ дѣтской забавы, игръ и потѣхи, но смѣла-ли, могла-ли она перечить, не соглашаться, вступаться за сына? Развѣ она, съ ея „простымъ, бабьимъ разумомъ“, знаетъ, что̀ дѣйствительно нужно и что̀ не нужно, и развѣ можетъ это знать кто-нибудь, кромѣ этого высокаго, хмураго, такого разумнаго и „всіма поважаемаго“ человѣка, „пана дьяка“, предъ которымъ такъ низко склоняются шапки всего честнаго, „хрещёнаго“ люда? Онъ одинъ все знаетъ, все понимаетъ, зачѣмъ и какъ, и пусть же такъ будетъ, какъ онъ хочетъ, пусть „мучится“ Андрійко, и, плача, дьячиха только молила Бога, чтобъ это мученье легко доставалось ея любимцу.

Могъ ли и Андрійко не слушаться, могъ ли не учиться всѣмъ сердцемъ, когда это приказывалъ ему самъ отецъ,—кумиръ всей Барвиновки и самой матери?

И Андрійко пересиливалъ неохоту, плача пересиливалъ стремленіе къ огородамъ, къ лѣсу, куда манили его Стецки и Кузьки, читалъ псалтырь, часословъ, долбилъ ужасную грамматику, корпѣлъ надъ невообразимою ариѳметикой и въ семь лѣтъ уже бойко читалъ

Апостола, приводя въ умиленіе всѣхъ барвиновцевъ.

— О-о...—ласково говорили они ему, гладя его черноволосую головку:—будетъ онъ разумный, какъ и отецъ его... Будетъ у насъ кому заступиться и помочь добрымъ словомъ... Дай Богъ ему только отцовскую душу!..

Боже, какія радостныя и гордыя слезы проливала умиленная дьячиха, слыша эти слова!

Одинъ только отецъ не хвалилъ его, не гладилъ по головкѣ за успѣхи, а твердилъ свое неизмѣнное: „учись, сынку!“

— Ты не богачъ, не знатнаго роду, потому тебѣ и надо учиться!—говорилъ онъ иногда, сажая мальчугана къ себѣ на колѣни и строго, почти сурово заглядывая ему въ глаза.—Учись, чтобы не убиваться такъ работой, какъ мы убиваемся... Будешь умнымъ,—не будешь косить и сѣять, будутъ на тебя глупые работать,—такъ ужъ на свѣтѣ ведется!

И Андрійко слушалъ съ трепетомъ и благоговѣніемъ, клялся, что будетъ учиться и станетъ умнымъ, и, дѣйствительно, еще страстнѣе уходилъ въ свое ученье. Разъ только рѣшился онъ какъ-то спросить отца, отчего тотъ самъ и коситъ, и сѣетъ, и живетъ такъ бѣдно, будучи такимъ умнымъ, но старый дьякъ, вмѣсто отвѣта, такъ сурово насупилъ брови, такъ грозно кашлянулъ и зашагалъ по хатѣ, что Андрійко зарекся спрашивать въ другой разъ и такъ и не узналъ никогда: почему.

Одному только Тарасу, мельнику, ближайшему другу дьячка Григорія, удавалось спасать мальчика отъ этой „муки“, отрывать отъ неустаннаго зубренья,—одному ему уступалъ дьячокъ и не перечилъ. Тарасъ былъ „вольный“, грамотный мужикъ, имѣлъ свою собственную мельницу на Бугѣ, тутъ же, у самой Барвиновки, и часто навѣдывался къ дьячку въ гости. Зналъ онъ по опыту, какъ „лютъ“ его другъ въ ученьи, — его единственный сынъ, Данилко, раньше учился у дьяка грамотѣ, письму и цыфери,—понималъ онъ тайныя слезы дьячихи и явныя малаго Андрійки, его блѣдность и худобу.

— Гей, пане дьяче!—говаривалъ онъ, качая головой:—что это вы дѣлаете съ парнемъ?... Да онъ у васъ совсѣмъ сталъ на дивчà похожъ, а не на славнаго хлопця... Гляньте-ка, какой онъ худой, да блѣдный... Ну, хлопче, кидай къ бісу свои муки, иди со мной, пограйся съ Даниломъ, полови рыбы!—добавлялъ онъ, обращаясь къ Андрійкѣ, и дьякъ Григорій, задѣтый ли сравненіемъ хлопця съ дивчиной, самъ ли сознавая, что нужно же въ самомъ дѣлѣ давать ребенку отдыхъ хоть при случаѣ, поворчавъ, да поспоривши немного, отпускалъ сына.

Только на Тарасовой мельницѣ и отдыхалъ Андрійко въ забавахъ со своимъ „любымъ“ Данилкомъ.

Андрійкѣ не было еще и десяти лѣтъ, когда отецъ отвезъ его въ бурсу. Страшно стало

мальчугану въ городѣ, среди большихъ домовъ, населенныхъ, какъ полагалъ онъ, одними „умными“, потому что они не сѣяли и не пахали, среди чуждыхъ ему условій городской жизни,— страстно хотѣлось ему назадъ въ Барвиновку, но боязнь отца и его завѣтъ учиться удерживали Андрійка отъ побѣга.

Чтобъ отогнать отъ себя тяжелое чувство тоски и одиночества, онъ весь ушелъ въ зубренье и на первыхъ же порахъ обратилъ на себя вниманіе бурсацкихъ педагоговъ, пріобрѣлъ ихъ благосклонность, что̀ спасало его отъ слишкомъ частой „порки“, въ которой почти и заключался весь смыслъ тогдашней педагогіи. Мало-по-малу, однако, безотчетный страхъ проходилъ и городъ постепенно втягивалъ мальчика, раскидывая предъ его глазами прелести и соблазны, какихъ нѣтъ въ деревнѣ. Все тѣснѣе сближался Андрійко съ новыми товарищами, все больше увлекался товарищескою жизнью бурсы, съ ея безшабашнымъ школьничествомъ и живымъ дѣтскимъ веселъемъ; а тутъ еще къ тому же постоянные уроки, занятія, и, незамѣтно для самого себя, шагъ за шагомъ, Андрійко забывалъ свою Барвиновку.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Пока Андрійко, съ отличіями проходя каторгу бурсы, добрался

до риторовъ семинаріи, а оттуда въ философію, многое измѣнилось на бѣломъ свѣтѣ.

Со всею крѣпостною Русью вздохнула радостно и Барвиновка въ великій день освобожденія, и свободные барвиновцы ожесточенно гонялись теперь по лѣсамъ за шляхтой, въ увѣренности, что она бунтуетъ противъ „воли".

Старый дьячокъ, отпраздновавъ съ народомъ долго жданную „волю", умеръ, наказавъ на смертномъ одрѣ передать сыну его благословеніе и завѣтъ: учиться и выходить въ люди.

Мотря, успѣвшая вырости въ высокую, стройную красавицу, вышла замужъ за черноброваго Данилу, сына Тараса-мельника, и къ ней, въ ея новую бѣлую хату у самой мельницы, перебралась и дьячиха, не переставшая оплакивать покойнаго мужа. Сильно хотѣлось дьячихѣ обнять любимаго сына, заглянуть въ его „очи ясныя", поглядѣть, каковъ вышелъ изъ него „парубокъ"; сильно хотѣлось и барвиновцамъ повидаться съ нимъ, послушать его рѣчей умныхъ, узнать отъ него, письменнаго человѣка, какъ и что на свѣтѣ Божіемъ; но никто не пенялъ на него, что онъ ни разу и носа не показалъ въ Барвиновку, потому что и пенять было не за что. Всѣ знали, что онъ учится на славу, а въ свободное время, каждыя каникулы, какъ волъ работаетъ, уча чужихъ дѣтей, добывая этимъ гроши для

старухи-матери и родной сестры... Вполнѣ понимала это Барвиновка и вполнѣ одобряла.

— Подождемъ,—говорили они:—придетъ еще часъ, пріѣдетъ онъ къ намъ попомъ,—и гурьбой шли на мельницу къ старой дьячихѣ послушать письмо,—послушать, какъ „складно и розумно“ пишетъ Андрійко.

Дрожащею рукою надѣвала дьячиха на носъ свои старыя, тусклыя очки въ мѣдной оправѣ, дрожащею рукой вскрывала драгоцѣнное письмо и, дрожа и глотая слезы, при помощи Мотри и Данила, разбирала святыя ея сердцу строки. Все быстрѣе и быстрѣе капали слезы, все больше и больше волновалась красавица Мотря, все чаще и чаще вытирала она расшитымъ рукавомъ сорочки свои длинныя рѣсницы; коегдѣ и умиленные дѣды начинали моргать сивымъ усомъ, а кто побойчѣе—принимался хвалить Андрійка, утѣшать и ободрять старуху.

— Чего же тутъ плакать, пани-матко, — говорили ей:—хиба тому, что сынъ розумный?— И старуха, какъ бы испугавшись, набожно крестилась и со словами молитвы шептала въ отвѣтъ говорившимъ:

— Отъ счастья плачу, добрые люди, отъ счáстья!

Большія надежды возлагали барвиновцы на Андрійка.

Многое измѣнилось за послѣдніе годы въ деревнѣ, и такъ быстро, такъ, казалось, внезапно, что никто и оглянуться не успѣлъ, не

успѣлъ дать себѣ отчета, въ чемъ дѣло, не успѣлъ примѣниться. Пока барвиновцы только ликовали и праздновали свою волю, ни о чемъ не думая, кругомъ нихъ складывались новыя отношенія, новыя условія, вызванныя ломкой стараго, громаднымъ переворотомъ. Явились новые взгляды, новыя понятія, пошли иные, новые люди... И все это выросло, возникло такъ быстро, такъ нежданно-негаданно, точно въ волшебной сказкѣ.

Имѣніе Нѣготскихъ, конфискованное за участіе пановъ въ мятежѣ, было продано на какихъ-то особенно льготныхъ условіяхъ рязанскому выходцу Ѳерапонтову, глядѣвшему на себя, какъ на миссіонера, какъ на „культуртрегера“ въ этой „мятежной“ странѣ. Ѳерапонтовъ на первыхъ же порахъ завелъ золоченую дугу, наборную упряжъ съ бубенцами, доселѣ невиданныя въ Барвиновкѣ, сталъ ухарски летать на бѣшеной тройкѣ, а тѣмъ временемъ, пока наивные барвиновцы разѣвали рты и „дывовались“, окружилъ ихъ цѣлою сѣтью контрактовъ, неустоекъ, обязательствъ, штрафовъ,—и все „по законамъ“, о которыхъ барвиновцы, прожившіе вѣка въ беззаконіи, не имѣли ни малѣйшаго понятія. Больше всего именно донималъ ихъ этотъ „законъ“, эти новыя, какія-то неслыханныя доселѣ права, „пункты“, по которымъ всегда выходишь виноватымъ и о которыхъ кричалъ имъ и Ѳерапонтовъ, и его другъ посредникъ, и становой, и

писарь, и новый попъ Дороѳей съ причтомъ, и даже Сруль, старый шинкарь Сруль

Крѣпко чесали свои чубы барвиновцы, крѣпко кляли „бісова москаля“, съ его „паскудною“ руганью, — Ѳерапонтовъ звучно ругался, — и волей-неволей опускали руки; не было ни дѣяка Григорія, ни попа Паисія, которые помогли бы „добрымъ словомъ“, дѣльнымъ совѣтомъ, растолковали бы, куда сунуться, что̀ сдѣлать, и сами встали бы за нихъ грудью. Новый попъ обзывалъ ихъ, какъ и Ѳерапонтовъ, какъ и всѣ другіе, лѣнтяями, „мазепами“, а „пана Ѳерапонтова“ звалъ не иначе, какъ примѣрнымъ сыномъ церкви, благодѣтелемъ, указывалъ на его жертвы для благолѣпія храма, а вмѣстѣ съ нимъ въ одинъ голосъ пѣлъ то же самое и весь причтъ церковный.

Туго приходилось барвиновцамъ и они возложили всѣ свои упованія на Андрійка. Онъ превратился для нихъ въ какую-то полусказочную, живую панацею отъ всякихъ золъ, бѣдъ и недоразумѣній: онъ все растолкуетъ, все укажетъ; онъ не продастъ,—онъ свой человѣкъ, онъ самъ заступится!.. Лишь бы только Андрійко кончилъ ученье, да „высвятился на попа“, тогда они сами, всѣ до единаго, пойдутъ просить для него барвиновскій приходъ, что̀ бы это имъ ни стоило... Выпросятъ, устроятъ и заживутъ съ нимъ по старинѣ, какъ съ Паисіемъ, какъ съ дьякомъ Григоріемъ!

Не менѣе страстно ждала этой минуты и дьячиха. Неужели ея Андрійко, сынъ простой дьячихи, братъ мельничихи, будетъ попомъ, будетъ благословлять народъ, будетъ стоять за царскими вратами передъ святымъ престоломъ, въ свѣтлыхъ золотыхъ ризахъ?.. Да не сонъ ли это? Не сонъ ли эти чудныя картины, которыя услужливое воображеніе рисовало ей одну за другою, въ тихіе вечера, подъ шумъ веретена, когда она видѣла своего Андрійка и въ утро Христова Воскресенія, въ клубахъ ѳиміама, при трепетномъ блескѣ сотенъ свѣчей,— когда она видѣла его на поляхъ, на лугахъ, среди несмѣтной толпы народа, просящимъ у Бога урожая, окропляющимъ все святою водой?.. И возлѣ него, ближе всѣхъ къ нему — она, его мать, и ея любимая Мотря!.. Одна другой отраднѣе и прелестнѣе проносились картины въ воображеніи старухи; съ ужасомъ гнала она ихъ отъ себя, подозрѣвая въ нихъ дѣло лукаваго, боясь, какъ бы не прогнѣвить Бога гордыней, не „наврочить“ Андрійкинаго будущаго, а онѣ, какъ нарочно, все лѣзли и лѣзли, все неотступнѣе осаждали ея любящее сердце. Рыдая, молилась она святымъ иконамъ, налагала на себя строгій постъ, ходила своими старыми ногами въ Почаевъ и страстно молила Пречистую наказать одну ее, — только ее, — и дать все хорошее сыну.

И какъ же всплеснула она руками, какъ дрожала, когда въ одно радостное, свѣтлое

утро, окруженный почти всѣми барвиновцами, отъ мала до велика, на порогѣ мельницы показался ея сынъ, ея Андрійко!.. Да полно, онъ-ли это—этотъ высокій, красивый юноша, съ черными, какъ смоль, кудрями, съ шелковистыми, недавно пробившимися усами и бородкой, съ такими смѣлыми, гордыми очами, какія бываютъ только у знатныхъ и сильныхъ?.. Дрожа, рыдая, не вѣря своему счастью, переводила старуха удивленные глаза съ него на стоявшихъ съ разинутыми ртами парубковъ — его сверстниковъ, на строгихъ сѣдыхъ дѣдовъ, на румяныхъ, чернобровыхъ дивчатъ, и снова глядѣла на него... Конечно, это онъ, Андрійко!.. Кто же другой могъ такъ сильно душить ее въ объятіяхъ и звать „ненькой“, Мотрю — сестричкой, помнить по именамъ каждаго дѣда, каждаго парубка,—къ кому же другому могло тянуть ее такъ сильно любящее сердце?... И, не помня себя отъ восторга и счастья, дьячиха цѣловала ясныя очи своего „сизокрылаго“. Страстное ликованіе охватило барвиновцевъ, но не долго продолжалось оно...

— Не пойду я въ попы... — вдругъ отрѣзалъ Андрійко.

Обомлѣла старая дьячиха, заслышавъ эти слова, ахнула, заворчала вся Барвиновка. Страшно страдала старуха, распростившись съ золотыми мечтами, со всѣмъ ожидаемымъ счастьемъ, но она винила во всемъ только себя, свою гордыню, свои „думы“, за которыя

Господь и наказалъ ее. Тщетно упрашивали ее барвиновцы уломать сына, пригрозить материнскимъ гнѣвомъ,—старуха страдала молча, не показывая своего горя сыну, видя въ случившемся „наказующій перстъ Божій", поднятый на нее за ея прегрѣшенія. Грѣшно было бы роптать, грѣшно было бы идти противъ воли Бога — и она смиренно и грустно отвѣчала барвиновцамъ:

— Какъ ему Богъ на душу положитъ, добрые люди, такъ пусть и будетъ!

— Да онъ Бога гнѣвитъ, что не хочетъ въ попы идти!—убѣждали ее барвиновцы.

— Все отъ Бога, все отъ Него одного...— грустно отвѣчала она.

Пробовали старики сами уламывать Андрійка, уговаривали его остаться хоть волостнымъ писаремъ, но ничего изъ этого не вышло; какъ заладилъ онъ свое: „не пойду въ попы, а въ университетъ хочу",—такъ и стоялъ на своемъ, какъ камень. Не понимали барвиновцы, зачѣмъ ему университетъ, недоумѣвали и осыпали его упреками. Только одинъ Тарасъ-мельникъ покачалъ головой и, вынувъ изо рта люльку и сплюнувъ въ сторону, сказалъ:

— Пускай идетъ, добрые люди, куда его тянетъ... Отъ молодости это... Прежде, говорятъ, когда подростали хлопцы, то шли козаковать, а все же домой вертались... Теперь не то время: въ ученье тянетъ хлопцевъ, — ну, и

пусть идетъ, а все же не будетъ ему свѣта, какъ дома!...

Мать страдала молча, барвиновцы громко и явно роптали и сердились, а Андрійко приходилъ въ ужасъ отъ одной мысли остаться въ Барвиновкѣ. Онъ любилъ барвиновцевъ, его доброе сердце готово было на всякое добро для нихъ, но отречься для нихъ отъ міра, отъ кипучей, страстной городской жизни, отъ свѣта, шума,—отречься для того, чтобы помогать имъ только въ ихъ будничной жизни, когда „тамъ“, въ этомъ заманчивомъ, неизвѣстномъ, розовомъ „тамъ“, онъ можетъ дѣлать такъ много „для всѣхъ“; уложить всю свою жизнь въ узкую колею, когда предъ нимъ открыта широкая, полная жизни и кипучей дѣятельности дорога, казалось ему и абсурдомъ, и даже преступленіемъ. Юность жаждала шумной и страстной жизни; сердце, горѣвшее безпредѣльною вѣрой въ людей и жизнь, искало правды и свѣта; молодая энергія требовала борьбы и всеобъемлющаго дѣла; пытливый умъ ставилъ сотни вопросовъ и требовалъ удовлетворенія; юношеское честолюбіе толкало выдвигаться, стать замѣтнымъ; вѣра подсказывала во всемъ успѣхъ, а воображеніе рисовало неизвѣданную жизнь въ розовомъ свѣтѣ, — могъ ли онъ остаться въ скромной, сонной Барвиновкѣ, помириться съ будничною, сѣрою жизнью, среди наивныхъ, простыхъ пахарей, вставшихъ и ложившихся съ солнцемъ, не-

способныхъ даже понять его свѣтлыхъ юношескихъ грезъ?.. Еще въ семинаріи, когда его сердце впервые забилось жгучими вопросами, стоящими обыкновенно на порогѣ юности, а умъ горѣлъ, какъ въ огнѣ,—когда онъ сталъ учиться не по одному только отцовскому приказанію, а добиваясь рѣшенія своихъ сомнѣній,—онъ чувствовалъ себя уже чужимъ барвиновской жизни, рѣшилъ, что ему тамъ нечего дѣлать... Чѣмъ живетъ Барвиновка, кромѣ вопроса о насущномъ хлѣбѣ и возможности отдыха послѣ каторжнаго труда? А онъ такъ мало думалъ о хлѣбѣ и совсѣмъ не искалъ отдохновенія.

Онъ поступилъ въ университетъ. Жутко пришлось ему на первыхъ порахъ — безъ средствъ, безъ знакомыхъ, трудно было вмѣстѣ и учиться, и добывать кусокъ хлѣба грошевыми уроками, перепиской, корректурой, отнимавшими бо̀льшую часть времени, но молодая энергія, выносливость, пріобрѣтенная еще съ ранняго дѣтства привычка къ упорному труду — брали свое, и онъ не унывалъ. Самымъ тяжелымъ было для него то, что онъ не имѣлъ никакой возможности, какъ ни бился, удѣлять что-нибудь матери и сестрѣ, потому что долго, очень долго самъ еле-еле сводилъ концы съ концами. Только на третьемъ курсѣ улыбнулось ему счастье, выпало хорошее, выгодное мѣсто учителя въ обезпеченной и доброй семьѣ Сошенко, относившейся къ нему,

какъ къ родному. И жена, и мужъ Сошенки были, прежде всего, простые, добрые люди, какими кишитъ наша провинція. Она была неглупая, немного вялая женщина, способная на многое доброе, если кто нибудь наталкивалъ ее на него, но и безъ тѣни даже иниціативы въ характерѣ; онъ—такой же добрый, веселый сангвиникъ, живой, подвижной, сыпавшій преувеличеніями, вѣчно чѣмъ-нибудь восторгавшійся, на что-нибудь негодовавшій, вѣчно пенявшій на среду и окружающія условія, внѣ которыхъ, однако, онъ бы чувствовалъ себя, на самомъ дѣлѣ, какъ ракъ на мели. Андрей тоже привязался къ этимъ добрымъ, безхитростнымъ людямъ и безмятежно зажилъ съ ними, забылъ Барвиновку, ея нужды, желанія, упреки, успокоившись всецѣло на представившейся возможности посылать время отъ времени небольшія суммы денегъ роднѣ.

III.

Стояло лѣто 187* года.

Горячее солнце давно уже закатилось за лѣсъ, обрызгавъ на прощанье золотомъ и пурпуромъ верхи могучихъ, вѣковыхъ дубовъ, и легкія тучки на западѣ, и синія волны широкаго Днѣпра. Незамѣтно и тихо, точно влюбленный на тайное свиданіе, прокрался нѣжный

сумракъ, обволакивая и даль, и лѣсъ, и береговыя горы, и даже чудное голубое небо Украйны какимъ-то мягкимъ фіолетовымъ тономъ, а навстрѣчу ему, дрожа и волнуясь, легче дыма, легче пара поднимались съ Днѣпра клубы бѣлаго вечерняго тумана, разстилаясь кругомъ, точно цѣлуя землю. Все смолкало... Сама жизнь, казалось, догорала съ зарею, уступая мѣсто какой-то торжественной, невыразимо-сладкой и мягкой тишинѣ... Гдѣ-то крякнула утка, простоналъ куликъ, прокаркалъ воронъ... Что-то заерзало, зашумѣло въ камышѣ, вспорхнуло, тяжело хлопая крыльями, и снова все замолчало, точно замерло... Потянулъ вѣтерокъ, зарябилъ синюю воду, взволновалъ туманъ и пронесся дальше—далеко-далеко... къ Черному морю, въ широкія степи... А сумракъ все надвигался, становился все гуще и гуще... Вотъ что-то блеснуло въ вышинѣ и отразилось дрожащею искрой въ синихъ волнахъ, еще и еще...—и множество искръ, то яркихъ, то блѣдныхъ, загорѣлось въ потемнѣвшемъ небѣ, задрожало, закачалось въ Днѣпрѣ. Какъ бы украдкой выплыла луна и облила мягкимъ, зеленоватымъ свѣтомъ землю, а черезъ Днѣпръ протянула яркую изъ лучей ленту, по которой ходятъ на берегъ русалки, еле касаясь своими легкими стопами этого золотого моста. И вдругъ, точно привѣтствуя плывущую красавицу-луну, что-то засвистало, затрещало, разсыпалось дробью и, среди безмолвія и нѣги

надвигающейся ночи, вся даль огласилась соловьиной трелью.

— Что за чудная ночь!

Это восклицаніе невольно сорвалось съ устъ Сергѣя Павловича Сошенки, вообще не умѣвшаго ничего чувствовать молча. Закинувъ подъ голову руки, растянувшись на зеленой травѣ подъ могучимъ старымъ дубомъ, онъ упорно смотрѣлъ вверхъ, точно разсматривая какую-то звѣздочку, и, не поворачиваясь, продолжалъ:

— Всю бы жизнь провести такъ... на лонѣ природы!

— Опять гипербола!—улыбнулся Андрей, сидѣвшій тутъ же рядомъ, обнявъ колѣни руками и какъ-то безцѣльно, неподвижно всматриваясь въ даль.

— Ахъ, Андрей, брось ты эти свои гиперболы!—загорячился Сергѣй Павловичъ.—Ну, гиперболы, такъ гиперболы... А я говорю тебѣ, что не гипербола,—слышишь, Андрей?

И, повернувшись всѣмъ корпусомъ, поднявъ голову и глядя въ упоръ на друга, онъ какъ-то страстно, точно задѣтый за живое, проговорилъ:

— Честное слово, не знаю, что бы далъ, лишь бы развязаться съ этою городскою интеллигентною жизнью, съ этою пошлостью, фальшью, тунеядствомъ, съ этою китайщиной, облеченною въ мнимо европейскія формы, съ этимъ мѣщанскимъ лоскомъ, прикрывающимъ столько лжи и гадости, съ этимъ... съ этимъ...

Сильное волненіе мѣшало ему говорить и подыскивать выраженія.

— Что же мѣшаетъ тебѣ развязаться?—спокойно спросилъ молодой человѣкъ, водя по травѣ тросточкой.

— Какъ что?!—вспылилъ Сошенко, приподнимаясь:—а семья, а дѣти, которымъ необходимо образованіе? Развѣ я отъ себя завишу?!... А воспитаніе, привычка, традиціи?... Да, наконецъ,—онъ протянулъ къ сидѣвшему двѣ бѣлыя, выхоленныя руки:—наконецъ, эти руки, неспособныя ни къ чему другому, кромѣ интеллигентнаго переливанія изъ пустого въ порожнее?... Развѣ этого мало?

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Я не понимаю, Сергѣй Павловичъ, право, не понимаю,—сказалъ онъ:—какъ это все, сейчасъ тобою перечисленное, мѣшаетъ тебѣ сторониться того, что такъ законно не нравится тебѣ въ нашемъ городскомъ или, какъ ты говоришь, интеллигентномъ быту?

— Это значитъ: жить въ болотѣ и не куликовать? Такъ? вскричалъ Сергѣй Павловичъ.—Да развѣ это возможно, Андрей?

— Я думаю, что возможно и должно...—спокойно и твердо отвѣтилъ тотъ.—Впрочемъ, это зависитъ отъ взгляда и... и характера...—добавилъ онъ тише.

— Можетъ быть, можетъ быть...—какъ будто обидѣлся немного Сергѣй Павловичъ.—Но на мой взглядъ, при моемъ характерѣ,—онъ

почеркнулъ слово „мой“ и „моемъ“: — это вздоръ... Только внѣ города возможна осмысленная, трезвая, честная жизнь... Только на лонѣ природы, отъ нея одной зависи, работая и живя, какъ тотъ мужикъ, у котораго мы только что пили съ тобой молоко, душа найдетъ покой, наболѣвшая совѣсть успокоится, не будетъ постоянныхъ противорѣчій съ самимъ собою, постоянныхъ сдѣлокъ съ совѣстью...

Сергѣй Павловичъ всталъ, откинулъ со лба волосы и уставился на друга. Тотъ покачалъ головой.

— Пусть будетъ по-твоему, ладно,—началъ онъ тѣмъ же спокойнымъ, убѣжденнымъ тономъ:—хотя я, все-таки, по-прежнему скажу тебѣ, что ты человѣкъ гипорболическій... Гипербола всегда и во всемъ. Ты говоришь такъ, не зная деревни. Я—сынъ деревни... Ладно, ладно,—заговорилъ онъ быстрѣе и перебивая себя, замѣтивъ нетерпѣливый жестъ друга:—не въ этомъ дѣло,—пусть будетъ по-твоему... Я только хочу спросить тебя, что бы ты дѣлалъ такое въ деревнѣ,—ты, ученикъ Дарвина, Спенсера etc., etc.? Какъ бы это ты примирился съ „тремя китами“ и „разрывъ-травой“?

Сошенко даже привскочилъ отъ этихъ словъ.

— Что бы я дѣлалъ?—закричалъ онъ, почти дрожа отъ волненія:—что бы я дѣлалъ?... Какъ бы я помирился?... Да развѣ бы я мирился?

Развѣ я о безмятежномъ, пустопорожнемъ far-niente говорю?... Я билъ бы этихъ китовъ и травы, я вносилъ бы свѣтъ, училъ, я бы...

— Дѣлалъ то же, что можетъ дѣлать каждый дьячокъ и даже школьникъ и что надо-ѣло бы тебѣ съ первыхъ же дней!—подхватилъ Андрей.—Стоитъ овчинка выдѣлки!.. Стоитъ запасаться такою массой знанія, столько лѣтъ труда ухлопать на одну голову... Нѣтъ, братъ, у насъ другое дѣло, другой путь...

— Позвольте-съ полюбопытствовать?—съ ироніей спросилъ Сергѣй Павловичъ, разставляя ноги и нагибаясь къ Андрею.

— Извольте-съ...—отвѣтилъ тотъ, немного волнуясь и краснѣя.—Среда, къ которой мы принадлежимъ,— среда цивилизаціи и культуры, одно существованіе которой есть несомнѣнное благо, несмотря на всѣ ея недостатки. Она очагъ науки,—заговорилъ онъ быстрѣе, замѣтивъ улыбку на лицѣ друга:—источникъ знанія, идеаловъ,—значитъ, прогресса, значитъ, счастія человѣчества... Развѣ не такъ?... Жить и работать въ ней и для нея—значитъ жить и работать для всѣхъ... Конечно, не тунеядствовать, а работать честно, помня, что мы—піонеры прогресса, что наша обязанность—не успокаиваться на добытомъ, а, напротивъ, погружаться все глубже въ область неизвѣстнаго, прокладывать все новыя дороги и, понятно, не измѣнять своимъ принципамъ, что ты называешь „уступками“ и на что такъ

справедливо негодуешь... Какое намъ дѣло, всѣ-ли идутъ за нами? Мы знаемъ, что мы— свѣтъ, а свѣтъ, раньше или позже, освѣтитъ всѣхъ... Вѣдь и солнце не сразу освѣщаетъ землю, а спустя извѣстное время по появленіи на горизонтѣ, пока лучи его не добѣгутъ до насъ. Такъ и тутъ.

Андрей Григорьевичъ такъ увлекся, что, навѣрное, говорилъ бы еще долго, не помѣшай ему хохотъ друга. Сергѣй Павловичъ хохоталъ какъ-то истерически и, замѣтивъ, что Андрей хмуритъ брови, сталъ хохотать еще сильнѣе.

— Почему ты хохочешь?—немного обидчиво спросилъ его Андрей.

— Почему хохочу?—спросилъ тотъ, переставъ, наконецъ, смѣяться и задыхаясь.—Чему я смѣюсь?.. Ха, ха, ха!.. Хочешь, я, какъ по пальцамъ, выложу тебѣ твое будущее *свѣтченье?...*—И, загнувъ палецъ, онъ снова нѣсколько разъ хихикнулъ.

— Ну?—вызывающе улыбнулся Андрей.

— А вотъ-съ, Андрей Григорьевичъ!—смѣясь, продолжалъ онъ:—вы вѣдь уже кончили университетъ и поступаете немедленно на службу, потому что безъ службы вы вѣдь обойтись не можете. Такъ?

— Такъ!—подтвердилъ Андрей Григорьевичъ.

— Ну, вотъ-съ, вотъ-съ!.. Ладно... Служите вы сначала рьяно,—полны тамъ всякихъ идеаловъ и выспреннихъ желаній, отворачивае-

тесь отъ „общественной грязи“ и высоко держите голову,—это первая стадія. Потомъ,—онъ загнулъ второй палецъ;—наступаютъ всяческія ссоры, дрязги, столкновенія: васъ донимаютъ сплетнями, инсинуаціями, ложью... Вы возмущаетесь, кипятитесь,—это стадія борьбы. Дальше, вы убѣждаетесь, что вамъ не совладать съ представителями мракобѣсія, что ни въ васъ, ни въ вашемъ служеніи никто не нуждается, что ничего хорошаго вы не сдѣлали и сдѣлать не можете,— это стадія сомнѣній и тоски. Такъ?.. Затѣмъ, понятно, вы ищете „живую душу“, сердце, съ которымъ бы можно подѣлиться, найти поддержку, и всенепремѣнно встрѣчаете „божественное созданіе, сотканное изъ лучей правды“, которое, несмотря на всю свою наивность и идеальныя стремленія, преисправно женитъ васъ на себѣ,—это стадія возрожденія въ иллюзіяхъ... Наконецъ, послѣднее,—растянулъ онъ слово „послѣднее“, загибая послѣдній палецъ:—семья, дѣти, которымъ нуженъ хлѣбъ, платье, образованіе, необходимость жить, „какъ всѣ“, и компромиссъ, компромиссъ безъ конца...

— Не весело!—съ неподдѣльною ироніей покачалъ Андрей головой.

— Еще бы! За то—сама правда! — опять страстно заговорилъ Сергѣй Павловичъ.—Вѣдь я самъ испыталъ все это, самъ извѣдалъ... Самъ я пламенѣлъ когда-то, дружище, иллюзіями, самъ „вожделѣлъ“, какъ ты, а теперь—на,

смотри—рѣжусь въ карты, не имѣю досуга пробѣжать газеты, толку воду изъ-за жалованья, да и мало ли еще что!..

— Ладно,—перебилъ его Андрей, вставая:—кончимъ это... Можетъ быть, дѣйствительно страшно тяжелъ нашъ путь, можетъ быть, и вправду трудно устоять на немъ, но что же изъ этого? Неужели отступать? Пеняй самъ на себя, кто упалъ, и не требуй только отъ другихъ идущихъ того же... Все же, дружище, истина, что каждый можетъ дѣйствовать только въ своей сферѣ: рыба жить въ водѣ, орелъ—на сушѣ... А въ деревнѣ намъ нѣтъ мѣста! Черезчуръ большая пропасть лежитъ между нами, интеллигенціей, и народомъ—во всемъ, во всемъ: въ нервахъ, привычкахъ, въ міросозерцаніи, въ нравахъ.

Сергѣй Павловичъ завертѣлся на мѣстѣ, собираясь что-то возразить, но былъ остановленъ въ самомъ началѣ. Молодая, красивая брюнетка, одѣтая съ большимъ вкусомъ, подбѣжала къ нему сзади и неожиданно закрыла ему глаза руками.

— Ахъ вы, спорщики, вѣчные спорщики!—прокричала она, весело смѣясь.—Вѣдь намъ давно пора! Я должна быть сегодня на раутѣ княгини и мнѣ еще одѣваться...

— Въ самомъ дѣлѣ, ѣдемъ!—заторопился Сергѣй Павловичъ, разнимая маленькія ручки жены и нѣжно цѣлуя ихъ:—вѣдь и я сегодня дежурнымъ старшиной въ клубѣ... А гдѣ же Коля, Sophie?

— Онъ увлекся грибами, Serge... Коля, Коля!— закричала Софья Николаевна, и на ея зовъ изъ лѣсу показался крохотный гимназистикъ, ученикъ Андрея. Сергѣй Павловичъ подалъ женѣ руку и все общество направилось къ лодкѣ. Въ лодкѣ онъ разсказалъ скандальный случай изъ клубной жизни и сталъ распространяться объ удивительной вѣроломности картъ.

— Ты что же это подсмѣиваешься?—шутливо набросился онъ на Андрея, подмѣтивъ на его лицѣ улыбку.—Думаешь: вотъ, молъ, дѣятель, отвелъ душу въ спорѣ и снова за старое?.. Эхъ, братъ! да вѣдь это же наша судьба, судьба интеллигента такая...

Андрей не отвѣтилъ ничего и приналегъ на весла.

Да и что могъ онъ отвѣтить? Онъ давно зналъ эту черту за Сергѣемъ Павловичемъ, давно съ ней примирился; вѣдь не разъ уже они спорили такъ горячо, что у него, Андрея, болѣла голова и цѣлые дни, затѣмъ, уходили на анализъ этихъ споровъ, тогда какъ Сергѣй Павловичъ бѣгалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, увлекаясь всякою мелочью, совершенно забывъ и предметъ спора, и самый споръ. Онъ, дѣйствительно, отводилъ только душу въ спорѣ, тѣшилъ себя; но чтобы это могло быть удѣломъ всѣхъ,—о, онъ, Андрей, съ этимъ никогда не согласится! Развѣ то, что онъ, Андрей, говоритъ, — не искреннѣйшее его убѣжденіе, не альфа и омега всего его *я*, закрывшее

собою всю Барвиновку, съ ея укорами, упреками, желаніями, нуждами,—развѣ не чувствуетъ онъ въ себѣ силъ, живыхъ, честныхъ, стойкихъ, не призрачныхъ силъ? Развѣ нѣтъ въ немъ вѣры въ жизнь, въ людей,—развѣ онъ способенъ на „уступки?..“ Никогда, конечно, никогда!.. Лучше убѣгу,—улыбнулся онъ про себя.

Показался городъ, и скоро лодка причалила къ набережной. Слуга, отворившій на звонокъ дверь, подалъ Андрею запечатанный конвертъ.

— Курьеръ принесъ,—сказалъ онъ:—только что!

— Навѣрное, опредѣленіе! — полюбопытствовалъ Сергѣй Павловичъ.

— Да,—отвѣтилъ Андрей, пробѣжавъ письмо:—опредѣленіе, но только...

— Что, что? — заинтересовались оба Сошенки.

— Учителемъ древнихъ языковъ въ N—скую гимназію... другихъ вакансій нѣтъ.

— Первый блинъ да комомъ! — захохоталъ Сергѣй Павловичъ; но такъ какъ онъ былъ теперь совсѣмъ въ другомъ настроеніи, то и сталъ увѣрять Андрея, что унывать незачѣмъ, что все равно—учителемъ ли исторіи, или языковъ—пользу вездѣ приносить можно, лишь бы желать ее приносить и честно работать.—Напротивъ, еще лучшее дѣло, прекраснѣйшее дѣло!.. Ты будешь облегчать дѣтямъ,

разумнымъ преподаваніемъ, изученіе этой тарабарщины... Нелегкая, но прекрасная задача!— кричалъ онъ и, увлекшись, сталъ доказывать, что не велика важность работать на любимомъ поприщѣ.—Нѣтъ, если ты герой,—кричалъ онъ:—бери самое тяжелое, самое несимпатичное...—Но тутъ помѣшала ему Софья Николаевна, торопя его одѣваться.

Андрей смотрѣлъ, не двигаясь, въ окно на улицу, по которой сновали люди взадъ и впередъ, и, навѣрное, не видѣлъ ихъ, также какъ не слышалъ горячей рѣчи Сергѣя Павловича. Что съ нимъ такое? Вѣдь вотъ онъ добился, наконецъ, того, чего желалъ... Онъ вступаетъ, наконецъ, въ жизнь самостоятельнымъ дѣятелемъ, обезпеченнымъ работой, вступаетъ лучше многихъ, съ дипломомъ и медалью. „Первый блинъ да комомъ!“—прозвучало возлѣ. „Послѣдній ли только?“—промелькнуло въ немъ гдѣ-то глубоко-глубоко и скрылось.

— Развѣ отказаться?—спросилъ онъ какъ-то про себя.—Что за вздоръ! Не все ли равно, въ сущности?.. Дѣло не въ предметѣ, а въ пріемахъ, въ воспитаніи, въ нравственномъ вліяніи учителя... Маленькая неудача—и уже разнюнился...—И, бодро отряхнувшись, онъ принялъ веселый видъ.

Было ли ему въ самомъ дѣлѣ весело, Богъ его знаетъ, но всю ночь онъ проворочался въ постели и заснулъ только подъ утро.

IV.

Что бы ни говорили пессимисты, какъ бы страстно ни выдвигали впередъ страданіе и зло, какъ корень міросданія, а, все-таки, нужно сознаться, что жизнь, несмотря на всю свою подчасъ безалаберность и безалаберную жестокость, раскинула человѣку на его пути не мало хорошихъ моментовъ. Правда, моменты эти преходящи, какъ и все на свѣтѣ,—преходящи, какъ и моменты злые и тяжелые,—отчего къ нимъ пришпиливаютъ клички: „иллюзія“, „самообманъ“, „самообольщеніе“, но очень можетъ быть, что именно эти-то иллюзіи и самообольщеніе спасаютъ отъ „небытія“, которое такъ настоятельно рекомендуется пессимистами, и насъ всѣхъ, и самихъ совѣтчиковъ. Не все ли равно, въ самомъ дѣлѣ, иллюзіи ли они, самообольщеніе ли, когда въ такіе реально переживаемые моменты человѣку живется хорошо, дышется вольно, какъ птицѣ, вѣрится въ жизнь, въ людей, въ будущее и накопляются силы болѣе или менѣе стойко и твердо выносить и тяжелое, за которымъ, несомнѣнно, вновь послѣдуетъ что-нибудь и свѣтлое? Не все ли равно, когда они оставляютъ неизгладимый слѣдъ на типѣ и характерѣ человѣка, способствуютъ его духовному росту, расцвѣту его силъ, двигаютъ на подвигъ, на добро и, такимъ образомъ, способствуютъ улучшенію условій самой жизни? Количествомъ такихъ „иллю-

зій“ измѣряется духовная жизнь человѣка, ея сила и страстность, а въ періодичности переживаемыхъ моментовъ, въ постоянной смѣнѣ тяжелыхъ и свѣтлыхъ минутъ, можетъ быть, и кроется источникъ того, что̀ такъ упорно отрицается пессимистами, но что на общечеловѣческомъ языкѣ называется „счастьемъ“.

Изъ такихъ моментовъ, какъ извѣстно, поэты выбираютъ чаще для своихъ пѣсенъ моменты любви,—счастливый медовый мѣсяцъ. Конечно, блаженъ этотъ часъ и сто-кратъ несчастенъ человѣкъ его не пережившій, да и есть ли еще такой человѣкъ на свѣтѣ, будь онъ пессимистъ хоть съ колыбели?! Но есть еще и другой моментъ: медовый мѣсяцъ жизни, и трудно, право, сказать, который изъ нихъ полнѣе и лучше. Этотъ медовый мѣсяцъ—первый самостоятельный шагъ человѣка, его первый выходъ на арену общественной работы, его первый послѣ долгой подготовительной работы въ школѣ жизненный турниръ, когда, полный силы, энергіи и вѣры въ себя, онъ впервые смѣло вноситъ въ жизнь свое духовное „я“ и ставитъ его лицомъ къ лицу съ загадочнымъ пока для него сфинксомъ—обществомъ.

Такой именно моментъ и переживалъ теперь Андрей. Сынъ другой среды, другихъ условій жизни, послѣ долгой подготовительной работы, въ теченіе которой онъ зналъ только свои книги, да книги, онъ вступалъ, наконецъ,

въ обѣтованную землю, о которой еще въ дѣтствѣ твердилъ ему неустанно суровый отецъ,—въ новую сферу, извѣстную ему только изъ тѣхъ же книгъ, да по смутнымъ обрывкамъ, долетавшимъ до университетской скамьи, и разсмотрѣть которыя не было времени изъ-за упорныхъ занятій,—вступалъ какъ равноправный членъ, какъ работникъ. Сфинксъ лежитъ предъ нимъ на дорогѣ—это правда,—но этотъ загадочный сфинксъ не страшитъ,—онъ манитъ къ себѣ, влечетъ и точно улыбается ему свѣтлою и ясною улыбкой теплаго привѣта. Кто это улыбался другъ другу: не онъ ли самъ сфинксу, не свою ли улыбку ему принималъ онъ за его,—Андрей не думалъ, да и не могъ думать. Съ чего бы? Вѣдь съ самаго дѣтства онъ страстно, лихорадочно работалъ для этой минуты, съ самаго дѣтства страстно ждалъ ея, вѣрилъ, что „тамъ", въ этомъ неясномъ „тамъ", и тепло, и хорошо, и привольно, и есть для него свое мѣсто. Тамъ правда, тамъ свѣтъ, тамъ осмысленная человѣческая работа, жаждой которой горитъ его молодая энергія, тамъ—все то, что горитъ въ его честномъ сердцѣ и такъ ясно, кажется, отражается въ неподвижныхъ глазахъ улыбающагося сфинкса. А если такъ, то развѣ могъ ему, въ самомъ дѣлѣ, не улыбаться привѣтомъ этотъ неподвижный съ виду сфинксъ, истинный обликъ котораго скрывался для него, правда, въ какомъ-то неясномъ, но свѣтломъ туманѣ?

А тамъ, за этимъ туманомъ, стоялъ одинъ изъ губернскихъ городовъ благословеннаго юга, какихъ не мало въ нашемъ отечествѣ. Городъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался и отличался отъ другихъ такихъ же городовъ красивымъ видомъ, да обиліемъ евреевъ. Были тамъ и губернаторскій домъ съ двумя фонарями и жандармомъ у подъѣзда, и пыльныя, никуда негодныя мостовыя, и чахлый бульваръ; былъ и „порядокъ“, за которымъ, какъ водится, надзирало недреманное око полицеймейстера, и, конечно, клубъ, гдѣ мужья обмѣнивались ассигнаціями за зелеными столиками, а жены и дѣвы порхали вокругъ кавалеровъ, пикантно судачили и заводили интрижки. Такъ называемое „общество“, состоявшее почти сплошь изъ однихъ наѣзжихъ со всѣхъ концовъ земли русской чиновниковъ-обрусителей, дѣлилось по рангамъ и доходамъ на отдѣльныя кучки, называвшіяся „партіями“, съ однимъ общимъ для всѣхъ девизомъ: карты и сплетни. На всемъ лежала печать скуки и вялости; оживленіе вносили только скандальчики и служебныя перемѣны, поднимавшія на ноги всѣхъ. Въ такихъ случаяхъ все оживало, точно отъ электрическаго толчка. Языки начинали трещать, визиты учащались, все двигалось, шумѣло, кричало, осуждало или оправдывало, мелочи выростали въ цѣлыя событія, пока не улегалось впечатлѣніе новизны. Тогда опять все входило въ колею, опять выходили на сцену

скука и вялость, и если не выручалъ какой-нибудь новый скандальчикъ, а скука одолѣвала до-зарѣзу, вспоминали о „бѣдныхъ“, хватались за нихъ, какъ утопающій за соломенку, устраивали въ ихъ пользу аллегри, балы, обѣды, любительскіе спектакли, не обходившіеся ни разу безъ ссоръ изъ-за распредѣленія ролей.

Впрочемъ, Андрею на первыхъ же порахъ пришлось волей-неволей стать вдали отъ „общества“ и его жизни; у него совсѣмъ почти не было свободнаго времени. Классы поглощали добрую часть дня, а вечеръ приходилось посвящать на составленіе диссертаціи, которую необходимо было представить къ сроку. Къ тому же съ первыхъ шаговъ на новомъ своемъ поприщѣ онъ находился все время въ какомъ-то странномъ, неизвѣданномъ еще настроеніи, въ которомъ главную роль играло что-то похожее на недоумѣніе, а въ такомъ настроеніи было, естественно, не до знакомствъ. Съ первыхъ же шаговъ пришлось ему убѣдиться, что въ своихъ планахъ и разсчетахъ на будущее онъ совсѣмъ упустилъ изъ вида, совсѣмъ не принималъ въ разсчетъ тѣ мелкія, но больныя и обидныя дрязги, непріятности и столкновенія, которыя какъ-то незамѣтно, точно нечаянно, но сразу опутали его цѣлою сѣтью. Правда, всѣ эти дрязги и столкновенія были пока мелкія, съ ними легко справлялись молодая энергія и вѣра, но они какъ-то невольно огорошивали его, а то, что онъ не предвидѣлъ ихъ заранѣе

дѣлало ихъ особенно чувствительными для него, обусловливало его особенно страстное къ нимъ отношеніе. Андрей вступалъ въ жизнь съ цѣлымъ запасомъ глубоко сознанныхъ и продуманныхъ запросовъ, требованій, съ цѣлымъ кодексомъ, въ которомъ не думалъ уступить ни одной іоты, вступалъ съ увѣренностью, что жизнь на все это отвѣтитъ, отзовется, и вдругъ эта самая жизнь сама предъявила ему свой кодексъ, свои требованія, съ которыми онъ подчасъ совсѣмъ не могъ помириться. Сфинксъ, до сихъ поръ улыбавшійся, вдругъ выпустилъ свои когти...

Андрей не разочаровался, не упалъ духомъ,—онъ только не въ мѣру кипятился и злился.

Учебный округъ считался однимъ изъ лучшихъ и былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ. Во главѣ его стоялъ человѣкъ всѣми уважаемый, глубоко-честный и гуманный, искренно преданный дѣлу воспитанія, искренно любившій его, а помощникомъ его былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ, посѣдѣвшій на службѣ округу, ученый, сильно любимый и юношествомъ, и учебнымъ персоналомъ. Къ сожалѣнію, гимназія, въ которую попалъ Андрей, была на худшемъ счету въ округѣ: ее тамъ только „терпѣли“. Старикъ-директоръ ея, давно уставшій на службѣ, къ которой относился совершенно формально, и многіе изъ учителей, далеко не отвѣчавшіе видамъ и требованіямъ

округа, дослуживали уже свои пенсіонные сроки; стариковъ поэтому не хотѣли тревожить, ждали, пока они сами не выйдутъ въ отставку. Попечитель не скрылъ этого отъ Андрея, высказалъ ему все прямо, когда тотъ явился къ нему передъ отъѣздомъ.

— Гимназія не изъ лучшихъ,—сказалъ ему попечитель, ласково взявъ его за руку и мягко заглядывая въ его черные, смѣлые глаза:—далеко не изъ лучшихъ... Она намъ вотъ гдѣ сидитъ!—показалъ онъ на шею.—Все идетъ тамъ плохо, многое нуждается въ коренной передѣлкѣ... Директоръ—старикъ, плохой педагогъ, многіе изъ учителей тоже... Я терплю ихъ только потому, что они дослуживаютъ свои пенсіи,—зачѣмъ обижать людей, поработавшихъ-таки на своемъ вѣку?.. Но скоро тамъ все перемѣнится... А васъ мы посылаемъ туда, чтобы вы внесли побольше энергіи и любви къ дѣлу Я надѣюсь на васъ, получивъ самые лестные отзывы о васъ университета. Только сумѣйте ладить тамъ... Сумѣете?

— Попробую!—отвѣтилъ Андрей.

— Попробуйте и постарайтесь!—подчеркнулъ ему попечитель.—Это будетъ хорошая школа для васъ. Въ вашемъ дѣлѣ мало хорошо работать,—важно еще умѣть жить съ людьми, съ товарищами, умѣть справиться съ собою. Нужно умѣть то, что̀ вообще называется: ладить.

А вотъ этого-то именно и не умѣлъ Андрей, и не только не умѣлъ, а даже и пони-

малъ это плохо. Чистый теоретикъ, знавшій до сихъ поръ только свои книги, лекціи, науку, онъ не видѣлъ, не зналъ, что есть еще нѣчто, кромѣ всего этого, не менѣе сильное и требовательное, чѣмъ теорія, что это нѣчто называется „практикой жизни“ и дается человѣку тоже суровою и долгою школой, школой самой жизни. Чистая теорія ставила ему свои требованія, свои термины; она знала только: „да—да“ и „нѣтъ—нѣтъ“. Практика жизни требовала другого, смотрѣла иначе, знала и „полу-да“ и „полу-нѣтъ“. Тамъ, въ теоріи, было все ясно, опредѣленно, строго-логично, всецѣло вытекало одно изъ другого; здѣсь, въ практикѣ жизни, все было темно, спутано, о логикѣ не было и помину. Это-то и огорошивало Андрея, это-то и служило источникомъ его постоянныхъ столкновеній и непріятностей, начавшихся почти съ первыхъ же дней его службы.

Съ директоромъ у него вышло крупное столкновеніе на первыхъ же порахъ, когда старикъ, привыкшій къ рутинѣ, дорожившій только внѣшностью, формой, дисциплиной, сдѣлалъ ему замѣчаніе по поводу ненавидимыхъ имъ „новшествъ“, а Андрей рѣзко отрѣзалъ, что не понимаетъ аракчеевщины въ педагогіи.

— Теорія-съ, теорія-съ!—внушительно и строго отвѣтилъ ему обидѣвшійся начальникъ, вертя по привычкѣ пальцы „мельницей“.—Пока я здѣсь, я не потерплю вашихъ теорій. Уйду—

дѣлайте, что хотите... Но пока я здѣсь—все останется такъ же. Помните!

Но Андрей тоже не сдавался и тоже безъ всякихъ уступокъ хотѣлъ поставить на своемъ, а это, несомнѣнно, вызывало новыя столкновенія, плодило новыя недоразумѣнія. Сталкивались и задѣвались самолюбія, ставились на счетъ каждое слово, каждый жестъ, а каждый новый шагъ Андрея окрашивался и объяснялся именно такъ, какъ того требовали задѣтое, растравленное самолюбіе и скрытая зависть. Не мало, конечно, способствовала всему этому и кучка старыхъ, тоже вмѣстѣ съ директоромъ только дослуживавшихъ пенсіонъ учителей, задѣтыхъ, почти обиженныхъ его „новшествами“, въ которыхъ почему-то они сразу увидѣли „критику“ на себя, на свою методу. Правда, ихъ озлобляло, бѣсило и то, что Андрей держалъ себя какъ-то особнякомъ, не сходился, не знакомился, весь ушелъ въ работу, къ которой они давно привыкли относиться спустя рукава, формально, и черезчуръ прямо, черезчуръ рѣзко указывалъ имъ на это, рѣзалъ правду въ глаза. Наружно они выказывали ему, каждый отдѣльно, съ глазу на глазъ, любезности, даже лебезили передъ нимъ, узнавъ, что онъ на хорошемъ счету въ округѣ, но втайнѣ, втихомолку натравливали на него и безъ того обижавшагося директора, которому то и дѣло доносили, сплетничали, искажая и объясняя все по своему. Андрей ско-

ро это понялъ, сталъ съ ними еще сдержаннѣе; въ его манерѣ стала проглядывать плохо скрываемая брезгливость, почти отвращеніе, несомнѣнно, обидное, а это, что называется, подливало масла въ огонь. Длинный, рыжій нѣмецъ Шпицъ, не обинуясь, не стѣсняясь, сталъ, напримѣръ, записывать въ книжку каждое его слово, при чемъ записывалъ и имена свидѣтелей, и каждый день носилъ показывать все записанное старику-директору. Не лучше поступалъ и французъ Бидэ и остальные. Жалобы и доносы такъ и сыпались на Андрея.

— А нашъ „новаторъ“ или „любимчикъ“,— такъ иногда звали его, намекая на отношенія къ нему въ округѣ:—сегодня сдѣлалъ или сказалъ еще вотъ то-то!—то и дѣло стояло въ ушахъ директора. Тотъ злился, набрасывался на Андрея, придираясь ко всему, но, получивъ нѣсколько разъ отпоръ, и довольно рѣзкій, сталъ жаловаться на него въ округъ. Въ округѣ хранили глубокое молчаніе на всѣ эти жалобы и доносы, очевидно, оправдывая Андрея, а это еще болѣе раздражало и возбуждало противъ него всѣхъ.

V.

Время летѣло, а положеніе Андрея все ухудшалось, становилось все невыносимѣе. Со многими изъ сослуживцевъ онъ пересталъ да-

же кланяться, директоръ какъ-то игнорировалъ его, обидно не замѣчалъ, на „совѣтахъ“ онъ оставался всегда въ меньшинствѣ, его мнѣнія и указанія, его слова встрѣчались какъ что-то невозможное, дикое, не стоющее вниманія,— словомъ, его кололи какъ и гдѣ могли, точно въ разсчетѣ вызвать на какую-нибудь горячую вспышку. Онъ похудѣлъ, осунулся, поблѣднѣлъ, только черные глаза его горѣли еще ярче, выдавая все усиливающуюся раздражительность, и еще страстнѣе ушелъ онъ въ свою работу, уставая за которой, забывалъ все.

Съ однимъ только учителемъ математики, Дергуномъ, сошелся Андрей близко; онъ даже поселился съ нимъ рядомъ, но и того приходилось ему вѣчно укорять въ „бабствѣ“, неподвижности, пессимизмѣ, что, впрочемъ, нисколько не волновало, не сердило этого сонаго съ виду, но крайне честнаго, полнаго добродушнаго юмора человѣка, привязавшагося къ Андрею какою-то материнскою привязанностью. Дергунъ старался болѣе или менѣе примирить его съ окружающимъ, унять его горячность, сдерживать отъ рѣзкихъ выходокъ, въ чемъ иногда и успѣвалъ, вообще ухаживалъ за нимъ, какъ за роднымъ дѣтищемъ. Всегда поддерживая Андрея, онъ умѣлъ это сдѣлать, какъ-то не раздражая самолюбій, не наталкиваясь на ссоры, оставаясь въ простыхъ, почти хорошихъ отношеніяхъ со всѣми, и этимъ много помогалъ ему. Пилъ со Шпицемъ пиво, съ

Бидэ—ликеры, слушалъ анекдоты о разныхъ belles femmes „Враля“, прозваннаго такъ всѣми за вѣчное вранье, и только исподтишка хихикалъ, стравливая ненавидѣвшихъ другъ друга нѣмца и француза напоминаніемъ о недавно кончившейся войнѣ и отторгнутыхъ провинціяхъ, да двухъ братьевъ-славянъ—Сметанку и Дудека, несмотря на свой „компатріотизмъ“, обзывавшихъ другъ друга „гундсвортами“ и „лайдаками“, со страстною ревностью вырывавшихъ другъ у друга „карьеру“. Вообще, онъ водилъ знакомство съ самою разношерстною компаніей, не тяготился ею, коекакъ убивая досугъ, и въ то время, какъ Андрей кипятился и волновался, раздражаясь все больше и больше, чувствовалъ себя, повидимому, какъ нельзя лучше. Это и волновало Андрея, и сердило; онъ никакъ не могъ съ этимъ примириться.

— Ну, ужъ и компанія у васъ!—вырвалось у него разъ какъ-то невольно.

— А что?—невозмутимо улыбаясь, переспросилъ Дергунъ.

— Да это чортъ знаетъ что такое!

— Ну, серденько, бываетъ и похуже; эти хоть дурни, слава тебѣ, Господи!—спокойно отрѣзалъ тотъ.

— Да развѣ это утѣшеніе?

— Не утѣшеніе, а все же пріятно... То ли еще бываетъ!

Андрей разсердился.

— Какъ это вы живете, миритесь со всѣмъ этимъ?—горячо спросилъ онъ.—Я просто придти въ себя не могу отъ отвращенія.

— А живу, какъ видите... Отучу—и пообѣдаю, тамъ сосну, тамъ почитаю, пива напьюсь, въ театръ схожу... Подойдетъ случай—Дудека со Сметанкой или француза съ нѣмцемъ стравлю, а не то съ Женичкой Вралемъ о римскомъ огурцѣ побесѣдую,—ну, день и прошелъ.

— Да развѣ такъ жить можно?!—почти закричалъ Андрей; глаза эго горѣли, щеки поблѣднѣли, а губы дрожали.

— А отчего-жъ нельзя? Видите, живу!—нахмуривъ брови, отвѣтилъ Дергунъ.

— Да вѣдь такъ только Пацюкъ Гоголя живетъ... Помилуйте!...

Дергунъ поднялся съ мѣста, и его обыкновенно ровный и спокойный голосъ задрожалъ, когда онъ заговорилъ:

— А хоть бы и Пацюкъ! Что же дѣлать, если жизнь представляетъ только двѣ дилеммы: Пацюкъ и синица, зажигающая море,—если ничего другого выбрать нельзя? Пацюкомъ я хоть существовать могу, жить въ себѣ, какъ говорятъ нѣмцы, въ себѣ запершись... Ну, а синицей... куда я дѣнусь, когда ее сейчасъ отовсюду гнать будутъ?... Мостовую мостить, дрова рубить?... Да я не умѣю!—И онъ тяжело зашагалъ по комнатѣ.

Андрей нахмурилъ брови и молчалъ, плотно сжавъ губы. Сравненіе съ синицей, зажи-

гающей море, таки задѣло его, а Дергунъ продолжалъ, ходя по комнатѣ и пощипывая бородку:

— Тутъ еще благодать, сударь, сущая благодать! Попечитель и всѣ въ округѣ на нашей съ вами сторонѣ, сами знаете, никакими доносами съ нами подѣлать ничего не могутъ... Потерпите только немножко и все перемѣнится... Вамъ такъ и въ округѣ говорили. Директоръ и вся его компанія выйдутъ въ отставку, все обновится сразу, только ждать нужно умѣть. Не горячитесь только... Такъ ли еще бываетъ, сами посудите!...

— Сужу... бываетъ, можетъ быть, и хуже, но это не утѣшеніе: по-вашему жить нельзя...— отвѣтилъ Андрей.

— А по вашему, съ этими вѣчными ссорами, волненіями, ни къ чему не приводящими, ничего существеннаго не дающими, только жизнь отравляющими,—можно? Хорошая эта жизнь? И чего добились вы? Директоръ только и ждетъ теперь повода подставить вамъ ножку.

Андрей не отвѣтилъ, только еще болѣе нахмурился и все шагалъ угрюмо изъ угла въ уголъ. Дергунъ, посвистывая, пилъ чай. Прошло добрыхъ четверть часа въ такомъ молчаніи, пока Андрей не остановился.

— Знаете что?—началъ онъ, точно желая перемѣнить разговоръ.—Знакомиться нужно, вотъ что. Не годится такъ запираться, какъ мы съ вами... Городъ, вѣдь, большой, людей

много, отчего вы не знакомитесь? Неужели такъ-таки и нѣтъ кругомъ хорошаго человѣка?

— Попробуйте, увидите!—отвѣтилъ нехотя Дергунъ.

— Я, конечно, попробую, а вы?

— Пробовалъ, — отрѣзалъ тотъ съ гримасой:—ничего не вышло... Въ карты не играю, въ роли не только первыхъ любовниковъ, но и десятыхъ, не гожусь,—видите, какъ скроенъ?

— Ну, такъ что-же?—спросилъ Андрей.

— А то, что такъ какъ никакого интереса я не представлялъ, только и годился, что въ женихи какой-нибудь алчущей дѣвицѣ, то и принялись меня женить,—безъ моего вѣдома, конечно, — да сразу на шестерыхъ, потому что каждый кружекъ имѣлъ свою кандидатку. Тянули меня во всѣ стороны, ссорились, дрязги пошли, ругань, сплетни, пока я не прозрѣлъ, въ чемъ дѣло, и не удралъ въ свою конуру.

Оба расхохотались.

— Да и послѣ этого,—продолжалъ Дергунъ:—не сразу оставили меня въ покоѣ... Такой, доложу вамъ, пассажъ еще вышелъ, такой пассажъ...

— Что-же?—спросилъ развеселившійся уже Андрей.

— Да какъ вамъ сказать,—засмѣялся Дергунъ, немного покраснѣвъ:—чортъ знаетъ что!... Иду это я разъ, а навстрѣчу мнѣ одна изъ „кандидатокъ“... Хотѣлъ я шмыгнуть въ переулокъ, анъ не тутъ- то было,—такъ и под-

скочила... „Здравствуйте, говоритъ, что васъ не видно?...“ Я туда-сюда,—ничего не подѣлаешь!... „Навѣрное, говоритъ, влюбились?... Только въ кого? Скажите, кого вы больше всѣхъ любите?“ Что тутъ подѣлаешь? Я возьми, да съ дуру и отвѣть: а вы кого?—Ну!...—разставилъ онъ руки.

— Что-же „ну“?—торопилъ Андрей.

— Да то „ну“, что она и затянула: „прежде всѣхъ, говоритъ, конечно, Бога, потомъ—начальницу,—она въ пріютѣ одномъ служила,—а потомъ говоритъ, потомъ... брюнета...“ Да какъ посмотритъ!...

— Что же вы, брюнетъ, ей отвѣтили?—захохоталъ Андрей почти до слезъ.

— Да чуть не провалился!—покраснѣлъ наивно Дергунъ.—Только и нашелся сказать: „Вы бы, сударыня, лучше блондина!“ Она въ слезы. „Мужикъ!“—говоритъ.—Ну, я совсѣмъ растерялся; стою, только ротъ разинулъ да глазами ворочаю... Жаловалась не меня патронессамъ, тѣ на меня,—ну, и пошла потѣха,—насилу отмахался! Нѣтъ, вотъ такъ, какъ теперь—съ нѣмцемъ, съ французомъ, съ прочей компаніей—куда лучше... Повѣрьте!...

— Охъ, Пацюкъ же вы, настоящій Пацюкъ!—сказалъ Андрей, когда совладалъ съ хохотомъ, которымъ такъ и залился, выслушавъ наивный разсказъ друга. Послушаешь васъ, такъ только и осталось на свѣтѣ, что жить по-вашему, пацюковать...

Дергунъ поднялъ на него свои добрые, немного насмѣшливые глаза и сказалъ какимъ-то задушевнымъ, особенно теплымъ тономъ:

— „Тяжко жить на свiтi, а хочется жить!“ — помните у Шевченко?... Въ этомъ, братъ, вся суть, вся тайна интеллигентнаго пацюкованья... Для насъ это предѣлъ, его-же не прейдеши.. Такъ-то! Погодите, сами споете ту же пѣсню!...

— Я?—переспросилъ Анерей, смѣло глядя на пріятеля:—я?! Да я лучше удеру, провалюсь...

— Куда?—грустно и вмѣстѣ насмѣшливо спросилъ Дергунъ.

— Куда глаза глядятъ... Бѣлый свѣтъ великъ!

Дергунъ покачалъ головой.

— Никуда не уйдешь, потому что намъ уйти некуда... Вездѣ одно и то же,—хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ! Счастье еще, если и искру-то Божью въ себѣ сохранишь, и на томъ спасибо!

Андрей, конечно, не послушалъ Дергуна и съ своею обычною страстностью набросился теперь на знакомства, которыхъ набралось у него сразу очень много. Скучавшее „общество“, давно уже прослышавшее о немъ, давно уже заинтересованное восторженными отзывами Сошенко, который писалъ о немъ кое-кому изъ мѣстныхъ пріятелей, приняло его съ распростертыми объятіями. Лихорадочно бросился онъ въ свѣтскую суету,—въ эти безсмѣнно чередовавшіеся другъ за другомъ вечера, пикники и проч., и на первыхъ порахъ

дѣйствительно забывался немного, забывалъ всѣ утреннія дрязги и волненія. Ему даже нравилась сначала эта новая, неизвѣстная, знакомая только по прочитаннымъ книгамъ среда съ ея внѣшнимъ блескомъ и видомъ наружнаго довольства; нравился немного этотъ салонно-гостиный лоскъ, прикрывающій для новичка царящую подъ нимъ пустоту, спячку и скуку, обманывающій его не вглядѣвшійся глазъ какимъ-то призракомъ жизни и живыхъ интересовъ. Онъ былъ еще слишкомъ молодъ и слишкомъ довѣрчивъ, чтобы ко всему подходить съ сомнѣніемъ, не довѣрять наружности, осторожно относиться къ словамъ, зачастую не отвѣчающимъ скрытому подъ ними смыслу, а молодое тщеславіе тѣшилось общимъ ухаживаніемъ и любезностями; къ тому же Андрею хотѣлось и жить.

Но скоро, натѣшившись, онъ разглядѣлъ, понялъ все: въ прибранныхъ напоказъ гостиныхъ сфинксъ еще разъ показалъ ему свои когти, и, какъ-ни-какъ, въ душѣ, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ былъ сознаться себѣ, что Дергунъ былъ не совсѣмъ неправъ. Если его, правда, не собирались женить сразу на всѣхъ поспѣвшихъ и переспѣвшихъ кандидаткахъ, за то, благодаря его стройной фигурѣ и красивому лицу, всѣ львицы города вперебой пожелали сдѣлать изъ него своего адъютанта. Совѣтница, растянувшись въ соблазнительной позѣ на кушеткѣ, томно говорила ему о му-

кахъ неудовлетворенной души. Предсѣдательша довѣряла ему секретъ, что она *никогда* не измѣняла еще мужу, подчеркивая слово „никогда“ и выразительно добавляя, что, конечно, если бы нашелся „настоящій“ человѣкъ, то ея сердце... и т. д., а прокурорша такъ-таки напрямки стрѣляла въ него глазами и словами, что у нея „свой особенный темпераментъ“. Въ концѣ-концовъ вышло то, что изъ-за Андрея, какъ нѣкогда изъ-за Дергуна, всѣ передрались, перессорились, пошли сплетни,—и онъ убѣжалъ, возмущенный, озлобленный, и затворился, какъ Дергунъ.

Тогда служебныя дрязги и столкновенія, отъ которыхъ онъ забывался въ суетѣ „свѣта“, стали ему еще невыносимѣе, еще тяжелѣе. Теперь къ нему прокралось въ душу что-то вродѣ острой и больной хандры, отъ которой не спасали его ни усталость, ни наука, ни книги, и стало вытѣснять оттуда или глушить всѣ его неясные, правда, но живые порывы, мечты и надежды,—все то, что называлъ онъ своимъ внутреннимъ, духовнымъ міромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось, потому что вокругъ и въ самомъ себѣ онъ сталъ ощущать вдругъ какую-то холодную пустоту. То была первая реакція послѣ свѣтлыхъ минутъ медоваго мѣсяца жизни, и потребность забыться хоть на чемъ-нибудь,—потребность въ остромъ и сильномъ ощущеніи, которое бы встряхнуло его всего или опьянило, все силь-

нѣе и сильнѣе охватывало его занывшую душу.

Былъ уже поздній вечеръ, когда пыльною дорогой Андрей машинально брелъ въ городъ изъ своей дальней прогулки. Вдали виднѣлось уже предмѣстье, слегка окутанное въ голубоватый сумракъ, въ которомъ рѣзко мигали зажигавшіеся огни, и слабо доносившійся грохотъ мостовыхъ непріятно раздражалъ его нервы. Ему захотѣлось вдругъ снова уйти отъ города, уйти въ лѣсъ, въ поле,—куда-нибудь, лишь-бы подальше отъ этого грохота и сутолоки, которые увеличивали, казалось, его хандру. Онъ повернулъ назадъ, и въ это самое время его нагналъ мчавшійся изъ города въ тучѣ пыли кабріолетъ. Это была Карская, первая львица города, красивая, пылкая, какъ-то необузданно-страстная и капризная брюнетка, полная ухарства и своеволія, избалованная толпой поклонниковъ и обожателей, въ числѣ которыхъ былъ и первый левъ—недавно пріѣхавшій изъ столицы съ модными воротничками и такими же гапстуками чиновникъ особыхъ порученій, слышавшій Патти и всѣмъ надоѣдавшій. У Карскихъ Андрей бывалъ часто, даже слишкомъ часто, рѣдко встрѣчаясь, однако, съ мужемъ, довольно немолодымъ уже человѣкомъ, занятымъ исключительно только дѣлами и картами, за что скучавшая жена точно мстила ему толпой поклонниковъ и безшабашнымъ даже для провинціи ухарствомъ. Домъ ихъ такъ

и дѣлился на двѣ половины: картежную и амурную,—какъ острили мѣстные зоилы, а въ этой второй половинѣ самая выдающаяся роль какъ-то невольно, безъ всякихъ съ его стороны усилій, выпала на долю Андрея. Трудно сказать, что собственно въ немъ привлекало къ себѣ красивую, избалованную женщину, вѣчно окруженную блестящею толпой вздыхавшей молодежи: умъ ли, насмѣшливость ли, бросавшаяся въ глаза сдержанность, то ли, что онъ одинъ изъ всѣхъ не ухаживалъ за нею, но только Карская черезчуръ рѣзко, черезчуръ замѣтно выдѣляла его изъ общей толпы,—„бросалась на шею къ нему",—какъ выразительно язвили языки, что и создало всѣ тѣ сплетни и дрязги, отъ которыхъ Андрей убѣжалъ и заперся.

— Здравствуйте,—крикнула она ему, осаживая горячую, взмыленную лошадь:—здравствуйте, затворникъ! Вы опять совершаете свой послѣобѣденный моціонъ?

— Гуляю!—спокойно отвѣтилъ Андрей на ея вызывающій, немного насмѣшливый хохотъ.

— Гуляете! А я думала—моціономъ лѣчитесь отъ катарра... Ха, ха, ха!.. Что же, и опять, конечно, предпочитаете пѣшкомъ... да?! Опять, какъ и въ прошлый разъ?

Андрея какъ-то стѣсняло это ухаживаніе красивой женщины, которую онъ не любилъ, которая нравилась ему только своею внѣшностью, почему, между прочимъ, онъ и отка-

зался на дняхъ подсѣсть къ ней въ кабріолетъ, когда она встрѣтила его на прогулкѣ. Теперь ея хохотъ и насмѣшливый тонъ немного подзадорили его.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—сегодня я предпочитаю поѣхать...

— А!—протянула она, отодвигаясь и очищая ему мѣсто.—То-то! А я было уже подумала, что вы боитесь бѣшеныхъ лошадей... и... и...

— И чего?—переспросилъ Андрей, когда лошадь понеслась.

— И бѣшеныхъ женщинъ!—Раскраснѣвшись отъ быстрой, захватывавшей духъ ѣзды, она смѣло, вызывающе смотрѣла ему въ глаза.

— Я такихъ не видѣлъ!—съ улыбкой отвѣтилъ Андрей, не опуская взгляда. Его начали немного пьянить и эта бѣшеная скачка, и эта близость красивой, дышавшей страстью женщины.

— Не видѣли? Вотъ какъ! Помилуйте, весь городъ, всѣ кумушки зовутъ меня бѣшеной! Такъ вы меня не боитесь?

— Конечно, нѣтъ!

— Отчего же вы убѣжали, затворились отъ меня?... Отчего васъ не видно?

— Я не отъ васъ одной, а вообще ушелъ отъ гостиныхъ!... Скучно...

— Скучно?!... Нечего сказать, хорошій комплиментъ! Конечно,—насмѣшливо, вызывающе продолжало она:—мы не служимъ не играемъ въ карты, ничего не понимаемъ въ такихъ

интересныхъ предметахъ, какъ латинская или греческая грамматика...

— Оставьте грамматики... Развѣ однѣми грамматиками, да службой живутъ люди?—ѣдко отвѣтилъ задѣтый Андрей.

— А чѣмъ же еще? Чѣмъ?—нетерпѣливо подалась она впередъ.

— У каждаго человѣка,—уклончиво отвѣтилъ онъ:—есть свой внутренній міръ, свои идеалы, свои...

— И вы живете согласно этому внутреннему міру, согласно вашимъ идеаламъ?... Да?—насмѣшливо перебила она его.

— Нѣтъ, не совсѣмъ, но...

— То-то, что нѣтъ... въ этомъ-то и суть вся!... А всякое „но“ въ такихъ случаяхъ обманъ и скука... Право, лучше ужъ жить по-моему.

— То-есть?

— Прожигать жизнь,—ни мало не смущаясь, отрѣзала она ему:—топить свою скуку въ морѣ шума, веселья ощущеній. Брать отъ жизни все, что даетъ она. Такъ куда лучше, право,—гораздо лучше, чѣмъ всякія грамматики... По крайней мѣрѣ, подъ старость будетъ чѣмъ помянуть молодость... Да и пріятно!...

— Надоѣстъ!—улыбнулся Андрей.

— Надоѣстъ? Нѣтъ! Гораздо меньше, чѣмъ грамматики и вѣчный разладъ между внутреннимъ міромъ и наружнымъ... Повѣрьте!... Только не нужно останавливаться; а все кружить-

ся, кружиться безъ конца... Въ этомъ круженьи забываешься!... Вотъ и ресторанъ,—я пить хочу!

Они подъѣхали къ загородному ресторану. Андрей соскочилъ и спросилъ, чего принести.

— Шампанскаго!—улыбнулась она ему какъ-то свѣтло, мило скаля свои острые зубы и слегка краснѣя.

Онъ тоже улыбнулся ей въ отвѣтъ и пошелъ распорядиться, почти совсѣмъ опьяненный. Эта улыбка точно сближала ихъ, устанавливала какую-то неясную, но сладкую и теплую связь, въ которой какъ-то незамѣтно потонула вся его хандра.

— Чокнемся?—предложила она, когда шампанское было принесено и налито въ бокалы.

— За что?—спросилъ онъ такимъ же задорнымъ тономъ, открыто любуясь ею.

Она оглядѣлась, окинула глазами чудное небо, блиставшее уже свѣтлыми звѣздами, окутанный мглою лѣсъ, стоявшій въ какомъ-то чарующемъ молчаніи, разстилавшуюся влѣво даль, тонувшую въ мягкихъ тонахъ надвигавшейся ночи, и вновь улыбнулась Андрею.

— За ночь... за сегодняшнюю ночь!—протянула она бокалъ, улыбаясь и точно краснѣя.

Они чокнулись, все также улыбаясь другъ другу.

— Ну, ѣдемъ!—топнула она ножкой, когда вино было допито.—Садитесь!...

Андрей послушно вскочилъ, но въ это самое время до нихъ долетѣли близкіе звуки

мотива изъ „Гугенотовъ“. Поклонникъ Патти, напѣвая довольно невѣрно арію Валентины, перерѣзалъ имъ дорогу.

— А... а!... Мое почтеніе!... Какими судьбами?—закричалъ онъ, снимая свою петербургскую шляпу.

— Здравствуйте!.. Васъ ищемъ!—смѣясь, отвѣтила ему, быстро охмѣлѣвшая, какъ и Андрей, Карская.—А вы все свою Патти вспоминаете?

— Да. Ахъ, вы и представить себѣ не можете, что это за прелесть,—картиночка!—залепеталъ молодой левъ.—Тра-ла-ла, тра-лю-лю, та-та-та!... Прелесть!

— Помогите держать мнѣ возжи...—обратилась Карская къ Андрею, прижимаясь къ нему.—Нѣтъ, не такъ! Сюда, вотъ такъ!—И она ударила лошадь.

Андрею пришлось обнять ее, чтобы помочь ей держать возжи,—такъ она сама нашла удобнѣе. Молодой левъ окидывалъ ихъ подозрительнымъ взглядомъ, не зная, обижаться-ли ему на Карскую, или нѣтъ. На ходу она перегнулась къ нему черезъ Андрея и крикнула вдогонку:

— Счастливо оставаться съ Валентиной... бѣдной Валентиной!...

— А вы куда?—переспросилъ левъ, не зная, что сказать.

— А я... я...—путаясь, смѣялась Карская:—я предпочитаю съ Раулемъ!

Лошадь мчалась во всю прыть, и отъ этой быстроты и выпитаго вина у обоихъ кружилась голова и стучало въ вискахъ. Карская выпустила возжи и совсѣмъ повисла на обнявшей ее рукѣ Андрея, который все больше и больше, какъ и она, терялъ самообладаніе. Кровь, приливая къ сердцу, жгла точно кипятокъ, и по тѣлу пробѣгала дрожь, но онъ, все-таки, на моментъ опомнился и спросилъ глухимъ шепотомъ:

— Завтра по городу будетъ пущена новая сплетня. Не повернуть-ли лошадь?

— Ни за что! Что мнѣ до сплетенъ?—отвѣтила она страстнымъ шепотомъ, смотря на него влажными глазами, при чемъ ея красивыя ноздри слегка раздувались.—Я сама отвѣчаю за себя и за то, что мнѣ нравится! Я прожига-ю жизнь!

И въ тотъ же моментъ Андрей почувствовалъ, какъ ея головка безсильно повисла у него на плечѣ, а по лицу разметались ея надушенные, мягкіе, какъ шелкъ, волосы.

— Такъ лучше, такъ гораздо лучше!—страстно шептала она.—Правда?

Навстрѣчу ихъ выплывала изъ-за лѣса зеленоватая луна, обливая всю окрестность потоками мягкаго, фантастическаго свѣта; манилъ задумчивый, молчаливый лѣсъ, а съ неба свѣтло и ясно мигали золотыя звѣзды.

VI.

Эта такъ нечаянно, такъ случайно установившаяся связь,—связь отъ скуки, отъ больной потребности самозабвенія въ остромъ ощущеніи, связь безъ почвы, безъ глубокаго, сильнаго чувства, даже безъ знанія другъ друга,—больная, какъ больны были они оба, на время все-таки отвлекла Андрея отъ хандры; онъ забылъ за ней все то, что̀ его мучило. Искусственно вызванная страсть, вспыхнувшая такъ ярко и сильно, какъ она и можетъ только вспыхивать въ молодые, дѣвственные годы, опьянила его, отуманила, не давала ни времени, ни возможности на размышленіе, на анализъ, а совѣсть или нравственное чувство спокойно дремало, убаюкиваемое какимъ-то скептически-холоднымъ нашептываніемъ, что, вѣдь, большинство связей, если не всѣ, устанавливаются въ мірѣ почти такимъ же образомъ.

— Чѣмъ мы хуже другихъ?—вторила Карская этому внутреннему самооправдывающему шепоту, ласкаясь, когда замѣчала на лбу Андрея морщины.—Погляди только! Одна влюбила себя въ старика генерала, который запираетъ ее на ключъ; красивая Лидія промѣняла себя на карету, на положеніе, на „превосходительство“; этотъ женился на черноземномъ имѣніи... Погляди только, вглядись!

Андрей глядѣлъ, вглядывался и вѣрилъ убаюкивавшему совѣсть шепоту.

Мучило его сильно, что связь ихъ была скрытная, воровская, полная невозможной фальши по отношенію къ мужу, но Карская со слезами говорила ему и онъ ей вѣрилъ, онъ зналъ, что она говоритъ правду, что старикъ мужъ гораздо больше дорожитъ своимъ положеніемъ и картами, чѣмъ ею, что онъ не только все подозрѣваетъ, но и все знаетъ, и только дѣлаетъ видъ, будто ничего не видитъ, потому что между ними давно все порвано, связь поддерживается только наружно, ради приличія, ради положенія, какъ и въ большинствѣ семей мѣстнаго бо-монда.

И опять успокоился Андрей, тѣмъ больше, что ему жаль становилось эту пылкую, страстную женщину, съ богато одаренною натурой, смѣлымъ и рѣшительнымъ характеромъ, способную на многое хорошее, сложись ея жизнь иначе,—правдивую, искреннюю и теперь даже. Естественное чувство деликатной благодарности за счастливыя, хорошія минуты, за любовь ея, ласки, невольно способствовало этому самоуспокоенію.

Но, въ концѣ концовъ, эта связь лопнула, когда опьянѣніе страстью прошло, какъ проходитъ всякое опьянѣніе; у Андрея осталось на душѣ что-то вродѣ укора, слѣдъ какой-то вины и противъ себя самого, и противъ женщины, до связи съ которой онъ допустилъ себя, не любя ее, у нея же только лишній пережитый фактъ, чтобы на старости помянуть

кипучую молодость, какъ она сама говорила. Романъ ихъ кончился совершенно благополучно, какъ обыкновенно и кончается большинство романовъ въ жизни. Затрещавшіе кругомъ языки „людского стада, не прощающіе, по увѣренію Карской, никому его счастья“, вынудили-таки мужа посовѣтовать женѣ уѣхать на время въ деревню, къ матери, что̀ она выполнила почти безъ всякаго сожалѣнія, и, прощаясь „на зло только“,—какъ она признавалась,—попросила одну изъ самыхъ ярыхъ сплетницъ передать Андрею ея поцѣлуй. Тотъ опять остался одинъ съ своими столкновеніями, уроками и книгами, въ которыя ушелъ теперь весь и всецѣло, чтобы затушить въ себѣ тяжелою, упорною работой щемящее чувство укора,—больного до обиды похмѣлья послѣ пережитаго опьянѣнія.

— Чего разнюнился?—ободрялъ его, бывало, ходившій за нимъ, какъ мать, Дергунъ.—Эге-ге, братику, кто не платитъ подати молодости?... Что-жъ бы это и за молодость была! Не молодость, а кваша!... Я и самъ, знаете, когда былъ еще въ семинаріи, то въ огороды лазилъ...

— Хорошая эта философія,—возразилъ угрюмо Андрей, хмуря брови:—только, знаете, жаль, что я не могу ею заткнуть глотку тому, кто говоритъ мнѣ о нравственныхъ обязанностяхъ педагога!...

— Педагоги, педагоги!... — кипятился Дергунъ.—А развѣ педагоги не люди?

— Что же, мнѣ такъ и отвѣтить директору на его намеки?... Да?...

— А, конечно, такъ и скажите!... Самъ, поди, сколько разъ скакалъ въ гречку, когда былъ помоложе...

— Можетъ быть, и скакалъ, но для меня-то, поймите, это не оправданіе...

И потому, что это не могло быть для него оправданіемъ, онъ и болѣлъ, и мучился, и только блѣднѣлъ, какъ полотно, выслушивая эти намеки. Что, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы онъ отвѣтить на нихъ, разъ философія Дергуна казалась ему невѣрной? Одно: что будь не онъ, а кто-нибудь другой на его мѣстѣ, то тому несомнѣнно все простилось бы, глаза ничего бы не видѣли, уши не слышали, а намеки, если-бъ и были, то развѣ игриваго свойства. Но такой отвѣтъ былъ не отвѣтъ собственно, онъ это понималъ и чувствовалъ, и потому безмолвно, только блѣднѣя, выслушивалъ язвительныя рѣчи о долгѣ и нравственности педагога со стороны тѣхъ, кого не уважалъ, кто самъ, въ сущности, далеко не отвѣчалъ такимъ требованіямъ. Въ другое время, раньше, онъ многое могъ бы и сказать, и указать на такія рѣчи, а теперь... теперь онъ какъ-то невольно чувствовалъ себя такъ, какъ завѣдомый воръ, которому пришлось бы обличать воровство.

Все это еще болѣе осложняло ненормальность его отношеній и положенія, а всякое

осложненіе увеличивало натянутость, еще сильнѣе затрогивало самолюбіе, обостряло столкновенія и дрязги. Андрей пожелтѣлъ, похудѣлъ, сталъ совсѣмъ угрюмъ, „неузнаваемъ“, какъ трещали языки, „отъ безумной-де любви и тоски“, и это трещанье, долетавшее до него, несмотря на замкнутость его, выражавшееся непрошеннымъ сожалѣніемъ во взглядѣ, въ жестахъ, въ формѣ выраженій, только сильнѣе раздражало его. Нѣсколько разъ онъ подумывалъ уже о томъ, чтобы уйти куда нибудь, перевестись, найти другое мѣсто, другое дѣло, и все больше и больше задумывался надъ письмомъ Сошенко, который, перемѣнивъ казенную должность на частную, съ какимъ-то баснословнымъ окладомъ, распинался теперь за „частную работу“, пѣлъ ей дифирамбы, какъ нѣкоей, чуть ли не гражданской доблести, увѣрялъ, что теперь чувствуетъ себя вполнѣ хорошо и независимо. Удерживали Андрея на мѣстѣ, главнымъ образомъ, самолюбіе, гордость, да разнесшіеся слухи о назначенной въ округѣ ревизіи гимназіи, а онъ чувствовалъ потребность оправдать себя, всѣ жалобы на него и доносы, своею работой.

Но прошло много времени, много горькихъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ пріѣхалъ, наконецъ, ревизоръ. Ревизовать пріѣхалъ, помощникъ попечителя, извѣстный педагогъ, всею душою преданный своему дѣлу. Пріѣздъ именно его для ревизіи сильно сконфузилъ директора и

всѣхъ дослужившихъ до пенсіона, желавшихъ другого ревизора. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ на урокахъ неподвижно на задней партѣ класса, и Андрею иногда казалось, что его умные, живые глаза, представлявшіе такой рѣзкій контрастъ со всею его согбенною, старою фигурой, болѣзненнымъ лицомъ и сѣдыми волосами, смотрятъ на него съ какою-то мягкою, любовною грустью. Они обмѣнялись лишь нѣсколькими фразами при представленіи и затѣмъ встрѣчались постоянно молча, такъ какъ ревизоръ отличался крайнею молчаливостью, но Андрея что-то влекло къ нему, располагало, и именно глаза, какъ говорилъ онъ Дергуну.

Разъ Андрей, покончивъ уроки, собирался было уходить домой, какъ къ нему тихо подошелъ ревизоръ и попросилъ его слѣдовать за собою.

— Извините...— глухо сказалъ онъ ему: — прошу удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ по дѣлу.

Они вошли въ только что оставленную учителями сборную комнату, гдѣ не было ни души. Старикъ нѣсколько разъ молча прошелся по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы и что-то шамкая про себя сухими старческими губами и какъ-то сумрачно, понуро глядя въ полъ. Наконецъ, онъ остановился вплотную передъ Андреемъ.

— Я посѣтилъ много вашихъ уроковъ, — началъ онъ сухимъ, оффиціальнымъ тономъ:—

и долженъ благодарить васъ... Такой преподаватель, какъ вы, — кладъ. Мало у насъ такихъ!

Андрей отвѣтилъ оффиціальнымъ полупоклономъ.

— Да, да,—продолжалъ тотъ:—я такъ и въ округѣ скажу. Вы — рѣдкій преподаватель! У васъ сейчасъ видна любовь и къ дѣлу, и къ дѣтямъ... Это большая рѣдкость, большая рѣдкость!.. Большая рѣдкость...—добавилъ онъ, вздохнувъ.

Онъ замолчалъ и уставился на Андрея, точно разглядывая черты его лица, и Андрею показалось, что глаза его опять свѣтятся подмѣченною имъ ранѣе любовною, мягкою грустью.

— Ну-съ, — началъ онъ опять, и тонъ его голоса сталъ какимъ-то задушевнымъ и грустнымъ, какъ и его взглядъ,—это говорю я вамъ какъ вашъ начальникъ, ревизоръ. Д-да! А теперь,—продолжалъ онъ, не спуская глазъ съ Андрея,—теперь... Позволите ли мнѣ говорить съ вами какъ коллегѣ, сѣдому коллегѣ?—онъ тронулъ свои сѣдые волосы: — захотите ли выслушать меня, старика?

Онъ ждалъ не спуская своего грустнаго, пронизывающаго взгляда. Андрей открыто, мягко улыбнулся.

— Я буду радъ...—отвѣтилъ онъ.

— Ладно!—сказалъ тотъ, все еще смотря на него, и, обнявъ его рукою за талію, сталъ

ходить съ нимъ по комнатѣ. — Я повторяю вамъ,—говорилъ онъ, точно торопясь и подыскивая выраженія: — что сказалъ уже: вы хорошій учитель, да, да... Я васъ уже узналъ, всего узналъ,—вашу методу, вашъ характеръ,—узналъ все... У меня опытный глазъ на этотъ счетъ. Вы отъ души работали, сердцемъ, а не за жалованье. Я положительно благодаренъ вамъ за удовольствіе, которое вынесъ, посѣщая ваши уроки. Вы мнѣ напомнили прежнее, минувшее... Глядя на васъ, я вспомнилъ время, когда былъ молодъ...

Онъ говорилъ съ сильнымъ волненіемъ; блѣдныя, старческія щеки его покрылись густымъ румянцемъ. Андрей понялъ теперь, почему такъ грустно глядѣли его глаза на урокахъ.

— И, тѣмъ не менѣе, несмотря... Знаете, какой совѣтъ я дамъ вамъ... знаете?.. Ну?

Старикъ остановился въ волненіи и поднялъ на Андрея въ упоръ глаза. Андрей молчалъ.

— Уходите отсюда лучше... Поищите другого дѣла... — докончилъ старикъ почти шепотомъ.

— Вы хотите, чтобъ я подалъ въ отставку? — удивился Андрей, не ожидавшій ничего подобнаго.

— Совѣтую, а не хочу...—подчеркнулъ старикъ.—Вы должны понять меня... Это я говорю вамъ частно, какъ коллега вашъ, какъ

другъ!—почти крикнулъ онъ, стискивая руку Андрея.—Не объ отставкѣ вашей рѣчь, поищите другого дѣла, говорю, гдѣ ваши силы, умъ, честность, энергія нашли бы... нашли бы приложеніе и... и... удовлетвореніе... Теперь, подчеркнулъ онъ:—такіе какъ вы не нужны...

Андрей понялъ все, и сердце его мучительно сжалось.

— Развѣ вы не видите,—продолжалъ тотъ:—какъ мнѣ больно говорить вамъ это, какъ тяжело, но что же дѣлать? Вы не такой человѣкъ,—о, нѣтъ, я сразу понялъ васъ!—чтобы здѣсь ужиться,—онъ подчеркнулъ „здѣсь“:—примириться, пойти на компромиссы... И не нужно ихъ, не нужно,—зачѣмъ? Оставайтесь самъ собою, всегда такимъ оставайтесь!...—Волненіе старика дошло до того, что на глазахъ его показались слезы.—Знаете ли,—продолжалъ онъ, немного успокоившись:—вѣдь, изъ-за васъ цѣлая буря въ округѣ поднялась, чортъ знаетъ что... Вѣдь, про васъ просто ужасы доносятъ. Положимъ, я поддержу васъ, защищу,—о, конечно!—но капля долбитъ и камень... да и я выскочу не сегодня-завтра... Вѣдь, вы не смиритесь передъ ними,—онъ презрительно махнулъ рукой въ сторону,—потому-то я и говорю вамъ: поищите другого дѣла, исподволь, потихоньку подыскивайте.

Андрей слушалъ молча, все больше и больше блѣднѣя. Ему было и жутко, и больно, и обидно. Оказывалось, что люди, которыхъ онъ

презиралъ, могли вырвать у него изъ рукъ его любимое дѣло, съ которымъ онъ связывалъ столько надеждъ, столько свѣтлыхъ надеждъ!... У него захватывало дыханіе, грудь судорожно поднималась.

— Мнѣ страшно тяжело оставить свое дѣло!—съ усиліемъ выговорилъ онъ, наконецъ.

Старика передернуло, руки его задрожали, съ невыразимою лаской схватилъ онъ руку Андрея и, сжимая ее дрожащими руками, заговорилъ съ прежнимъ волненіемъ, задыхаясь и спѣша:

— Еще бы!... Я вполнѣ понимаю васъ... Я цѣню, я уважаю васъ... Вамъ больно, какъ и мнѣ,—вѣрьте мнѣ! И пока я въ округѣ, пока я на мѣстѣ, я все сдѣлаю, чтобы поддержать васъ, все... Я защищу васъ, но... но...—сильное волненіе помѣшало ему кончить.

— Что тутъ у васъ было, разсказывайте!— обратился онъ, немного успокоившись, къ Андрею, все еще стоявшему молча, въ тяжеломъ раздумьи.

Они усѣлись на диванъ. Андрей разсказалъ всѣ свои столкновенія, все, что въ немъ накипѣло, что мучило его уже второй годъ. Старикъ слушалъ, качалъ головой, возмущался. На прощанье онъ мягко обнялъ Андрея.

— Оставайтесь такимъ, оставайтесь... всю жизнь...—шепталъ онъ, тряся его руку.—Пока я въ округѣ, ваше положеніе болѣе или менѣе безопасно. Помните это! Но... но... — Го-

воря это, старикъ чуть не плакалъ отъ волненія.

Когда Андрей пришелъ домой, онъ засталъ у себя Дергуна, поджидавшаго его съ нетерпѣніемъ.

— Ну, что, друже?—кинулся онъ къ нему.

— Слушайте!...—И Андрей передалъ свой разговоръ съ ревизоромъ. Дергунъ слушалъ, въ волненіи ходя по комнатѣ.

— Знатный это человѣкъ! Слава Богу, что онъ еще въ округѣ, а если уйдетъ?—онъ махнулъ рукой.—Что вы будете дѣлать-то?

— А буду тянуть, пока тянется, а тамъ посмотримъ.

VII.

Не весело стало Андрею, но разъ онъ чувствовалъ себя особенно скверно. Часъ уплывалъ за часомъ, а онъ, далеко отбросивъ отъ себя книгу, которую взялъ было машинально, все сидѣлъ и сидѣлъ неподвижно злой и хмурый; тяжелыя мысли наполняли его голову, мучили, жгли, не давали покоя. Съ какимъ-то непонятнымъ, больнымъ злорадствомъ, бичевалъ онъ самъ себя, хохоталъ надъ своими наивными разсчетами, надеждами, иллюзіями, которыя казались ему теперь такими дѣтскими, такими дѣтски-смѣшными! Долго-ли онъ будетъ тянуть все это?—спрашивалъ онъ самъ

себя и въ отвѣтъ барабанилъ пальцами по подоконнику, на которомъ заходящее солнце провело широкія розовыя полосы. „Нѣтъ, нѣтъ,— стучали пальцы,—нѣтъ“. Но куда же идти, что дѣлать?—„Свѣтъ великъ—это правда, но что ты тамъ будешь дѣлать, что?—точно шепчетъ ему Дергунъ.—Двѣ только дилеммы, только двѣ представляетъ жизнь: Пацюкъ или синица“.— „Неправда, неправда!—стучитъ сердце и глаза зажигаются, щеки покрываются румянцемъ.— Неправда: есть-же на свѣтѣ живая, осмысленная, полезная работа, а если есть, значитъ, есть и возможность работать...“ Зачѣмъ же онъ тянетъ эту лямку, безполезную, тяжелую, зачѣмъ идетъ въ руку со Сметанкой? зачѣмъ? какого чорта? Ради дѣтей, которыя такъ его любятъ? Но что же онъ можетъ сдѣлать для нихъ существеннаго?

Стукъ въ дверь прервалъ его думы, но онъ не поднялся, не обратилъ на него вниманія. „Вѣроятно, Дергунъ“...—подумалъ онъ.

Стукъ повторился.

Злой поднялся онъ съ мѣста и направился къ двери, приготовясь недружелюбно встрѣтить гостя.

— Кто тамъ?—рѣзко спросилъ онъ, кладя руку на задвижку.

— Здѣсь ли квартира г. Загайнаго?—спрашивалъ молодой, звонкій женскій голосъ, немного запыхавшійся отъ скорой ходьбы и подъема на лѣстницу.

Андрей удивился и, быстро поправивъ платье, отворилъ дверь. Въ коридорѣ, прямо у его двери стояла женская фигура, лица которой нельзя было разглядѣть за сумракомъ.

— Вы отъ кого?—угрюмо спросилъ онъ, принявъ пришедшую за горничную, присланную съ какимъ-нибудь порученіемъ.

— Отъ себя!—весело отвѣтила та, и въ ея отвѣтѣ послышалась улыбка.—А вы—Загайный?

— Да, —отвѣтилъ Андрей:—къ вашимъ услугамъ.

Онъ немного растерялся и все еще стоялъ въ раскрытыхъ дверяхъ, не впуская гостью.

Та разсмѣялась.

— Вы всегда такъ нелюбезно встрѣчаете гостей, даже въ комнату не пускаете?—быстро, сквозь смѣхъ, спросила она, повидимому съ любопытствомъ оглядывая его высокую фигуру и подсмѣиваясь надъ его растерянностью.—А я къ вамъ съ письмомъ Сергѣя Павловича... кланяются вамъ...

Какъ ужаленный, отскочилъ Андрей отъ двери, разсыпаясь въ извиненіяхъ, на что его гостья только весело смѣялась.

— Ничего, ничего,—говорила она, смѣясь:—прощаю, прощаю вамъ, нелюбезный хозяинъ! Давайте-ка лучше познакомимся.

— Познакомимся!—засмѣялся уже и Андрей, подкупленный ея простотой и веселымъ смѣхомъ.—Кто я, вы уже знаете,—Загайный...—сказалъ онъ протягивая руку.

— Анна Горская,—отвѣтила она, еле охватывая его руку своими маленькими пальцами:— а для добрыхъ знакомыхъ просто Галя; если будемъ друзьями, такъ и зовите меня. Я ваше мѣсто занимала у Сошенка, дѣтей учила, а теперь къ вамъ пріѣхала поучиться.

— Чему?—удивился Андрей, не сводя глазъ съ гостьи.

— Сейчасъ разскажу, а прежде... вотъ!— сказала та, смѣясь и подавая письмо.

Давно пробѣжалъ Андрей письмо Сошенка, полное упрековъ за молчаніе и разныхъ вопросовъ; давно уже выслушалъ просьбу Гали и выразилъ свое согласіе помочь ей лучше подготовиться къ вступленію въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ, куда она собиралась осенью, а ему казалось, что время не шло, не двигалось. Онъ забылъ и хандру, и свои сомнѣнія, и вопросы, и только слушалъ гостью, только вторилъ ея веселому смѣху и, самъ заражаясь ея весельемъ, оживленно разсказывалъ ей о городѣ, о знакомыхъ, о себѣ. Со стороны можно было подумать, что оба они старинные, закадычные друзья,— до того непринужденна и проста была ихъ бесѣда. Вѣра въ жизнь, въ людей, отсутствіе какихъ бы то ни было сомнѣній, колебаній, юношеская свѣжесть, ненадломленность дѣвушки оживили, точно возродили Андрея. Боже, какъ давно, какъ страшно давно былъ онъ такимъ, чувствовалъ себя такъ легко, такъ пріят-

но!... Точно измѣнилось все вокругъ, точно все, что еще сегодня только мучило его, былъ одинъ сонъ, одинъ тяжелый кошмаръ... Галя не была красавицей, далеко не была ею, но въ большихъ сѣрыхъ глазахъ ея свѣтилось столько ума, прямоты и честности, она была такъ проста, вся фигура, каждый взглядъ ея, каждое слово отражали столько чистоты, молодой энергіи и силы, что Андрей не сводилъ съ нея глазъ, и чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ сильнѣе тянуло его смотрѣть на нее, все смотрѣть и слушать.

— Пора, однако...—спохватилась Галя.

— Я провожу васъ...—сказалъ Андрей, которому не хотѣлось разставаться такъ скоро.

— Ладно,—отвѣтила она:—кстати, съ мамой познакомлю васъ: она предобрая у меня.

— Когда Андрей возвращался домой, ему не хотѣлось ни спать, ни читать, ни гулять, хотя ночь была прекрасная. Онъ почувствовалъ вдругъ потребность шума, веселья, смѣха и невольно какъ-то зашелъ въ гостинницу, какъ разъ въ то время, когда Дергунъ стравливалъ тамъ Сметанку съ Дудекомъ за билліардомъ. Приходъ его былъ такою неожиданностью для нихъ, хорошо знавшихъ его характеръ и нелюбовь къ трактирнымъ развлеченіямъ, что оба компатріота, готовые было побить другъ друга кіями, остановились, какъ вкопанные, а Дергунъ такъ и бросился прямо съ вопросомъ:

— Что съ тобой? что случилось?

Андрей только засмѣялся.

— Ну, господа, за кѣмъ кій, съ кѣмъ сразиться?—весело спросилъ онъ, точно передъ нимъ были не оба „братушки“, которыхъ онъ то и дѣло донималъ, а лучшіе его друзья.

— Зо мной, зо мной!—подскочилъ юркій угреватый Сметанка, которому очень польстило обращеніе Андрея.

— Ладно!... На шампанское?

— О-о!... виватъ... идьетъ!

— Да что съ тобой?—накинулся опять Дергунъ:—женишься, что ли?

— Може надграду какую одъ начальства одебрали?—осклабился Сметанка, при чемъ его узкіе, „шельмовскіе“, по выраженію Гинца, глазки, завистливо блеснули.

— Чтось естъ?—подозрительно поддакнулъ Дудекъ.

Но Андрей вмѣсто отвѣта, ловко положилъ шаръ въ лузу и нѣсколькими ударами выигралъ партію. Сметанка поморщился, но, приказавъ подать вино, только замѣтилъ:

— О-о-о!... Кто всегда выигрываетъ, тотъ въ любви проигрываетъ!...

— А вы какъ, братушекъ, по этой части?—такимъ же веселымъ тономъ спросилъ Андрей.

— О-о-о!—закатывая глаза къ небу, хвастливо подмигнулъ Сметанка.

Андрею было весело, хорошо, какъ бываетъ всегда человѣку тоскующему, одинокому, живущему со дня на день, чѣмъ Богъ по-

слалъ, при встрѣчѣ съ живымъ, веселымъ, свѣжимъ, другомъ. Въ этомъ хорошемъ чувствѣ потонуло для него все, что еще недавно мучило его; оно заслонило собою всю пошлость окружающаго. Онъ забылъ за нимъ и Сметанокъ, и Дудековъ, точно не замѣчалъ, не видѣлъ ихъ, свою хандру, непріятности, желаніе бѣжать. Беззавѣтно поддавался онъ этому чувству, покорялся ему, со дня на день втягивался все больше и, не видя за нимъ ничего, точно махнувъ на все рукой, спѣшилъ только къ Галѣ, только одну ее видѣлъ и помнилъ. Тамъ, въ этомъ крошечномъ, чистенькомъ домикѣ, на берегу рѣки, точно потонувшемъ въ густой зелени, гдѣ жила Галя со старухой-матерью, кое-какъ пробивавшейся скуднымъ пенсіономъ, Андрей оживалъ духомъ, чувствовалъ себя тепло и привольно, забывалъ все. Весело слушалъ онъ безконечные разсказы старухи о дѣтскихъ годахъ ея любимой дочки, вмѣстѣ съ нею любовался Галей, спорилъ, училъ, смѣялся, какъ давно не смѣялся.

Давно, бывало, спитъ себѣ старуха, давно улегся и весь городъ, а они вдвоемъ съ Галей все еще рыщутъ по темной рощѣ, то споря, то ведя безконечные разговоры, то любуясь темною лѣтнею ночью, а не то тихо качаются на рѣкѣ въ лодкѣ, заслушиваясь соловья, страстно выводящаго свои ноты. „О, какъ чудно, какъ хорошо!“—прошепчетъ, бывало, въ восторгѣ Галя, складывая на колѣ-

няхъ свои маленькія ручки; а когда соловей умолкалъ, она принималась пѣть сама, и тогда Андрею казалось, что всѣ соловьи міра слетѣлись вмѣстѣ и запѣли старыя украинскія пѣсни. Говорили они о прошломъ, гадали о будущемъ, въ которое оба смотрѣли ясно и смѣло, дѣлились надеждами, поддерживали, поощряли другъ друга... Чѣмъ были они другъ другу: братомъ и сестрой? друзьями?—они объ этомъ не думали вовсе. Зачѣмъ? Андрей даже забылъ, казалось, что Галя собирается уѣхать,—по крайней мѣрѣ, онъ никогда объ этомъ не думалъ.

VIII.

Наступала осень.

Былъ поздній вечеръ, когда Андрей задумчиво шелъ лѣсомъ, угрюмый и недовольный. Три дня уже не видѣлъ онъ Гали, уѣхавшей погостить на время къ теткѣ въ деревню, и эта первая разлука доставила ему цѣлый рядъ непріятныхъ ощущеній. Опять овладѣла имъ прежняя хандра и отвращеніе къ окружавшему, съ которымъ волей-неволей приходилось стоять теперь одинъ-на-одинъ и лицомъ къ лицу, но къ нимъ примѣшивалось еще неизвѣстное до сихъ поръ ощущеніе какой-то безнадежной пустоты, тоска одиночества, какая-то непонятная, щемящая боль... „Одинъ, одинъ!“—повторялъ онъ про себя, и это сознаніе, что онъ

одинъ, не давало ему покоя и въ особенности было ему больно. Еще такъ недавно Галя пѣла, смѣялась, глядѣла на него такъ тепло, такъ ясно, съ такимъ вниманіемъ слушала его рѣчи... и онъ былъ такъ счастливъ, а теперь— одинъ! Чего-жъ она засидѣлась?... Думалъ ли онъ, что ему такъ тяжела будетъ эта разлука? А ей?...

Угрюмо шагалъ онъ по лѣсу, машинально срывая и комкая желтѣвшіе листья, направляясь къ берегу, гдѣ стояла привязанная лодка, и вдругъ остановился, какъ вкопанный. „Неужели я люблю ее?“—прошептали чуть слышно его блѣдныя губы; глаза раскрылись точно въ удивленіи, по тѣлу пробѣжалъ холодъ, а сердце застучало, будто хотѣло выскочить изъ груди... „Да, да!“ — отозвалось гдѣ-то глубоко-глубоко.—„Да, да!“—зашептали вокругъ листья, воздухъ, деревья, и чувство яснаго счастья, чувство чего-то хорошаго, теплаго наполнило его грудь, зажгло румянцемъ щеки.

Машинально отвязалъ онъ лодку, не чувствуя подъ собой земли, ничего не видя,—въ блаженномъ полу-сознательномъ состояніи. Все, казалось ему, смѣялось, ликовало, дрожало счастьемъ, каждый листъ, каждая травка, каждая струйка, какъ зеркало блестящей рѣки. Ему почудился полдень, горячій и яркій, и солнце, казалось, жгло его, слѣпило его глаза... Гдѣ же дѣлся вечеръ, темный поздній вечеръ?

Страшная боль сжала его сердце, голова закружилась, ноги подкосились, и онъ почти упалъ на скамейку лодки.

„Она уѣдетъ, непремѣнно уѣдетъ... Она такъ страстно хочетъ уѣхать!“—застучало въ головѣ и застыло въ ней кускомъ льда. Онъ все понялъ, онъ пришелъ въ себя.

Сильными взмахами веселъ далеко отъѣхалъ онъ отъ берега. Вотъ уже и тотъ берегъ... вотъ сады... одинъ, другой, вотъ и ея садъ...

„Гдѣ она теперь?“

— Ау! ау!—прозвучало въ тихомъ вечернемъ воздухѣ.

Андрей вздрогнулъ, ожилъ, встрепенулся, забылъ всѣ муки, всѣ боли.

Не ошибся ли онъ? Нѣтъ, нѣтъ! Загорѣвшіеся жизнью и счастьемъ глаза его хорошо разглядѣли въ вечернемъ мракѣ Галю, стоявшую въ саду у рѣки и звавшую его къ себѣ. Онъ хотѣлъ крикнуть, громко разсмѣяться, но голосъ ему не повиновался; онъ только улыбался и гналъ изо всѣхъ силъ лодку.

— Я такъ и знала, предчувствовала, что вы катаетесь... — смѣясь, кричала ему издали Галя, и эти слова оживили его сладкою надеждой.

„Она знала, она предчувствовала... она думала обо мнѣ!“—отражалось въ его сердцѣ какимъ-то судорожнымъ, блаженнымъ трепетомъ.

— Когда пріѣхали?—могли выговорить только его губы.

Галя вскочила въ лодку.

— Съ часъ, не больше! И, видите, сейчасъ къ вамъ!—говорила она, веселая и живая.— У меня есть что-то хорошее, хорошее... прекрасная новость!

— Что же именно?—переспросилъ Андрей, не сводя съ нея глазъ.

— Скажите прежде: „слава Богу“.

— Ну, слава Богу.

— Да не „ну“, а серьезно!.. Право—неожиданное счастье!... Тетка...—начала она торжественно, съ разстановкой, точно желая какъ можно дольше длить эффектъ и поразить слушателя:—тетка, къ которой я ѣздила прощаться, отвалила мнѣ на дорогу цѣлыхъ двѣсти рублей!.. а?!

Въ тонѣ ея голоса было столько радости и неподдѣльнаго веселья; она такъ увѣренно разсчитывала на радость, изумленіе и восторгъ слушателя, что невольно была поражена его молчаніемъ.

— Что же вы молчите?... Отчего, сударь, не кричите: ура?—все еще весело спросила она.— Послѣ-завтра я собираюсь dahin, dahin...

Но отвѣта не было,—только весла заходили сильнѣе.

Галя вдругъ почувствовала себя какъ-то неловко и, сама еще не зная—отчего, немного покраснѣла. Сердце ея тревожно забилось.

Какъ-то нерѣшительно уставила она глаза на друга и только теперь замѣтила выраженіе глубокаго страданія на его поблѣднѣвшемъ и точно застывшемъ лицѣ.

— Что съ вами, Андрей Григорьевичъ, что съ вами?—тревожно спросила она. Неловкость и тревога ея росли все больше и она еще сильнѣе покраснѣла.

Андрей не отвѣтилъ.

— Вы нездоровы?

Опять молчаніе.

— Вы не радуетесь моему счастью, моему...

— Этому счастью—нѣтъ... Я не могу радоваться вашему отъѣзду...—глухо, съ дрожью въ голосѣ, проговорилъ, наконецъ, Андрей.

— Почему?

Это „почему“ вырвалось у нея какъ-то невольно. Она вся вспыхнула и сама сейчасъ же разсердилась на себя за него.

Тихій, дрожащій, страстный шепотъ коснулся ея слуха.

— Потому, что я васъ люблю, потому что остаться безъ васъ мнѣ страшно тяжело, потому что...

Теперь пришла ея очередь сидѣть неподвижно, въ молчаніи, какъ статуя. Она то вспыхивала, то блѣднѣла; на длинныхъ опущенныхъ черныхъ рѣсницахъ ея что-то блеснуло, какъ будто слезы. Судорожно обрывали ея бѣлые, тонкіе пальцы блѣдные восковые лепестки водяной лиліи.

— И я люблю васъ...—тихо, необычайно мягко, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то грустно проговорила она, не поднимая еще глазъ.—Люблю какъ друга, очень, очень люблю...—добавила она, точно спохватившись, точно боясь показаться холодной.—Изъ всѣхъ вы мнѣ самый близкій, самый дорогой, но...

Андрей пересталъ грести и точно замеръ отъ этого тона и „но".

— Но я еще... я совсѣмъ не знаю жизни... Я еще не жила совсѣмъ.. Я еще хочу узнать жизнь, мнѣ еще надо поучиться, работать... Правда, милый, хорошій Андрей Григорьевичъ, вы сами мнѣ это говорили?

Все это было сказано необычайно мягко, тепло, задушевно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно просто. Безусловною прямотой отдавала вся ея фигура, и, по мѣрѣ того, какъ она говорила, голосъ становился тверже, сильнѣе, спокойнѣе.

— Правда?

Андрей не отвѣтилъ.

— Вы сердитесь? — тревожно переспросила она и въ ея вопросѣ послышались и любовь, и боязнь, и тревога.

— Нѣтъ...—глухо отвѣтилъ онъ.

— Не сердитесь... милый, хорошій, дорогой мой... Вѣдь, я люблю васъ, очень люблю! Я счастлива, что и вы меня любите, да, да...— Она подняла на него свои черные, прямые глаза и посмотрѣла мягкимъ, добрымъ взгля-

домъ.—Но, вѣдь, я еще совсѣмъ дѣвчонка; я не могу еще связывать себя навсегда... Для этого еще будетъ время,—о, много времени!... Правда?... Послѣ, послѣ, если вы не забудете меня... не разлюбите... другое дѣло... Но теперь... какая же я жена?—любовно засмѣялась она...—И знаете,—я думаю, что не будь вамъ такъ скучно, будь вамъ здѣсь лучше, вы бы...

Она не договорила.

Вмѣсто отвѣта, Андрей ударилъ веслами и лодка полетѣла къ берегу.

— Мы оба любимъ другъ друга,—продолжала она, точно оправдываясь и тревожно ловя выраженіе его лица: — но оба же хотимъ еще учиться и работать. Если же мы останемся вмѣстѣ, если мы женимся, придется на все махнуть рукой: у насъ пойдутъ свои заботы, свои нужды... семья, дѣти... Правда, милый?

Лодка ударилась о берегъ.

— Правду я говорю? Дай же мнѣ твою руку.

Андрей протянулъ руку и Галя, пожавъ ее, потянула его къ себѣ.

— Ты не сердишься? нѣтъ?—спросила она, обвивая его шею руками и засматривая ему въ глаза:—нѣтъ, другъ мой?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не сержусь... Я люблю тебя, мнѣ тяжела наша разлука, но... иди... иди! ты права... тебѣ еще рано вить свое гнѣздышко... иди!

Голосъ его сильно дрожалъ.

— Но тебѣ больно, милый?

— Больно?—да, очень больно!.. но я самъ говорю тебѣ: уѣзжай... Уѣзжай!—почти крикнулъ онъ, задыхаясь:—я самъ уѣду, я самъ брошу, я самъ...—бормоталъ онъ внѣ себя, тяжело дыша отъ волненія.

— Уѣдешь, бросишь... что? зачѣмъ?

— Уѣду, брошу... все, все это. Жить такъ... безъ живого дѣла, съ пустотой, тянуть лямку... такъ нельзя. За тобой, за любовью я забылъ это...

— Учить другихъ—это тянуть лямку?—удивилась Галя.

— Учить другихъ со Сметанками и прочими—развѣ портить! Сознавать одно, а дѣлать другое, вѣчныя подлости, уступки... Теперь въ модѣ только Шпицы да Дудеки,—другимъ вѣтромъ понесло... Прощай!—вдругъ сказалъ онъ, вставая и сжимая ея руку.

Галя глядѣла на него, а по щекамъ ея текли крупныя слезы. Она видѣла, какъ сильно страдаетъ онъ, какъ тяжело ему, и жгучая жалость и что-то похожее на раскаяніе въ чемъ-то охватили ея сердце. Точно виноватою чувствовала она себя передъ нимъ и потребность загладить, смягчить нанесенную боль, потребность приласкать близкаго, дорогого человѣка, съ такою болью говорившаго ей: „прощай!“—заставили ее удержать Андрея.

— Подожди, милый, сядь...—говорила она ему, плача:—ты такъ взволновался... Куда же ты хочешь уѣхать?

— Свѣтъ великъ... мѣста много... найдется и мнѣ... Прощай!

— Постой, милый!

— Нѣтъ, прощай... прощай!—и онъ крѣпко сжалъ ея руку.

Галя встала, обняла его шею и тихо прошептала сквозь слезы:

— Прости меня...

— Мнѣ не въ чемъ прощать тебя, дорогая... Прощай!

— До свиданія!—сказала она, подставляя ему свои губы.

Онъ крѣпко, сильно обнялъ ее, осыпалъ поцѣлуями ея лобъ, глаза, губы, затѣмъ, обхвативъ руками, поднялъ, точно перо, и поставилъ на берегъ.

— До свиданія!—крикнулъ онъ, быстро отчаливъ отъ берега.

Галя долго стояла на берегу и смотрѣла ему вслѣдъ.

IX.

Трудно сказать, что думалъ Андрей, когда, привязавъ лодку, онъ машинально побрелъ черезъ лѣсъ. Въ головѣ толпились какіе-то неясные, непонятные обрывки, безъ конца, безъ начала, безъ смысла, какъ бредъ горячечнаго. Онъ не видѣлъ ни тропинки, ни лѣса, ни пней, о которые спотыкался, не зналъ, куда онъ идетъ, зачѣмъ, даже гдѣ онъ. Ночь

все сгущалась, часъ уплывалъ за часомъ, а онъ все бродилъ по лѣсу тою же неровною, точно пьяною походкой, не чувствуя усталости, не разбираясь въ той путаницѣ образовъ, мыслей, представленій, что жгли его голову, быстро смѣняясь одно другимъ, какъ въ калейдоскопѣ... И вездѣ—только Галя, и все только она... Вотъ она смѣется, вотъ поетъ, вотъ онъ слышитъ ихъ давнишній споръ... Вотъ она сидитъ блѣдная-блѣдная и слушаетъ его признаніе, а слезы такъ и капаютъ. Все пережитое, перечувствованное за время ихъ встрѣчи встало теперь, точно выплывало въ какомъ-то туманѣ, толпится одно за другимъ, проносится какъ сонъ, какъ видѣнія. И все сильнѣе давитъ его чувство щемящей пустоты, безпріютности, точь-въ-точь какъ тамъ, у берега, когда, вспомнивъ, что она уѣдетъ, онъ упалъ въ лодку,—давитъ до боли, до муки. Ему жаль, ему страшно жаль, точно что-то родное, близкое, дорогое, какъ жизнь, вдругъ оторвалось отъ него, упало въ пропасть, исчезло на глазахъ, при немъ же... Куда ему дѣваться, что дѣлать? И въ отвѣтъ на эти больные вопросы что-то схватываетъ въ груди, точно спазма, захватываетъ дыханіе, поднимается все выше и выше, подступаетъ къ глазамъ...

И вдругъ все исчезло сразу, быстро: и Галя и муки, и все, и все...

Предъ нимъ только сѣрое зданіе гимназіи, коридоры, классы, Сметанка съ братіей, Дер-

гунъ... Онъ видитъ самого себя съ своими волненіями, раздражительностью. „Донъ-Кихотъ!“— насмѣшливо шепчутъ его блѣдныя губы. Все это встаетъ передъ нимъ такъ живо, такъ ясно, такъ реально, точно картина; онъ даже чувствуетъ холодъ этой монотонной, сѣрой жизни, однообразной, какъ тиканье часового маятника, глухой, какъ лѣсная тропинка, безполезной,смѣшной, дряблой, ненужной, какъ... какъ...

— Къ чорту!—махнулъ онъ вдругъ рукой, точно придя въ себя, опомнившись, и злая улыбка искривила его блѣдныя губы.

Сквозь чащу мигалъ свѣтъ изъ оконъ загороднаго ресторана и Андрей прямо пошелъ на него. Его точно тяготить теперь стала тишина и темь лѣса, безлюдье, пустота... Было уже очень поздно, посѣтители почти всѣ разошлись. Нѣсколько подвыпившихъ только продолжали стучать шарами на билліардѣ; лакеи, зѣвая, слонялись изъ угла въ уголъ, когда Андрей, усѣвшись въ отдѣльномъ, маленькомъ кабинетѣ, спросилъ бутылку чего нибудь покрѣпче.

— Ромъ, коньякъ... можно глинтвейнъ-съ...

— Все равно... покрѣпче...

Онъ пилъ крѣпкій напитокъ залпами, но опьянѣніе, сонъ, забытье не приходили. Ни малѣйшаго облегченія не почувствовалъ онъ,— напротивъ, ему стало хуже. Ко всему, что такъ мучило, терзало его внутри, присоединился еще непріятный шумъ въ ушахъ, усиленно би-

лось сердце, кружилась голова. Онъ спросилъ номеръ и бросился на постель, не раздѣваясь, но сонъ, желанный сонъ не приходилъ, точно нарочно. Его душило. Стѣны, казалось, давили ему грудь и мѣшали дышать; доносившійся стукъ билліардныхъ шаровъ раздражалъ и какъ-то особенно непріятно бозпокоилъ; горячій, спертый воздухъ точно жегъ ему лицо, горло, все тѣло. Онъ отворилъ окно, втянулъ струю свѣжаго воздуха и ему еще хуже, еще нестерпимѣе стало въ комнатѣ.

— Гроза, баринъ, собирается, переночуйте лучше...— уговаривалъ его слуга, у котораго онъ спросилъ счетъ, собравшись уходить: до города далеко и народъ всякій шляется.

Но что было Андрею до грозы и „всякаго народа?“

Онъ пошелъ. Гроза дѣйствительно собиралась и скоро разразилась цѣлымъ потокомъ дождя, грома и молніи. Первыя капли освѣжили его, онъ почувствовалъ себя бодрѣе, но черезъ нѣсколько минутъ промокъ до костей. Онъ повернулъ назадъ, но оказалось, что онъ сбился съ дороги. Съ полчаса бродилъ онъ, весь мокрый и грязный, взадъ и впередъ по темному лѣсу, дико стонавшему отъ вѣтра, разыскивая дорогу, пока не набрелъ на поляну, на которой, при свѣтѣ молніи, различилъ стогъ сѣна. Онъ забился въ сѣно и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Когда онъ проснулся, было утро. Ночная буря освѣжила природу и все окрестъ сверкало жизнью и счастливою радостью. Брилліантовыя капли дрожали, играя радугой, на листьяхъ, цвѣтахъ и стебляхъ; въ воздухѣ не было пыли,—дышалось легко и пріятно, и этотъ рѣзкій контрастъ проснувшейся жизни, полной радости и беззаботнаго счастья, съ его душевнымъ состояніемъ тяжело дѣйствовалъ на Андрея. Къ тому же у него просто трещала голова отъ выпитаго наканунѣ вина. Угрюмый, дотащился онъ къ себѣ и сталъ сбрасывать съ себя грязное, полу-обсохшее, влажное платье, когда Михей подалъ ему письмо.

— Мальчикъ чуть свѣтъ принесъ...—сказалъ онъ.

Андрей узналъ почеркъ: это писала Галя. Сердце его забилось и надеждой и страхомъ, и болью и счастьемъ. Быстро разорвалъ онъ конвертъ.

„Милый! ради тебя,—ты это понимаешь,—я ѣду утромъ, а не послѣ-завтра. Тебѣ и мнѣ, — Галя подчеркнула „мнѣ“,—будетъ легче, если скорѣй. Не нужно прощаться... Мнѣ жаль тебя, мнѣ больно, я люблю тебя. До свиданія, милый, дорогой! Твоя Галя“.

Далѣе слѣдовалъ post-scriptum, судя по почерку, писанный спокойнѣе:

„Пиши мнѣ: Zürich, poste restante. Я увѣрена, что ты справишься съ непріятнымъ чувствомъ, вызваннымъ нашею временною разлукой“.

„Временною“ было тоже подчеркнуто. Андрей понялъ, что послѣдняя фраза относилась къ высказанному имъ желанію бросить учительство.

Онъ взглянулъ на часы: было безъ 15-ти минутъ 8.

— Поѣздъ отходитъ въ восемь, Михей?

— Такъ точно-съ, въ восемь...—отвѣтилъ Михей, не спуская тревожнаго взгляда съ блѣднаго, угрюмаго лица дорогого барина.

Оставалось четверть часа; Андрей схватилъ шляпу и вышелъ.

За высокой горой, на которую они не разъ взбирались съ Галей, тянулось полотно желѣзной дороги, огибавшее дугой городъ. Почти бѣгомъ спустился онъ въ оврагъ и пошелъ полемъ. Ему страстно хотѣлось увидѣть хоть поѣздъ, который увезетъ ее, Галю...

„Не нужно прощаться...—думалъ онъ: — пусть будетъ такъ... ладно... Я не прощаться иду!“—И, тяжело дыша, онъ бѣжалъ по тропинкѣ между копнами сжатаго хлѣба.

Вотъ столбъ... одинъ, другой, третій, вотъ что-то желтѣетъ — это насыпь... еще и еще! Сердце его сильно билось, онъ задыхался, когда прямо передъ нимъ протянулись рельсы. Почти безъ силъ опустился онъ у полотна дороги. Но вотъ далеко-далеко что-то загрохотало, зашумѣло въ воздухѣ, все сильнѣе и сильнѣе, рельсы слегка застонали, зазвенѣли, и этотъ, сначала тихій гармоническій звукъ перешелъ

въ непріятное жужжанье... ближе, ближе. Андрей весь замеръ и притаилъ дыханіе. Прямо на него, грохоча и выпуская клубы дыма и пара, изъ-за лѣса выплывалъ поѣздъ.

Быстро мелькнулъ локомотивъ. Андрей видѣлъ, какъ машинистъ держалъ рычагъ и напряженно всматривался вдаль. Мелькнулъ товарный вагонъ, пассажирскій... одинъ, другой, третій...

— Галя! — Андрей протянулъ впередъ руки.

Показалось ли ему, дѣйствительно ли Галя мелькнула въ окнѣ вагона, или это мечта разгоряченнаго воображенія? Онъ такъ и замеръ, точно застылъ въ неподвижной позѣ съ протянутыми впередъ руками, съ устремленнымъ куда-то взоромъ, только блѣдныя губы его что-то шептали или силились шептать. Поѣздъ давно исчезъ изъ вида, даже дымъ, черный, ѣдкій дымъ разсѣялся, а Андрей все сидѣлъ такъ же неподвижно, мертво, въ напряженной позѣ.

Когда онъ возвращался въ городъ, вдали, изъ-за кучи деревьевъ, онъ разглядѣлъ веселую кавалькаду, быстро скрывшуюся по дорогѣ къ загородной рощѣ. Это скакала Карская, недавно вернувшаяся къ мужу, окруженная толпою своихъ вздыхателей, въ числѣ которыхъ неуклюже галопировалъ сзади неизмѣнный почитатель Патти. Все пережитое желчною вол-

ной поднялось въ немъ сразу, онъ остановился, какъ-то нехорошо, злобно улыбнулся про себя и почти бѣгомъ направился домой. Въ дверяхъ, съ разбѣга, онъ столкнулся съ Сошенко, который такъ и повисъ у него на шеѣ.

— Наконецъ-то!—кричалъ онъ цѣлуя его.— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Наконецъ-то! А я все сижу да жду... Гдѣ пропадалъ?

— Гулялъ... — задыхаясь отъ объятій, чуть проговорилъ Андрей.

— Гулялъ, ишь ты! Вотъ они, дѣятели,—гуляютъ! А у насъ, братъ, ни минуточки свободной нѣтъ: пріемы, покупки, продажи... Еле-еле выгадалъ часокъ завернуть къ дружку, поглядѣть, каково-то ему, а онъ гулять изволитъ!

— Когда пріѣхалъ? — перебилъ Андрей эту тираду.

— Только что... Мы, — Сошенко называлъ такъ управленіе частной компаніи, въ которой былъ теперь директоромъ:—мы рѣшили тутъ у васъ кое-какія землицы пріобрѣсть, ну, и пріѣхалъ... посмотрѣть нужно... Какъ живешь, разсказывай!... Стой, да что̀ съ тобой, ты на себя не похожъ сталъ! — тревожно спросилъ онъ, разглядѣвъ, наконецъ, черты друга.—Что̀ такое?

Андрей махнулъ рукой.

— Долго разсказывать. Плохо, словомъ... уйти хочу.

— Къ намъ, къ намъ, къ намъ, голубчикъ!— обрадовался тотъ.—Мы быстро тебя попра-

вимъ... Во-первыхъ, окладецъ—первый сортъ!—Сошенко даже пальцы чмокнулъ.—А затѣмъ, согласись, частная работа, независимость... А какъ жена-то будетъ рада! Она тебѣ низко-пренизко велѣла кланяться... Ну, такъ какъ же? Ладно?

Андрей задумался.

— Скорѣй, скорѣй!—тормошилъ его другъ:—что̀ тутъ раздумывать!... Геморой жалко или чина статскаго совѣтника? Пустяки, по рукамъ лучше, быстро, по-американски! Time is money!... Д-да-съ!

— Да что̀ у васъ дѣлать-то?—колеблясь, спросилъ Андрей.

— Что̀ дѣлать?... Богу Меркурію служить, вотъ что-съ... Культурѣ въ самомъ чистомъ видѣ-съ, кристаллизованномъ, такъ сказать, очищенномъ отъ всякихъ интеллигентностей!.. Купить, продать, курсъ, биржа—вотъ наши термины! Поднятіе благосостоянія, развитіе промышленности, потребностей, вообще, всяческое развитіе всего—наши принципы!... А, впрочемъ, работы мало... Кое-что̀ написать, кое-что̀ сосчитать, подписать и затѣмъ получить окладъ, да и все тутъ,—дѣлай себѣ что хочешь, хоть вѣтромъ свищи, право... Ну, такъ какъ же?

— Да я не знаю, дружище, сумѣю ли у васъ...

— Э, братъ, вздоръ!—перебилъ его Сошенко.—Если ты нынѣшней богинѣ свѣта служилъ, такъ богу Меркурію и подавно сможешь...

онъ у насъ на этотъ счетъ покладистый. Лучезарныя богини, дружище, какъ всѣ женщины, капризны, взбалмошны,—конечно, кромѣ моей Sophie!—шутливо расшаркнулся онъ:—требуютъ непремѣнно этихъ скучныхъ законныхъ узъ и формъ и т. д., и т. д., а божокъ нашъ премиленькій!... Онъ терпѣть не можетъ этихъ узъ и законностей... съ нимъ чудесно! Идетъ?

— Все равно, ладно! — махнулъ Андрей рукой:—тащи!

— Ну, вотъ то-то! — искренно обрадовался Сошенко:—люблю, братъ, что скоро. Молодецъ! У насъ, кстати, и вакансія хорошая имѣется: секретаря правленія... Будешь только бланки подписывать: Андрей такой-то, да и все тутъ! Пойдемъ же, вспрыснемъ... крюшончикъ холодненькаго, а? Гдѣ у васъ тутъ лучшіе пріюты услады? Веди, давай же руку!

Андрей далъ руку.

X.

Стояла сѣверная петербургская осень. Въ маленькой комнаткѣ одного изъ невзрачныхъ домовъ на Петербургской сторонѣ, въ какихъ обыкновенно ютится бѣдный учащійся людъ столицы, темнымъ вечеромъ у заваленнаго книгами стола, склонивъ усталую голову на обѣ руки, сидѣла Галя. Она нарочно не зажигала

лампы потому что свѣтъ невольно потянулъ бы ее къ работѣ, а ей такъ хотѣлось, такъ нужно было отдохнуть, посидѣть въ той тихой дрёмѣ, полной наплыва думъ и воспоминаній, къ которой такъ располагаютъ вообще сумерки. На дворѣ былъ вѣтеръ, стоялъ холодъ, а въ комнатѣ было такъ тепло, такъ уютно, маятникъ часовъ стучалъ такъ мѣрно, такъ много всякихъ думъ и обрывковъ прошлаго лѣзло въ голову, что Галя никакъ не могла оторваться. Она такъ набѣгалась за день съ уроками, которыми поддерживала себя въ столицѣ, такъ устала, работая надъ лекціями профессора, такъ наволновалась всякими слухами и происшествіями дня, что отдохнуть часокъ-другой являлось необходимостью. И она сидѣла тихо, неподвижно, ни на что не глядя, ни о чемъ особенно не думая, перебирая въ головѣ то то, то другое, а услужливая въ такихъ случаяхъ память сама подсказывала матеріалъ... И Богъ знаетъ почему, по какому закону сцѣпленія идей, ей вспомнился давно забытый N. Галя вздрогнула, блѣдныя щеки ея заалѣли румянцемъ, когда предъ ней встали эти картины прошлаго... всталъ Андрей... пронеслось послѣднее ихъ свиданіе въ лодкѣ, его признаніе... Нельзя сказать, чтобъ она совсѣмъ забыла Андрея,—она его скорѣе не вспоминала. Сначала, какъ только они разстались и она уѣхала заграницу, ей было очень тяжело,—Андрей не давалъ ей покоя, его любовь му-

чила ее, она точно виноватой чувствовала себя передъ нимъ, и болѣла за него, инстинктивно чуя, какъ было больно ему. Но затѣмъ прошли мѣсяцы, годъ, другой почти цѣлыхъ три года неустаннаго труда и лишеній, отъ которыхъ она и поблѣднѣла, и похудѣла. Жизнь давала такъ много впечатлѣній, захватывавшихъ подчасъ всего человѣка, а Андрей не писалъ, не давалъ о себѣ знать ни строчкой, ни полусловомъ, ничто вокругъ даже не намекало, не говорило о немъ—и больное чувство стало заживать, теряло свою остроту, и Галя все рѣже и рѣже стала вспоминать Андрея, рѣшивъ, что вся его любовь была простымъ порывомъ страстной, горячей натуры, задыхавшейся въ тяжелой обстановкѣ, которая давила, не давая выхода молодой энергіи и жаждѣ честной, осмысленной дѣятельности.

Изъ перваго-же письма матери, полученнаго заграницей, она узнала, что Андрей бросилъ гимназію, уѣхалъ изъ N, и съ тѣхъ поръ ни за границей, ни въ Петербургѣ, гдѣ она уже цѣлый годъ посѣщала курсы, не знала о немъ ничего, не слышала,—онъ точно въ воду канулъ.

И почему же вспомнился онъ ей именно теперь, когда она не знаетъ, гдѣ онъ, даже живъ-ли онъ на свѣтѣ? Его высокая, сильная фигура такъ отчетливо выдѣляется передъ нею изъ мрака комнаты; честные, смѣлые глаза жгутъ ее взглядомъ; сильная рука такъ крѣпко

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ мягко и пріятно жметъ ея руку, отчего у ней кружится голова. Ей давно уже кажется, что это не полъ, не стѣны, не потолокъ, не душный, спертый воздухъ нагрѣтой печью комнаты. Надъ нею темно-синее ночное небо Украйны и звѣзды, золотыя, какъ расплавленное золото, а внизу чистая, какъ зеркало, гладь рѣки, въ которой дрожатъ эти красивыя звѣзды.... Какъ привольно, какъ легко дышетъ грудь этимъ воздухомъ, полнымъ аромата, полнымъ какой-то особенной нѣги, точно любовной ласки! Тихо скользитъ лодка, Андрей гребетъ какъ-то неслышно, какъ машетъ крыльями птица въ лазури... онъ шепчетъ ей что-то, она видитъ его блѣдныя губы, его горящіе глаза, полные любви, страха и ласки... Ей хочется и плакать, и цѣловать, и ласкаться...

Или вотъ ясное, свѣтлое утро... Поѣздъ гремитъ и грохочетъ. Она сама сидитъ въ вагонѣ и несется, несется быстро... Ей такъ тяжело, такъ хочется плакать, хотя она и рада, въ то же время, тому, что ѣдетъ. Въ окнѣ мелькаютъ знакомыя мѣста, по которымъ они гуляли вдвоемъ... Что онъ, гдѣ? Слезы застилаютъ и туманятъ глаза... Она ничего не видитъ, только одну черную неподвижную точку у самой насыпи... Что это?.. Точка ростетъ... да это и не точка вовсе, это онъ, Андрей... онъ протягиваетъ руки.

— Галя...

Не мечта-ли это? Онъ-ли это? Дѣйствительно-ли слышала она свое имя, или...

— Можно войти? — кто-то застучалъ въ дверь.

Исчезли чары. Галя очнулась, вздрогнула, нахмурилась, какъ дѣлаетъ всегда человѣкъ, потревоженный въ своихъ думахъ.

— Это вы, Гриневъ?—спросила она недовольнымъ тономъ. Ей послышался голосъ знакомаго студента.

— Нѣтъ... нѣтъ... тысячу разъ нѣтъ!—раздался въ отвѣтъ веселый басокъ:—это я... я... собственною персоной... я, Серг...

Галя не слушала уже и бросилась отворять двери. Въ комнату влетѣла веселая, подвижная фигура нашего стараго знакомаго, Сергѣя Павловича. Несмотря на полноту, развившуюся съ годами беззаботной жизни, Сергѣй Павловичъ былъ все такъ-же подвиженъ и юрокъ.

— Три дня здѣсь... три дня ищу и не могу найти...—кричалъ онъ, сжимая руку Гали.— Фу ты, куда забралась!... Ну, какъ живется?... Отчего нѣтъ огня? — сыпалъ онъ вопросами.

Но Галя не отвѣчала. Взволнованная неожиданнымъ свиданіемъ со старымъ знакомымъ, она суетилась, зажигала лампу, подавала стулъ, бѣгала къ хозяйкѣ справляться о самоварѣ, а Сергѣй Павловичъ такъ и сыпалъ словами.

— Ну, и Петербургъ вашъ!—кричалъ онъ, закуривая папиросу:—ходишь, ходишь—ничего не добьешься. Три дня бьюсь какъ рыба объ ледъ и никакого толку. Я по дѣлу сюда... дѣло есть одно. Жена вамъ кланяется, пеняетъ, что рѣдко пишете; а дочурка—такъ та даже цѣловать хочетъ. Молодецъ она у насъ, бой дѣвка... Чего это вы такъ мечетесь?—осадилъ онъ ее вдругъ вопросомъ.

— И сама не знаю,— засмѣялась Галя: — очень ужъ вы удивили меня пріѣздомъ... Вотъ ужъ не ожидала!—сказала она, садясь, наконецъ.—Э... да какъ же вы потолстѣли, сударь!

— И постарѣлъ?—шутливо спросилъ Сергѣй Павловичъ.

— Пожалуй... или, лучше, обрюзгли...

— Нечего не подѣлаешь!..—со вздохомъ отвѣтилъ онъ:—время! Мало-ли воды-го утекло, какъ мы видѣлись! Жизнь такая! Эта полнота есть, такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ патентъ на интеллигентность, сударыня, не шутите!... Такъ-то-съ! Что же, какъ живется?

Галя стала разсказывать о своей жизни въ столицѣ и въ Швейцаріи. Сергѣй Павловичъ слушалъ, волновался, жестикулировалъ, вставлялъ свои шуточки. Подали самоваръ. За чаемъ разговоръ тянулся еще веселѣе. Обоимъ— и Галѣ, и Сергѣю Павловичу—пріятно было поговорить, перебрать прошлое, поразспросить о старыхъ знакомыхъ.

— А гдѣ онъ, что съ нимъ?—живо спросила Галя, когда разговоръ нечаянно коснулся Андрея, при чемъ ея сердце точно забилось сильнѣе.—Я, вѣдь, совсѣмъ, совсѣмъ потеряла его изъ вида.

Сергѣй Павловичъ сорвался съ мѣста и, сильно жестикулируя, зашагалъ по комнатѣ.

— Удивительный человѣкъ какой-то!.. совсѣмъ какъ въ воду канулъ... Вы знаете, онъ, вѣдь, давно бросилъ гимназію.

— Это я знаю,—мать писала... А дальше?

— Дальше?—Сергѣй Павловичъ еще энергичнѣе зашагалъ по комнатѣ.—Богъ его знаетъ!... Встрѣтился я съ нимъ случайно въ К., года два почти назадъ. Разговорились. Онъ проѣздомъ былъ изъ Питера,—вы тогда какъ разъ заграницей были, — литературой пробовалъ жить, да, вѣдь, этимъ мудрено прожить. Въ управляющіе какого-то громаднаго княжескаго имѣнія поступилъ, съ громаднымъ жалованьемъ, но затѣмъ, я слышалъ, что-то у него вышло съ княземъ... изъ-за хозяйственныхъ улучшеній, что-ли, или вродѣ этого... Въ управленіи желѣзной дороги былъ,—мнѣ одинъ знакомый о немъ говорилъ,—тоже у него тамъ что-то вышло... Въ земствѣ, слышалъ, толкался... Странная натура!.. не перебродилъ еще...

— Онъ честный человѣкъ! Энергіи масса!—перебила Галя, страстно, лихорадочно слушавшая Сергѣя Павловича.

— Правда, да!—замахалъ Сергѣй Павловичъ руками.—Но дѣвать ее не умѣетъ, да и не знаетъ куда... Приложить не къ чему, время не такое теперь... Молодъ, горячъ... Такъ, вѣдь, нельзя—прямо, съ налету,—разъ, два и кончено! Бочкомъ, бочкомъ, по кирпичику и потихоньку нужно теперь,—вѣтеръ другой!..

Сергѣй Павловичъ очень наглядно показывалъ, какъ это нужно „бочкомъ, по кирпичику", и такъ уморительно, что Галя стала хохотать.

— Письмо къ вамъ...—постучалась хозяйка.

Все еще смѣющаяся, веселая, Галя быстро стала распечатывать конвертъ съ заграничнымъ штемпелемъ.

— Отъ товарки, вѣрно...—сказала она гостю.

— Ну-ка, ну-ка, что новенькаго, кстати?—спрашивалъ онъ, съ любопытствомъ слѣдя за ней глазами.

По мѣрѣ того, какъ она пробѣгала строки письма, щеки ея, вспыхнувшія было сначала румянцемъ, блѣднѣли все больше, а глаза широко раскрывались, какъ у удивленнаго, пораженнаго человѣка. Сергѣй Павловичъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Отъ Андрея... отъ Андрея Григорьевича...—проговорила она, наконецъ, какимъ-то нерѣшительнымъ, не то удивленнымъ голосомъ, точно сомнѣваясь и недоумѣвая.

Сергѣй Павловичъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Отъ Андрея?! Что-же? гдѣ онъ? что съ нимъ?

Галя вспыхнула, помолчала, подумала и еще разъ пробѣжала нѣсколько строкъ письма.

— Онъ за границей... въ Америкѣ.

— Какъ?... Что онъ тамъ дѣлаетъ?—допрашивалъ Сергѣй Павловичъ, не замѣчая, что Галя сильно разстроена.

— Онъ совсѣмъ уѣхалъ, навсегда... сжегъ за собой корабли, какъ пишетъ, чтобы не возвращаться...

— Зачѣмъ? почему? Чудакъ!—Сергѣй Павловичъ горѣлъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ.—Прочтите-же!

Галя стояла въ нерѣшительности, колеблясь,—наконецъ, стала читать:

— „Вашъ адресъ я узналъ отъ одной изъ вашихъ товарокъ, моей знакомой. Я вамъ не писалъ никогда,—вы сами несомнѣнно поняли почему“...—начала она и остановилась.

— Ну, тутъ чисто-личные...

— Пропускайте!—почти крикнулъ Сергѣй Павловичъ такъ и горѣвшій любопытствомъ.—Дальше... Суть-то, суть!

— „Я бѣгу, уѣзжаю навсегда,—продолжала читать Галя:—и за это свое бѣгство я нисколько не краснѣю. Мнѣ не передъ кѣмъ и не отъ чего краснѣть, какъ нѣтъ съ кѣмъ и прощаться, кромѣ васъ. Съ вами я хочу проститься, какъ съ единственнымъ...“ — Ну, тутъ опять...—остановилась Галя.

— Хорошо, дальше!—махалъ Сергѣй Павловичъ отчаянно руками.

— „И мнѣ больно было-бы, — продолжала она:—если-бы вы объяснили мой отъѣздъ чѣмъ-нибудь вродѣ малодушнаго, трусливаго бѣгства передъ трудною работой, объяснили его холоднымъ эгоизмомъ, разсчетомъ и т. д.

— „Нѣтъ и нѣтъ,—говорю вамъ искренно,— не малодушіе тутъ, не трусость, не эгоизмъ, а глубокое убѣжденіе, что я здѣсь всѣмъ чужой, лишній, ненужный человѣкъ,—убѣжденіе, къ которому и вы придете въ свое время..."

Галя остановилась, подумала и покачала отрицательно головой.

— Никогда!—сказала она вслухъ твердо и рѣшительно.

— „Согласитесь, что здѣсь мы чужестранцы... Насъ создала западно-европейская книжка, она воспитала насъ, дала намъ критерій и идеалы.— Наша духовная родина—Европа... Что общаго между мной и народомъ, кромѣ рѣчи,—насъ раздѣляетъ глубокая пропасть!... Если вы скажете, что на мнѣ лежитъ большой долгъ этому народу, который работалъ въ потѣ лица, чтобы я учился и развился, то вѣдь этотъ долгъ „меньшому брату" я лучше всего заплачу тамъ, гдѣ условія для расплаты болѣе подходящи, — „меньшой братъ" есть вездѣ... Не считаете же вы нужнымъ расплачиваться именно съ погорѣловцами, хотя и родились въ Погорѣловкѣ и росли тамъ?.. Для ума и серд-

ца человѣка не должно быть условныхъ границъ...“

— Умно!—вставилъ восхищенный Сошенко, всегда приходившій легко въ экстазъ.

— „Я сначала страстно вѣрилъ въ нашъ культурный классъ,—продолжала читать Галя,—спросите Сергѣя Павловича, если увидите его...“

— Да, да, вѣрно!—заговорилъ тотъ быстро, обрадовавшись, что и о немъ упоминается.

Галя пропустила что-то въ письмѣ, закусивъ губы, чтобы не разсмѣяться, и продолжала:

— „Не сразу я разочаровался; я, вѣдь, много толкался... Чего, чего ни перепробовалъ, и вездѣ видѣлъ только болтуновъ, карьеристовъ и въ лучшемъ только случаѣ убѣжденныхъ... трусовъ...“

— Ужъ будто бы!—точно обидѣлся Сергѣй Павловичъ.

— „Что же мнѣ дѣлать съ ними и среди нихъ? Толочь воду и пугаться собственной тѣни? Я уѣзжаю въ Новый Свѣтъ, гдѣ другіе люди, гдѣ жизнь только складывается, гдѣ всякому много работы... Европы я боюсь потому, что тамъ сложившіяся традиціи, что тамъ все свое издревле установившееся, привычки, вкусы, характеры и т. д.,—словомъ, все то, что сдѣлаетъ меня тамъ чужимъ, такъ какъ я не всосалъ его съ дѣтства. Въ Новомъ Свѣтѣ еще нѣтъ—„свой“ и „не-свой“, ибо тамъ каж-

дый пока „свой“,—голосъ каждаго найдетъ откликъ въ жизни“.

Окончивъ чтеніе, Галя насупилась, а Сергѣй Павловичъ въ восторгѣ бѣгалъ по комнатѣ и махалъ руками.

— Правда, правда!—кричалъ онъ въ какомъ-то экстазѣ.—Онъ тысячу разъ правъ! О, я бы самъ махнулъ за нимъ въ Америку, будь я помоложе и не будь семьи... Геніальная натура—Андрей, ге-ні-аль-на-я!—И онъ забѣгалъ по комнатѣ.—Я ему напишу, непремѣнно напишу! А вы?

— Нѣтъ, теперь я не буду писать,—задумчиво отвѣчала Галя: — пусть это пройдетъ, пусть онъ...

— Что?—въ удивленіи перебилъ ее Сергѣй Павловичъ:—вы не одобряете его, а?

— Нѣтъ. Это—увлеченіе, временное затменіе, вызванное раздраженіемъ, желчью... Онъ одумается, увидитъ... Послѣ... послѣ я напишу ему, но не теперь.

— Квасная патріотка! — захохоталъ Сергѣй Павловичъ: — ишь ты! А адресъ? Есть его адресъ?

— Есть. Вотъ онъ...—отвѣтила Галя.

Сергѣй Павловичъ записалъ, лихорадочно, спѣшно, а Галя все стояла, грустная, задумчивая, точно придавленная.

XI.

Въ то самое время, когда Галя читала его письмо, Андрей уже почти проѣхалъ Европу и приближался къ морю. Трудно было признать въ немъ, съ перваго взгляда того Андрея, котораго мы знали въ N около трехъ лѣтъ тому назадъ. Щеки его поблѣднѣли, втянулись, глаза глубоко впали и на всемъ лицѣ, молодомъ, энергичномъ лицѣ лежалъ теперь отпечатокъ какой-то грусти, не то боли, не то надломленности, какъ бываетъ у людей только что вставшихъ послѣ долгой, тяжелой болѣзни. И этотъ отпечатокъ не сходилъ съ него, что́ бы онъ ни дѣлалъ, о чемъ бы ни думалъ, чѣмъ бы ни занимался, какою бы энергіей и силой ни сверкали его каріе, глубоко впавшіе глаза. Все, что ни встрѣчалъ онъ до сихъ поръ, покинувъ родину,—и впечатлѣнія кипучей жизни за границей, и роскошныя картины природы, — онъ встрѣчалъ все съ тѣмъ же неизмѣннымъ видомъ, почти безучастно, какъ китаецъ, ставящій себѣ принципомъ: ничему не удивляться у варваровъ. Онъ не засматривался въ окна вагоновъ, не искалъ древностей, не лазилъ по крутизнамъ и развалинамъ, не бѣгалъ по галлереямъ и музеямъ. Онъ быстро проѣхалъ Европу, какъ страстный любовникъ, спѣшащій на свиданіе, не видящій, не замѣчающій ничего по сторонамъ, на пути. Европа была для него только долгимъ, томительнымъ путемъ, отдѣ-

лявшимъ его отъ возлюбленнаго „Запада“,—что же могло быть въ ней интереснаго и замѣчательнаго?

Онъ только и думалъ, что о своемъ Западѣ, излюбленномъ Западѣ, куда бѣгутъ такіе же, какъ и онъ, всѣмъ и всему чужіе люди „строить новую жизнь на новомъ мѣстѣ“ (такъ буквально говорилось въ „Путешествіи“, чтеніе котораго, главнымъ образомъ, и натолкнуло Андрея на Америку),—гдѣ спросится и его голосъ, гдѣ онъ будетъ не чужой, не лишній, не непонятный, потому что у него есть и энергія, и желаніе работать. Западъ, казалось, былъ для него тѣмъ же, чѣмъ соломенка для утопающаго,—послѣдняя надежда, послѣдній выходъ. Куда дѣться, не будь этого „Запада?“ Превратиться въ Дергуна или тянуть жизнь въ городахъ Европы безъ цѣли, безъ дѣла, не чувствуя подъ собой почвы, не имѣя никакихъ связей съ окружающею жизнью, всему и всѣмъ чужой? Андрей даже вздрогнулъ, когда подумалъ объ этомъ.

Онъ избѣгалъ разговоровъ, разспросовъ, на которые такъ охотны нѣмцы,—хотя зналъ ихъ языкъ хорошо,—сторонился всѣхъ и всего. Вѣчно погруженный въ свои думы, онъ казался своимъ спутникамъ по вагону больнымъ, дремлющимъ, и его оставляли въ покоѣ. Разъ только, не далеко уже отъ моря, его думы перебилъ немолодой сосѣдъ баварецъ, съ любопытствомъ всматривавшійся сѣрыми,

умными глазами въ его выразительное, блѣдное лицо.

— Куда вы ѣдете?—спросилъ онъ Андрея.

Потревоженный Андрей неохотно, почти грубо отрѣзалъ:

— На Западъ...

— Во Францію?

— Нѣтъ, дальше...

— Въ Америку?—И въ тонѣ спрашивавшаго послышалось удивленіе.

— Да!—угрюмо отвѣтилъ Андрей, проклиная внутренно назойливость сосѣда.

Баварецъ посмотрѣлъ на него еще пристальнѣе, посмотрѣлъ на его плечи, руки и чуть-чуть улыбнулся.

— Боюсь показаться нескромнымъ,—началъ онъ:—но не позволите ли спросить... Вы знаете какое-нибудь ремесло?

— Нѣтъ, никакого не знаю!—все также неохотно, не глядя, отвѣтилъ Андрей.

— Знаете англійскій языкъ?

— Тоже нѣтъ.

— У васъ есть тамъ родные, знакомые?—продолжалъ допросъ сосѣдъ, все болѣе и болѣе удивляясь.

— Нѣтъ... никого нѣтъ... Я одинъ.

— Вы туристъ?

— О, нѣтъ!...

— Чего же вы ѣдете туда?—почти крикнулъ тотъ, изумленный, нахмуривъ густыя брови.

— Жить!—отвѣтилъ Андрей.

Нѣмецъ широко раскрылъ свои умные сѣрые глаза, посмотрѣлъ на Андрея, потеръ лобъ рукой, подумалъ и спросилъ:

— Можно узнать вашу національность?

— Я русскій...

— А!...—протянулъ нѣмецъ, чуть-чуть улыбаясь мягкою, доброю улыбкой, и какъ-то просто и ласково, положивъ руку на колѣно Андрея, сказалъ задушевнымъ тономъ:

— Не ѣздите туда... тамъ вы не найдете того, чего ищете.

Андрей улыбнулся какъ фанатикъ, когда ему говорятъ, что данное чудо невозможно.

— Да, да, не ѣздите... —продолжалъ тотъ тѣмъ же задушевнымъ, убѣжденнымъ тономъ.—Если бы вы хотѣли составить колоссальное богатство, выдвинуться,—о, я бы ничего не сказалъ... Но жить!... Тамъ нѣтъ жизни!

— Какъ?

— Въ смыслѣ той жизни, которую вы подразумѣваете,—поправился нѣмецъ:—*человѣческой* жизни!—подчеркнулъ онъ.—Тамъ вы встрѣтите одну погоню за наживой, за властью, которую даетъ она, и эта общая погоня сотретъ васъ, какъ пылинку, если вы не пойдете за нею...

— Въ восточныхъ штатахъ, пожалуй,—разговорился охотно Андрей, такъ какъ разговоръ шелъ о любимой темѣ:—тамъ, можетъ быть, но въ западныхъ, гдѣ жизнь еще только слагается, куда прибываютъ лучшіе, энергичнѣйшіе типы со всѣхъ концовъ земли, съ самыми

разнообразными міросозерцаніями, гдѣ нѣтъ традицій...

— Вы думаете?—перебилъ нѣмецъ эту вычитанную тираду.—Такъ должно казаться издали, но только издали... Всѣ эти „новые“ люди прибываютъ туда съ *старыми* богами... Всѣ они бѣгутъ туда съ одною цѣлью—личнаго счастія, а соприкасающаяся съ Западомъ жизнь восточныхъ штатовъ,—жизнь сильная, кипучая, страстная,—даетъ готовую формулу, готовый рецептъ счастія.

— Но вѣдь рецептовъ можетъ быть много...

— Вѣрно!—подхватилъ нѣмецъ:—какъ и вездѣ, но гораздо больше ихъ *здѣсь*, чѣмъ *тамъ*, и гораздо больше почвы для нихъ здѣсь. Сравнительно лучшее экономическое положеніе массы обезпечиваетъ общее положеніе, если и не отъ „жгучихъ вопросовъ“, то отъ особенной, *нашей*,—подчеркнулъ онъ,—остроты ихъ... О рецептахъ и разныхъ формудахъ тамъ мечтаютъ одинокіе мыслители, а не сравнительно довольная масса... Тамъ имъ нѣтъ ходу!... Вѣрьте мнѣ: тамъ одинъ общій рецептъ счастія: „долларъ“, какъ и одинъ лозунгъ: „Help your self!“... Я вѣдь былъ тамъ...

— Вы были тамъ? Чего же вы ѣздили?—живо спросилъ Андрей.

— Жить!—улыбнулся нѣмецъ. — Я уѣхалъ туда... Тоже не жилось на родинѣ.

Долго говорили они все на ту же тему и Андрей стойко и горячо отстаивалъ свое. О,

онъ знаетъ, что его ждетъ много труда, лишеній, самая суровая школа съ нуждой и голодомъ, — вѣдь онъ разсчитываетъ на свои мускулы, на одинъ мускульный трудъ въ первое время, пока пробьется, присмотрится, ознакомится съ жизнью, людьми, языкомъ. Но что же изъ того, что будетъ трудно? — даромъ ничто не дается! Ему нужна эта школа, нужна, какъ загрязненному, пыльному путнику — чистая влага ручья, гдѣ бы онъ могъ смыть все, освѣжиться. Если онъ сможетъ, устоитъ, не падетъ,—онъ станетъ новымъ человѣкомъ, здоровымъ и сильнымъ, безъ дряблости, колебаній, сомнѣній, вѣчнаго шатанья отъ постоянныхъ, компромиссовъ и сдѣлокъ съ совѣстью, съ сердцемъ. Онъ знаетъ, что тамъ не рай, что и тамъ много злого и темнаго, но ошибочно обобщать это злое и темное, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, его собесѣдникъ.

— И развѣ не легко, не привольно человѣческой груди въ широкомъ, зеленомъ лѣсу въ знойный день, хотя тамъ есть и гнилые пни, и трясины, и ядовитыя змѣи?—спрашивалъ онъ подъ конецъ и глаза его горѣли страстнымъ, лихорадочнымъ огнемъ, грудь порывисто дышала, а блѣдныя щеки оживились румянцемъ.

Страстная рѣчь, казалось, дѣйствовала на нѣмца; онъ точно колебаться началъ въ своихъ доводахъ. Онъ слушалъ, качая головой.

Ни малѣйшаго слѣда не оставилъ этотъ разговоръ въ душѣ Андрея, ни малѣйшаго ко-

лебанія не произвелъ онъ въ его задачахъ, планахъ, надеждахъ. Онъ всегда вообще туго подавался въ своихъ рѣшеніяхъ, а тутъ, къ тому же, все, казалось ему, было такъ опредѣленно, ясно, точно, такъ логически вѣрно. Нѣтъ, онъ не бредитъ, не ошибается, не фантазируетъ, не стоитъ на зыбучемъ пескѣ! Давно уже ушелъ нѣмецъ на одной изъ промежуточныхъ станцій, а Андрей все сидѣлъ и думалъ, перебиралъ все прошлое, все то, отъ чего онъ бѣжалъ, что хотѣлъ забыть и, казалось, забылъ уже. Съ какимъ-то наслажденіемъ, точно въ свое оправданіе, копался онъ въ воспоминаніяхъ, въ прошломъ, выбирая и подчеркивая въ душѣ все то, что легло на нее бременемъ, побудило его бѣжать, оставить родную землю,—всѣ свои столкновенія, всѣ разбитыя дѣйствительностью иллюзіи, мечты и надежды,—все то, за что онъ обвинялъ не себя, а другихъ. Онъ вспоминалъ, перебиралъ все, даже юность, даже первыя свои столкновенія съ семьей, съ Барвиновкой. Развѣ не былъ онъ *чужимъ* съ своими влеченіями къ родной семьѣ, самымъ близкимъ людямъ? А затѣмъ, затѣмъ... мало, что-ли, толкался онъ, мало пробовалъ, стукаясь всегда лбомъ о стѣну?... И гимназіи, и земство, и частная служба,—все, все пробовалъ и отовсюду бѣжалъ, потому что вездѣ одно и тоже. Гдѣ онъ встрѣтилъ сочувствіе, пониманіе, участіе? Въ комъ, гдѣ нашелъ поддержку? Нигдѣ, нигдѣ!..

— Море!—крикнули въ вагонѣ.

Андрей очнулся, взглянулъ въ окно, вздохнулъ глубоко, какъ отъ тяжкаго кошмара и улыбнулся впервые хорошею, счастливою улыбкой.

Когда онъ стоялъ у моря, глядѣлъ на его необъятный просторъ, точно желая проникнуть туда, далеко-далеко, за синее небо, которое надъ нимъ нависло и точно потонуло въ немъ, на пароходъ, который, пыхтя и свистя, легко качался на сѣро-зеленыхъ волнахъ, посылая въ небо клубы чернаго, ѣдкаго дыма, — онъ почувствовалъ себя легко и привольно, какъ человѣкъ, долго взбиравшійся по крутизнѣ, чувствуетъ себя, добравшись до вершины. Онъ не понималъ ни слезъ, ни рыданій, ни поцѣлуевъ земли, которыми прощались вокругъ него сотни эмигрантовъ съ родиной, съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ жили, развивали свои силы, боролись и любили. Все это ему было чуждо, даже непонятно. Онъ самъ, казалось, ни о чемъ не плакалъ, не болѣлъ, ничего не жалѣлъ, не оставлялъ ничего другого. „Развѣ Галя?“ — мелькнуло въ немъ гдѣ-то глубоко, мелькнуло и застыло, исчезло. Вѣдь съ Галей онъ уже давно, давно разстался!... Чего же плачутъ эти люди, чего жалѣютъ? Чѣмъ была для нихъ родина, если они бросаютъ ее? Чего же имъ жаль, чего плакать? И вдругъ у него защемило сердце, что-то заныло, что-то жгучее пробѣжало въ груди и блѣдныя щеки поблѣд-

нѣли еще больше, поблѣднѣли, какъ у трупа. Ему вспомнились вдругъ, какъ-то внезапно, и семья, и Барвиновка, и покойный отецъ, и всѣ эти простые люди, еще въ дѣтствѣ гладившіе его умную головку, ихъ пожеланія имѣть ему отцовскую душу и сердце, ихъ надежды, въ прахъ разбитыя однимъ его словомъ: „не хочу“. Да развѣ они всѣ не чужіе ему? Что общаго между ними когда они даже понять не могутъ другъ друга? Цѣлая пропасть, непроходимая пропасть лежитъ между ними, да они всѣ, вѣроятно, и забыли его, какъ и онъ ихъ забылъ... Но отчего же вспомнились они ему теперь именно, вспомнились такъ живо, такъ реально? Передъ смертью, говорятъ, вспоминается дѣтство, дѣтскія впечатлѣнія,—вотъ отчего вспомнились! Вѣдь онъ умираетъ, умираетъ для *этой* жизни, для Стараго Свѣта!...

— Да, да, да!—шепчутъ его блѣдныя губы.

— Was?—переспросилъ его длинный старикъ-швабъ, упорно, одиноко, какъ и Андрей, всматривавшійся въ морскую даль. Ему показалось, что Андрей его окликнулъ.

— Нѣтъ, я такъ...—смѣшался отъ неожиданности Андрей.—Скоро ли, однако, сядемъ на пароходъ?

— Сейчасъ, сударь. А вы одни?

— Одинъ.

— У васъ не съ кѣмъ прощаться, не о комъ пожалѣть?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Андрей.

— Дайте вашу руку!

Швабъ крѣпко сжалъ руку Андрея и какъ-то мягко, любовно, съ грустью поглядѣлъ въ его блѣдное лицо и впалые глаза.

— У меня тоже никого нѣтъ.... Я тоже одинъ! — сказалъ онъ, сжимая его руку. — Я всѣхъ похоронилъ... А вы?

— И я похоронилъ...

Но Андрей выговорилъ это не твердо, точно сквозь зубы.

XII.

На пароходѣ Андрей чувствовалъ себя вообще хорошо и легко, не копался въ душѣ, не перебиралъ прошлаго; онъ былъ покоенъ и только сгоралъ нетерпѣніемъ поскорѣе добраться, увидѣть эту новую „обѣтованную“ землю. Никто уже не спорилъ съ нимъ здѣсь, никто не сомнѣвался, никто не пророчилъ разочарованія, новаго горя, бѣды. Напротивъ, сотни людей, окружавшихъ его теперь, всѣ эти бѣжавшіе съ родины нѣмцы, ирландцы, французы, испанцы, итальянцы и т. д., — всѣ они вѣрили его вѣрой, жили его надеждой, сгорали его нетерпѣніемъ. Всѣ они ѣдутъ туда—далеко, за море, гдѣ такъ хорошо, гдѣ они забудутъ все выстраданное горе, оживутъ, поднимутъ голову. Что имъ родина?.. Хе! У нихъ нѣтъ ея, она не мать имъ, а злая мачиха. Что видѣли они съ дѣтства, кромѣ нужды, горя, обидъ, всякихъ

лишеній? Чѣмъ приласкала ихъ эта мать,—разъ, хоть на единый мигъ открыла ли она имъ свое сердце, приголубила? Нѣтъ, никогда! Пропадай же родина! Пусть ее любятъ тѣ, кого она гладитъ и холитъ, а они... они найдутъ себѣ другую родину—тамъ, далеко, за моремъ, куда ходитъ солнце и манитъ ихъ, гдѣ всѣмъ есть мѣсто за столомъ жизни.

Въ этой сферѣ одинаковыхъ вѣры, надеждъ, упованій было привольно Андрею, какъ въ знойный, палящій день хорошо въ прохладной рѣкѣ, какъ легко, привольно человѣку въ кругу любящей, дорогой семьи послѣ долгаго скитанія по свѣту среди чужихъ людей, тяжелыхъ столкновеній, непріятностей. Здѣсь всѣ его поймутъ, пожалѣютъ его обиды, скажутъ слово утѣшенія. Здѣсь никто не будетъ бередить его ранъ, смѣяться, пожимать плечами, качать недовѣрчиво головой, потому что здѣсь его раны—ихъ раны, его боль—ихъ боль.

Въ каждомъ лицѣ читалъ Андрей одну и ту же повѣсть, во всѣхъ глазахъ видѣлъ ту же надежду, въ каждомъ сердцѣ чувствовалъ ту же горячую вѣру въ будущее. И страстно прислушивался онъ къ стоустому восторженному бреду о новой жизни, на „новомъ мѣстѣ“, страстно слушалъ людей сильныхъ, здоровыхъ, энергичныхъ, трудолюбивыхъ, способныхъ сравнять горы съ равниной и навалить на равнины горы, но, какъ и онъ, измученныхъ, какъ и онъ, съ одною надеждой въ запасѣ. Прошлое

ихъ было мрачно, настоящее было мрачно,—они, какъ и онъ, хотѣли отстоять хоть будущее, собрали весь запасъ силъ и энергіи, бросили все, все порвали, оставивъ при себѣ одну надежду и вѣру.

Въ III классѣ, въ междупалубномъ пространствѣ, гдѣ помѣщался Андрей и всѣ его спутники, было просто ужасно,—сырость, вонь, темнота и тѣснота. Голова кружилась и болѣла безъ качки, отъ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ этой спертой, тяжелой атмосферѣ клоаки, куда добрый хозяинъ не пустилъ бы и собаки, а пароходная компанія набила людьми, взявъ съ нихъ за это по 45 талеровъ съ человѣка, съ харчами. Харчи были подъ стать всему,—все было гнилое, тухлое. Но ни Андрей, ни его спутники не роптали, не тяготились, не обращали вниманія, лучше сказать, не думали объ этомъ, какъ не думаетъ, не ропщетъ солдатъ на бивуакахъ, еле-еле дотащившійся до котла съ плохими щами. Лишь бы день прошелъ скорѣе, лишь бы ближе, лишь бы дойти поскорѣе.

А дни тянулись медленно до тошноты, до одури, какъ тянутся въ казематѣ дни узника, послѣдніе, срочные дни. Солнце вставало и ныряло, набѣгали и проносились дальше тучи, прыгали дельфины; каждый день то же, что́ и завтра, что́ и вчера. Андрей прочитывалъ „Путешествія“, возился съ лексиконами, присматривался къ окружавшему его люду, знакомился, выспрашивалъ, что и гдѣ могъ. Вотъ звучитъ

традиціонная гитара испанца, подъ звуки которой нѣмцы пляшутъ родной вальсъ. Вонъ кучка французовъ съ жаромъ ведетъ споры, перебираетъ то то, то другое изъ жизни своей родины. Смотритъ Андрей кругомъ. У борта стоитъ высокій, мускулистый, какъ дикая степная лошадь, какъ бизонъ, колоссъ— ирландецъ съ младенчески-чистыми, наивными глазами и съ восторгомъ жуетъ тухлую солонину послѣ своего вѣчно одного картофеля... Какъ страстно, съ какою вѣрой смотрятъ его глаза туда, далеко, за море, точно видятъ эту благословенную страну „съ кисельными берегами и молочными рѣками", гдѣ пріютились милліоны его братьевъ, сыновъ „зеленаго Эрина", выгнанные съ родного поля „жестокимъ бриттомъ", гдѣ нѣтъ ландлордовъ, нѣтъ „выселеній" Даже жидъ, простой виленскій жидъ, всю жизнь свою стоявшій „безъ шапки" съ вѣчно однимъ подобострастнымъ, испуганнымъ видомъ, стоитъ твердо и смѣло смотритъ впередъ.

— Какъ это,—вы разсказывали,—тамъ устроено насчетъ работы?—въ сотый разъ спрашиваетъ Андрея старый швабъ, подсаживаясь къ нему и сопя короткою трубкой.

Швабъ съ первой ихъ встрѣчи у моря привязался къ нему, какъ къ другу.

И Андрей въ сотый разъ терпѣливо разсказываетъ, по описаніямъ, и о Castle-Garden'ѣ *),

*) Въ Castle-Garden'ѣ помѣщается особое учрежденіе, завѣдующее эмиграціей въ Нью-Іоркѣ. Тамъ ве-

и о рабочемъ бюро, куда приходятъ всѣ ищущіе работы, гдѣ агенты разныхъ компаній и фермеровъ нанимаютъ на работы, заключаютъ тутъ же контракты подъ наблюденіемъ особыхъ коммиссаровъ, обязанныхъ болѣе или менѣе оберегать эмигрантовъ отъ эксплуатаціи и обмана.

— Да вотъ послушайте! — говоритъ онъ и въ сотый разъ читаетъ окружающему его люду выписки изъ „Путешествій“.

— Holla!—радостно кричатъ молодые, а болѣе возрастные, болѣе степенные спокойно покачиваютъ головами и блескомъ глазъ выдаютъ только свое волненіе.

Вотъ какъ все хорошо устроено на ихъ новой родинѣ!

— Holla, holla!—звучатъ радостные голоса.

— Eviva! — подхватываетъ тонкій фальцетъ ничего не понявшаго, а только увлеченнаго общимъ настроеніемъ и крикомъ итальянца.

— Ваша спеціальность, monsieur?—участливо спрашиваютъ Андрея французы.

— Я не знаю никакого ремесла, господа... Я... я учитель.

— A-a... monsieur le professeur сейчасъ, вѣроятно, найдетъ себѣ уроки... непремѣнно!— съ увѣренностью говорятъ они, чтобы сказать что-нибудь пріятное.

дется статистика эмиграціи, даются эмигрантамъ совѣты и даже пріютъ временный, мѣняютъ безъ обмана деньги по курсу, больныхъ помѣщаютъ въ больницы. Эмигранты доставляются непосредственно туда.

— Уроки?—удивляется Андрей:—какіе уроки? Ни за что, господа! Да я и не знаю англійскаго языка... Мнѣ придется начать такъ, какъ всѣ начинаютъ—съ работы.

— Ахъ, какъ жаль, какъ жаль, monsieur!—съ непритворнымъ участіемъ киваютъ головой французы.

— Чего жаль?—почти насмѣшливо, задорно удивляется Андрей.

— Да какъ же, monsieur le professeur! Вѣдь, это трудно, тѣмъ болѣе, что скоро зима, когда на фермахъ нѣтъ работъ... А фермы—самое лучшее для чернораб... pardon, monsieur, для неспеціалиста.

— Да,—беззаботно соглашается Андрей:—но это вздоръ... Я радъ, что мнѣ придется начинать новую жизнь съ такой школы... Она—пробный камень для меня; придется напрячь всю энергію... За то, когда пробьюсь я, хорошо освоюсь съ жизнью, со страной, съ людьми...

— Правда, правда,—деликатно соглашаются французы:—это вѣрно, monsieur, но... на первыхъ порахъ... на первыхъ порахъ... если будетъ очень трудно, monsieur... Если будетъ нуженъ другъ, товарищъ, monsieur,—вотъ адресъ!—И десятки рукъ суютъ Андрею свои карточки, на которыхъ карандашомъ отмѣчаютъ городъ, гдѣ думаютъ основаться, и свою спеціальность.

Андрей бралъ карточки, жалъ всѣмъ руки, благодарилъ, но ничѣмъ,—ни словами, ни же-

стами не могъ выразить того, что стояло въ сердцѣ. Въ сердцѣ билась какая-то безпредѣльная близость, ласка ко всѣмъ этимъ искателямъ новой жизни, какое-то неизъяснимое чувство братства, которое двигаетъ людей на подвиги, на самоотверженіе. Слова любви замирали на устахъ, хотя сердце такъ и рвалось вылить ихъ потоками, хотя ему такъ хотѣлось всѣхъ обнять, всѣмъ сказать что-нибудь особенно хорошее, отплатить сторицей за ласку, мягкость, деликатность. Даже ирландецъ, съ которымъ онъ не могъ ни разу сказать и двухъ словъ, не зная его языка, и которому онъ изрѣдка уступалъ только куски своей солонины, хлѣба, ссужалъ табакомъ, что́ тотъ принималъ вѣжливо, но съ достоинствомъ, увидя его разъ больнымъ отъ качки и духоты въ трюмѣ, взвалилъ къ себѣ на плечи и, какъ ребенка, вынесъ на палубу и, снявъ свой ветхій, дырявый плащъ, прикрылъ имъ Андрея отъ дождя. Все это бодрило Андрея, оживляло и онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ никогда въ жизни. Онъ не преувеличивалъ, когда говорилъ, что ему придется, вѣроятно, начать съ самой суровой школы труда. Онъ ѣхалъ почти безъ гроша, отославъ при отъѣздѣ бо́льшую часть своихъ средствъ матери и оставивъ себѣ только на проѣздъ. Онъ ѣхалъ такимъ-же пролетаріемъ, какъ и всѣ его спутники, даже гораздо бѣднѣе, необезпеченнѣе многихъ, такъ какъ не

зналъ ремесла, не умѣлъ работать, а о болѣе интеллигентномъ трудѣ онъ и думать не могъ, не зная языка, умѣя только съ грѣхомъ пополамъ, и то съ помощью словаря, прочитать мелкій разсказъ, анекдотъ и т. п. Но ни разу тревога за будущее не вползла въ его сердце,— напротивъ, онъ вообще никогда ни боялся лишеній, а теперь онъ даже радъ былъ бы имъ, искренно радъ... Волей-неволей придется напрячь всю энергію, борясь за жизнь, за то, чтобы не умереть съ голоду. Извѣстно вѣдь, что обстановка человѣка можетъ и притуплять, и будить энергію. А энергія—все! Съ нею, путемъ тяжелаго, но полезнаго опыта, тяжелыхъ усилій, онъ скорѣе оріентируется въ странѣ, узнаетъ все то, что ускользнуло бы отъ него, не пробуй онъ самъ своими боками. „Окунусь въ это новое море жизни,— думалъ онъ:—и только головой и руками буду добираться до берега... Доберусь и...“ — Онъ не договаривалъ, но, само собою разумѣется, что дальше шла увѣренность въ счастіи.

А пароходъ летѣлъ все впередъ и впередъ, и въ одно прекрасное свѣтлое утро, ровно 12-е по счету, глазамъ, жадно искавшимъ ее, предстала эта „новая земля“. Восторженный крикъ измученныхъ страстнымъ ожиданіемъ грудей привѣтствовалъ ее, тысячи глазъ,— и давно сухихъ, блеснувшихъ теперь огнемъ, и молодыхъ, свѣжихъ, влажныхъ отъ восторга,— пожирали ее и точно недоумѣвали, что и небо

здѣсь то же, и солнце и вода такъ же ласкаетъ, баюкаетъ берегъ, и такая же зеленая трава, какъ дома, одѣваетъ эту счастливую землю. Забыта томительная скука, забыты лишенія, болѣзнь, забыто все прошлое, даже пережитое горе забыто. Скорѣй бы выйти на этотъ берегъ, скорѣй бы увидѣть этотъ заманчивый, громадный, богатый и суетливый New-York! О, какъ долго, какъ томительно долго тянутся эти осмотры: санитарный и таможенный,— что за скука, что за отчаянная скука на этомъ страшномъ солнцепёкѣ!

Но вотъ все кончено и передъ измученными ожиданіемъ людьми выплываетъ громадный стекляный куполъ Castle-Garden'a, этого порога Нью-Іорка для каждаго эмигранта. Все ближе и ближе, все громаднѣе ростетъ онъ и выныряетъ изъ воды, наконецъ, величественнымъ, грандіознымъ зданіемъ.

— На берегъ, господа, на берегъ!

И зачѣмъ это приглашеніе?—всѣ и такъ уже на берегу. Всѣ лица напряжены, немного блѣдны, у всѣхъ забилось сердце какимъ-то особеннымъ трепетомъ ожиданія чего-то жгучаго, хорошаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизвѣстнаго. Вслѣдъ за другими вошелъ Андрей въ залъ, освѣщенный сверху тѣмъ громаднымъ стекляннымъ куполомъ, что̀ такъ долго мозолилъ глаза издали.

— По національностямъ, господа, подходите по національностямъ!

Все двигается, суетится, всѣ разбились на кучки. Андрей случайно совсѣмъ сталъ въ кучку нѣмцевъ и пошелъ съ нею къ небольшому бюро, за которымъ сидѣлъ агентъ эмиграціонной коммиссіи. Агентъ записывалъ имена, разспрашивалъ о нуждахъ, предлагалъ совѣты.

— Ступайте на западъ, на западъ совѣтую... Здѣсь нечего дѣлать: рынокъ переполненъ руками!—говорилъ онъ каждому столяру, кузнецу, слесарю, земледѣльцу и т. д.—Каждый, отправляющійся на западъ, можетъ купить желѣзнодорожный билетъ со скидкою половины цѣны!

Подошелъ Андрей.

— Ваша національность?

— Русскій.

— Какъ?—удивился агентъ.

— Русскій!...

— Спеціальность?—продолжалъ агентъ, не спуская глазъ съ Андрея.

— Учитель.

Агентъ пожалъ плечами.

— Знаете языкъ, англійскій языкъ?

— Нѣтъ.

Агентъ посмотрѣлъ на него пристально, записалъ и кивнулъ головой. Андрей отошелъ, чтобъ уступить мѣсто слѣдующему.

— Что вы намѣрены дѣлать?—крикнулъ ему вдогонку агентъ, опять повернувшись въ его сторону.

— На западъ!—отвѣтилъ Андрей, уходя.

— На западъ? — удивился тотъ, пожимая плечами и долго провожая его взоромъ. — На западъ!... На западѣ нужна не голова, а руки!...

Но Андрей уже не слышалъ; онъ шагалъ по небольшой площади, отдѣляющей Castle-Garden отъ „Бродвея“—самой богатой, суетливой улицы города. Послѣ двѣнадцатидневнаго путешествія водою, съ радостью вырвавшагося на волю школьника бѣгалъ онъ по New-York'у, какъ каждый новичекъ, поражаясь грандіозностью построекъ, парками, скверами, суетой, движеніемъ, смѣшеніемъ языковъ, расъ, типовъ и костюмовъ, своеобразіемъ жизни, поражающей вообще каждаго европейца на американской почвѣ. Все было ново, все было интересно и Андрею хотѣлось какъ можно больше и скорѣе узнать и насмотрѣться—за-разъ, сегодня, въ этотъ первый и единственный день „празднаго отдыха“. „Завтра уже за работу,—думалъ онъ:—непремѣнно за работу“...

Съ этою мыслью о работѣ онъ и проснулся на другой день утромъ въ одной изъ галлерей Castle-Garden'а, отводимыхъ для ночлега эмигрантамъ, не желающимъ или не имѣющимъ средствъ помѣститься въ гостиницахъ, и немедленно же отправился въ рабочее бюро. Народу было еще немного, нанимателей совсѣмъ не было и Андрей, усѣвшись на скамьѣ съ надписью „чернорабочіе“, рядомъ съ двумя

сонными ирландцами, сталъ отъ скуки рыться въ лексиконѣ учебника англійскаго языка. Мало-по-малу онъ до того увлекся своею работой, что и не замѣтилъ, какъ къ скамьѣ подошелъ агентъ-наниматель, здоровенный, обрюзглый толстякъ съ грубымъ, жестокимъ лицомъ и хитро бѣгавшими, нахальными, дерзкими глазками.

— На желѣзную дорогу! Кто хочетъ на желѣзную дорогу?—повторялъ онъ по-нѣмецки и по-англійски.

— Я, — отвѣтилъ Андерей, подымаясь: — я согласенъ!... Какая плата?—Онъ зналъ, что эмигрантовъ эксплуатируютъ агенты-наниматели, пользуясь ихъ наивностью и незнакомствомъ съ высотой рабочей платы, и потому сразу заговорилъ о „платѣ“, смѣло и увѣренно, какъ сдѣлалъ бы это настоящій „янки“. „Меня не надуешь... я не отдамъ себя за грошъ!“—говорили его глаза, смѣло смотря въ хитрое, злое лицо агента.

Тотъ хладнокровно оглядѣлъ его съ ногъ до головы, улыбнулся и вдругъ, вмѣсто отвѣта, протянулъ свою толстую, сильную руку и сталъ щупать его мускулы.

— Что вы?—вспыхнулъ Андрей, не ожидавшій ничего подобнаго:—что вы? Вѣдь я не скотина, я человѣкъ!...

Но агентъ уже не слушалъ. Сдвинувъ его съ пути своимъ дюжимъ плечомъ, онъ подходилъ къ другому.

— Мнѣ нуженъ не человѣкъ а его мускулы!—отвѣтилъ онъ сквозь зубы, грубо и насмѣшливо улыбаясь.

XIII.

Если бы мы, читатель, обратились непосредственно къ Андрею съ вопросомъ: каково пришлось ему въ первое время на новомъ мѣстѣ, что онъ думалъ, чѣмъ жилъ, нашелъ ли то, чего искалъ, на что надѣялся,—онъ былъ бы, навѣрное, поставленъ этимъ вопросомъ въ большое затрудненіе. „Работалъ и голодалъ!"—вотъ все, что онъ сказалъ бы намъ и что могъ бы сказать о первыхъ мѣсяцахъ жизни, когда тяжелая нужда, незнакомство съ условіями новой жизни и языкомъ страны, неумѣнье работать, полная изолированность и отсутствіе какой бы то ни было поддержки поставили его волей-неволей въ необходимость напрягать всѣ силы, всѣ помыслы только на добываніе куска хлѣба, на борьбу съ голодною смертью. Эта борьба поглощала всего человѣка, не оставляя мѣста ни для чего другого,—поглощала до того, что въ немъ засыпалъ живой, сознающій, анализирующій, наблюдающій человѣкъ съ задачами, цѣлями, міросозерцаніемъ. Онъ сталъ тою идеальною живою машиной, работающею, устающею, голодающею—и только, о которой такъ

вздыхаютъ всѣ фабриканты и заводчики міра. Кругомъ кипѣла самая широкая, шумная, энергическая жизнь, полная новыхъ формъ и явленій, любопытныхъ и свѣтлыхъ, о которыхъ давно мечтаетъ европеецъ,—условія труда, борьбы за хлѣбъ приводили въ восторгъ эмигрировавшихъ рабочихъ, а Андрей ничего не замѣчалъ, ни на что не обращалъ вниманія, точно не понималъ, не видѣлъ. Онъ ничѣмъ не интересовался, точно забылъ себя, забылъ все то, что привело его сюда. Для всего этого у него не было времени; онъ только работалъ, только отстаивалъ свое право на жизнь.

Все пережитое за это время слилось для него въ одно общее впечатлѣніе „каторги", и въ немъ тонули, какъ тонутъ въ морѣ дождевыя капли, всѣ отдѣльныя встрѣчи, впечатлѣнія, эпизоды; одно только стоитъ предъ нимъ, одно помнитъ онъ хорошо, цѣльно, что все это время ему приходилось страшно тяжело—не нравственно, не духовно, а чисто-физически. Онъ отлично помнитъ, что духовною жизнью онъ не жилъ. Онъ не думалъ, не анализировалъ, не представлялъ, не присматривался, не изучалъ,—онъ только работалъ, какъ волъ, какъ лошадь, машинально, почти безсознательно. Онъ зналъ и помнилъ только одно, что для крова и хлѣба нужно выработать не менѣе 4-хъ долларовъ въ недѣлю; жилъ только страхомъ, что ему откажутъ въ работѣ. „Мускулы, а не человѣкъ!"—стояло у него вѣчно въ

ушахъ, не давая мѣста ничему другому, и онъ жилъ почти одними мускулами.

Никакая человѣческая сила не выдержала бы добровольно подобной борьбы „за хлѣбъ“ неприспособленнаго, непривычнаго, умственно развитого человѣка; самая сильная энергія могла не устоять и сломиться, не явись на помощь безвыходность, замѣнявшая и силу, и энергію, сама толкавшая человѣка, и не будь человѣкъ одаренъ способностью „втягиваться“. Будь у него средства добраться, Андрей, можетъ быть, поборолъ бы самолюбіе и вернулся, но средствъ у него не было; отступить— значило умереть, а кто же въ его годы, съ его вѣрой въ себя, энергіей, самолюбіемъ, волей, сдѣлаетъ такой выборъ?

И онъ методически, неустанно тянулъ свое ярмо, просыпаясь утромъ затѣмъ, чтобы къ вечеру растянуться неподвижно, еле дыша отъ усталости и боли во всѣхъ членахъ, ни о чемъ не думая, не гадая, весь охваченный одною потребностью сна и отдыха. И это только въ лучшемъ случаѣ, потому что бывало и хуже, когда не было ни работы, ни денегъ, а, значитъ, и хлѣба. Часто, въ особенности въ первое время, обливаясь потомъ, напрягая до боли всѣ силы надъ только что найденною работой, онъ слышалъ роковое: „Идите! Вы неспособны, вы задерживаете другихъ!“— и тогда голодный, истощенный, еле держась на ногахъ, онъ шнырялъ взадъ и впередъ,

вновь выискивая, выпрашивая работу, съ которой, можетъ быть, завтра его такъ же прогонятъ. Иногда, въ такія минуты, послѣ безплодныхъ поисковъ, имъ овладѣвала страшная, безотчетная злоба на всѣхъ и себя. Измученные нервы болѣзненно просыпались... Чувство какой-то тяжелой и больной обиды мучило, не давало покоя... Хотѣлось крикнуть, сказать, вылить все накипѣвшее, все больное такъ, чтобы всѣ услышали, остановились... Но развѣ, услышавъ, поняли бы его? Развѣ не простая онъ мускульная единица для всѣхъ здѣсь, какъ любой землекопъ-ирландецъ? Кто ему повѣритъ, кто его здѣсь знаетъ? „Какое намъ до тебя дѣло? Помогай самъ себѣ! Кто звалъ тебя сюда? А назвался—не пеняй!... Ты чужой, совсѣмъ чужой намъ!“—казалось, говорило все вокругъ Андрею, и одна надежда, что все это только „пока“, спасала его отъ отчаянія.

Въ такомъ положеніи разъ, онъ помнитъ, онъ чуть не укралъ булку. Это было въ многолюдномъ, богатомъ Чикаго, гдѣ онъ тщетно искалъ работы. Два дня у него не было во рту и корки и голодъ страшно его мучилъ. Къ тому же его била лихорадка,—онъ двѣ недѣли сряду ночевалъ въ паркѣ, на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ. Какъ онъ очутился на набережной, онъ не помнитъ... у него кружилась голова отъ голода, болѣзни или вида тѣхъ сотенъ тысячъ кулей хлѣба,

что, окрашенные лучами заходившаго солнца, нагружались тутъ же на барки, баржи, пароходы... И вдругъ: „Булки! свѣжія, теплыя, мягкія булки!... Купите, купите!“—кричалъ мальчикъ, босой, блѣдный, таща лотокъ. Андрею стало жаль мальчика...

На бѣду, онъ попалъ въ штаты осенью, въ самое тяжелое для рабочаго люда время, когда окончаніе полевыхъ работъ наводняетъ города массой голоднаго, ищущаго работы люда. Волей-неволей пришлось ему толкаться въ городахъ, вести конкуренцію съ настоящими здоровыми и сильными работниками при сравнительно маломъ спросѣ на руки. Положеніе дѣйствительно было отчаянно-плохо. Лѣтомъ, на фермахъ, когда руки цѣнятся на вѣсъ золота, ему было бы легче, но теперь приходилось до крайности жутко. „Какой вы рабочій?“—насмѣшливо встрѣчали его хозяева, подозрительно оглядывая его бѣлыя, слабыя руки, изъ-за которыхъ имъ чудился бѣжавшій изъ европейской тюрьмы мошенникъ, и съ тою же подозрительностью встрѣчали его и товарищи рабочіе. „Какой онъ рабочій? Онъ—бѣлоручка... ничего не умѣетъ... Попался, видно, дома на чемъ, ну, и бѣжалъ сюда отъ тюрьмы!“—говорили кругомъ; а Андрей если-бъ и могъ и умѣлъ объяснить говорившимъ, то, навѣрное, не сдѣлалъ бы этого. Ему не повѣрили бы и обдали бы хохотомъ. Статочное-ли дѣло мѣнять богатое, обезпеченное положеніе на та-

кую каторгу и притомъ добровольно? Ѣдетъ ли кто-нибудь сюда не отъ бѣды, не за лучшимъ кускомъ, не за лишнимъ долларомъ? Онъ или лгунъ, или сумасшедшій,—сказали бы ему. Это навѣрное зналъ Андрей.

Несмотря на все, Андрей не отчаявался, не терялъ ни вѣры въ себя, ни энергіи. Искалъ работы, голодалъ, когда ея не было, рылъ песокъ, громоздилъ уголь, билъ камень, мѣсилъ кирпичъ,—словомъ, дѣлалъ все, что ни выпадало, что ни давали. Мало-по-малу онъ втянулся, пріобрѣлъ кое-какую сноровку, небольшой навыкъ и, что было для него чуть ли не самымъ важнымъ, „набилъ ухо", какъ говорится,—сталъ понемногу различать и понимать разговорную рѣчь, отдѣльные звуки которой сливались для него въ одинъ безконечный свистъ и шумъ сначала. Такимъ образомъ, въ серединѣ короткой зимы положеніе его немного улучшилось, стало легче находить работу, голодать и мыкаться приходилось меньше, а работа не такъ утомляла уже и не требовала сверхъестественнаго напряженія, поглощавшаго всего человѣка, оставляла мѣсто для ума, души, наблюденій—для духовной жизни. Андрей сталъ оживать, въ немъ сталъ просыпаться мыслящій, анализирующій живой человѣкъ, охваченный доселѣ точно летаргіей, какимъ-то соннымъ, безсознательнымъ прозябаніемъ. Оглянувшись впервые назадъ, онъ съ удивленіемъ и почти съ

ужасомъ убѣдился, что жилъ до сихъ поръ только инстинктомъ, — какимъ-то неяснымъ, смутнымъ инстинктомъ жизни и самосохраненія, какъ волъ, какъ улитка безъ смысла и цѣли. Думалъ онъ? Наблюдалъ? Дѣлалъ выводы, анализировалъ? — спрашивалъ онъ себя самъ и на все отвѣчалъ только: нѣтъ! Ничего такого онъ не помнитъ. Если и было, то незамѣтно, мимоходомъ. Что же онъ дѣлалъ? Приспособлялся, шляясь изъ города въ городъ!— улыбнулся онъ себѣ въ отвѣтъ,—улыбнулся тою хорошею, счастливою улыбкой, какою улыбается воскресшій послѣ тяжкой болѣзни больной, когда ему разсказываютъ, какъ онъ мучился въ жару и бредилъ.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ выходилъ изъ такого грубаго, животнаго состоянія, по мѣрѣ того, какъ мускульная жизнь уступала въ немъ мѣсто духовной, нервной, сознательно-человѣческой, имъ начинало овладѣвать что-то вродѣ скуки, чувство какой-то пустоты и неудовлетворенности. Не было съ кѣмъ дѣлиться впечатлѣніями, говорить, не было никого, кто бы его понялъ, оцѣнилъ, призналъ то, что требовало признанія, проявилъ бы хотя малѣйшій интересъ къ нему, какъ къ человѣку, а не мускульной машинѣ, товарищу за работой, обѣдомъ или по койкѣ. Какъ чернорабочему, Андрею приходилось всегда стоять за самымъ грубымъ, тяжелымъ трудомъ, вертѣться, такимъ образомъ, въ самомъ низшемъ,

самомъ грубомъ кругу эмиграціи рабочаго люда, вѣчно враждовавшихъ другъ съ другомъ ирландцевъ и сѣверныхъ нѣмцевъ, составлявшихъ свои особые, тѣсно замкнутые кружки. Зная нѣмецкій языкъ, онъ могъ бы сблизиться съ нѣмцами, войти въ ихъ кругъ, но ему претила отличавшая ихъ грубость, ихъ какое-то холодное нахальство, циническій эгоизмъ, наглое самодовольство, кулачество и подхалюзничество, лакейство, о которомъ онъ читалъ еще у Берне. Къ тому же нѣмцы, какъ и ирландцы, несмотря на симпатичныя ему стороны тѣхъ, не могли бы предложить ему ничего другого, кромѣ общихъ попоекъ, картежной игры и т. п., а ему совсѣмъ не этого хотѣлось.

Отъ этой ли тоски, отъ желанія ли съ кѣмъ подѣлиться мыслями, поговорить, онъ разъ какъ-то, совсѣмъ нечаянно, вспомнилъ о своемъ письмѣ съ Галѣ. Вѣдь она могла же отвѣтить: письмо давно лежитъ, вѣроятно!— пронеслось въ головѣ и наполнило его чѣмъ-то мягкимъ и теплымъ. Ему вдругъ страстно захотѣлось получить это письмо, прочитать сейчасъ-же, какъ можно скорѣе. Что-то тамъ дѣлается, что-то она напишетъ ему? Отчего это онъ ни разу до сихъ поръ не вспомнилъ, не подумалъ объ этомъ?—спрашивалъ и точно укорялъ онъ себя. Адресъ свой онъ далъ Галѣ на Castle-Garden, куда обыкновенно адресуются всѣ письма эмигрантамъ въ первое время

ихъ пребыванія въ штатахъ, и теперь ему приходилось ждать, пока онъ напишетъ туда, пока тамъ отыщутъ его письмо, если оно тамъ есть, и перешлютъ ему по его новому адресу. Ждать приходилось долго,—вѣдь онъ былъ уже въ громадномъ С.-Луи, въ этомъ многошумномъ, богатомъ „сердцѣ штатовъ", столицѣ Запада.

Письма онъ дождался, но не въ С.-Луи уже Работа, исканіе ея погнали его еще дальше на западъ. Снѣжные наносы завалили желѣзную дорогу,—понадобилось много рабочихъ рукъ; компаніи предлагали хорошую плату—по 3 доллара въ день съ харчами, и Андрей укатилъ съ первымъ рабочимъ транспортомъ Въ снѣжномъ, пустынномъ полѣ, на сильномъ холодномъ вѣтру, весь обливаясь потомъ, изнемогая отъ усталости, онъ рылъ лопатой глубокій снѣгъ. Скука въ особенности его донимала. „Хоть бы швабъ былъ тутъ!"—вспомнилъ онъ своего пароходнаго компаньона, глядя на чуждыя все лица, преимущественно ирландцевъ, тщетно вслушиваясь въ ихъ неумолкавшій, оживленный, непонятный разговоръ. И вдругъ онъ слышитъ свое имя... кто-то, громко крича, зоветъ его... Кто бы это?—Я!—отвѣчаетъ онъ на зовъ, выдвигаясь впередъ, и, въ то же время, видитъ въ рукѣ спрашивающаго что-то бѣлое и слышитъ: „Письмо! — съ послѣднимъ транспортомъ!— Письмо!"

Какъ страшно дрожатъ его руки, пока онъ рветъ конвертъ, какъ бьется его сердце!... Онъ не можетъ читать, у него захватываетъ духъ, кружится голова, сливаются строки... Сосѣдъ ирландецъ глядитъ на него съ такимъ неподдѣльнымъ участіемъ,—вѣдь онъ самъ такъ трепещетъ, когда получаетъ вѣсточку съ дорогого „зеленаго Эрина“,—онъ это отлично понимаетъ. Но что же это? „Я давно рѣшилъ, что ты геніальная натура!—читаетъ Андрей строки Сергѣя Павловича:—и самъ тоже...“ А Галя?—спрашиваетъ онъ самъ себя, прерывая чтеніе, пораженный, удивленный, разочарованный:—такъ это не Галя, нѣтъ?—шепчутъ его побѣлѣвшія губы, а глаза ищутъ и находятъ только сравненія съ орломъ въ поднебесьи, восклицанія по поводу того, какъ ему-де теперь „легко и чудно дышится“, сожалѣнія о томъ, что „жена и дѣти мѣшаютъ“ ему, Сергѣю Павловичу, отправиться въ штаты тоже, что̀ было всегда „мечтой его юности“, и т. д., все въ томъ же родѣ.

Писалъ одинъ Сергѣй Павловичъ. Андрей съ досадой швырнулъ письмо,—тамъ не было ничего, кромѣ приведенныхъ восклицаній. „Посмотрѣлъ бы я на тебя здѣсь съ твоимъ брюшкомъ, какимъ бы ты орломъ выглядѣлъ!“—прошипѣлъ онъ съ досадой. Ему было и досадно, и больно. Отчего Галя не отвѣтила?—неотступно мучило его,—вѣдь вотъ написалъ же тотъ! И отчего не написалъ онъ, что̀ она

дѣлаетъ, что̀ думаетъ, что̀ говорила, когда читала ему письмо? Ахъ, Сергѣй Павловичъ, неисправимый Сергѣй Павловичъ! — вздохнулъ Андрей, снова пробѣгая письмо.

Но тутъ мысли его приняли другой оборотъ. Онъ сталъ удивляться, съ какой стати ожидалъ письма Гали. Вѣдь, для Гали онъ совсѣмъ-совсѣмъ посторонній и она, навѣрное, даже забыла о немъ. Зачѣмъ писалъ онъ ей, чего ждалъ онъ и что она можетъ ему отвѣтить, кромѣ формальныхъ, ненужныхъ пожеланій?... Эхъ!—почти крикнулъ онъ съ досадой и, закаявшись впредь писать домой кому бы то ни было изъ старыхъ друзей и ждать отвѣта, приналегъ съ какимъ-то ожесточеніемъ на лопату.

XIV.

До весны, до начала полевыхъ работъ оставалось съ небольшимъ два мѣсяца и Андрей начиналъ уже чувствовать себя побѣдителемъ, какъ на бѣду его въ странѣ разразился „банковый кризисъ“. Сначала лопнулъ одинъ банкъ въ Нью-Іоркѣ, тамъ другой въ Чикаго, третій за нимъ въ С.-Луи, а тамъ и пошло одинъ за другимъ. Банки лопались, какъ слишкомъ раздутые мыльные пузыри, а вслѣдъ за ними закрывались фабрики, пріостанавливались заводы, наступила неслыханная безработица и доро-

говизна на все. Цѣлыя сотни тысячъ людей разорились въ пухъ, потерявъ всѣ свои сбереженія въ банкахъ, а еще бо́льшее, неисчислимо-бо̀льшее число тысячъ было обречено на голодъ, осталось безъ всякихъ средствъ къ существованію съ пріостановкой работъ. Страной овладѣла паника, вездѣ слышался громкій ропотъ, собирались грозные митинги, произносились грозныя рѣчи, а кое-гдѣ доходило даже до вооруженнаго столкновенія съ милиціей голодныхъ рабочихъ массъ, требовавшихъ государственнаго вмѣшательства въ общее положеніе дѣлъ и открытія такимъ путемъ фабрикъ и заводовъ. Безчисленныя благотворительныя учрежденія Союза широко открыли свои дѣйствія, вездѣ учреждались дарсвыя кухни, столовыя, пекарни; но что могла подѣлать миска плохого супа среди цѣлаго моря нищеты и голода? Къ тому же нищета была горда, возмущалась необходимостью прибѣгать къ благотворительности и громко заявляла о своихъ сильныхъ рукахъ, о правѣ на трудъ и о многомъ другомъ, чего никакъ не хотѣли понять тѣ, что̀ проповѣдывали „свободу промышленности“ и „невмѣшательство“, находя, что „все идетъ какъ нельзя лучше“, что случившійся „кризисъ“ въ порядкѣ вещей, вполнѣ естественъ и законенъ въ общемъ ходѣ индустріи и что нужно только „потерпѣть немножко“.

Андрей быстро проѣлъ свое сбереженіе, скопленное при очисткѣ желѣзнодорожнаго

пути, и голодалъ теперь, какъ и всѣ, даже самые искусные и ловкіе рабочіе. Ему невыносимою казалась мысль обращаться къ благотворительности, и онъ рѣшился выносить голодъ, пока станетъ силъ, пока будутъ носить ноги. Тщетно шлялся онъ по безконечнымъ улицамъ С.-Луи, заглядывалъ въ каждый дворъ, ища какой бы то ни было работы, хотя бы за одинъ хлѣбъ,—работы не было. Цѣлую недѣлю кормился онъ разными выбросками сорныхъ кучъ, гнилымъ картофелемъ, корками дынь, арбузовъ и т. под. мерзостью, крѣпился какъ могъ, но, отощавъ въ конецъ, махнулъ рукой и побрелъ къ ближайшей даровой столовой какого-то благотворительнаго общества.

Страшно поразила его встрѣченная имъ тамъ картина. Десятки дѣтей, женщинъ, стариковъ и молодыхъ, блѣдныхъ, истощенныхъ, безъ кровинки, похожихъ скорѣе на скелеты, только живые и обтянутые кожей, чѣмъ на людей, наполняли залы столовой, страстно ожидая своей очереди; жадными взорами провожали они каждый глотокъ, каждую ложку добравшихся уже до супа другихъ, ѣвшихъ скелетовъ и на блѣдныхъ лицахъ ихъ отражалась какая-то бѣшеная, жестокая злоба нетерпѣнія. Красивыя, нарядныя лэди-распорядительницы шныряли взадъ и впередъ, отбирая номера, указывая очередь и своимъ здоровымъ, изящнымъ видомъ еще больше усугубляли, какъ бы подчеркивали общее ужасное впечатлѣніе конт-

раста нищеты и горя. Въ углу залы методистскій пасторъ говорилъ проповѣдь на тему „любви и терпѣнія“, и его глухой, надтреснутый голосъ звучалъ какъ-то особенно странно и дико среди немолчнаго лязга и звяканья ложекъ. Все вмѣстѣ говорило, казалось, о какой-то ужасной тризнѣ, печальныхъ и мрачныхъ могильныхъ поминкахъ во вкусѣ Эдгара Поэ. У Андрея морозъ пробѣжалъ по спинѣ и голова закружилась.

— Вы за даровымъ супомъ?—обратилась къ нему одна изъ распорядительницъ, молодая бѣлокурая миссъ.

— Да!—чуть слышно выговорилъ Андрей.

Онъ вдругъ почему-то почувствовалъ себя и здоровымъ, и даже не голоднымъ среди всѣхъ этихъ несчастныхъ, и чувство какого-то жгучаго стыда и больной невыразимой обиды за то, что онъ здѣсь, за даровою чашкой супа, душило его, окрасило румянцемъ его блѣдныя щеки, а глаза затуманило слезами.

— Вашъ номеръ?—продолжала миссъ.

— У меня нѣтъ номера!—отвѣтилъ онъ глухо.

— Вы въ первый разъ?

— Да!

— Подождите минутку,—сказала она, поворачиваясь уходить:—я вамъ принесу и номеръ, и супъ...

— Постойте! А свидѣтельство о бѣдности, гдѣ оно?—гнѣвно перебила ее суровая, немолодая дама, наступая на Андрея и измѣряя

его недовѣрчивымъ взглядомъ.—Гдѣ у васъ свидѣтельство о бѣдности?

— Какое свидѣтельство?—спросилъ Андрей, дрожа и все больше краснѣя.

— Отъ прихода или попечительнаго совѣта...

— Я не бралъ свидѣтельства!—выговорилъ онъ уже совсѣмъ съ трудомъ.

— Не брали?—Дама сурово измѣрила его съ ногъ до головы и прямо, уставивъ ему въ лицо недовѣрчивые, холодные глаза, произнесла важно и торжественно:—Стыдитесь, сударь! Лѣность—мать пороковъ!... Вы не хотите работать и набрасываетесь на даровое... Стыдитесь! Вонъ послушайте слова пастора!—И она метнула рукой въ уголъ.

У Андрея подкосились ноги, застучало въ вискахъ... Что-то сдавило ему грудь, поднимаясь все выше и выше къ глазамъ... Губы его силились что-то отвѣтить, но только нервно дрожали, точно скованныя... Гдѣ выходъ,—двери, окна?—онъ ничего не видитъ.

— Возьмите супъ!—раздался надъ его ухомъ голосъ молодой распорядительницы.—Ахъ, мадамъ,—обратилась она съ укоромъ къ старшей товаркѣ: — вы опять обидѣли нравоученіями... Такъ вѣдь нельзя, мадамъ!

Андрей пришелъ въ себя; жестомъ, полнымъ отвращенія, оттолкнулъ онъ протянутую ему миску и направился къ двери.

— А супъ, сэръ, супъ!—кричала ему вслѣдъ сконфуженная добрая дѣвушка.

— Не надо!—обернулся Андрей и вышелъ.

— А что, видите?—донесся до него голосъ старой лэди.—Вы говорите: нельзя такъ! Какъ нельзя? Вѣдь, вотъ же я пробудила совѣсть въ этомъ лѣнтяѣ и... отлично!

Онъ пошелъ, самъ не зная зачѣмъ и куда, полный горькаго, тяжелаго чувства, больной обиды, потрясенный, озлобленный до слезъ, до какого-то тупого бѣшенства на все и себя, отъ котораго онъ задыхался. Такъ прошелъ онъ нѣсколько улицъ, пока не наткнулся на чугунную рѣшетку набережной, преградившую ему дорогу. Что было дѣлать? Очевидно, хлопотать о свидѣтельствѣ о бѣдности или... Но нѣтъ! Къ чорту свидѣтельство!... Не нужно ему такой благотворительности, да и никакой!.. Богъ съ ней, не нужно!.. Въ воду? Тоже нѣтъ,—зачѣмъ? Онъ будетъ тянуть, пока не свалится съ ногъ,—ну, а тамъ пусть везутъ въ больницу или дѣлаютъ что хотятъ,—ему все равно! И, стиснувъ зубы, онъ судорожно сжалъ перила рѣшетки.

— Сэръ!—и кто-то хлопнулъ его по плечу сзади.

Онъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ тощій, высокій, типичный янки и, точно зондируя его своимъ строгимъ, холоднымъ взглядомъ, протягивалъ ему маленькую брошюру, на заглавномъ листѣ которой стояло крупными буквами:

„Новѣйшее, истиннѣйшее библейское общество, построенное на самыхъ настоящихъ биб-

лейско-христіаннѣйшихъ истинахъ", а немного ниже: „Долой еретиковъ-методистовъ!"

Андрей понялъ, что предъ нимъ миссіонеръ какой-нибудь вновь возникшей секты, растущихъ въ штатахъ какъ грибы. Зло разобрало его еще сильнѣе и онъ положительно чувствовалъ, что дрожитъ отъ злобы, какъ только раскрылъ ротъ.

— Христіаннѣйшій мистеръ! — сказалъ онъ, нехорошо улыбаясь:—вы бы, право, лучше сдѣлали, предложивъ мнѣ работу и хлѣбъ сначала, а потомъ уже это...

Янки передернуло и отъ словъ, и отъ ихъ тона, и отъ улыбки. Они вообще не любятъ насмѣшекъ и смѣшного положенія. Сѣрые, холодные, безстрастные глаза его вдругъ вспыхнули огнемъ.

— Не единымъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ,— знаете ли вы это, сэръ?—спросилъ онъ, пристально всматриваясь въ Андрея.

— Знаю,—такъ же насмѣшливо продолжалъ тотъ:—но не знаете ли, какъ можно прожить безъ хлѣба?... Если знаете и можно,—о, я сейчасъ же пристану къ вамъ, сейчасъ же...

Янки засунулъ руки въ карманы, потоптался на мѣстѣ, посвисталъ и, поднявъ глаза на Андрея, спросилъ, точно въ раздумьи:

— Такъ у васъ нѣтъ работы, а?

— Нѣтъ!

— Да,—поморщился онъ:—плохо: въ странѣ кризисъ, всѣмъ жутко! Что же дѣлать, сэръ?

Нечего дѣлать... Но вы можете обратиться къ благотворительности...

— Обращался,—отказали. У меня нѣтъ свидѣтельства...

— Какого свидѣтельства?

— Свидѣтельства о бѣдности!—И Андрей разсказалъ сцену въ столовой.

— Это отвратительно!—возмутился янки.—Вамъ бы слѣдовало силой взять свое. Васъ бы, навѣрное, оправдали... Вѣдь даровая столовая существуетъ для голодныхъ... Впрочемъ, позвольте, сэръ, позвольте,—схватилъ онъ его въ страстномъ волненіи за рукавъ:—позвольте,—не методисты ли они?

— Этого я не знаю.

— Скажите номеръ дома и улицу, сэръ! Только номеръ и улицу,—наступалъ онъ почти въ изступленіи на Андрея, тряся его за рукавъ:—а?

Андрей сказалъ.

— Они, они,—закричалъ тотъ не своимъ голосомъ.—они,—методисты!... Я такъ и зналъ, сэръ!... О, мы имъ не спустимъ, нѣтъ! Какой прекрасный случай!... Это промыселъ Божій надъ нами. О, мы обличимъ ихъ лицемѣріе, непремѣнно!—И янки хохоталъ отъ восторга и трясъ изо всей силы неповинный рукавъ Андрея.

— Зовутъ меня Самуэль Уиндоу, сэръ! А васъ? — спросилъ онъ, немного успокоившись.

Андрей назвалъ себя на американскій ладъ, какъ американцы перековеркали его имя.

— Ваша національность? — продолжалъ допросъ мистеръ Самуэль, подготовляя уже въ умѣ громовое обличеніе методистовъ.

— Русскій.

Тотъ отступилъ въ удивленіи.

— Русскій, а?... Я первый разъ вижу русскаго!—шепталъ онъ, разсматривая Андрея.— А ваша спеціальность?

— Дома—учитель, здѣсь—чернорабочій...

— А-а!—процѣдилъ какъ-то сквозь зубы мистеръ Самуэль.—А-а!.. Милости просимъ ко мнѣ!—И, схвативъ за рукавъ Андрея, онъ потащилъ его за собой.

Пока они шли, янки что-то раздумывалъ, посвистывая, и вдругъ спросилъ:

— Вы ищете работы?.. гм... Не умѣете ли вы драться, сэръ?

— Что?—переспросилъ Андрей, думая, что онъ ослышался.

— Драться, боксировать... Вотъ такъ!—И мистеръ Самуэль показалъ пріемы бокса.

— Нѣтъ, совсѣмъ не умѣю!—отвѣтилъ Андрей, недоумѣвая.

— Жаль, — отвѣтилъ мистеръ Самуэль:— жаль... Въ моей профессіи проповѣдника иногда очень нуженъ бываетъ такой человѣкъ. Методистская чернь очень груба, сэръ, дѣлаетъ подчасъ большія непріятности... Намедни бочку

изъ-подъ ногъ вытащили, проклятые... Жаль... Мнѣ нуженъ такой человѣкъ...

— Я совсѣмъ не гожусь для этого, — немного обидчиво отвѣтилъ Андрей:—совсѣмъ не гожусь...

— Жаль... Ну, да мы, можетъ быть, подыщемъ вамъ что-нибудь.

Эти слова пріободрили Андрея. Онъ понялъ, что за него теперь уцѣпится вся новая секта, чтобы такимъ образомъ насолить противникамъ, и сдѣлаетъ для него то, чего бы не сдѣлала, умирай онъ на ихъ глазахъ отъ голода. Онъ являлся для нихъ средствомъ показать всѣмъ свое великодушіе и гуманность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, унизить методичность. Правду сказать, все это ему крайне претило, казалось даже омерзительнымъ, но это было самое лучшее въ его положеніи, а онъ уже научился цѣнить „лучшій выходъ“ и примирялся съ некрасивыми подчасъ частностями его.

Андрею дѣйствительно дали работу. Мистеръ Самуэль распорядился по приходѣ домой, прежде всего, накормить его, а затѣмъ сталъ совѣщаться съ пятью главными членами секты, которыхъ пригласилъ по телеграфу. Всѣ они были въ восторгѣ отъ подвернувшагося случая и постановили единогласно написать громовое обличеніе методистовъ, а Андрея нанять для „свидѣтельствованія истины“.

— Согласны вы, сэръ, свидѣтельствовать истину?—торжественно спросилъ его старикъ

Бромфи, бывшій пресвитеріанскій пасторъ, а нынѣ глава этой секты.

— То-есть... что такое? Что долженъ я дѣлать?—спросилъ онъ.

— Мы не желаемъ насиловать вашей совѣсти... Мы просто предлагаемъ вамъ работу, легкую и приличную...—отвѣтилъ мистеръ Бромфи.—Вы будете только, оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, разносить по городу наши воззванія и брошюры... Согласны?

— Да!...

— Вы получите за это полъ доллара въ день; при настоящемъ положеніи дѣлъ, сэръ, это громадная плата, а уважаемый и достопочтенный Самуэль Уиндоу дастъ вамъ обѣдъ и кровъ, къ тому же... Вы можете поселиться здѣсь сейчасъ же... Гдѣ ваши вещи?

— У меня нѣтъ никакихъ вещей уже!—отвѣтилъ Андрей.

— А!...—Мистеръ Бромфи покачалъ головой съ сожалѣніемъ.—Но не отчаявайтесь, сэръ,—спохватился онъ:—не печальтесь,—„ничего“... это самый удобный багажъ по дорогѣ въ царствіе Божіе!

Цѣлую недѣлю проходилъ Андрей по улицамъ С.-Луи, „свидѣтельствуя истину“, весь обвѣшанный съ ногъ до головы, какъ „человѣкъ-объявленіе“, разными душеспасительными текстами, воззваніями къ „душевному исцѣленію“ и брошюрами, спасавшими отъ „ада“, и цѣлую недѣлю служилъ предметомъ ярой

полемики газетъ двухъ разныхъ сектъ. Методисты сыпали въ него бранью, обзывали лѣнтяемъ, увѣряли, что въ даровую столовую онъ пришелъ не голодный, а ища только скандала, по наущенію „новыхъ еретиковъ“, а „еретики“,—новая секта,—плакались надъ „несчастнымъ“, которому „жестокосердые“ методисты, забывъ притчу о самарянинѣ, „поднесли камень, вмѣсто хлѣба“, и который, навѣрное, умеръ бы съ голода, не спаси его они. Цѣлую недѣлю господа Уиндоу и Бромфи потирали отъ удовольствія руки и то и дѣло говорили Андрею: „Дѣла идутъ отлично!.. вы хорошо зарабатываете свои полъ доллара въ день“,— и секта росла. Но черезъ недѣлю подоспѣли новыя событія: газеты стали браниться уже изъ-за нихъ, Андрей былъ забытъ и „отцы“ секты рѣшили, что „свидѣтельствовать истину“ ему довольно.

— Вы получите новое назначеніе,—сказалъ ему мистеръ Бромфи. Оба—и мистеръ Уиндоу, и Бромфи—были лѣсоторговцы. Они предложили Андрею работу въ лѣсныхъ складахъ за городомъ по рѣкѣ Миссури, вплоть до весны, за тѣ же полъ доллара въ день. Это была четверть настоящей цѣны, но Андрей съ радостью согласился на все, хотя „отцы“ поставили ему, къ тому же, очень тяжелыя условія. Все-таки, это была „настоящая работа“, а не шатанье вывѣской по улицамъ, съ которымъ онъ примирялся только потому, что оно

было, все-таки, лучше милостыни и голодной смерти.

XV.

Прошелъ годъ и Андрея трудно было узнать. Онъ точно выросъ, возмужалъ, окрѣпъ; въ каждомъ его движеніи сказывалась сила и ловкость, не было уже въ его фигурѣ неувѣренности, нерѣшительности, какого-то недоумѣнія, что сквозитъ обыкновенно въ каждомъ движеніи эмигранта. Съ виду онъ совсѣмъ походилъ на окружавшихъ его поджарыхъ, стойкихъ, самоувѣренныхъ янки и только акцентъ да нѣкоторое затрудненіе въ рѣчи выдавали въ немъ европейца. Положеніе его значительно улучшилось; онъ чувствовалъ себя даже обезпеченнымъ; у него водились уже свободныя деньги, благодаря его умѣренности и экономности во всемъ, такъ что къ зимѣ онъ разсчитывалъ бросить работу и спеціально заняться изученіемъ языка въ одной изъ нормальныхъ школъ. Вообще тяжелые дни съ перспективой голодной смерти миновали для него безвозвратно, такъ какъ пріобрѣтенная сноровка и ловкость въ работѣ, ознакомленіе со страной и условіями жизни обезпечивали ему всегда работу. Еще немного усилій, лучшее знакомство съ языкомъ, и онъ имѣлъ бы полную возможность бросить мус-

кульный трудъ и приняться за другія, болѣе подходящія и сродныя ему, болѣе легкія и лучше оплачиваемыя „интеллигентныя“ занятія,—хотя бы учительство,—для чего онъ собственно и хотѣлъ заняться зимой языкомъ. Два раза уже его съ радостью принимали „клеркомъ“ въ торговыхъ конторахъ и только страсть къ шатанью, неусидчивость на мѣстѣ заставляли его оба раза бросать эту сравнительно выгодную работу.

Страсть къ шатанью развилась въ немъ почти въ потребность. Онъ никакъ не могъ усидѣть на мѣстѣ; забирался на далекій западъ, въ самую глушь еще только зарождающейся жизни, оттуда бѣжалъ на востокъ, съ востока на сѣверъ, сгорая нетерпѣніемъ все видѣть, все узнать, со всѣмъ ознакомиться. Но была тому и еще одна причина, и чуть ли не главная, въ которой онъ, однако, не признавался теперь и даже намекъ на нее встрѣчалъ и гналъ съ неудовольствіемъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ только, такъ сказать, отдышался отъ ужасной невзгоды первыхъ дней, какъ только сталъ думать, анализировать, понимать живую рѣчь и присматриваться къ жизни, по мѣрѣ того, какъ онъ все тверже и тверже стоялъ на ногахъ, чувствовалъ себя обезпеченнѣе,—онъ все больше и больше чувствовалъ какую-то пустоту вокругъ, неудовлетворенность, тоску и отчужденіе. Какъ онъ ни старался, какъ, казалось,

ни вникалъ душой и сердцемъ въ окружавшія явленія, онъ чувствовалъ себя, все-таки, чуждымъ имъ, точно что-то лежало между нимъ и жизнью. Она не захватывала его всецѣло, съ душой и сердцемъ и со всѣми фибрами его „я“,—а этого ему было нужно,—какъ захватывала другихъ, и, странное дѣло, онъ никогда не могъ оріентироваться быстро при малѣйшемъ фактѣ, не могъ такъ быстро соображать послѣдствій и дѣлать выводы, какъ другіе, не могъ, не чувствовалъ въ себѣ силъ, а подъ собою почвы—являться съ иниціативой, и, вѣроятно, потому не могъ съ такимъ апломбомъ, такъ твердо, такъ увѣренно, съ такимъ равнодушіемъ къ чужимъ взглядамъ выступать съ своимъ мнѣніемъ, какъ дѣлали это всѣ, даже глупые до смѣшного люди. Самый заурядный смертный чувствовалъ себя въ такихъ случаяхъ сильнѣе, тверже, независимѣе, свободнѣе выступалъ съ своею ролью, чѣмъ Андрей, въ душѣ котораго вѣчно стояла какая-то неувѣренность, не то нерѣшительность, не то робость.

— Точно я въ чужой гостиной!—сердился онъ про себя, недоумѣвая и волнуясь, а что-то глубокое, затаенное, что-то такое, что онъ ежечасно, ежеминутно подавлялъ въ себѣ со злобой, безжалостно гналъ прочь, точно шептало ему, точно вторило: „чужой, чужой, чужой“!

Вотъ отчего бѣгалъ онъ съ мѣста на мѣсто, съ востока на западъ, съ запада на сѣ-

веръ и опять назадъ, вотъ что̀ гнало его, не давало покоя. Пусто было вездѣ, чуждо все, не было *чѣмъ* жить, чему отдавать свои силы. Нашлись бы у него и задачи, и цѣли, и принципы, и все, что нужно для полной духовной жизни,—не было только, не находилось, не чувствовалось *среды*, въ которую бы онъ вошелъ съ ними, не чувствовалось почвы для нихъ или онъ совсѣмъ не могъ найти ихъ, различить, примѣниться. Кругомъ все были особые люди, съ особымъ складомъ характера, особыми понятіями, миросозерцаніемъ, традиціями, нервами, всѣмъ, всѣмъ особымъ до того, что казались не своими, чужими. И что хуже всего, что было всего больнѣе и обиднѣе,—жизнь, кипучая, страстная жизнь точно придавливала его, подчиняла, дѣлала изъ него не то безсознательное орудіе, не то подневольнаго раба. Въ то время, какъ на родинѣ онъ самъ предъявлялъ ей требованія,—предъявлялъ смѣло и твердо, даже фанатически, безъ уступокъ, предъявлялъ какъ деспотъ, часто не разбирая условій, не прощая компромиссовъ, не понимая слабости,—тутъ онъ самъ не предъявлялъ ничего, а только шелъ за жизнью, какъ идетъ запряженный волъ въ телѣгѣ. Если въ рѣдкихъ случаяхъ онъ и поднималъ свой голосъ, то дѣлалъ это робко, совсѣмъ не такъ, скоро стушевывался, отступалъ съ поля, потому что другіе говорили *иначе*, инымъ языкомъ, являлись всегда по-

нятнѣе, практичнѣе, хотя и неправѣе. Вотъ что̀ мучило Андрея, отравляло его свѣтлое счастье выбившагося изъ каторги человѣка, вотъ что̀ онъ гналъ отъ себя, въ чемъ не хотѣлъ себѣ признаться.

Былъ скверный осенній день, дождливый и холодный, когда Андрей сѣлъ въ вагонъ отходившаго на востокъ поѣзда. Съ утра кружилась и болѣла у него голова, знобило, бросало въ жаръ, съ утра онъ чувствовалъ себя плохо. Можетъ быть, онъ простудился на этой проклятой лѣсопилкѣ въ Мидльборо, когда таскалъ изъ воды бревна, но, вѣрнѣе,—думалось ему,—все это было слѣдствіемъ тѣхъ потрясеній и передрягъ, что посыпались на него съ самаго утра. Много пришлось ему вынести за день, много, вполнѣ достаточно, чтобы захворать или чувствовать себя скверно. Вѣдь за часъ всего, даже за полчаса онъ былъ арестантомъ, стоялъ за рѣшеткой судьи... его обвиняли, его простили,—простили, какъ чужестранца! Всѣ нервы, казалось, заходили въ немъ,—до того было это обидно. Лучше бы, право, обвинили!

Онъ растянулся на диванѣ, далеко отбросивъ газету, и съ какимъ-то непонятнымъ тайнымъ злорадствомъ перебиралъ въ умѣ всѣ эти больныя, обидныя подробности суда, бередилъ

себя ими, хотя самъ еле дышалъ отъ этой пытки. Такъ и стоитъ передъ нимъ, какъ живой, этотъ почтенный, сѣдой старикъ судья, такъ уважаемый и городомъ, и всѣмъ округомъ,—старикъ, переживший такъ много, извѣдавшій и бурныя засѣданія конгресса, когда онъ поддерживалъ Линкольна, и невзгоды и бури страшной междоусобной войны, когда, промѣнявъ портфель депутата на ранецъ солдата, онъ пошелъ спасать „союзъ и рабовъ". Много, много видѣли эти сѣрые, задумчивые глаза длинобородаго, сѣдаго, какъ лунь, старика, глядящіе на него не то съ сожалѣніемъ, не то съ лаской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то прямо и строго, точно говоря ему: „гляди, я весь тутъ." И Андрей слышитъ, какъ старческія сухія губы говорятъ ему, такъ серьезно, такъ вѣско отчеканивая каждое слово:

— Вы, несомнѣнно, хорошій человѣкъ, и умный, и честный, но вы не янки, не американецъ. Думать и не поступать такъ, какъ думаешь,—это не въ нашихъ нравахъ. Ни одинъ честный янки не можетъ быть *нейтраленъ*, когда на его глазахъ попирается его законъ, его конституція!

Да, да... это самое, слово въ слово, сказалъ ему судья... Онъ еще слышитъ этотъ старческій голосъ, видитъ, какъ двигаются сухія старческія губы. Эти слова, больныя, обидныя, жгутъ его до сихъ поръ... Могъ ли онъ не быть *нейтральнымъ*, могъ ли поступить ина-

че? Сдѣлается ли онъ когда-нибудь настоящимъ янки?... Нѣтъ!

Все, все, всѣ ужасныя событія этого проклятаго дня встали передъ нимъ какъ на картинѣ. Онъ и не подозрѣвалъ, что предстоитъ бурная, ужасная сцена, дикая свалка... Онъ стоялъ у станка и механически, тупо дѣлалъ свою работу. Иногда онъ поднималъ глаза и смотрѣлъ на часовую стрѣлку, какъ и всѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая полудня, когда истекалъ срокъ, данный хозяевамъ для обсужденія и отвѣта ультиматума рабочихъ о сокращеніи рабочихъ часовъ и увеличеніи платы подъ угрозой забастовки.

Онъ думаетъ о томъ, что, въ случаѣ отказа хозяевъ и забастовки, онъ броситъ работу и поступитъ въ школу. Денегъ у него хватитъ мѣсяца на три, на четыре. Совсѣмъ неожиданно раздался крикъ: „китайцы, китайцы!“— до того неожиданно, что сначала онъ даже не понялъ. Только выглянувъ въ окно и увидавъ толпу людей съ желтыми лицами, грязныхъ, оборванныхъ, несчастныхъ, онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Правда, всѣ ожидали, что хозяева выкинутъ какую-нибудь пакость, но китайцевъ не ждали,—по крайней мѣрѣ, онъ не ждалъ.

А говоръ, крикъ, шумъ вокругъ него все ростутъ и ростутъ.

— Не пустимъ,—кричатъ сотни голосовъ:— не пустимъ! Вонъ ихъ, рабовъ, работающихъ за горсть риса! Вонъ „понижателей“!

— Заприте двери!.. бить ихъ, если войдутъ!— выдѣляется изъ общаго гвалта.

— За что бить? — уговариваетъ Андрей.— Чѣмъ они виноваты?... Глядите—они глупы, несчастны!

На него обрушивается цѣлый потокъ брани, угрозъ, насмѣшекъ.

— Онъ подкупленъ хозяевами! Онъ—измѣнникъ, онъ не товарищъ, а такой же китаецъ!

Нѣсколько голосовъ защищаютъ его, но и они смолкаютъ, стушевываются въ общемъ гвалтѣ.

И затѣмъ стукъ... ломаютъ двери, окна... Китайцы, съ полисменами во главѣ, врываются съ ломами... Сзади понукаютъ хозяева. Крики, шумъ, выстрѣлы, кровь... Падаетъ одинъ, другой... и все сливается въ какую-то безпорядочную, ужасную сутолоку, въ какой-то хаосъ, съ грохотомъ, визгомъ, выстрѣлами, и заволакивается дымомъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Андрей уже въ судѣ и слышитъ, какъ судья говоритъ сердито, строго, грозно нахмуривъ брови:

— Вы попрали свой законъ, попрали свою конституцію!

— Да,—отвѣчаютъ ему всѣ обвиняемые:—мы виновны, мы сдѣлали это въ увлеченіи, мы каемся!—И въ тонѣ ихъ голоса, въ ихъ сконфуженныхъ лицахъ дѣйствительно читается неподдѣльное раскаяніе.

А затѣмъ? Затѣмъ вызываютъ и его.

— Вы принимали участіе?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ:—я не дрался,

— Почему?—удивляется судья и смотритъ на него недовѣрчиво.

Андрей объясняетъ.

— Онъ былъ противъ, онъ даже уговаривалъ насъ!—поддерживаютъ его громко остальные обвиняемые.

Пристально смотритъ на него старикъ.

— Что же вы дѣлали?

— Я былъ нейтраленъ, я стоялъ въ сторонѣ.

— Нейтраленъ? — точно гремитъ голосъ судьи.—Въ сторонѣ? Нейтраленъ, когда на вашихъ глазахъ попирался законъ? Нейтраленъ, когда ожесточенные до бѣшенства стрѣляли въ неповинныхъ людей, когда падали трупы? Нейтраленъ! Да эта нейтральность—преступленіе!

— Что же я долженъ былъ дѣлать?—недоумѣваетъ Андрей.

— Что должны были дѣлать?—голосъ судьи все ростетъ и ростетъ.—Сэръ! вы должны были дѣлать то, что повелѣваетъ вамъ вашъ гражданскій долгъ, ваша совѣсть, возмущавшаяся противъ насилія, конституція, ограждающая каждаго на этой почвѣ. Вы должны были дѣлать то, что дѣлали полисмены, вы должны были явиться къ нимъ на помощь противъ бунтовщиковъ, вы должны были защищать законъ, который святъ каждому американцу, пока онъ существуетъ! Такъ ли я говорю, джентльмены?

И Андрей слышитъ, какъ кругомъ всѣ поднимаются, и публика, и свидѣтели, и присяжные, и обвиняемые, и въ одинъ голосъ говорятъ:

— All right!

— Онъ—чужестранецъ!—рѣжетъ его ухо чьето непрошенное вмѣшательство.

— Въ этомъ его оправданіе!—отвѣчаетъ судья.

А грохотъ мчащагося поѣзда точно вторитъ теперь, точно подсказываетъ въ тактъ: „въ этомъ, въ этомъ, въ этомъ!".

Могъ ли онъ не быть нейтральнымъ? Нѣтъ, никогда!

— Гражданинъ! Два слова, гражданинъ!

Андрей очнулся и поднялъ горячую, отяжелѣвшую голову, съ изумленіемъ оглядывая вагонъ; онъ совсѣмъ было забылъ, что ѣдетъ. Передъ нимъ стоялъ одинъ изъ пассажировъ съ записною книжкой въ рукѣ и спрашивалъ его о чемъ-то, но о чемъ собственно, онъ долго не могъ разобрать,—ему мѣшали все красные круги въ глазахъ и какое-то странное состояніе, точно опьянѣніе. Наконецъ, съ большимъ усиліемъ разобралъ онъ, что отъ него добиваются, за кого онъ изъ двухъ кандидатовъ въ президенты?

— Я не имѣю голоса для президентскихъ выборовъ,—я не пробылъ здѣсь пяти лѣтъ!—уклоняется Андрей.

— Все равно, сэръ... Мы въ вагонѣ баллотируемъ и ведемъ споры... За кого вы изъ двухъ?

— Ни за того, ни за другого.

— Какъ же такъ?—смѣется тотъ и, заинтересованный, присаживается къ Андрею, вытаскиваетъ сигару и кладетъ ноги на его пледъ.

— Очень просто... Я не удовлетворяюсь ни одною программой—ни республиканцевъ, ни демократовъ...

— Правильно, сэръ! Многое слѣдовало бы выкинуть и многое слѣдовало бы добавить у насъ... Я демократъ, сэръ,—теперь демократъ, прежде принадлежалъ къ республиканцамъ,—но пока можно будетъ провести все, что слѣдовало бы, провести настоящую программу, нужно же хоть что-нибудь... Не такъ ли?

Андрей молчитъ.

— Вѣдь, нужно же на чемъ-нибудь помириться?... Какъ же иначе?—кричитъ сосѣдъ и хлопаетъ его по колѣну.—Иначе, сэръ, тѣ посадятъ своего и не получишь ни цента изъ того, что желаешь. Какъ бы вы поступили на моемъ мѣстѣ, а?

— Я бы воздержался!—увѣренно отвѣчаетъ Андрей.

— Воздержался!—восклицаетъ въ удивленіи сосѣдъ и хохочетъ:—воздержался, чтобы тѣ ослы своего посадили у нашего добра!... Ха, ха, ха, сэръ! Настоящій вы европеецъ...

Опять „европеецъ“!

— Да, вѣдь, я ни за того, ни за другого!.. кого бы ни посадили, все равно!—горячо, весь вспыхнувъ, обижается Андрей.

— Кого бы ни посадили!... Ха, ха, ха! Вамъ все равно... А страна, а народъ, а наши нужды, долги, китайскій вопросъ? Все равно?! Ха, ха, ха!—И сосѣдъ хохочетъ и хлопаетъ его по плечу.

— „Европеецъ“ вы, вотъ что!—рычитъ онъ еще долго.—Воздержаться! Это я—полноправный гражданинъ, чтобъ не подалъ своего голоса, точно я не думаю о странѣ,—хоть трава, молъ, на ней не рости?... Ха, ха, ха! Европеецъ!

И вмѣстѣ съ нимъ хохочутъ всѣ, качаютъ головами и повторяютъ: „европеецъ“!

XVI.

А поѣздъ все летитъ, все грохочетъ и, кажется, тоже смѣется надъ нимъ и повторяетъ сотни, тысячи разъ: „чужой, чужой“, точно дразнитъ его. Даже въ вискахъ, въ ушахъ отдается у него это слово съ каждымъ ударомъ пульса, а сквозь закрытыя вѣки онъ читаетъ его и впереди, и справа, и слѣва написаннымъ громадными огненными и кровавыми буквами. И чѣмъ плотнѣе закрываетъ онъ глаза, тѣмъ ярче горятъ, выдѣляются буквы, чѣмъ сильнѣе затыкаетъ уши, тѣмъ явственнѣе, отчетливѣе слышитъ. Голова у него кружится все сильнѣе и сильнѣе и, какъ нарочно, полна только больными воспоминаніями,

картинами встрѣчъ и столкновеній, напоминающими, подчеркивающими, подтверждающими это ужасное слово: „чужой!“ Онъ борется съ ними, онъ гонитъ ихъ прочь, но они все лѣзутъ и лѣзутъ, все неотступнѣе, неотвязнѣе осаждаютъ и мучатъ. Вездѣ и всегда, на востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ, на югѣ, на водѣ и сушѣ, въ городахъ и фермахъ, все, все шепчетъ, кричитъ ему: „чужой!“ Господи! куда же, наконецъ, укрыться?.. гдѣ же это онъ не будетъ чужой?

Онъ усталъ, наконецъ, бороться и далъ полную волю этимъ не то воспоминаніямъ, не то видѣніямъ. Они толпятся, чередуются одно другимъ, какъ въ калейдоскопѣ. Вся жизнь, все пережитое за два года въ штатахъ встаетъ, кажется, передъ нимъ какъ на ладони, въ безпорядкѣ, но отчетливо и ясно. Что внесъ онъ въ жизнь за эти годы, что сдѣлалъ? Что дала ему жизнь, что сказала?

„Чужой, чужой, чужой!“ — грохочетъ поѣздъ, стучитъ въ вискахъ, рисуется огненными чертами сквозь закрытыя вѣки.

И новая картина, новое воспоминаніе, какъ видѣніе, отчетливо и ярко встало передъ нимъ. Кругомъ волнистая, роскошная прерія зеленѣе изумруда, усѣянная цвѣтами нѣжнѣе бирюзы и сапфира, ярче рубина. Тамъ и сямъ высокіе холмы усѣяны роскошными дубами, тѣнистыми каштанами, орѣхомъ и стройными, гордыми сикоморами, перевитыми длинными, какъ

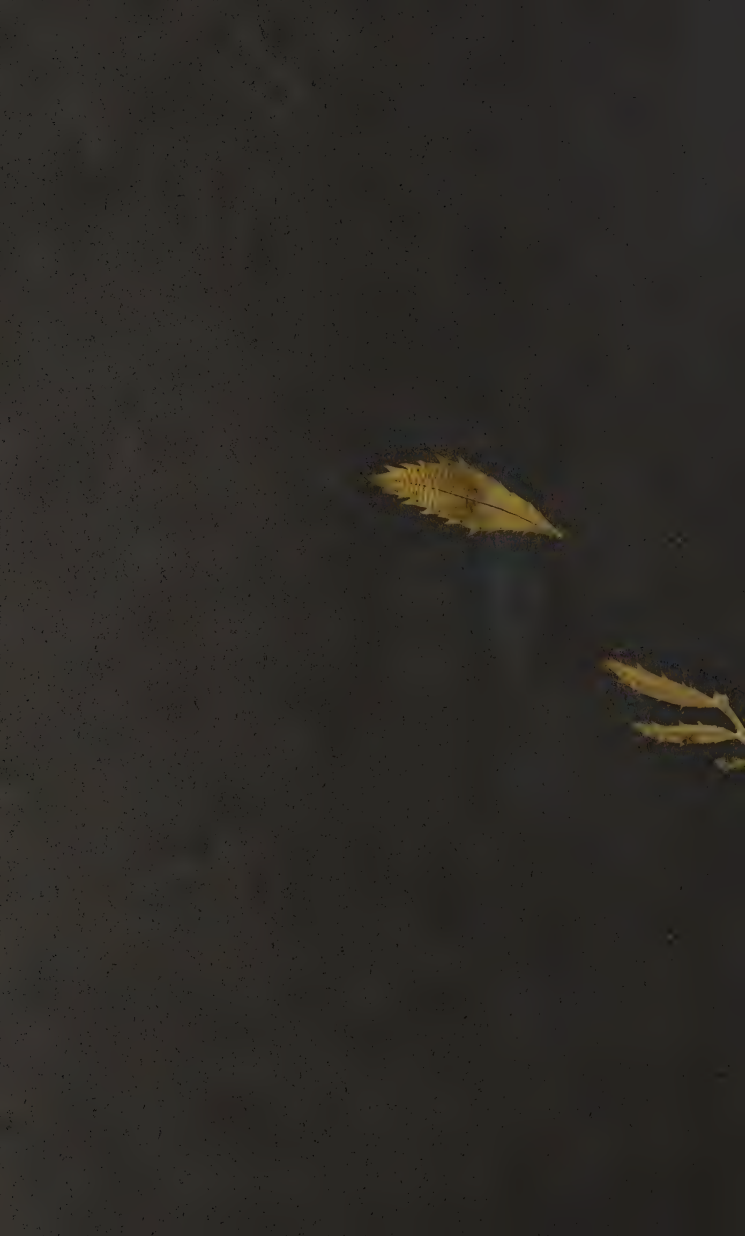
корабельные канаты, лозами дикаго винограда. Голубое, почти синее небо отражается въ чистомъ, какъ хрусталь, ручьѣ и дрожитъ въ немъ вмѣстѣ съ яркимъ, ослѣпляющимъ солнцемъ... Люди?... Что дѣлаютъ здѣсь эти люди съ ихъ фургонами, палатками, шалашами?... Чего горятъ ихъ лица, сверкаютъ глаза?... Откуда это возбужденіе, лихорадка, когда еще вчера, только вчера они были такъ спокойны, такъ безстрастно-спокойны?

Андрей узнаетъ, наконецъ, церковный полевой митингъ, на которомъ онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, однимъ молодымъ, даровитымъ и умнымъ американцемъ. Всѣ эти тысячи людей, вчера еще совсѣмъ иные, съѣхались сюда только молиться, каяться, „обновляться“. Никто не сзывалъ ихъ, они сами какъ-то потянули въ прерію, услышавъ про митингъ. Еще вчера это были только неутомимые пахари, барышники, мастера, подмастерья, еще вчера это были только заботливыя хозяйки, матери, жены... А сегодня? Точно переродились они, точно что-то давно жившее въ нихъ тихо, незамѣтно, но страстно, что-то накипѣвшее вдругъ вырвалось наружу и потекло безъ удержу, безъ мѣры, безъ границы. Такъ вспыхиваетъ внезапно еле дымящійся кратеръ, такъ прорывается наружу раскаленная лава. Забыты насущные вопросы, забытъ упорный трудъ, забыты домъ, семья, родные, близкіе, забыты корысть и нажива. Все,

все забыто, и какіе-то иные люди, полные одной жгучей скорби, невыразимаго горя, глубокаго раскаянія, люди безграничной любви и всепрощенія только молятся, каются, рыдаютъ, всѣми фибрами слушаютъ экзальтированныя рѣчи, жадно ловятъ слова „любовь“ и „прощеніе“. Забыты распри различныхъ сектъ и направленій. Все слилось въ одну дружную семью, вчерашніе враги—сегодня братья, вчерашняго „еретика“ слушаютъ какъ пророка. Общая экзальтація все ростетъ и ростетъ и переходитъ въ какой-то непонятный, бѣшеный экстазъ, способный навести ужасъ. Рыданія переходятъ въ дикій хохотъ, истеричный плачъ и визгъ заглушаютъ проповѣдниковъ, сложенныя въ мольбѣ руки сжимаются въ кулаки и неистово, какъ-то страстно колотятъ грудь, все учащая и учащая удары. Вотъ свалилась одна и бьется въ судорогахъ съ пѣной у рта, за ней другая, тамъ третій, четвертый и почти весь людъ принимается кривляться, прыгать, неистовствовать, валяться и корчиться по землѣ, заражая одинъ другого какимъ-то пьянымъ, дикимъ экстазомъ.

— Это Бедламъ, это ужасно!—шепчетъ Андрей, отворачиваясь не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ.

— Что вы! что вы!—говоритъ ему другъ,— что вы! Это величайшій моментъ, это моментъ духовнаго пробужденія народа, одеревенѣвшаго за годъ стяжанья! Это взрывъ, прорвавшій зем-



ную кору!.. Онъ ужасенъ, но онъ снесъ все, что загромождало святую искру огня въ человѣкѣ. Тутъ можно собрать громадную жатву, только нужно понимать народъ и умѣть говорить съ нимъ, а вы никогда не поймете и не сумѣете,—вы чужой намъ!

Да, онъ, дѣйствительно, „чужой“, онъ никогда не пойметъ *этого*. Все это ему и непонятно, и противно, и даже ужасно не то странностью, не то болѣзненностью. Но отчего же теперь не сжимается болью его сердце при словѣ „чужой“, отчего ему не обидно, не страшно за эту отчужденность и чувство пустоты и тоски одиночества не охватываетъ его, какъ всегда?... Что за притча, что съ нимъ? Что напомнила ему эта картина-видѣнье, что такое? Отчего его всего охватываетъ какая-то нѣга, какая-то душевная благодать и покой?... Неужели что-нибудь такое, гдѣ онъ не былъ „чужой“,—но гдѣ и что?

Онъ видитъ другое небо,—не такое глубокое, но мягкое и ласковое. Внизу бѣжитъ рѣка и сѣдою пѣной плещетъ о скалы и камни. Съ высокаго скалистаго берега въ нее смотрятся старые, развѣсистые дубы. Заходящее солнце косыми, розовыми лучами играетъ на грубыхъ бѣлыхъ рубахахъ и смуглыхъ, усатыхъ лицахъ сидящаго кучкой народа. Всѣ эти смуглыя, усатыя лица съ карими глазами такъ знакомы, но кто они и гдѣ все это, онъ не можетъ припомнить. Сердце стучитъ такъ сильно, что мѣшаетъ ему припоминать.

Среди кучки народа стоитъ мальчикъ и держитъ въ рукахъ старую-старую книгу. Онъ что-то читаетъ сидящимъ, а тѣ слушаютъ его съ умиленіемъ и какою-то тихою грустью. Звонко несется дѣтскій голосъ, но словъ Андрей не можетъ разслышать,—неугомонный стукъ сердца мѣшаетъ. По смуглымъ, загорѣлымъ лицамъ текутъ тихія, тихія слезы. Отъ этихъ слезъ у него замираетъ сердце, перестаетъ вдругъ биться. Онъ ясно слышитъ теперь, что́ читаетъ мальчикъ: „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и азъ упокою вы“,—ласкаютъ его слухъ слова святого текста. И видитъ онъ, какъ сотни рукъ протягиваются съ лаской къ черной, кудрявой головкѣ босого ребенка, а стоустый шепотъ говоритъ ему: „рости, рости и будь намъ на помощь!..“

Яркій лучъ свѣта наполняетъ вдругъ голову Андрея, съ глазъ спадаетъ туманъ. Онъ припомнилъ все... все... и барвиновцевъ, и этотъ вечеръ... Вѣдь, это онъ, онъ,—маленькій Андрійко—читаетъ имъ „святое слово“.

А кондукторъ все трясетъ и трясетъ его за плечо и кричитъ ему, что онъ проспалъ городъ. Съ усиліемъ открываетъ онъ глаза. Голова, горячая, точно налитая свинцомъ, не можетъ подняться.

— Сэръ, вы проспали городъ!... У васъ зеленый билетъ, вы должны были встать здѣсь... Изъ-за васъ я долженъ остановить поѣздъ..

Мы проѣхали уже двѣ мили... двѣ мили, сэръ!

Онъ все еще ничего не видитъ, не понимаетъ. Наконецъ, съ большимъ трудомъ и неясно, точно глаза у него покрыты флёромъ, различаетъ онъ кондуктора, вагонъ, начинаетъ понимать, въ чемъ дѣло. Онъ ѣхалъ кажется, дѣйствительно въ городъ, но зачѣмъ?

— Желаете встать? Я остановлю!—допрашиваетъ кондукторъ.

Вмѣсто отвѣта, Андрей поднимается, шатаясь. Онъ припомнилъ, — здѣсь онъ поступитъ въ школу.

— Тише, тише сэръ, осторожнѣе!—говоритъ кондукторъ, когда поѣздъ на его свистокъ убавилъ ходъ, а Андрей сталъ выходить, шатаясь.—Эхъ, какъ вы разоспались!... Ну, да воздухъ освѣжитъ, ничего... счастливаго пути! всего двѣ мили по полотну!—И онъ бережно спустилъ его съ подножки.

Стояла мрачная осенняя ночь и моросилъ мелкій, холодный дождикъ. Андрей сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и упалъ на влажную, скользкую глину насыпи,—у него подкосились ноги. Страшная усталость охватила его, все тѣло ныло, болѣло, голова горѣла и кружилась, въ ушахъ стоялъ цѣлый содомъ. Что съ нимъ такое?... Скоро онъ поднялся, собралъ всѣ силы, и опять пошелъ; его освѣжилъ немного воздухъ, а въ особенности сырость, холодный дождь. Онъ шелъ долго и все какъ-то маши-

нально, забывъ даже куда. Не оставаться же на этой мокрой глинѣ. Онъ шелъ, пока въ глазахъ у него не запрыгали фонари... Одинъ, другой... сотни, тысячи фонарей запрыгали, закружились, превращаясь въ цѣлое пламя. Онъ увидѣлъ мостовую и упалъ на нее, точно пьяный...

— Кто вы? что съ вами?

Онъ видитъ наклонившееся надъ нимъ блѣдное, прелестное женское лицо, но подняться не можетъ. Какъ мягко, какъ чудно хорошо звучитъ ея вопросъ! Онъ нарочно молчитъ, чтобы она еще разъ спросила... Да это просто музыка!

— Боже мой, что съ нимъ?—точно поетъ въ тревогѣ чудный голосъ.—Помогите! Народъ!

Онъ всматривается въ нее все больше и больше. Какъ знакомы ему эти черты, этотъ голосъ, эти длинныя пряди роскошныхъ шелковистыхъ волосъ! Гдѣ онъ ихъ видѣлъ? когда? Онъ припоминаетъ... Насыпь, вагонъ... одинъ, другой, третій,—она... Галя!

— Галя!—шепчетъ онъ и силится протянуть руки.

— Н-а-р-о-д-ъ!

Все спутывается у него въ головѣ... Онъ слышитъ шумъ точно отъ прибоя волнъ... Волны, синія волны поднимаютъ его и несутъ, качая, баюкая, куда-то далеко-далеко...

XVII.

А Галя и не подозрѣвала, что она приснилась, привидѣлась Андрею въ жестокомъ горячечномъ бреду. Далеко была она отъ него, все въ той же крошечной комнаткѣ, въ которой два года назадъ читала его первое, прощальное письмо. Сильно похудѣла дѣвушка, поблѣднѣла, какъ-то вытянулась, отчего глаза, большіе, сѣрые глаза стали еще больше и, казалось, еще больше любви стояло въ нихъ, тихой, сосредоточенной любви, еще бо́льшею правдой свѣтились они. Да и какъ было ей не поблѣднѣть, не похудѣть,—легко ли достались ей эти два года? Легкое ли дѣло учиться бѣдняку въ холодной столицѣ, терпя и голодъ, и холодъ, еле-еле перебиваясь грошовыми уроками, уставая за ними и своимъ ученьемъ до изнеможенія изо дня въ день? А сколько, къ тому же, непріятностей, больныхъ и обидныхъ передрягъ выпадаетъ на долю... такъ, зря...—за то, что молодъ, что сердце бьется сильнѣе, что въ рукахъ книга!.. Трудное это дѣло, и какъ оно трудно—ясно говорятъ впалыя блѣдныя щеки.

Будетъ ли легко впереди, тамъ, за порогомъ ученья,—за работой и дѣломъ въ жизни, которымъ она себя посвящаетъ? О, конечно! Тамъ—ея излюбленное дѣло, ея сокровеннѣйшая, сладчайшая мечта, весь смыслъ ея жизни, для чего она и несла, и несетъ теперь всю

эту невзгоду,—осталась еще на годъ въ этой ужасной столицѣ для практики въ клиникахъ, для лучшей подготовки. Черезъ годъ она потонетъ въ сѣрой деревенской глуши, черезъ годъ она сольется съ массой сельскаго люда, принесетъ ему посильную помощь, руки, сердце, голову,—отдастъ себя всю, всю!.. Можетъ быть, хоть одинъ лишній стонъ не вырвется изъ больной груди, благодаря ея помощи и усиліямъ, хоть одну улыбку на изстрадавшемся лицѣ вызоветъ ея ласка, хоть одинъ только лучъ яснаго свѣта пробьется, благодаря ей, въ безъисходную, сонную тьму!... Развѣ это не счастье, не радость, не жизнь, не дѣло? Боже мой! Вѣдь, только для этого она учится, бьется какъ рыба объ ледъ, худѣетъ и блѣднѣетъ!

Она думаетъ про себя, что дѣло ея—маленькое, но чѣмъ же она виновата,—говоритъ она,—что ей не дано силъ на большое? Люди большихъ дѣлъ, эти безсмертные свѣточи жизни — титаны грядущаго культа, а она—простой, маленькій человѣкъ, который можетъ только потонуть, расплыться въ темной массѣ, чтобы не прожить на свѣтѣ даромъ. Она—маленькая дождевая капля, жадно всасываемая сухою, черною землей, изнемогающею отъ избытка скрытыхъ собственныхъ плодотворныхъ силъ, которой необходима только эта маленькая оплодотворяющая капля, чтобы родить неисчислимыя богатства.

Но своему маленькому, незамѣтному дѣлу она посвятитъ себя всю,—посвятитъ, какъ обѣту. Въ этомъ посвященіи все ея счастье, вся ея жизнь, всѣ ея помыслы и цѣли. Явиться маленькою дождевою каплей, исчезнуть, какъ она, чтобы напитать собой ростки будущей роскошной нивы—ея насущная потребность,—внѣ этого она и жить не можетъ. Всю себя положитъ она тутъ и никто никогда не подмѣтитъ въ ней ни усталости, ни недовольства, какъ бы ни было трудно. Трудно? Вздоръ! Чѣмъ труднѣе, тѣмъ она будетъ счастливѣе!

Только одному человѣку повѣдала она все это, только передъ однимъ открыла эту „святая святыхъ“ свою, излила свою душу, и этотъ человѣкъ былъ Андрей. Только съ нимъ подѣлилась она своими помыслами, надеждами и мечтами. Не было у нея никого ближе, родственнѣе его, но онъ ни разу, даже ни строчкой не отвѣтилъ на ея письма. Сильно смущало это дѣвушку. Что съ нимъ? Не забылъ ли ее? Едва ли,—думаетъ она, и какъ-то невольно краснѣетъ при этомъ. Можетъ быть боленъ, несчастенъ, умеръ? Какъ не хорошо чувствуетъ она себя, когда эта нелѣпая, вздорная мысль придетъ ей въ голову. Съ чего-жъ бы это онъ вдругъ умеръ? Вотъ вздоръ!

Странное дѣло! Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она узнала изъ письма о его бѣгствѣ, какъ онъ исчезъ для нея, казалось, навсегда

вмѣсто того, чтобы забывать, она все чаще и чаще думала о немъ. Все чаще и чаще вставалъ онъ передъ нею, все чаще вспоминаетъ она ихъ встрѣчи, разлуку, его горячія, страстныя рѣчи... А вечера, тѣ вечера на рѣкѣ!.. И чувствуетъ она при этомъ, что онъ не чужой ей, что онъ ей близокъ, ближе, чѣмъ она подозрѣвала, близокъ, какъ самый, самый близкій братъ. Почему этого не было раньше? Правда, какъ она ни противъ его бѣгства, ей нравятся, ее влечетъ его мужество, смѣлость, энергія, но, вѣдь, такимъ онъ былъ всегда. Что же заслоняло его раньше, что стояло между нимъ и ею? Молодое увлеченіе жизнью, самостоятельнымъ трудомъ, жгучимъ желаніемъ все обнять, все узнать, все увидѣть, всѣмъ, всѣмъ, что было ново, неизвѣдано, что влекло и манило? Можетъ быть, можетъ быть, потому что теперь, когда прошли порывы, а ясные, счастливые дни первыхъ жизненныхъ шаговъ смѣнились тяжелымъ опытомъ, безжалостно снявшимъ со многаго румяна и позолоту, Галя чувствовала себя иногда одинокой, точно заброшенной, безпріютной,—чувствовала иногда потребность въ другѣ, честномъ, хорошемъ и умномъ, который бы выслушалъ ея радость и горе. Къ тому же, ей было страшно жаль Андрея. Ей стало жаль его съ того самаго вечера какъ она прочла его письмо, потому что она была убѣждена, что онъ вернется, испытавъ еще

больше неудачъ и разочарованій, которыя въ концѣ-концовъ могутъ совсѣмъ залить человѣка желчью. Ей казалось, что человѣкъ, рожденный подъ сѣрымъ небомъ, въ сѣрой хатѣ, среди сѣраго, бѣднаго люда, не можетъ забыть ихъ и чувствовать себя хорошо подъ вѣчно синимъ небомъ, какія бы радости оно ни сулило, разъ онъ не холодный эгоистъ. А таковымъ она его не считала,—о, нѣтъ! Его отъѣздъ—это избытокъ энергіи, жажда работы, поиски ея, поиски за тѣмъ, къ чему бы всецѣло приложить свои руки, голову и сердце. Зачѣмъ же этотъ напрасный отъѣздъ, эта трата силъ, энергіи, лѣтъ? Къ чему эти поиски, когда выходъ есть, есть дѣло, есть гдѣ отдать себя, приложить свои силы? Ахъ если бы только скорѣе прочелъ онъ ея письма!

Она долго ему не писала, не отвѣчала, желая все обсудить, все взвѣсить, выжидая, чтобъ улеглось его увлеченіе, чтобъ наступилъ въ немъ тотъ періодъ сомнѣнія, на который она такъ увѣренно разсчитывала. Но вотъ уже она послала ему цѣлыхъ три письма,—и какихъ письма! Она вся горѣла, а на глазахъ стояли слезы, когда она ихъ писала. Все, все разсказала ему, ему одному, больше никому никогда, всю душу вылила, она даже сама удивлялась, какъ это у нея лилось изъ-подъ пера, а онъ—ни строчки, ни полъ-слова! И Сергѣй Павловичъ, который писалъ гораздо

раньше, сердится и негодуетъ, что ему нѣтъ отвѣта.

Что же съ нимъ такое, гдѣ онъ, доходятъ ли письма? Живъ ли? Конечно, живъ!.. вотъ развѣ полюбилъ другую, гораздо лучше ея, умнѣе, красивѣе, забылъ за новою подругой,—и чувство какой-то больной досады, какое-то крайне непріятное чувство, которое она гонитъ прочь, которое заставляетъ горѣть ея блѣдныя щеки, наполняетъ ея душу.

На дворѣ воетъ непогода, въ крошечной комнаткѣ такъ тепло и уютно, маятникъ старыхъ, запыленныхъ часовъ стучитъ такъ мѣрно, такъ хорошо думается и грезится подъ его мѣрное качанье, при этомъ блѣдномъ свѣтѣ накрытой абажуромъ лампы... Галя сидитъ и думаетъ, какъ она отправится въ американское консульство, по совѣту Сергѣя Павловича, навести или просить навести справки объ Андреѣ. Многое еще, многое передумала дѣвушка, пока темнорусая головка ея не упала на столъ и она не заснула. Ей даже не снилось, что въ это самое время Андрей видитъ ее возлѣ себя, зоветъ и шепчетъ: „Галя!“—лежа въ горячкѣ на мостовой.

XVIII.

Когда Андрей очнулся, пришелъ въ себя, онъ лежалъ на мягкой, богатой и бѣлой, какъ

снѣгъ, койкѣ. Былъ ясный зимній вечеръ и въ окнѣ горѣла грустная зимняя заря, окрасившая подоконникъ, стѣны и полъ мягкимъ желто-розовымъ свѣтомъ. Въ углу сидѣла сидѣлка, „сестра“, и читала книгу.

Еще мутными, плохо различающими, но полными недоумѣнія глазами обвелъ онъ комнату. Гдѣ онъ, что̀ съ нимъ? Какъ онъ попалъ сюда, въ эту полную комфорта обстановку? Онъ силился припомнить, силился дать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, и припомнилъ лѣсопилку и судъ. Тутъ у него вдругъ закружилась голова и потемнѣло въ глазахъ.

— Пить!—сознательно прошептали въ первый разъ его блѣдныя, безкровныя губы.

Сидѣлка вздрогнула, взглянула на него и ея прекрасное, доброе лицо озарилось вдругъ мягкою и нѣжною улыбкой.

— Наконецъ-то! — сказала она, подавая стаканъ: — наконецъ-то, вы пришли въ себя!.. Цѣлыхъ двѣ недѣли вы только бредили! — Въ тонѣ ея голоса слышалась неподдѣльная радость.

— Гдѣ я?—спросилъ Андрей.

— Въ больницѣ, въ городской больницѣ!.. Вы упали на мостовой и васъ принесли сюда,— бѣдный иностранецъ! А теперь молчите и спите, вамъ еще нельзя говорить!..

Андрей покорился безропотно; онъ и самъ усталъ отъ своихъ вопросовъ и хотѣлъ спать. Къ тому же, все это ему приказывалось такъ

мягко, ласково, точно родная сестра говорила ему, и въ сладкомъ покоѣ, съ какимъ-то необычайно мягкимъ чувствомъ въ груди, онъ повернулся и заснулъ.

На другое утро, когда онъ проснулся, докторъ, сѣдой, но еще бодрый старикъ, весело улыбнулся ему и хлопнулъ по плечу.

— Молодцомъ, молодцомъ! — сказалъ онъ.— Крѣпко же вы меня смутили... Этакая горячка... Гдѣ это вы ее схватили?

Андрей вспомнилъ—гдѣ...

— На пильномъ заводѣ.

— Скверная работа! Много тамъ заболѣваетъ... много... Кто вы такой? Ваша національность?

Андрей назвалъ себя.

— А національность?

— Русскій.

— Русскій? И давно вы здѣсь? — удивился докторъ.

— Два года.

— Ваша спеціальность—работа на заводѣ?

— Нѣтъ, я былъ учителемъ на родинѣ.

Докторъ посмотрѣлъ на него долго и внимательно.

— Ну, не говорите... довольно съ васъ,—послѣ поговоримъ, а теперь молчите...—И онъ сталъ щупать его пульсъ.

Выздоровленіе шло быстро, точно природа хотѣла вознаградить его этимъ за долгую, тяжелую болѣзнь. Шагъ за шагомъ, быстро воз-

вращались къ нему и здоровье, и силы. Его окружалъ самый тщательный уходъ, къ нему были такъ внимательны, казалось, даже любили... Да, любили, потому что и докторъ, и сидѣлка относились къ нему, какъ родные, какъ братъ и сестра. Съ какимъ интересомъ, съ какимъ участіемъ разспрашивали они о его прошломъ, слушали его жизненную повѣсть!

Чего же недостаетъ ему, чего ему еще нужно? Онъ и самъ еще не знаетъ, не даетъ себѣ отчета, чего именно, но чего-то нѣтъ,—это несомнѣнно... Это таинственное „что-то“ такъ безпокоитъ его, преслѣдуетъ, тревожитъ, что онъ все больше и больше подчиняется ему, теряетъ вѣру въ возможность отдѣлаться отъ него чтеніемъ и разговорами. Оно наполняетъ его душу чувствомъ пустоты и одиночества, оно преслѣдуетъ его какою-то тоской, оно заставляетъ зачѣмъ-то еще разъ копаться въ прошломъ и провѣрять свой „выходъ“, свое бѣгство сюда, насмѣшливо добивается итога пережитаго и сдѣланнаго въ эти два года. Но, что страшнѣе всего, оно,—несомнѣнно оно,—навѣваетъ на него эти сны и воспоминанія о тѣхъ далекихъ, далекихъ дняхъ, когда босой, черноволосый мальчуганъ,—тотъ самый, о которомъ онъ вспомнилъ въ вагонѣ, котораго онъ видѣлъ читающимъ *святое слово* цѣлой кучѣ умиленнаго народа,—не былъ ни чужимъ, ни одинокимъ, и, жадно слѣдя за всѣмъ дѣтски-наблюдательными глазами, клалъ въ сво-

своемъ крошечномъ сердцѣ такіе страстные обѣты.

. . . . . .

— Ге, что мой млынъ!—говоритъ мельникъ Тарасъ дьячку Григорію.—Такіе ли есть, говорятъ!.. Слышалъ я, что до многаго дошли умные люди, чего мы не знаемъ, темные,—много самаго чудеснаго выдумали, да научить насъ некому, показать некому... Сами знаете, что неученье—тьма!...

— Слышишь, сыну?

— Слышу! — отвѣчаетъ ребенокъ на многозначительный вопросъ отца и клянется себѣ, страстно клянется, что все узнаетъ, всему научится,—только бы вырости ему...

. . . . . .

Андрей радъ, когда можетъ разогнать все это разговоромъ, хоть на минуту заглушить, разсѣять. Онъ всегда очень радъ приходу доктора.

— Знаете, докторъ,—говоритъ онъ:—когда я ѣхалъ сюда, одинъ баварецъ, побывавшій здѣсь и, замѣтьте, очень умный человѣкъ, не совѣтовалъ мнѣ ѣхать,. увѣряя, что у васъ здѣсь нѣтъ жизни...

— Ну, положимъ...—отвѣчаетъ докторъ, подумавъ:—жизнь-то есть, но *своя*, особенная, вами, европейцами, неусваиваемая. Видите, вѣдь, мы особеннаго склада люди: кое-что, да кое-какъ пережили, что и сдѣлало насъ оригинальными, вамъ чуждыми. Не тотъ складъ, пріемъ, ха-

рактеръ, не тѣ традиціи, привычки,—ну, вамъ пусто, скучно, незамѣтно,—не свое, словомъ... поняли? Ну, а насчетъ перваго, такъ отчего же... нѣтъ...—замѣшался докторъ, раздумывая и соображая:—отчего же не ѣхать?.. Работа найдется, только... Знаете вы нашу задачу настоящаго момента, жизнью намѣченную и поставленную намъ пока дилемму?

— Нѣтъ... Какая?

— Побѣдить пространство, сэръ, вотъ что!.. Да, да, да,—заговорилъ докторъ быстрѣе:—пока это. У насъ его слишкомъ много, слишкомъ много, сэръ!... Пустыню, сырую природу прибрать къ рукамъ и обработать,—вотъ что написала жизнь на нашемъ знамени. А потому рукамъ, однѣмъ *рукамъ*,—вы понимаете?—у насъ вольготнѣе, легче оріентироваться, осѣсть, чѣмъ одной *головѣ*... Понимаете? У васъ не то,—у васъ уже мѣста мало... У васъ главный спросъ на голову...

Андрей и не думаетъ провѣрять правдивость сказаннаго. Ему точно все равно, такъ ли это, или не такъ. Если онъ и лежитъ съ закрытыми глазами, точно въ глубокой задумчивости, то это потому только, что въ ушахъ у него стоитъ: „У васъ не то... у васъ спросъ на голову!...“

. . . . . .

— Знаешь,—говоритъ русокудрый Данылко черноголовому, босому мальчику, съ которымъ вмѣстѣ сидитъ у самаго Буга, въ высокой и

густой травѣ: — знаешь, говорятъ, что доля запрятана глубоко-глубоко—за девятью желѣзными дверями и большими замками, и никто ее добыть не можетъ...

— Я пойду добывать и... добуду!

— Неня говоритъ, что для того нужно много поститься...

— Я буду поститься!

— Нужно много, очень много знать...

— Я буду знать!

— Нужно не бояться никакихъ страховъ...

— О, я ничего не буду бояться!

И лицо черноволосаго, босого мальчика сіяетъ такою вѣрой, глаза горятъ такою силой и отвагой, въ тонѣ звучитъ такая отчаянная увѣренность и рѣшимость, что Данылко ему вѣритъ,—вѣритъ всецѣло, что онъ добудетъ для всѣхъ ихъ долю, и смотритъ на него со страхомъ и восторгомъ...

. . . . . .

Но чаще и больше, чѣмъ съ докторомъ, говорилъ Андрей съ сидѣлкою, этою безконечно-доброю, точно созданною изъ одной любви и самопожертвованія, кроткою и тихою дѣвушкой. Все потеряла добрая дѣвушка въ жизни, все въ одно злое утро, и съ тѣхъ поръ, похоронивъ все свое, вся посвятила себя людямъ, страданію, нищетѣ и горю. Въ одно утро, когда она мужественно и твердо перевязывала раны на перевязочномъ пунктѣ, ужасная междоусобная война отняла у нея сразу и жениха,

и брата, съ которыми только за часъ, за одинъ часъ передъ тѣмъ она такъ весело шутила. Она нашла ихъ на мѣстѣ жестокаго боя и долго стояла надъ ними, какъ блѣдная, безстрастная статуя, тихо, неподвижно, не плача,— развѣ при такомъ горѣ льются слезы? Сама закрыла имъ глаза и съ той поры не было въ округѣ ни одного человѣка, юноши, дѣвушки, ребенка, который бы не зналъ миссъ Вудзонъ, этой высокой, блѣдной больничной сидѣлки, „сестры", „ангела-утѣшителя", — не было головы, которая бы не склонилась передъ нею. А голова янки склоняется рѣдко, — о, какъ рѣдко!

Миссъ Вудзонъ не была собственно сидѣлкой, она была помощницей докторовъ, чтецомъ и секретаремъ больныхъ, которымъ читала и писала письма, довѣреннымъ пастора, за котораго такъ часто читала эту маленькую святую книжку завѣта любви, душой больницы, этого пріюта скорби, горя и страданія. На ней лежалъ надзоръ за порядкомъ, за „сестрами" — сидѣлками, за всѣмъ, за всѣмъ. Вездѣ и всегда виднѣлось ея простое, вѣчно одно и то же черное платье, вездѣ появлялась она, всегда ровная, кроткая, добрая, внося съ собой миръ и утѣшеніе, чистоту и порядокъ, и вездѣ, всѣ глаза, встрѣчая ее, загорались надеждой и счастьемъ. Сколько глазъ она закрыла, сколько слышала послѣднихъ вздоховъ, сколькимъ ея кроткій голосъ, ея теплыя слова, ея ласка

облегчила послѣднія минуты! „Помолись за меня! — часто слышала она голосъ, полный слезъ и жгучей скорби, умиленнаго святымъ писаніемъ больного, грубою, мозолистою рукой сжимавшаго какъ въ тискахъ ея блѣдную, маленькую ручку:—помолись, добрая дѣвушка, я великій грѣшникъ, я всю жизнь только думалъ о себѣ!..“

Дѣвушка опускалась на колѣни и молилась такъ страстно, съ такою вѣрой, что больной успокаивался, убѣжденный, что если тамъ, за звѣздами, есть кому слышать, то эта мольба дойдетъ туда и вымолитъ ему и прощеніе, и то, чего онъ не имѣлъ въ жизни. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда больной былъ очень опасенъ, когда требовался особенный, самый тщательный уходъ и надзоръ, когда не наука, не лѣкарства могли спасать человѣка, а самая нѣжная, самая предупредительная, чисто-материнская заботливость,—миссъ Вудзонъ садилась сидѣлкой сама отбивать жертву у смерти. Потому-то и ходила она сама за Андреемъ, надъ которымъ долго, очень долго докторъ безнадежно качалъ головой. Теперь, съ выздоровленіемъ, Андрей видалъ ее рѣже, но выпадали иногда цѣлые вечера, которые они проводили вмѣстѣ, то читая, то разсказывая другъ другу свое прошлое, свои встрѣчи и наблюденія. Разъ она много разсказывала объ общинахъ и фаланстерахъ, въ которыхъ побывала, ища покоя и отдыха послѣ своей страшной потери.

— Отчего же вы не остались тамъ; если тамъ такъ хорошо?—спросилъ Андрей.

— Потому что я не понимаю этого удаленія отъ міра, отъ людей, въ стѣны своей жизни... Тамъ-то хорошо, а другимъ?.. Въ жизни-то какъ?

— Пусть эти другіе примѣръ берутъ и тоже такъ устраиваются,—возразилъ онъ, точно задѣтый немного.

— А если они не готовы для такой жизни?—горячо возразила миссъ Вудзонъ. — Вѣдь вы знаете, какое большинство! Знаете, что только единицы могутъ жить такимъ счастьемъ. Это холодный эгоизмъ, сэръ, холодный эгоизмъ и черствый,—покачала она головой.

— Черствый эгоизмъ!—приподнялся Андрей, весь вспыхнувъ, точно отъ личной обиды.—Я не хочу жить въ грязи, такъ не могу устроиться, какъ хочу?... Да во имя чего же это?... Во имя того, что другимъ желательно копаться въ тинѣ, и я долженъ?..

Онъ весь дрожалъ,—до того взволновалъ его этотъ споръ.

— Зачѣмъ вы говорите, что кому-нибудь желательна грязь,—съ укоромъ отвѣчаетъ ему кроткій голосъ:—когда это неправда? Развѣ имъ возможенъ выборъ, пока они сами такіе?.. Вѣдь ихъ поступки, ихъ жизнь обусловлены ихъ нравственнымъ уровнемъ. Оставайтесь въ ихъ средѣ, поднимайте ихъ нравственный уровень, учите, помогайте подняться, открывайте

имъ глаза, а не прячьтесь въ своихъ стѣнахъ, гдѣ только вамъ хорошо... Если всѣ поднимутся до васъ, то и безъ вашихъ примѣровъ заживутъ также. Нѣтъ, вы внесите въ ихъ среду, отдайте имъ все то, чѣмъ вы выше ихъ,—вотъ, по-моему, задача честнаго человѣка.

Оба молчатъ; обоимъ, очевидно, почему-то не по себѣ, тяжело, неловко. Миссъ Вудзонъ еще больше поблѣднѣла, и тихо, молча качается въ своемъ креслѣ. Подложивъ подъ голову руки, смотритъ вверхъ Андрей, но ничего, кажется, не видитъ. Грудь дышетъ тяжело, порывисто, точно на нее налегла тяжесть, голова кружится, въ ушахъ стоитъ, „эгоизмъ, холодный, черствый!“ Что съ нимъ? чего онъ волнуется, отчего замираетъ сердце? Развѣ онъ уходилъ въ какія-нибудь стѣны, гдѣ только ему хорошо, развѣ...

— Сэръ!—касается его слуха почти тихій, точно робкій шепотъ.

Онъ быстро открываетъ глаза,—онъ радъ, что ему мѣшаютъ.

— Сэръ, вы... никогда здѣсь не вспоминали о... о... родинѣ, никогда не приходила она вамъ на мысль?

— А что?—И онъ приподнимается, онъ опять дрожитъ.

Миссъ Вудзонъ молчитъ, тихо качаясь, опускаетъ глаза и краснѣетъ.

— Что?—настойчиво, дрожащими губами, повторяетъ онъ свой вопросъ. Онъ чувствуетъ

потребность поставить что-то ребромъ, непремѣнно, во что бы то ни стало добиться отвѣта.— Что?

Медленно поднимаетъ дѣвушка свои честные глаза, которые никогда, никогда не лгали.

— Я бы не могла, — говоритъ она, дрожа сама:—я бы помнила... Нѣтъ, я бы никогда не могла уѣхать... бросить...

Развѣ онъ не ожидалъ этого?

— Это, по-вашему, эгоизмъ?—чуть шепчутъ его блѣдныя губы:—да, миссъ Вудзонъ?

Дѣвушка молчитъ. Онъ видитъ, что она колеблется.

— Миссъ Вудзонъ! — говоритъ онъ громко, почти не дыша.—Миссъ Вудзонъ!.. Вы видите, я не могу... я прошу, я требую отвѣта!

— Да! — чуть слышно доносится до него шепотъ.

Онъ въ безсиліи опускается на подушку. Все кружится, все путается—лампа, столъ, окно, потолокъ, но въ головѣ такъ стало ясно, такъ ясно, точно пелена какая-то спала. Кончено все это тяжелое, больное, назрѣвавшее по каплѣ, по песчинкѣ, такъ долго, такъ мучительно долго... Одно еще только...

Его исхудалая, блѣдная, дрожащая рука протягивается, ищетъ и сжимаетъ крошечную ручку. Онъ поднимаетъ глаза и только теперь видитъ на блѣдномъ, прекрасномъ лицѣ крупныя слезы.

— Миссъ Вудзонъ,—говоритъ онъ взволнованно, но твердо:—миссъ Вудзонъ, клянусь

вамъ... вамъ, которую я такъ уважаю... Клянусь, я ничего не хотѣлъ для себя... не искалъ...

— Вѣрю,—перебиваетъ его плачущій голосъ:— вѣрю! Избытокъ силъ и жизни, мой другъ! Я давно, давно вижу, что вы мечетесь въ сомнѣніи... Кто же не ошибается? Но всякая ошибка служитъ на пользу!

И оба такъ ясно, такъ счастливо глядятъ другъ на друга.

Докторъ вошелъ необычно; сразу было видно, что онъ чѣмъ-то взволнованъ и спѣшитъ.

— Ну, какъ? — задалъ онъ свой обычный вопросъ, усаживаясь въ кресло.

— Ладно!—отвѣтилъ Андрей.

— А у меня есть для васъ кое-что новое! — И докторъ вынулъ и развернулъ большой листъ *New-York-Herald*'а.

— Читайте!

Андрей и миссъ Вудзонъ оба уставились въ газету.

— Обо мнѣ справлялись въ консульствѣ!. Мнѣ писали и не получали отвѣта!.. Когда? Кто?—вскричалъ Андрей, пробѣгая консульское увѣдомленіе.

— Читайте дальше,—я не умѣю произносить вашихъ фамилій...—сказалъ докторъ, отгрызая сигару.

— Миссъ Горская... Галя!

Руки у Андрея задрожали, и, не будь онъ уже такъ крѣпокъ, онъ бы, навѣрное, упалъ.

— Я сейчасъ же напишу и отвѣчу!

— Не трудитесь,—говоритъ докторъ:—я уже послалъ увѣдомленіе.

— Какъ?

— По телеграфу. Вѣдь консулъ обращается ко всѣмъ гражданамъ, кто только васъ знаетъ. Развѣ вы не получали писемъ? Что это значитъ? У насъ письма не пропадаютъ.

— Онѣ, навѣрное, лежатъ въ С.-Луи, на почтѣ. Я давно оттуда и не справлялся, не посылалъ адреса,—говоритъ Андрей, въ волненіи сжимая руку доктора.—Я самъ виноватъ, я страшно виноватъ... Но благодарю васъ, благодарю...

— За что, за что? Экъ вы взволнованы! Я думалъ, сэръ, что вы больше окрѣпли... Я приду вечеромъ; мнѣ нужно кое-что сказать вамъ...—сказалъ тотъ, уходя.

Андрей ничего не видитъ, не слышитъ. Письма! Гдѣ эти письма? О, какъ онъ виноватъ, какъ страшно виноватъ передъ нею! Но развѣ онъ думалъ, зналъ, что она напишетъ?

— Успокойтесь, сэръ!—говоритъ миссъ Вудзонъ:—я уже послала въ С.-Луи давно, какъ только узнала отъ васъ, что вы не справлялись ни разу на почтѣ. Письма, вѣроятно, придутъ скоро.

— Вы послали уже давно? Какъ у васъ выходитъ все въ пору, все хорошо! Вы—ясновидящая, миссъ Вудзонъ!

Миссъ Вудзонъ смѣется.

— Вовсе нѣтъ!.. я только немного лучше васъ знаю женское сердце. Женщина, сэръ, никогда не забываетъ того, кто ее любитъ, никогда! Въ особенности такая, какою вы мнѣ рисовали эту милую миссъ. Она не могла, сэръ, оставить васъ безъ отвѣта. Я это твердо знала.

Да, онъ видитъ, что онъ былъ неправъ, очень неправъ. Какъ онъ счастливъ, какъ онъ радъ, что Галя его не забыла! Даже въ консульство бѣгала изъ-за него,—славная, добрая!.. Ахъ, если-бъ только не затерялись эти письма, пришли поскорѣе! Что, если они затерялись?—Отъ одной этой мысли ему дѣлается жутко. Но что, если Галя пишетъ ему то же, что писалъ онъ ей въ своемъ послѣднемъ, прощальномъ письмѣ? Что, если она тоже ищетъ „выхода“, какъ онъ тогда, и думаетъ идти его дорогой? Что, если его письмо, его отъѣздъ натолкнули и ее на эту мысль? Что, что тогда? Что онъ ей скажетъ... Въ страшномъ волненіи садится онъ за письмо къ ней и пишетъ долго, до вечера, почти до самаго прихода доктора, который еще издали весело киваетъ ему головой и кричитъ:

— Ну, что, какъ? Успокоились?

— Успокоился!—улыбается ему Андрей.

— То-то... Вамъ, сэръ, пожалуй, скоро можно будетъ оставить больницу, а?—говоритъ докторъ, садясь съ нимъ рядомъ.

— Да, я думаю... я вполнѣ поправился.

— Ну, положимъ, послѣ такой болѣзни вамъ, по крайней мѣрѣ, нужно еще три мѣсяца хорошей, покойной, сытной жизни... Помните, сэръ, нужна большая осторожность!

— Я знаю...—говоритъ Андрей.

— Но въ больницѣ не стóитъ оставаться. Нуженъ моціонъ, воздухъ, не трудная работа... Кстати: одинъ мой знакомый, директоръ компаніи, нуждается очень въ секретарѣ. Вѣдь вы знаете три языка—французскій, нѣмецкій и нашъ? Да?

— Да. Я вамъ...

— Постойте, — перебиваетъ докторъ дѣланнымъ, сухимъ тономъ:—прежде дѣло!.. Семь часовъ работы, плата полтораста долларовъ въ мѣсяцъ, при готовой квартирѣ. Согласны?

— Еще бы! Вы очень добры, докторъ!..—говоритъ Андрей, сжимая его руку.

— Добръ къ себѣ,—перебиваетъ его тотъ, не выносящій, какъ истый янки, изъявленій благодарности:—къ себѣ!.. Мнѣ вовсе не хочется, чтобы вы вновь заболѣли и затѣмъ возиться съ вами! Дня черезъ четыре выходите, а пока гуляйте чаще... Вѣдь наши зимы—не ваши, у насъ нѣтъ снѣга, а при больницѣ прекрасный садикъ.

На другой день, когда Андрей стоялъ въ садикѣ подъ большою филадельфійскою елью, густою и зеленою, напоминавшею ему такъ много и много, въ окнѣ показалась, вся сіяющая радостью, миссъ Вудзонъ.

— Ловите, сэръ!—крикнула она ему громко.

Онъ протянулъ руки и поймалъ цѣлыхъ три письма. Пока они еще долетѣли, онъ узналъ уже почеркъ.

XIX.

Тихо спитъ Барвиновка.

Теплая лѣтняя ночь, вся пропитанная ароматомъ луга и лѣса, незамѣтно и нѣжно окутала землю, зажгла яркія звѣзды на голубомъ небѣ. Все спитъ, все дремлетъ: и могучіе, вѣковые дубы, и старая, старая колокольня, и бѣлыя хаты, и люди, и звѣри. Одинъ только соловей въ зеленомъ гаю не спитъ и все поетъ да поетъ свою пѣсню, все разсыпается трелью, точно плачетъ и смѣется вмѣстѣ, да старый, сердитый Бугъ, вѣковой свидѣтель и славы, и горя, не спитъ, а ворчитъ свои думы, все ворчитъ да ворчитъ старикъ, все разсказываетъ старыя дѣянія, и сердится, старый, что никто не пойметъ его, никто слушать не хочетъ. „Гей,—ворчитъ онъ, пѣнясь и хлеща о сѣрые, мшистые камни:—гей, послушайте мои сказки!.. Я много видѣлъ и знаю... широкую волю и грозныя сѣчи, и горе, и слезы, и сонъ безпробудный". И многое еще шепчетъ дѣдъ,—много и много, но никому его шепотъ не нуженъ. Вонъ проснулась дивчина... ей такъ душно въ душистомъ, свѣжемъ сѣнѣ.. Разме-

тались косы... тяжело поднимается молодая, упругая грудь и дрожитъ и волнуется подъ бѣлою, расшитою сорочкой... Скучно спать безъ милаго... Гдѣ онъ? Хоть бы обнялъ, зацѣловалъ ее!.. Ей ли слушать разсказы дѣда? Нѣтъ, что ей это ворчанье!.. Вонъ поетъ соловейко и она слушаетъ его всѣмъ сердцемъ, всею душой—соловейко, мала пташка, поетъ ей о миломъ! Проснулся косарь въ полѣ—и тоже сталъ слушать парубокъ соловья да гадать о чернобривой... Не хочетъ онъ слушать ворчанья стараго дѣда... Что въ нихъ?.. Что было, то было, то... минуло.

Зеленовато-серебристая луна выплыла изъза гаю и перебросила черезъ синій Бугъ золотую ленту. Неслышною стопой, еле-еле касаясь, прошли по ней легкія русалки, какъ тѣни... И онѣ идутъ мимо, не слушаютъ сказокъ,—зачѣмъ имъ? Онѣ ждутъ, поджидаютъ молодого парубка съ гибкимъ, высокимъ станомъ, чтобъ зацѣловать его до смерти, защекотать и унести къ себѣ, на дно для „дивочьей забавы“. Прошли и сны людскіе, что Богъ посылаетъ на землю, кому въ утѣшеніе, кому въ назиданіе... И они прошли мимо, не слушая думъ старика, его пѣсенъ, его сказокъ... У нихъ вѣдь тоже своя забота... Взвились они надъ Барвиновкой, закружились надъ бѣлыми хатами и разомъ опустились въ людскія сердца, замутили спокойный человѣческій отдыхъ.

Заворчалъ старый еще сильнѣе, озлился... „Гей,—кричитъ онъ:—вернитесь!... Вы—тяжелые сны, полные заботы и горя, а людямъ и безъ того тяжко... Вернитесь! Я навѣю свои сны, покажу иныя видѣнія!“ Но не слушаютъ они стараго дѣда,—какое имъ дѣло? Да и кто его слушаетъ?

Нѣтъ! Есть живая душа, есть человѣческое сердце, что внемлетъ его шепоту, что трепещетъ и бьется на его думы... Тамъ, высоко-высоко, на той скалѣ, что зовется Панскою могилой, у самаго обрыва высокой кручи, подъ зеленымъ, могучимъ дубомъ лежитъ высокій, худой, мускулистый человѣкъ и жадно,—не очами, а сердцемъ,—смотритъ внизъ на волны, на сѣдую пѣну. Что же такое, что глаза его закрыты? Сказали бы люди, что спитъ человѣкъ, отдыхаетъ путникъ съ дороги. Старому Бугу нужны не глаза, а сердце, и знаетъ онъ, старый, какъ часто брешутъ на свѣтѣ люди... Развѣ не стучитъ его сердце, не бьется, не шепчетъ: „Спой мнѣ пѣсню, дѣдусю,—спой мнѣ хорошую пѣсню!“ Слышитъ это старикъ, засмѣялся, моргнулъ усомъ, тряхнулъ бородою... Замолкъ его ропотъ... и, звонко ударяя о камни и скалы, что въ струны бандуры, запѣлъ старый Бугъ свою пѣсню:

„Зналъ я когда-то ребенка, и былъ онъ живой и проворный. Богъ далъ ему чистое сердце и свѣтлую, добрую душу. Крѣпко любили его слѣпые, хромые калѣки, и крѣпко

любилъ ихъ ребенокъ... „Учись,—говорили ему, гладя по черной головкѣ:—учись! Ты будешь калѣкамъ на помощь... Глаза намъ замѣнишь, замѣнишь разбитые члены... Одна ты надежда у насъ,—ой, одна на всемъ свѣтѣ!“

— Одна!—отозвалось со скалы сердце.

„И время текло и много съ собой уносило... Парубкомъ стало дитя, — высокимъ и смѣлымъ юнакомъ... Высоко-высоко онъ выросъ... Что дубъ многолѣтній, весь лѣсъ переросшій, стоялъ онъ всѣхъ выше и краше. „Иди-жъ къ намъ,—взывали слѣпые, хромые:—иди... Теперь-то вотъ намъ ты и нуженъ,—ой, крѣпко, ой, крѣпко намъ нуженъ!“

— Правда!—отвѣтило сердце.

„И Божіи дѣти, что вѣкъ упивались слезами, что свѣта не знали, не знали ни счастья, ни доли, руки простерли къ нему, но онъ оттолкнулъ ихъ и бросилъ... „Душно мнѣ будетъ средь васъ,—о, душно, что соколу въ клѣткѣ! Въ свѣтъ меня тянетъ,—сказалъ,—гдѣ мѣсто найду развернуться!.. Ласточка рѣетъ надъ крышей,—орелъ царитъ въ поднебесьи... Челну довольно и рѣчки,—кораблю нужно море,—ой, синее море!“

Ничего не отвѣтило сердце.

„И ринулся въ свѣтъ онъ широкій съ вѣрой, надеждой, любовью. Весело шелъ онъ на встрѣчу живому дыханью и жизни, но видѣлъ лишь зависть, корысть или злобу, тупое молчанье и спячку. Точно въ пустынѣ стоялъ онъ,

гдѣ все неподвижно и мрачно... „Свѣту,—кричалъ онъ:—и жизни!“—но самое эхо молчало. И злобой забилося сердце, облилося желчью,—ой, лютою желчью!“

— Да!—подтвердило сердце.

„И дальше пошелъ онъ за солнцемъ, куда оно страстно манило. Много нашелъ онъ всего, не нашелъ одного лишь—любви и привѣта. Пусто казалось ему среди ликованья и счастья, пусто и чуждо было въ его сердцѣ... „Возьмите съ собою меня!—кричалъ онъ толпѣ суетливой,—все вамъ отдамъ я: и сердце, и душу юнака,—все, лишь съ собою возьмите!“

— „Нѣтъ, ты чужой намъ!—кричали и люди, и небо, и воздухъ:—ой, ты чужой намъ?“

— Чужой!—отозвалось сердце.

„И въ страшной тоскѣ стоялъ юнакъ на распутьи... Куда же еще полетѣть, гдѣ найти ему миръ и отраду, гдѣ бы онъ не былъ чужой, гдѣ бы знали его и любили, гдѣ бы душу взяли его и дали бы сердцу напиться? Тяжко жаждать въ жару, но сердцемъ, душою—тяжеле! Страшно въ лѣсу одному, но на людяхъ сто кратъ страшнѣе! Горе давило его,—ой, лютое горе!“

— Горе!—отозвалось сердце.

„Тогда-то спустилась надъ нимъ пташка. Съ неба слетѣла она, покружилась надъ нимъ и сѣла на вѣткѣ зеленой. Хвостикомъ сѣрымъ махнула, чирикнула разикъ-другой, завертѣлась... И сразу узналъ онъ ту птичку, что слу-

шалъ когда-то „дытыной...“ Узналъ онъ и ожилъ,—ой, сердцемъ, душою онъ ожилъ!“

— Ожилъ!—отвѣтило сердце.

„И малая сѣрая пташка запѣла... Любовно и нѣжно ему напѣвала про дѣтскіе годы. Родныя картины вставали предъ нимъ, въ его сердцѣ вставали забытые люди...“

— „Зачѣмъ же ушелъ ты отъ нихъ? — напѣвалъ соловейко юнаку.—Не тоскуй, не горюй, а иди къ Божьимъ людямъ съ надеждой... Пригрѣютъ они, приласкаютъ, возьмутъ твою душу и сердце, и будешь ты счастливъ,—ой, счастливъ, юначе!“

— Счастливъ!—отвѣтило сердце.

„И тихо поникъ головою юнакъ, а очи сухія блеснули святыми слезами... Жемчугомъ крупнымъ онѣ покатились одна за другою, а съ каждой слезою слетало съ него его горе и сердце въ груди оживало... Тихо рыдалъ онъ подъ старой, зеленою елью, а грудь наполнялась блаженными счастьемъ и нѣгой... А пташка все пѣла,—ой, пѣла!“

— Да, пѣла!—отозвалось сердце.

„И твердо побрелъ онъ домой, гдѣ родился, гдѣ знали его и любили. Страстно забилося сердце въ груди, когда онъ увидѣлъ все то, что забылъ съ малолѣтства... Въ восторгѣ нѣмомъ цѣловалъ онъ родимую землю, а сердце стучало: „Простите, слѣпые, хромые, Божіи люди!... Къ вамъ я пришелъ, примите вы блуднаго сына!... Вотъ вамъ плечо и рука,

обопритесь, возьмите и очи мои, и душу, и сердце!... Все вамъ отдамъ я,—все, до послѣдняго вздоха и капли,—только примите меня, приласкайте, пригрѣйте!“ И легъ на скалѣ онъ подъ дубомъ и слушаетъ пѣсню до утра,—ой, свѣтлаго утра!“

Такъ пѣлъ старый Бугъ, а Андрей лежалъ и слушалъ, хотя люди, навѣрное, сказали бы, что ему только снится. Этотъ ребенокъ, юнакъ, этотъ блудный сынъ—онъ самъ, пришедшій искать мира къ родному порогу. Это онъ стоялъ на распутьи, это ему пѣла пташка, это онъ цѣловалъ родимую землю. Но кто же эта пташка, эта малая сѣрая пташка?

Онъ открываетъ глаза, ему свѣтло и ясно улыбается первый красный лучъ родного солнца.

Въ лѣсу еще темно, сѣро-синій сумракъ царитъ между стволами-гигантами, но верхушки уже зардѣлись и горятъ яркимъ багрянымъ свѣтомъ. Еще немного, немного, и все проснется, оживетъ, закипитъ жизнью, зальется живительнымъ свѣтомъ... О, если бы только скорѣе...

Онъ сидитъ и ждетъ. Онъ нарочно не вошелъ въ деревню ночью, когда всѣ спятъ, отдыхаютъ... Но ждать въ душномъ вокзалѣ не хотѣлось. Онъ оставилъ вещи, побрелъ знакомою дорогой, легъ и растянулся на высокой кручѣ у самой деревни, гдѣ такъ часто сиживалъ ребенкомъ... Бугъ узналъ его и

спѣлъ ему пѣсню. Узнаютъ ли тамъ его? Что они?...

А они тоже спятъ.

Старая дьячиха весь вечеръ молилась о сынѣ, о всѣхъ странствующихъ и скорбящихъ, просила для нихъ благословенія. Сотни разъ нагибалось ея тощее, старое тѣло передъ иконой „святой Заступницы“, сотни разъ подымалась для креста сухая рука, сотни слезъ, горячихъ, жгучихъ, слезъ материнскихъ, что спасаютъ какъ молитва, что сильнѣе всѣхъ чаръ и злыхъ козней, текли изъ ея старыхъ, почти невидящихъ очей. „Сыну мій!—зоветъ ея старое сердце:—гдѣ ты, что съ тобою? Кто закроетъ мои очи? Гдѣ ты самъ сложишь свою буйную голову, мой любый, мой хорошій?“ И молясь, и рыдая вмѣстѣ, старуха такъ и заснула въ углу передъ иконой. Мотря всю ночь качала неугомоннаго сына, Даныло былъ въ полѣ, а старикъ Тарасъ ворочался на овчинномъ тулупѣ у порога своей мельницы. Долго не спалось старому,—тяжелыя думы бороздили старую голову, мучили старую душу, давно просившуюся на отдыхъ. Все тяжелѣе становилось хрещеному люду. Видитъ это старикъ и мучитъ его, что помочь некому, некому научить, наставить...

И снится ему, что стоитъ онъ у старой дьячковой могилы въ самую полночь, темную,

непогодную полночь. Буря воетъ, сверкаетъ молнія, дождь льетъ и мочитъ старика, а онъ все стоитъ да зоветъ дьячка Григорія: „Гей,— кричитъ онъ ему:— встань же, панъ-отецъ, встань! Развѣ не видишь нашей бѣды, не знаешь, что опричь тебя помочь некому? Полно спать, дьяче,—ты уже выспался въ волю!... Иди къ намъ на пораду, будь намъ головою!“— зоветъ старикъ, а самъ все плачетъ,—такъ горько плачетъ, что и могила сама съ нимъ заплакала. „Вонъ говорятъ,— кричитъ онъ ему:—что и пахать нужно иначе, и сѣять, что до многаго дошли ученые, письменные люди, чего мы не знаемъ,—встань, научи насъ!“

И видитъ вдругъ старикъ,—съ ужасомъ видитъ, что всколыхнулась могила и распалась. Страшно ему, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то тянетъ, что-то толкаетъ глянуть въ раскрытую темную яму.. Глянулъ—ничего не увидѣлъ, а только услышалъ вздохъ, точно стонъ, да такой тяжелый, что сѣдой чубъ его поднялся дыбомъ.

— Кто это? Какой ворогъ будитъ меня, не даетъ мнѣ покоя?—слышитъ Тарасъ голосъ могилы.

— Не ворогъ твой, Григорію-дьяче... я другъ твой, зову тебя и слезами плачу!—отвѣчалъ старый.

— Узнаю тебя, друже,—говоритъ голосъ.— Чего же ты плачешь? Зачѣмъ тебѣ будить мой

сонъ, тревожить мой отдыхъ? Развѣ мало работалъ я въ жизни? Чего тебѣ нужно?

И сталъ говорить Тарасъ, сталъ разсказывать, а самъ все плачетъ... Такъ и льются слезы изъ старыхъ очей и сбѣгаютъ по сѣдому козацкому усу въ могилу... Некому помочь, научить сердцемъ чистымъ, нелицемѣрнымъ, нековарнымъ. Нѣтъ ни друга, ни щираго сердца, ни головы разумной, чтобъ пошла къ нимъ и за ними, чтобъ они сами укрылись за ней, какъ за крѣпкою стѣной.

— Тяжко-жъ вамъ, бѣднымъ,—слышитъ Тарасъ изъ могилы на свои вопли:—тяжко, если ты мертваго будишь!

— Тяжко, Григорію-дьяче, тяжко!—отвѣчаетъ Тарасъ, падая на колѣни у могилы.—Встань же, дьяче, проснись, будь намъ порадой—защитой!

— А сынъ мой Андрійко? Не съ вами снъ, что-ли,—не стоитъ вамъ подмогой?

— Не съ нами, пане-дьяче, твой сынъ,—далеко Андрійко, не стоитъ онъ намъ, бѣднымъ, подмогой!

Страшно застоналъ дьякъ на эти слова старика и все съ нимъ окрестъ застонало... Хрустнули кости въ могилѣ... Въ ужасѣ припалъ Тарасъ ницъ и зашепталъ святую молитву.

— Ладно,—слышитъ онъ вдругъ:—встану, Тарасе, приду вамъ на помощь, буду вамъ всѣмъ головою!... Дай только мнѣ свою свиту,

потому что на мнѣ бѣлый саванъ, да дохни на меня своимъ духомъ!

Скинулъ Тарасъ свою свитку, дохнулъ своимъ духомъ въ могилу и чудо свершилось!... Вдругъ выросъ передъ нимъ дьякъ Григорій, а Тарасъ не чувствуетъ ни страха, ни ужаса... Исчезло кладбище, пропала буря... Солнце, Божье солнце свѣтитъ ярко... Кругомъ сбѣгается народъ, всѣ барвиновцы отъ мала до велика встрѣчаютъ дьяка старымъ козацкимъ привѣтомъ, отъ котораго такъ сладко трепещетъ Тарасово сердце. „Бувай здоровъ, дьяче,—кричитъ все окрестъ:—иди къ намъ и гдѣ голова твоя ляжетъ, тамъ и наши полягутъ!“ Только, что же это, Господи? гдѣ дьякъ? Куда исчезъ онъ? Что это такое? Оглядѣлись его старые глаза, что ли?... Это вовсе и не дьякъ, этотъ высокій, загорѣлый человѣкъ!... Кто же это, Господи?... Проснувшійся Тарасъ крестится, третъ глаза и упорно всматривается въ наклонившееся надъ нимъ молодое лицо.

— Тарасъ, развѣ такъ трудно признать меня?—съ дрожью въ голосѣ спрашиваетъ его Андрей.

И давно уже замерла на плечѣ сына паниматка, давно уже плачетъ отъ счастья красавица Мотря, давно кричитъ вся Барвиновка, а Тарасъ все третъ, да третъ свои старые глаза.

XX.

Рядомъ со старою мельницей выросъ новый маленькій хуторъ Андрея, въ который перебралась счастливая дьячиха съ сыномъ и Мотря съ Даниломъ и дѣтьми. Перебрался бы и Тарасъ, только жаль было старому своей мельницы. Сроднился онъ съ нею, сжился. Такъ и ночевалъ онъ всегда на мельницѣ.

Нельзя сказать, чтобъ этотъ крошечный хуторъ, почти незамѣтный, выросъ легко и свободно, какъ выростаетъ, напримѣръ, грибъ у корня стараго дуба. Чего только изъ-за него не было, чего не говорилось! Прежде всего волостной писарь никакъ не могъ освоиться съ мыслью, зачѣмъ Андрею „бѣдовать“ на пятнадцати десятинахъ, когда онъ могъ бы быть, если бы захотѣлъ, „самимъ господиномъ мировымъ посредникомъ“. А отецъ Арефа забылъ даже о штундѣ и только негодовалъ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, Андрею ничего не стоило „поступить на службу“ и жениться на Арефиной дочкѣ. Цѣлыхъ три дочки, всѣ съ зонтиками, да такія пухленькія, кряжистыя... Любую выбирай!

Но хуторъ, все-таки, выросъ, — можетъ быть, потому именно, что Андрей не обращалъ на все это никакого вниманія. „Хочу, да и только“,—говорилъ онъ на всѣ вопросы, совѣты, недоумѣнія.

Черезъ годъ, позднимъ лѣтнимъ вечеромъ, Андрей брелъ домой съ поля усталый, въ черной отъ пыли рубахѣ, весь потный, но счастливый, довольный. Этотъ день былъ днемъ его величайшаго тріумфа. Жатвенная машина, которую онъ выписалъ на собранныя по грошамъ деньги, которыя, несмотря на все довѣріе къ нему, съ такимъ страхомъ и сомнѣніемъ вручали ему барвиновцы, майданцы, тернавцы и другіе „сосѣди“, производила сегодня чудеса. Какъ только онъ взялъ возжи въ руки и двинулся, сразу исчезли всѣ сомнѣнія. Весь народъ, смотрѣвшій со страхомъ, вдругъ ожилъ и всѣми овладѣлъ неподдѣльный восторгъ. Бабы даже крестились. Даже Тарасъ, который чего-чего только не зналъ уже отъ Андрея, и тотъ вынулъ изо рта люльку, сплюнулъ и сказалъ, поднявъ палецъ: „Вотъ такъ штука!“

Довольный и счастливый, брелъ Андрей къ хутору, но свернулъ на дорогу. Нѣтъ, теперь онъ пойдетъ справиться, нѣтъ ли писемъ. До вокзала недалеко — всего верстъ пять... А Галя такъ давно ему не писала... Онъ видѣлъ, какъ промелькнулъ поѣздъ,—не можетъ быть, чтобъ онъ не принесъ ему ничего... У него есть предчувствіе... Къ тому же сегодня онъ такъ счастливъ, ему выпала такая удача,— навѣрное будетъ письмо...

Вотъ уже кончается лѣсъ, а дальше будетъ поляна. Онъ идетъ, но вдругъ остана-

вливается, потому что кто-то стоитъ передъ нимъ...

— Вы не узнаете меня?

Вмѣсто всякаго отвѣта онъ протягиваетъ руки.

Какъ онъ могъ не узнать!... Онъ только не вѣритъ себѣ, хотя и чувствуетъ, какъ трепещетъ на его груди маленькое сердце, какъ обнимаютъ его двѣ теплыя руки, какъ влажныя губы цѣлуютъ его и шепчутъ: „милый, милый, милый!“

— Галя, да вы ли это?—вырывается у него, наконецъ, крикъ и счастливой увѣренности, и сомнѣнія.

И рука объ руку, довольные, счастливые, полные вѣры въ себя, въ жизнь, въ свое дѣло, пошли они домой къ своему хутору. А скоро ли и какъ именно кончилась это идиллія—объ этомъ когда-нибудь въ будущемъ.

Ишимъ.
1882 г.

БАБА.

— Баба!

Иначе мы его никогда и не звали. Справляться объ его имени, отчествѣ и фамиліи никому, я думаю, ни разу не приходило въ голову. Можно было думать, что ихъ у него совсѣмъ и не было.

— Баба!—такъ и окрестила его школа.

Трудно, право, рѣшить, въ чемъ собственно коренилась причина этого,— правду сказать, не совсѣмъ лестнаго,—эпитета, котораго обладатель его, можетъ быть, и не заслуживалъ вовсе, гдѣ былъ его корень? Онъ не былъ плаксой, не былъ и трусомъ. Онъ великолѣпно парировалъ удары и квасилъ носы не хуже любого изъ насъ въ часы рекреаціонныхъ досуговъ. Онъ умѣлъ отлично метать мячикомъ, а блеялъ козломъ такъ великолѣпно, что какъ только его голосъ сливался съ общимъ хоромъ всего класса, учитель чистописанія затыкалъ уши и бѣжалъ за инспекторомъ. Вообще онъ былъ отличный товарищъ.

И тѣмъ не менѣе онъ остался „бабой“. Его сѣрые глаза, сѣрое, длинное лицо, сѣрые

волосы, длинная сѣрая фигурка, все длинное и сѣрое, съ виду апатичное и вялое, безохотное, индифферентное,—все это вмѣстѣ точно намекало на бабу. Къ тому же онъ никогда не протестовалъ, какъ и не высовывался съ своимъ мнѣніемъ въ случаяхъ товарищескихъ рѣшеній, а шелъ за классомъ до того, что имъ помыкали. Когда нужны были руки, чтобы безропотно выполнить придуманную сообща шалость, на которую немногіе бы рѣшились, всегда какъ-то случалось такъ, что идти на нее приходилось бабѣ. И баба шелъ и дѣлалъ, не протестуя, не колеблясь, не труся, и даже не плача, когда „подвигъ“ натыкался на „возмездіе“.

У насъ уже былъ „затычка“, мы сдѣлали его „бабой“.

Впрочемъ, была и еще причина, о которой умолчать нельзя, такъ какъ она-то и служила основаніемъ того отношенія, не то снисходительнаго, не то свысока, которое сложилось къ нему у всѣхъ и такъ рельефно вылилось въ эпитетѣ „бабы“. Онъ былъ какъ-то бабьи привязчивъ и отзывчивъ, бабьи жалостливъ и наивенъ. Его можно было надуть всегда, и самымъ безцеремоннымъ образомъ; къ тому же онъ совсѣмъ не умѣлъ мстить и таить злобу, такъ что злѣйшій врагъ могъ всегда разсчитывать у него на полное прощеніе. Вынимая въ рекреаціонныя минуты изъ кармана сочную, длинную колбасу, онъ всегда

ѣлъ крохи ея, такъ какъ никогда не умѣлъ отстоять ее отъ просившихъ „кусочка".

— „Баба", голубчикъ, дай!...

Ну, конечно, онъ не могъ устоять...

Любили ли его? Да, если хотите,—но я не хотѣлъ бы такой любви. Это была, въ сущности, не любовь, а какая-то жалость, смѣшанная съ ироніей. Его жалѣли, насмѣхаясь, и, жалѣя, конечно, обижали. Вѣдь онъ все могъ простить. Онъ совсѣмъ не отстаивалъ своего „я", своего добра, своихъ правъ, и всѣмъ могъ поступиться. Можно было сомнѣваться даже, способенъ ли онъ вообще чувствовать боль и обиду, какъ всѣ... Однимъ словомъ, онъ былъ „баба".

И его обижали. Обижали не по злобѣ, не съ тѣмъ, чтобы непремѣнно обидѣть, нанести зло, конечно, а просто... *такъ*, отъ легкости, съ какою обыкновенно относятся люди и дѣти другъ къ другу, — потому что все это сходило безнаказанно, потому что это вошло какъ-то въ привычку, потому, наконецъ, потому... что это было... смѣшно, что ли. Да, смѣшно,—это забавляло, служило игрушкой, развлекало, а люди вѣдь часто не прочь дѣлать себѣ изъ другихъ забаву и развлеченіе. Къ тому же стоило только затѣмъ попросить у него прощенія, поцѣловать его, похлопать,—вообще заговорить дружески,—и всякій слѣдъ обиды исчезалъ, ибо „баба" моментально превращался въ мякоть. Такъ дѣло и шло...

А онъ все прощалъ и прощалъ и, поднадутый кѣмъ-нибудь до смѣшного, вновь глупо вѣрилъ надувателю. Такихъ типовъ не уважаетъ школа,—смѣлый, задорный дѣтскій или, вѣрнѣе, школьный эгоизмъ, способный увлекаться только силой, смѣлостью и иниціативой. Прощать, не давать сдачи казалось несомнѣннымъ бабствомъ, а бабства школа совсѣмъ не терпитъ.

Не будь „баба“ хорошій товарищъ, его сжили бы со свѣта. Но и такъ онъ постоянно платился за свою наивность, довѣрчивость и положительное неумѣнье отстаивать собственнымъ кулакомъ свое право на признаніе за нимъ его „я“.

Разъ, когда у него еще не было имени, кучка сорванцовъ-товарищей, наскучивъ болтать ногами и всовывать бумажные хвосты мухамъ въ часы досуга, вздумала учить его „счету“. Ему влѣпили двадцать горячихъ „задачъ“, но онъ, блѣдный, съ искрящимися глазами, съ сжатыми кулаками, простилъ все, когда сорванцы, убѣгая отъ его здороваго кулака, закричали ему:

— Прости, ну, прости! Голубчикъ!

Руки его безсильно повисли, поблѣднѣвшія губы задрожали, изъ глазъ показались слезы и онъ усѣлся, плача, на парту.

— Милый! Ну, да укажи же, кто?—любовно допрашивалъ его „ехида“, нашъ инспекторъ, предвкушая, конечно, массу сладостныхъ

возмездій, какъ только „вышпіонилъ“ происшествіе:—ну же!

Но тотъ только хныкалъ и хныкалъ.

— Ну же?!

Тотъ мычалъ.

— У-у-у, баба!

Классъ разразился хохотомъ: настоящее слово было найдено! De jure онъ остался равенъ всѣмъ, de facto онъ сталъ бабой..

Его губы, казалось, всегда свѣтились доброю, ласковою улыбкой, подслѣповатые сѣрые глаза мигали, только мигали. О, эти глаза! Они смѣшили насъ, точно надѣляли насъ смѣлостью творить ему всякія пакости въ полной увѣренности на безнаказанность. Узкіе, съ красными голыми вѣками, какъ у кролика, безбровные, вѣчно мигавшіе, они свѣтились такимъ добродушіемъ, такою безграничною наивностью, что невольно какъ-то „подмывали“, подзадоривали. Глумленіе казалось дѣломъ на столько естественнымъ, что мы прощали его даже злѣйшему врагу—„ехидѣ“, разражаясь всегда громкимъ хохотомъ на его совѣты „бабѣ“ „пришпилить свои вѣки“. Даже учитель нѣмецкаго языка, которому мы, каждый классъ, втыкали въ стулъ булавку, рисовали на доскѣ мѣломъ свинью и подписывали: Францъ Антоновичъ,—котораго мы не ставили и въ грошъ, не слушали, не боялись, презирали,—даже онъ, трепетавшій насъ, курносыхъ сорванцовъ, какъ огня,—безнаказанно, при общемъ хохотѣ, глумился надъ „бабой“.

— Каспадинъ „папа“!—говорилъ онъ, какъ-то тупо улыбаясь и поворачивая къ классу съ подмигиваньемъ, разсчитаннымъ на поддержку, свои „нѣмецкія бѣльмы“:—каспадинъ „папа“, што ви всо микаете, ничего не внимаете, ваше дэло не знаете?

„Баба“ усиленно мигалъ въ отвѣтъ и краснѣлъ, какъ піонъ, а мы разражались хохотомъ. Никому и въ голову не приходило обидѣться и вступиться за „бабу“.

Но мы его не презирали,—нѣтъ. Онъ былъ намъ дорогъ по-своему, можетъ быть, въ глу, бинѣ души даже и нравился. Такая, повидимому, аномалія, какъ то, что мы безнаказанно позволяли глумиться „врагамъ“ надъ товарищемъ—объясняется очень просто. Въ этомъ глумленіи мы прозрѣвали нѣкоторое признаніе нашего авторитета, нѣкоторое заигрыванье съ нами, что, понятно, пріятно щекотало наши души. Но „бабу“ мы все-таки любили, можетъ быть, *по своему*,—это особая статья,—но, все-таки, любили. Насъ что-то влекло къ нему, тянуло, привязывало, несмотря на все, но что именно, — мы не могли бы дать себѣ отчета. Бывали случаи, когда мы даже гордились имъ. Я думаю, тутъ были двѣ причины: во-первыхъ, онъ былъ отличный товарищъ; во-вторыхъ... во вторыхъ, бывали моменты, когда онъ становился не „бабой“.

Странное дѣло! Когда ему приходилось защищать или отстаивать другихъ, что-нибудь

близкое, дорогое,—его длинная, сѣрая фигура, полная съ виду апатіи, неуклюжая, смѣшная и добродушная, преображалась моментально. Онъ становился вдругъ строенъ и ловокъ. Вялыя, длинныя руки энергично сжимались въ кулаки; вѣчно улыбавшіяся губы сурово сдвигались, блѣднѣли и дрожали гнѣвомъ; красные, вѣчно мигавшіе глаза не мигали. Нѣтъ, они не мигали,—они вдругъ загорались какимъ-то холоднымъ, неподвижнымъ, стальнымъ блескомъ.

Его первая любовь была мы, его товарищи-сверстники, и его хромоногій голубь. За насъ онъ всегда готовъ былъ вынести безропотно всѣ „возмездія“, начиная съ лишенія обѣда до „ложись, каналья!“ включительно; за своего голубя онъ способенъ былъ подраться съ нами. Какъ и гдѣ досталъ онъ его себѣ, осталось тайной, но онъ привязался къ нему, какъ старая дѣва къ моськѣ. Онъ кралъ для него въ кухнѣ хлѣбъ, а карманы его были вѣчно набиты горохомъ. Не разъ разсыпался этотъ горохъ въ классѣ, вызывая неудержимый хохотъ, за которымъ, конечно, „бабу“ ждало „возмездіе“, но онъ стоически выдерживалъ все, стоически шелъ въ карцеръ, стараясь лишь о томъ, чтобы подхватить по пути какъ можно больше разсыпанныхъ горошинъ. Въ часы отдыха, когда всѣ играли въ мячъ или чехарду, онъ задиралъ къ крышѣ свои красные глаза и кричалъ неизмѣнное „улю-лю“. Боже, какъ смѣшило насъ это „улю-лю“, какъ

весело хохотали мы надъ нимъ, надъ „бабой“, надъ его страстью, надъ его неуклюжими ласками слетавшему къ нему глупому, хромоногому голубю! Понятно, эта страсть, какъ всякая слабость, стала предметомъ нашей общей травли и насмѣшекъ, подчасъ остроумныхъ, но всегда, надо признаться, довольно злыхъ. То, что „баба“ относился къ нимъ обычно добродушно, не переставая улыбаться своею длинною улыбкой, только дразнило насъ, только подливало въ огонь масла. Въ концѣ концовъ, разъ какъ-то, совсѣмъ невзначай, мы пригрозили въ унисонъ, что свернемъ его голубю шею.

Мы видѣли, что „баба“ поблѣднѣлъ, и этого было достаточно, чтобы подзадорить насъ на все. Мы бросились къ нему и, сначала шутя, а потомъ все больше увлекаясь, въ серьезъ стали нападать на его сокровище. Голубь сидѣлъ у него на лѣвой рукѣ и „баба“ прижалъ его къ груди, весь блѣдный, взволнованный, съ широко вытаращенными глазами. Правою рукою онъ парировалъ нашу атаку и, не обращая никакого вниманія на сыпавшіеся удары, весьма удачно квасилъ наши носы направо и налѣво. Такое неожиданное, необычное явленіе само по себѣ привело насъ въ бѣшенство. Мы набросились на него, уже не помня себя.

Моментъ, и голубь былъ бы нашъ; но тутъ „баба“ весь преобразился. Онъ вытянул-

ся, выпрямился, сталъ ловокъ, строенъ, совсѣмъ неузнаваемъ. Ловкимъ прыжкомъ онъ выскочилъ съ голубемъ у груди изъ нашей кучи и такъ же быстро поднялъ своею дюжею, необычайно сильною рукой громадный камень. Онъ поднялъ его надъ головой и, какъ статуя, какъ изваяніе, спокойно, неподвижно ожидалъ атаки.

Я былъ уже возлѣ него и моя рука почти касалась голубя. Камень меня не смущалъ,—въ рукахъ „бабы“ онъ казался не страшнымъ. Я забылъ о немъ даже; я, какъ и всѣ, былъ увлеченъ этою страстною охотой. Еще моментъ, и я бы истерзалъ, измялъ, несчастную птицу. Но тутъ я, на счастье, поднялъ глаза. „Баба“ не мигалъ,—онъ смотрѣлъ на меня какимъ-то тупымъ, неподвижнымъ, стальнымъ взглядомъ, холоднымъ, какъ ледъ.

Мы отступили, съежились всѣ,—всѣ до одного. Мы видѣли всѣ этотъ страшный, неподвижный взглядъ. Я дрожалъ, я понималъ, что еще моментъ, одинъ только моментъ, и камень спокойно размозжилъ бы мнѣ черепъ.

Мы продолжали, понятно, звать его „бабой“, но его голубя мы оставили въ покоѣ.

Я помню другой случай, смѣшной, комичный, если хотите, но, во всякомъ случаѣ, довольно рельефно рисующій „бабу“. Мы были уже въ старшихъ классахъ, уже читали, спорили и дѣлились на кружки,—понятно, враждовавшіе другъ съ другомъ. „Идеалисты“ враж-

довали съ „реалистами“, хотя сливались съ ними въ общей ненависти къ „зубриламъ“. Взаимныя пикировки на почвѣ юношескаго задора и нетерпимости, насмѣшки, взаимные счеты и прочее, и прочее, хорошо извѣстное каждому, помнящему моментъ перваго духовнаго пробужденія, пестрили нашу школьную, замкнутую жизнь, усиливая взаимное раздраженіе. Оно росло и каждый день выливалось въ какомъ-нибудь остромъ столкновеніи, смѣшномъ, но всегда честномъ и искреннемъ.

„Баба“ былъ, конечно, „идеалистъ“. Онъ очень любилъ стихи, цвѣты и никакъ не могъ примириться съ мыслью о необходимости постояннаго потрошенія лягушекъ. Но и тутъ, какъ прежде, онъ былъ всегда внѣ всякихъ столкновеній, ссоръ и счетовъ, прощая „реалистамъ“ или, вѣрнѣе, встрѣчая своею длинною, доброю улыбкой ихъ насмѣшки, оскорбленія и открытое глумленіе, приводившее въ ярость его единомышленниковъ. А эта ярость все росла и росла и ждала, кажется, только предлога, чтобы довести дѣло до генеральнаго сраженія.

Предлогъ, конечно, нашелся; когда его ищутъ, онъ всегда не за горами... Фреда, голубоглазая, хорошенькая Фреда, наша звѣзда, наше солнце, нашъ идеалъ,—Фреда, для которой даже „реалисты“ подбирали риѳмы, а „идеалисты“ слагали аршинныя оды,—эта Фреда въ одно свѣтлое, радостное утро рвала си-

рень для букета своему „папа“, учителю французскаго языка. Понятно, къ ней на помощь устремились, какъ къ фокусу, всѣ лучи идеализма и реализма и, пыхтя и сопя отъ восторга, толкая другъ друга, наперебой щипали сирень, конечно, не забывая „принциповъ“. И тѣ, и другіе, понятно, наперерывъ старались освѣтить ея хорошенькую, кудрявую головку *своимъ* „свѣтомъ“. Но Фреда, жестокая Фреда только смѣялась, только заливалась своимъ серебрянымъ смѣхомъ, какъ строгій математическій перпендикуляръ, не склоняясь ни въ одну сторону. Очевидно, нужно было убѣжденіе посильнѣе, какое-нибудь неопровержимое доказательство, безусловно неопровержимое. И оно нашлось,—оно, конечно, нашлось. Его нашелъ и выпалилъ самый убѣжденный „реалистъ“.

— Идеалисты ослы!

Нить порвалась... Какъ?! Ослами предъ Фредой?! Предъ Фредой... Нѣтъ! Это была капля, переполнившая чашу!.. Дуэль!!

Да, дуэль,—дуэль, о которой мы читали въ романахъ, которую смѣшивали съ захватывавшими духъ описаніями рыцарскихъ турнировъ Вальтеръ-Скотта. Но на чемъ? О, на чемъ угодно! Развѣ могъ имѣть значеніе такой пустой вопросъ предъ такимъ страшнымъ, такимъ невыразимымъ оскорбленіемъ?! Пистолеты? Но одинъ, всего одинъ старый, заржавленный кремневый пистолетъ сторожа Потапа,

которымъ мы за пятакъ потихоньку отъ „ехиды“ пугали воробьевъ, очевидно, не годился. Дуэль съ однимъ пистолетомъ—абсурдъ, да къ тому же пистолеты дѣлаютъ много шума. Сабель не было, о шпагахъ мы не имѣли даже понятія. Что же? Циркуль! Да, острыя ножки стального циркуля, крѣпко привязанныя бичевками къ класснымъ палкамъ для географическихъ картъ, должны были служить оружіемъ, способнымъ вполнѣ смыть такое страшное оскорбленіе.

Съ одной стороны стоялъ убѣжденный реалистъ, здоровый, сильный, ловкій, съ другой... съ другой—пока никого еще не было. Идеалисты кипятились, кричали: „дуэль, дуэль!“—всѣ вмѣстѣ, но никто самъ не вызывался къ барьеру. Одинъ „баба“ не кипятился, не волновался, не кричалъ: „дуэль!“—а только мигалъ и улыбался своею длинною, все прощавшею улыбкой, но на него смотрѣли въ упоръ всѣ, всѣ до одного. Всѣ кипятились, кричали, клялись, что дуэль необходима, что это чортъ знаетъ что, если ея не будетъ, что это будетъ позоръ для *всѣхъ*, что сама Фреда, наконецъ... — и смотрѣли на него. Онъ чувствовалъ этотъ взглядъ, онъ видѣлъ его, онъ не могъ не видѣть, и краснѣлъ, все краснѣлъ и мигалъ.

— Кому же идти, кому? Вѣдь, нужно же, господа, идти кому-нибудь! Вѣдь такъ?... Баба, ты что же молчишь? Ты какъ думаешь, а?

Вѣдь прощать нельзя... Неужели же не найдется товарища?

И товарищъ, конечно, нашелся,—пошелъ „баба“. Это было такъ естественно, такъ согласовалось съ общимъ мнѣніемъ, что именно ему нужно встать на защиту партіи и ея принциповъ.

Тѣнистый уголъ задняго двора былъ оцѣпленъ нами плотнымъ кругомъ. Мы не дышали, мы напряженно ждали начала и внутри насъ разливался какой-то особенный жаръ нетерпѣнія и страха. Было какъ-то и жутко, и хорошо. Секунданты, важные, какъ сенаторы древняго Рима, приготовляли оружіе, сдвинувъ брови и кидая исподлобья мрачные взгляды. Они, какъ и мы, всѣ были убѣждены, что на насъ смотритъ Исторія и чинитъ свой неизгладимый карандашъ. Реалистъ нервно крутилъ едва пробивавшійся усъ и краснѣлъ; „баба“ стоялъ спокойно, невозмутимо и мигалъ глазами. Наши сердца тревожно бились: скорѣй, скорѣй, скорѣй!

Я помню, какъ „баба“ вдругъ выпрямился и пересталъ улыбаться. Глаза не мигали,—они смотрѣли неподвижно на тонкое стальное остріе... Было что-то новое въ этой длинной, неуклюжей фигурѣ, какая-то скрытая красота вдругъ, точно проснувшись, разлилась по этимъ длиннымъ членамъ. Вотъ онъ двинулъ быстро рукою, вотъ они сшиблись... Разъ, два, три... еще и еще... и въ ужасѣ мы бросились бѣжать.

Мы бѣжали, какъ вспугнутое овечье стадо, гуртомъ, тѣсно сжатою толпой, безсмысленною отъ паническаго страха. Впереди всѣхъ летѣлъ блѣдный реалистъ, нечаянно-нежданно проткнувшій бабину руку, за нимъ секунданты, за секундантами мы всѣ. Эта темная, темная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, алая струйка, оросившая длинную бѣлую руку, гнала насъ и, казалось, гналась по пятамъ. Кровь! Боже мой, кровь! Это былъ животный ужасъ,—тотъ дикій, неописуемый ужасъ, отъ котораго дрожитъ, какъ листъ, здоровый буйволъ, наткнувшійся на бренные останки собрата.

Когда мы, наконецъ, опомнившись, со страхомъ, смѣшаннымъ съ жгучимъ любопытствомъ, вернулись къ раненому, онъ сидѣлъ на землѣ и спокойно старался удержать пальцами здоровой руки бившую ключемъ кровь. На землѣ, тутъ же, стояла алая, смѣшанная съ пылью лужа и валялось оружіе. Мы хотѣли сказать ему много, но уста наши, наши блѣдныя уста повторяли одно: „баба! баба!“ Онъ улыбался намъ, онъ замигалъ глазами.

— Больно тебѣ, „баба“, больно? — чуть не плача, спросили мы, наконецъ, хоромъ:—больно?

— Да, но ничего. Я могу еще этою рукой!

Здоровою рукой „баба“ поднялъ свое оружіе, а мигавшими глазами искалъ противника.

Въ университетѣ онъ былъ тою же „бабой“, что и въ школѣ: длинной, сѣрой, доброй, всегда готовой на всякую жертву для товарищей, всегда любящій и робкій. Его любили, но, какъ и въ школѣ, кажется, жалѣли больше, чѣмъ любили. Почему именно жалѣли, Богъ его знаетъ,—на свѣтѣ ужъ бываютъ такіе типы, которые во многихъ ничего, кромѣ жалости, не вызываютъ. Черезчуръ просто какъ-то у нихъ все выходитъ, черезчуръ естественно, искренно до донкихотства, — не чувствуется ни тѣни тщеславія, эгоизма, самоувѣренности,—всего того, что необходимо сопровождаетъ сильные характеры, сильные типы. То, что всякому другому дало бы ореолъ величія, принесло бы уваженіе, если не поклоненіе, у „бабы“ выходило всегда такъ дѣтски-просто, такъ наивно, что лишало его малѣйшей тѣни подобія герою, вызывало не уваженіе, а какое-то насмѣшливое полу-удивленіе, полу-поощреніе: ай да „баба“! „Паспарту“, который только фабрилъ усы и искалъ богатыхъ невѣстъ, поощрительно хлопалъ его по плечу; „лизунъ“, только лизавшійся къ профессорамъ и напускавшій на себя мракъ учености, пожималъ плечами при одномъ взглядѣ на него; „юристъ“ находилъ, что онъ „невмѣняемый“,— словомъ, многіе изъ насъ находили въ немъ что-то такое, что дѣлало насъ выше его, что позволяло намъ смотрѣть на него какъ-то свысока, какъ-то поощрительно и покровитель-

ственно хлопать его по плечамъ. Конечно, были и другіе,—были и такіе, что относились къ нему иначе, возносили его,—уважая, ставили даже выше себя,—но я ихъ не касаюсь. Я говорю здѣсь объ отношеніи *нашего*, далеко не малочисленнаго кружка,—„спеціалистовъ“, какъ звали насъ одни,—„практиковъ“, какъ звали другіе. Но и мы его любили какъ-то странно, покровительственно, свысока... Но, ей-Богу, крѣпко любили, хотя, право, часто онъ казался намъ невыносимъ...

Многіе въ университетѣ строили тогда все свое міровоззрѣніе на одномъ „желудкѣ“, на его правахъ, игнорируя все остальное,—все, что не касалось „желудка“. Все придетъ съ сытымъ желудкомъ, говорилось тогда; но будетъ ли возможность желудку быть сытымъ при отсутствіи какихъ-нибудь другихъ факторовъ міровыхъ отношеній, объ этомъ какъ-то не думали вовсе. Все, что не касалось непосредственно „желудка“, улучшенія матеріальнаго быта людей,—все это являлось пустыми звуками, толченьемъ воды. Это было естественное увлеченіе только что пробивавшимися новыми экономическими теоріями, и всѣ мы увлекались ими по-своему, кто искренно, кто такъ себѣ, а кто изъ моды, изъ желанія быть на виду.

Одинъ „баба“ былъ противъ и стоялъ за свои сентименты, за поэзію, науку, искусство, культуру, и въ томъ числѣ только за эконо-

мическія теоріи. Его положительно приводило въ страхъ увѣреніе, что масса можетъ обойтись и безъ картинъ, и безъ статуй, и безъ поэзіи, и даже безъ науки,—что, слѣдовательно, онѣ не нужны и излишни.

Онъ совсѣмъ не понималъ, когда ему кричали прямо въ ухо, даже въ оба сразу, что важнѣе всего экономическій бытъ, что все остальное—ерунда и придетъ съ новыми отношеніями быта,—онъ ревѣлъ въ отвѣтъ свое неизмѣнное: наука, этика, человѣческое достоинство. Все, все вмѣстѣ, а не одно что-нибудь впереди,—все!

Онъ готовъ былъ собственнымъ тѣломъ прикрыть свое *все*: и науку, и искусство, и этику, и культуру, когда мы, въ пылу споровъ, кричали: долой все! Это была ересь, но „бабѣ“ всѣ могли простить ее.

Онъ былъ слишкомъ наивенъ, слишкомъ похожъ, казалось, на взрослаго ребенка, чтобы не прощать ему все то, что не простилось бы другому, и слишкомъ искрененъ,—да, слишкомъ правдивъ и искрененъ! Въ немъ всецѣло сидѣло его дѣтство, весь онъ—прежній, довѣрчивый и наивный до смѣшного. Его надували, надъ нимъ смѣялись, ему говорили съ сожалѣніемъ: эхъ баба, баба! А онъ все не мѣнялся, все оставался самимъ собою, все прощалъ и вновь позволялъ надувать себя, забывая прошлое. У него выманивали подъ разными предлогами деньги, къ которымъ,

правду сказать, онъ всегда относился какъ-то чисто по-дѣтски, хозяйка оставляла его безъ обѣдовъ, держала часто въ нетопленной комнатѣ и т. д., и т. д., а онъ все сносилъ, все терпѣлъ, все прощалъ, когда въ глаза ему приводилась самая нахальная ложь въ видѣ оправданія,—въ особенности, если со слезами на глазахъ,—и вѣрилъ ей безусловно.

— Нельзя вѣдь, господа, иначе. Она, вѣдь сама, бѣдная, какъ рыба бьется!—защищалъ онъ, помню, свою хозяйку, которая три дня подъ-рядъ продержала его безъ обѣда.—Нужно быть человѣчнѣе!

— Да она надуваетъ тебя, она пользуется твоею безобидностью!—возражали мы, чѣмъ приводили его въ негодованіе.

— Послушать васъ, такъ на свѣтѣ только мошенники!... Я не могу такъ относиться къ людямъ!

Что намъ было дѣлать? Мы разсмѣялись и нашъ смѣхъ перешелъ даже въ хохотъ, когда „юристъ“ махнулъ безнадежно рукой.

— Эхъ, ты, неприспособленный!—вырвалось у него съ неподдѣльною горечью.

Дѣйствительно онъ былъ какой-то „неприспособленный“. Это было самое настоящее слово.

И, все-таки, онъ сыгралъ „въ романъ“, хотя вѣрнѣе, что на немъ сыграли. Рядомъ съ нимъ въ номерахъ жила прехорошенькая егоза съ темнымъ прошлымъ и не совсѣмъ опре-

дѣленнымъ настоящимъ, мадемуазель Шольцъ. Она состояла гдѣ-то закройщицей или модисткой, но, какъ гласили слухи, еще недавно предпочитала иголкѣ офицеровъ и адвокатовъ. Въ послѣднемъ не было ничего невозможнаго при ея хорошенькихъ глазкахъ и шелковыхъ кудряхъ, силу которыхъ она несомнѣнно знала. Вѣчная пѣвунья и хохотунья, она съ нѣкоторыхъ поръ стала мрачна и ясно приналегла на „бабу“, какъ на самый удобный матеріалъ для амурныхъ демонстрацій. „Баба“ бѣгалъ женщинъ, краснѣлъ при каждомъ взглядѣ пары хорошенькихъ глазокъ, жилъ Іосифомъ, былъ дсвѣрчивъ и несомнѣнно представлялъ собою подходящій экземпляръ для всякой ловкой интригантки, такъ или иначе добивающейся „законныхъ узъ“, какою мы считали тогда мадемуазель Шольцъ. Она начала съ „книжекъ“, съ длинныхъ разговоровъ, чему „баба“ поддавался и что насъ пугало за него, и, въ концѣ-концовъ, кончила тѣмъ, что попросила у него денегъ. Онъ, понятно, самъ почти босой, оборванный, полуголодный, отдалъ ей весь свой заработокъ за уроки.

— Да ты рехнулся!—набросились мы всѣ на него.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ сконфуженный „баба:— она говорила: до зарѣзу... ну...

— Ну, и баба—вотъ что! Она изъ тебя жилы вытянетъ!

Точно сговорившись, мы разомъ двинулись къ Шольцъ, потащивъ съ собой и „бабу“. Нужно было вывести все на свѣжую воду, спасти слюняваго рыцаря изъ розовыхъ когтей хорошенькой сильфиды. Мы вошли, возбужденные, красные отъ волненія, и застали ее за грудой тюля и блондъ сконфуженной и растерянной. Какъ только приступили мы вперебой выговаривать ей ея наглость, она, понятно, разрыдалась.

—Я... я... — всхлипывала она: — простите... я...

Въ понятномъ волненіи мы продолжали свое, жестко упрекали ея кокетство и вымогательство, а „бабѣ“ совѣтовали не быть бабой. Въ пылу увлеченія мы и не замѣтили, что онъ пересталъ вдругъ мигать, выпрямился и глядѣлъ на насъ безъ улыбки своимъ жесткимъ, стальнымъ взглядомъ.

— Довольно! — крикнулъ онъ рѣзко, и голосъ его дрожалъ отъ волненія:—будетъ этой наглой, подлой комедіи! Не ваше дѣло... Простите, мадемуазель, и имъ, и мнѣ!—обратился онъ къ рыдавшей.

— Идіотъ!—вырвалось у насъ хоромъ и застыло тотчасъ же,—такъ поразила насъ послѣдующая сцена. Рыдавшая сильфида вдругъ бросилась къ „бабѣ“ на шею и, рыдая, всхлипывая и глотая слезы, стала просить у него прощенія. „Баба“, весьма естественно, стоялъ дуракомъ и хлопалъ глазами.

— Вы добрый, вы святой, — говорила ему рыдавшая стрекоза: — да, да... святой! А вы — жесткіе, скверные, злые... фи! — посылала она по нашему адресу, топая хорошенькою ножкой: — у-у!.. какіе злые! Я его люблю, люблю!.. Вотъ вамъ! — И она крѣпко поцѣловала стоявшаго багровымъ истуканомъ „бабу“.

Мы, понятно, расхохотались.

— Ай да „баба“!... Л-л-л-овко!

— Что ловко, что? — повернула она къ намъ свое заплаканное лицо — У-у... гадкіе!.. Онъ святой... Вы понимаете? — святой!.. Нѣтъ, вы понять не можете... — вы его не знаете!.. Вы — злые, злые, скверные... фи!... А его я люблю... Да!... Слышите? — повернулась она къ „бабѣ“: — я васъ люблю, люблю, люблю!.. Мнѣ ничего не нужно, нѣтъ! Я только такъ, для пробы, попросила... испытать, посмотрѣть, отдастъ ли онъ! — говорила она уже намъ: — мнѣ ничего!.. Я все отдамъ... и свое отдамъ... все отдамъ!.. Вотъ!... вотъ!... вотъ!.. берите! — кричала она, быстро бросившись къ комоду и лихорадочно кидая намъ на столъ и деньги и браслеты, и серьги, и всякую другую мелочь: — вотъ... берите!..

Но „бабы“ уже не было, — его и слѣдъ простылъ. Онъ выбѣжалъ, какъ сумасшедшій.

Эта глупая сцена съ романтическимъ букетомъ имѣла, конечно, свои послѣдствія. Мадемуазель Шольцъ стала преслѣдовать „бабу“ своею страстью, которой онъ бѣгалъ, краснѣя

какъ дѣвчонка. Все это морило насъ со смѣха, тѣмъ не менѣе, зная характеръ „бабы“, его слюнявость и привязчивость, все еще продолжая считать Шольцъ интриганткой, каковой, къ стыду нашему, не оказалась,—мы стали сильно побаиваться за исходъ этой уморительной комедіи. „Баба“, съ его слюнявостью и цѣломудріемъ весталки, влюбись онъ только хоть немножко, конечно, не задумался бы жениться на самой незавидной репутаціи. Понятно, мы рѣшили спасти его во что бы то ни стало.

Запасшись предварительно цѣлымъ рядомъ неопровержимыхъ доказательствъ, что въ прошломъ за сильфидой, которую мы тогда ненавидѣли отъ всей души, значился и штабъ-офицеръ, и адвокатъ, мы рѣшились обличить ее, вывести все на свѣжую воду и открыть, такимъ образомъ, глаза довѣрчивому „бабѣ“, который никогда никакимъ слухамъ не придавалъ значенія. „Фактовъ! Фактовъ!“ — кричалъ онъ всегда, и мы рѣшили дать ему эти факты, тутъ-же, на глазахъ его сильфиды. Не говоря ему, конечно, ни слова и все время ведя съ Шольцъ тонкую политику, мы, когда все было подготовлено, позвали и „бабу“, и ее на вечеринку.

Вечеринка шла какъ нельзя лучше и все, повидимому, предвѣщало полный успѣхъ нашему предпріятію. „Бабѣ“ мы насильно влили въ горло изрядную дозу „блондиночки“,

отчего онъ, понятно, немного охмѣлѣлъ и сталъ комично развязенъ; мадемуазель тоже „приложилась“ и особенно живо сверкала глазами; мы были „на второмъ взводѣ“ уже и незамѣтно, тихо, дипломатично подошли къ самому „пункту“.

— А говорятъ, мадемуазель, вы не особенно того... чтобы строги!—началъ „Паспарту“, больше другихъ находившійся подъ вліяніемъ выпитой „блондинки“.

Мадемуазель заёрзала. Ея лицо вспыхнуло, затѣмъ поблѣднѣло.

— Не строга?... Какъ не строга?... Что вы хотите сказать?

— Да, просто... проститутка-съ! — выпалилъ расхрабрившійся „юристъ“, пріучившій себя съ IV курса къ сильнымъ терминамъ, столь необходимымъ въ юридической практикѣ.

— Проститутка?

Дѣвушка стала блѣдна, какъ полотно. Она вскочила, потомъ сѣла, потомъ снова вскочила. Взглядъ ея перебѣгалъ съ „бабы“ на насъ и обратно. „Баба“ сидѣлъ пьяный, весь красный, мигалъ и пыхтѣлъ, ничего, казалось, не сознавая.

— Прости-тут-ка?!

Она провела рукой по лбу и зарыдала.

— Такъ в-о-тъ зачѣмъ вы меня позвали!— сказала она вдругъ сквозь слезы, остановивъ на насъ точно съ укоромъ свои глаза:—в-о-тъ! Ахъ!... О, какіе вы злые!.. ахъ!... Прости-тут-

ка?! Ну, да, ну, да... да... да... да!—кричала она съ отчаяніемъ:—я была проститутка, я продавалась... да!... Ахъ! Ну, да... ахъ! Но зачѣмъ же меня покупали,—меня, голодную... безпріютную... всѣ... всѣ... зачѣмъ?—какъ-то тихо, какъ-то страшно тихо спросила она.

Наступило неловкое молчаніе. „Баба", пьяный, сопѣлъ, а она рыдала и рыдала.

— Проститутка! — бросилась она снова:—а вы... вы всѣ, покупатели, вы—нѣтъ?... Ха-ха-ха!—захохотала она вдругъ истерически:—ха-ха!... Нѣтъ, вы нѣтъ! О, вы честные!... Я проститутка... ну, да! Я продавалась... за хлѣбъ,—понимаете?—за хлѣбъ!... Кто мнѣ далъ что-нибудь такъ... безъ... безъ... Я дитя была, безпріютное, брошенное на улицу... Офицеръ накормилъ, пріютилъ и... и... за это... за это... Ну, да, проститутка!.. Ахъ, ахъ, ахъ!—хваталась она за голову.

— Мелодрама!—прошипѣлъ неунывавшій „Паспарту". Она отняла руки и посмотрѣла въ его сторону. Лицо ея было блѣдно и холодно, слезы застыли и стояли каплями на щекахъ. Она тихо, тихо покачала головой.

— Ахъ, вы, честные, честные! Мелодрама?! Зачѣмъ же вы покупаете голодныхъ дѣтей, безпріютныхъ женщинъ?! Честные! — вдругъ злобно захохотала она:—честные! Гадкіе вы всѣ... вотъ что... гадкіе! Я проституткой была и вы! Я хлѣбъ теперь зарабатываю, а вы... вы... ну?—подбоченилась она вдругъ съ на-

хальнымъ, вызывающимъ взоромъ:—ну, кто изъ васъ отказался бы купить меня, ну? Да вы бы подрались изъ-за меня! Проститутка!... Ну, я продаюсь... слышите?... Ну, кто дастъ больше?... Покупайте!...—почти выкрикивала она все съ тѣмъ же вызывающимъ, нахальнымъ видомъ, топнувъ ножкой.

Признаться, она была дивно хороша въ эту минуту съ своими блестящими глазами, разбившимися волосами и ярко вспыхнувшимъ на щекахъ румянцемъ.

— Сколько же?—невозмутимо спросилъ задѣтый этимъ вызовомъ „Паспарту", не сводя съ нея своего единственнаго, подернувшагося масломъ глаза.

Она вдругъ насупилась и румянецъ исчезъ съ ея щекъ мгновенно.

— Подлецъ!—выпалила она прямо въ упоръ:—подлецъ!.. Вы, вы, всѣ!.. Вотъ!—задыхалась она:—меня укоряли, что я проститутка, а сами покупаете,—подлецъ! Зачѣмъ вы укоряли? Зачѣмъ позвали сюда? Зачѣмъ?..

Нашъ угаръ прошелъ, мы всѣ вскочили.

— Оставьте его!—указали мы на все сопѣвшаго съпьяна „бабу":—вы его поймать хотите! Дудки, сударыня! Мы понимаемъ ваши козни!

Она посмотрѣла недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Козни? Его поймать? А... а... а!—протянула она, только теперь догадавшись.—Вотъ что! Вы его отъ меня спасти хотите. Вы ду-

маете, я ему зло сдѣлаю, я... я... я?! Я ему зло? Да я его люблю, понимаете?! Мнѣ...

— Законныхъ узъ хочется... — подхватилъ „юристъ“.

— Законныхъ узъ?! Да развѣ бы я пошла за него? Да развѣ я стою его?! Что вы! Женою его стать! Его женою!... Да я бы зарѣзалась скорѣй! Любовницей его—и то счастье!

— Лучше моей!—подхватилъ сильно охмѣлѣвшій „Паспарту“, но предъ нимъ уже стоялъ весь блѣдный, весь дрожащій „баба“. Онъ тяжело дышалъ, улыбка исчезла, глаза не мигали,—они стояли неподвижно.

— На колѣни!—зарычалъ онъ вдругъ:—становись на колѣни!

Мы всѣ остолбенѣли. „Паспарту“ вынулъ изъ кармана правую руку.

— Слышишь?! На колѣни! Проси прощенія!...

„Баба“ шипѣлъ, а не говорилъ.

— Ты съ ума сошелъ? Ты пьянъ, „баба“?

Быстрѣе молніи схватилъ „баба“ большой ножъ, которымъ мы рѣзали только что колбасу, и поднесъ его къ самому носу „Паспарту“.

— Я те-бя за-рѣ-жу!—отчетливо шипѣлъ онъ, задыхаясь.—Слышишь?! Я те-бя за-рѣ-жу, если ты не...

„Паспарту“ сталъ на колѣни передъ рыдавшей Шольцъ. Онъ, какъ и всѣ мы, видѣлъ этотъ неподвижный, стальной взглядъ, съ которымъ „баба“ когда-то чуть не размозжилъ мою голову за своего голубя.

Хмѣль нашъ прошелъ совсѣмъ. Эта дикая сцена способна была отрезвить самаго пьянаго. „Баба“ выронилъ ножъ и бросился къ дѣвушкѣ. Онъ поднялъ ее съ кресла, ласкалъ и успокаивалъ, точь-въ-точь какъ когда-то хромого голубя. Длинныя руки опять начали дѣлаться длинными, глаза опять замигали, только улыбки еще не было, да грудь дышала неровно. Насъ уже начало смѣшить все это и душить какое-то больное, обидное чувство за этотъ страхъ, пораженіе передъ „бабой“. Въ особенности сердился „Паспарту“. Онъ даже дрожалъ отъ негодованія и все ворчалъ, что только съ-пьяна послушался „этой слюнявой бабы“. „Баба“ опять сталъ для насъ только бабой.

— Ишь, баба... расходился!

Но онъ насъ не видѣлъ, не слышалъ. Онъ прижималъ бившуюся въ рыданіяхъ дѣвушку и успокаивалъ ее по своему. Его губы дрожали.

— Я не стою такой любви... нѣтъ, нѣтъ!— скороговоркой, точно желая скорѣе выговориться, лепеталъ онъ:—и не могу на нее отвѣтить. Я васъ *такъ*,—онъ все подчеркивалъ это „такъ“:—я васъ *такъ* не люблю. Я бы сейчасъ женился на васъ, если бы любилъ васъ *такъ*. Но я люблю васъ, какъ *сестру*... да, какъ хорошую, дорогую *сестру*. Любовница... это подло! Я братъ вамъ... Я люблю васъ, какъ сестру!

Шольцъ положила обѣ руки на его сухія плечи, прислонилась къ нему головой, а онъ повернулся къ намъ.

— Она сестра мнѣ, братцы, слышите? Сестра!... Вы оскорбили ее съ-пьяна, но она вамъ прощаетъ... Правда?

Дѣвушка кивнула головой.

— Въ глубинѣ души они честные, это несомнѣнно!... Итакъ, она сестра мнѣ, отнынѣ сестра...

И онъ, дѣйствительно, сталъ ей братомъ: холилъ, лелѣялъ, заботился, читалъ книги, училъ и, высунувъ языкъ, рыскалъ, отыскивая ей работу. Это была бы, конечно, не дурная идиллія, если-бъ мы не побаивались скверная финала, такъ какъ все еще считали Шольцъ интриганткой, но, къ счастью, финала такого не случилось. Въ одно прекрасное утро она исчезла, оставивъ „бабѣ“ только небольшой клочокъ бумаги, на которомъ довольно нетвердымъ почеркомъ было нацарапано:

„Прощай, мой братъ! Я очень, слишкомъ люблю тебя, чтобы быть тебѣ сестрой! Я не могу... Я уѣду, но всегда останусь честной, клянусь тебѣ. Я буду работать“.

Куда она исчезла, Богъ ее знаетъ. „Баба“ чуть съ-ума не сошелъ.

Была въ университетѣ съ нимъ еще одна исторія, которую только и могъ продѣлать „баба“, и только ему одному она могла сойти даромъ: до того была всецѣло въ его нравахъ.

Грустной памяти одинъ студентъ выкинулъ рѣдкую, крупную подлость по отношенію къ своимъ товарищамъ, приведшую въ естественное, невыразимое негодованіе всѣхъ. Всѣ волновались и чуть-ли не больше всѣхъ волновался „баба“, требовалъ суда, кипятился, возбуждалъ болѣе хладнокровныхъ. Можно было думать, что онъ сотретъ его съ лица земли, испепелитъ, искрошитъ, можно было ждать чортъ знаетъ чего. Когда толпа застигла виновника въ пустой аудиторіи и приступила къ нему съ ужаснымъ обвиненіемъ, на „бабѣ“ лица не было, онъ дрожалъ весь, какъ листъ. Припертый къ стѣнѣ юноша съ тупымъ, безхарактернымъ лицомъ испуганно поводилъ только глазами и даже не пытался оправдываться, точно не слыхалъ этихъ страшныхъ, несмываемыхъ обвиненій, этихъ неизгладимыхъ эпитетовъ, которые вся толпа бросала ему прямо въ лицо. Ужасъ, неописуемый ужасъ стоялъ только въ его широко раскрытыхъ глазахъ,— физическій, животный страхъ, безсмысленный и дикій. Онъ кричалъ только: „пустите, пустите!“—и старался вырваться изъ плотно сжатаго круга плечъ, головъ, рукъ, но старался какъ-то безсознательно, рефлективно, все больше блѣднѣя, все больше охватываясь ужасомъ.

Отдѣльные крики слились уже въ одинъ общій гуль негодованія. У болѣе нервныхъ раздувались уже ноздри и туманились глаза. Чья-то рука налегла уже на плечо негодяя и

трясла его, при чемъ онъ сталъ плакать. Еще мом нтъ, и сотни рукъ поднялись въ воздухѣ, съ однимъ общимъ крикомъ: „бей, бей!.. бей мерзавца!“

Тотъ присѣлъ, какъ заяцъ, когда его настигаютъ въ полѣ, когда нѣтъ силъ ему ловкимъ прыжкомъ отскочить въ сторону. Черезъ секунду его бы не стало,—вмѣсто дряблаго, гадкаго лица, осталась бы только истерзанная, безформенная масса. Но въ этотъ-то именно моментъ чьи-то двѣ длинныя, дюжія руки подняли его, какъ мячикъ, на воздухъ и, несмотря на проклятія, угрозы, толчки и сыпавшіеся, какъ горохъ, удары, съ страшною силой раздвигая плечи, вынесли его изъ толпы за дверь.

Это былъ, конечно, „баба“

Онъ вошелъ къ намъ опять, блѣдный, еле дышащій, съ крупными каплями пота на лбу. Мы бросились къ нему съ тою же злобой, съ тѣмъ же негодованіемъ, которыя волновали наши сердца, но онъ стоялъ спокойно, скрестивъ свои длинныя руки, и смотрѣлъ на насъ ровнымъ, спокойнымъ взглядомъ. Повинуясь какому-то необъяснимому инстинкту, мы замолчали, точно съ тѣмъ, чтобы дать сказать ему слово.

— Сто противъ одного!.. Нѣтъ!..—говорили его блѣдныя губы, еле выговаривая слова:—нѣтъ!... Это... это... Развѣ вы не понимаете, что каждый ударъ вашъ ему искупленіе?...

Что успокоило насъ, не знаю, но мы крикнули ему всего-на-всего: „баба“!

Въ жизнь онъ вышелъ тѣмъ же „бабой“, тѣмъ же „неприспособленнымъ“ добрымъ малымъ. Когда я пріѣхалъ въ N., гдѣ встрѣтился со многими изъ нашего школьнаго кружка, то засталъ уже всѣхъ пристроившимися, у „дѣлъ“, въ хорошей обстановкѣ, кромѣ, конечно, „бабы“. „Юристъ“, въ ожиданіи товарища прокурора, велъ выгодные процессы, упражняясь за приличное вознагражденіе „во взысканіяхъ“, и владѣлъ благодаря своему умѣнью вертѣть развязно пенснэ и удивительно сшитымъ брюкамъ, прекрасными сердцами бомонда. „Паспарту“ слопалъ уже двухъ молодыхъ дѣвушекъ, захвативъ себѣ,— вѣроятно, на память,— ихъ десять тысячъ, и теперь побѣдоносно сражался съ культурой на страницахъ неоффиціальнаго отдѣла мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостей*, получая, понятно, поощренія, какъ „надежный писатель“. Всѣ, словомъ, пристроились, какъ кто могъ или умѣлъ,—одинъ только „баба“ шлялся „безъ якоря“, возясь только съ своими книгами, статьями въ какомъ-то невозможно-ученомъ журналѣ, который не могъ платить ему даже гонорара, и перебивался, точно студентъ, а не кандидатъ, то уроками, то перепиской, то корректурой „паспартускихъ“ статей. Правда, у него были двѣ съ половиной

тысячи, доставшіяся ему нежданно-негаданно отъ какой-то тетки, которыя онъ положилъ въ банкъ и съ которыми не зналъ что дѣлать, по собственному наивному признанію. Эти двѣ съ половиной тысячи показались ему чѣмъ-то вродѣ Ротшильдова богатства.

Мы, понятно, старались навести его на путь истины, увѣщевали, доказывали, предлагали даже услуги и протекціи, чтобы пристроить его, но ничто не брало. Наши увѣренія, что теоріи—одна вещь, а практика жизни—другая, что, пока теоріи летаютъ журавлемъ подъ небесами, нужно для себя ловить хоть синичку, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Съ необычайнымъ упрямствомъ онъ оставался все тою же неприспособленною „бабой“ и доказалъ это самымъ неопровержимымъ образомъ.

„Юристъ“ велъ какое-то дѣло противъ одного сельскаго общества, пропустившаго какіе-то сроки и которому поэтому приходилось или внести значительную сумму денегъ истцу, или разстаться съ своею землей и лѣсомъ. Понятно, „юристу“ было тяжело, какъ порядочному человѣку, вести такое дѣло: ему было жаль безграмотныхъ ротозѣевъ, не умѣвшихъ выиграть свою тяжбу, несомнѣнную и чистую,—но что же онъ могъ подѣлать? Не онъ, такъ велъ бы дѣло другой юристъ, а, отказываясь отъ практики изъ-за разныхъ принциповъ, можно было бы легко положить собственные зубы

на полку. Такъ смотрѣлъ весь городъ, всѣ порядочные люди, кромѣ, конечно, „бабы“. Тотъ положительно не могъ простить „юристу“ этого дѣла.

— Да пойми, миленькій, пойми, что не я, такъ другой бы повелъ дѣло!—убѣждалъ его „юристъ“.

— Ну, и пусть бы велъ другой!—съ упрямствомъ возражалъ „баба“.

— Да, вѣдь, съ такою теоріей, красавчикъ, нашему брату зубы пришлось бы проглотить!

— Ну, и проглоти, или займись другимъ дѣломъ!

— Эхъ, ты... баба, баба!

Что, въ самомъ дѣлѣ, другого можно было бы сказать на это близорукое упрямство?

Но разъ, когда „юристъ“ добился, наконецъ, исполнительнаго листа отъ суда и volens-nolens принужденъ былъ приступить ко взысканію силой, такъ какъ не понимавшее ничего въ законахъ и судебныхъ формахъ сельское общество грубо противилось описи, подобный діалогъ ихъ кончился иначе.

— Ты самъ внеси эти деньги! — выпалилъ раздраженный споромъ „баба“.

— Я... я... внести эти деньги?... Внести двѣ тысячи триста пять рублей сорокъ двѣ съ половиною копѣекъ?... Да ты съ-ума сошелъ!

— Нѣтъ, не сошелъ!—крикнулъ „баба“.— Ты долженъ внести... ты самъ жалѣешь этихъ бѣдняковъ!...

— Во-первыхъ, это не резонъ, котикъ мой...— возразилъ спокойно „юристъ“.—Такихъ дѣлъ и бѣдняковъ много на свѣтѣ. Не могу же я вносить за всякаго, согласись!

— Не можешь... Вѣрно! Но за этихъ можешь!—горячился „баба“.

— Но гдѣ же тутъ логика, розанчикъ мой, гдѣ логика?—живо возразилъ „юристъ“.—Почему именно, почему долженъ я внести за *этихъ*, а не за другихъ?... Объясни!... Почему за Петра, а не за Ивана, когда положеніе Ивана, можетъ быть, во сто кратъ хуже?

Баба не возразилъ. Онъ смотрѣлъ только на говорившаго холоднымъ, неподвижнымъ взглядомъ.

— Это—во-первыхъ, дитя мое родное,—продолжалъ тотъ:—это—во-первыхъ... а, во вторыхъ-съ, — вотъ что: я настолько развитой человѣкъ, что, понятно, не уважаю филантропію. Филантропія, какъ и ты знаешь, только развращаетъ! „Help your self“,—это великій принципъ... Д-да-съ! Частными примочками-съ не поправишь общаго воспаленія-съ... Палліативы безполезны!

— Такъ ты не внесешь?—ровно, спокойно спросилъ его „баба“, когда онъ кончилъ.

— Ни за что-съ!

„Баба“ хлопнулъ дверью. Въ этотъ же день онъ взялъ свое ротшильдово богатство изъ банка и внесъ сполна всю сумму судебному приставу за крестьянъ.

Мы, понятно, могли только пожалѣть его и сказать ему обычное: эхъ, баба!—но въ душѣ у насъ, ей-Богу, что-то ёрзало...

Онъ женился.

Эта женитьба была, конечно, курьезна, какъ и все то, что онъ дѣлалъ. Женитьба безъ малѣйшей доли любви, привязанности, какая-то донкихотская женитьба въ интересахъ только другого лица,—молодой, неопытной дѣвушки, немножко нервной, немножко экзальтированной, съ которой неосторожно пошутилъ, по обыкновенію, неугомонный „Паспарту“. Вѣчно увлекающійся каждою юбкой, „Паспарту“, не провѣривъ, не проанализировавъ своихъ отношеній къ влюбленной въ него дѣвушкѣ, не сообразивъ, что съ его стороны это была одна „вспышка молодости“, позволилъ себѣ перейти извѣстныя границы, а когда его молодой угаръ прошелъ, дѣло оказалось дрянь: на-лицо были неумолимые законы природы. Понятно, что, какъ искренній и прямой человѣкъ, онъ прямо объяснилъ, что все это была одна пустая вспышка страсти, что онъ искренно раскаивается, хотя, естественно, виноватъ не онъ одинъ, а оба, но поправить дѣло женитьбой не можетъ, такъ какъ понимаетъ семью только на началахъ истинной любви, а фиктивные браки считаетъ мерзостью. У дѣвушки родители были строгіе; она

возмутилась, сдѣлала „Паспарту“,—вполнѣ заслуженную, правда,—скандальную сцену, на которую нечаянно наткнулся „баба“. Несмотря на то, что дѣвушка частенько вторила шуткамъ надъ нимъ „Паспарту“ и относилась къ нему, какъ и мы, немного свысока, онъ вскипѣлъ, обозвалъ „Паспарту“ подлецомъ, а изумленной, не вѣрившей себѣ дѣвушкѣ, грозившей, что она бросится въ прорубь, предложилъ свою „руку и имя“.

— Я васъ не люблю... зачѣмъ?.. зачѣмъ?— шептала она побѣлѣвшими губами.—Вѣдь, я васъ *такъ* не люблю...

— Любите, какъ брата, какъ брата любите...— отвѣчалъ онъ, весь сконфуженный и красный, беря ея хорошенькую ручку.

— Вы послѣ пожалѣете... Я не перенесу этой жертвы!—колебалась она, конфузясь и какъ бы робѣя: — зачѣмъ, зачѣмъ? О, какой вы честный!

— Что за жертва?... Никакой жертвы тутъ нѣтъ съ моей стороны!—увѣрялъ „баба“.—Не пускать же васъ въ прорубь, въ самомъ дѣлѣ!

Мы были на этой курьезной свадьбѣ. И женихъ, и невѣста были блѣдны,—трудно сказать даже, кто изъ нихъ былъ блѣднѣе. Она выглядѣла, къ тому же, какъ-то растерянно и неловко, но „баба“ шелъ смѣло и гордо, точно велъ дѣйствительную невѣсту. Онъ взглянулъ на насъ мелькомъ, но, признаться, этотъ чертовски-холодный взглядъ, быстрый,

неуловимый, какъ-то моментально заставилъ насъ спрятать свои улыбки.

Но, что всего курьезнѣе, эта фикція перешла въ дѣйствительность. Въ дѣвственномъ сердцѣ „бабы“ вспыхнула неугасимая страсть къ супругѣ, отразившаяся, вѣроятно, рефлективно и въ ея сердцѣ. Они зажили счастливыми супругами,—по крайней мѣрѣ, „баба“, который дѣйствительно полюбилъ всецѣло, безумною, первою любовью. Была ли счастлива она?—не думаю. „Баба“ былъ слишкомъ скученъ для нея, слишкомъ абстрактенъ, невыносимъ съ своею вѣчною задумчивостью, теоріями, витаніями въ пространствѣ. Такіе типы могутъ любить сильно, но любить собственно *не умѣютъ*. Выраженія ихъ любви скучны, медленны, вялы и грубоваты до того, что могутъ посѣять сомнѣніе въ дѣйствительномъ чувствѣ. Ну, могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, быть страстнымъ любовникомъ длинный, робкій, скромный „баба“ съ его длинными-длинными руками?

По крайней мѣрѣ, она ему пристроила рога.

Это случилось уже много времени спустя послѣ свадьбы. Они жили далеко, въ глухомъ захолустномъ городѣ, гдѣ „баба“ пристроился при управленіи желѣзной дороги. Нежданно-негаданно его женѣ выпало въ N. небольшое наслѣдство, а „баба“ волей-неволей, страшно тоскуя за домомъ, не доѣдая, не до-

сыпая ночей, прикатилъ къ намъ устраивать женины дѣла по наслѣдству. Дѣло затягивалось разными формальностями, „баба“ стоналъ подъ игомъ разлуки, порывался домой, мучился, какъ вдругъ нежданно получилъ отъ жены письмо съ извѣщеніемъ, что его права занялъ другъ его дома. Письмо было грубо, жестко; оно обвиняло во всемъ „бабу“ за его неумѣнье любить, холодность, угрюмость, холодныя, письма и т. д., но въ немъ, все-таки, сквозило что-то вродѣ любви или, скорѣе, сожалѣнія къ несчастному мужу.

„Баба“ былъ блѣденъ, какъ смерть, когда читалъ,—это было при мнѣ,—а когда кончилъ, схватился за сердце. Судорога свела его лицо, зубы застучали, какъ въ лихорадкѣ. Страшное, невыразимое горе сквозило въ его чертахъ и, рыдая, онъ упалъ на диванъ лицомъ ницъ. Я испугался и бросился къ нему съ водой.

— Что съ тобой? Что случилось?

— На... прочти...—сказалъ онъ:— ты другъ, ты товарищъ!.. Прочти громко и скажи, что думаешь... Я не могу, не могу думать, не могу сообразить!

Весь волнуясь, весь дрожа отъ негодованія, я прочелъ это письмо. „Баба“ сидѣлъ неподвижно, повернувъ ко мнѣ свое каменное, неподвижное лицо.

— Ну?

— Плюнь! Она не стóитъ тебя, не понимаетъ! Это жестокость, это холодная жестокость!—

еле выговаривалъ я отъ негодованія. „Баба“ покачалъ головой.

— Нѣтъ! Это—ошибка больной вѣтреной натуры... Это—вспышка, это—минутное болѣзненное увлеченіе!.. Она раскается, ты ея не знаешь... она и теперь раскаивается!

— Такъ что-жъ?—закричалъ я внѣ себя на эту слюнявость:—такъ что-жъ? Неужели это можно простить?.. Неужели...

— Можно!—былъ отвѣтъ.

— Ну, это чортъ знаетъ что!.. Тебѣ, братъ, и на роду написано быть рогоносцемъ, видно!

„Баба“ не смутился.

— Это—вспышка, это болѣзненная вспышка! Она любитъ меня и раскается!.. Я это знаю... Развѣ ты не чувствуешь это изъ тона?

Ну, такъ что-жъ? Чортъ въ немъ, въ этомъ тонѣ!—вспылилъ я, наконецъ.

— Ты не любилъ,—отвѣтилъ онъ съ ударе-ніемъ:—ты не любилъ и не любишь!

И онъ простилъ. Онъ послалъ при мнѣ телеграмму всего въ два слова:

„Люблю и прощаю“.

— Баба ты, вѣчная баба!—могъ я только крикнуть ему, искренно его жалѣя.

Въ письмѣ дѣйствительно стояло: „Я сдѣлала это подъ страшнымъ сознаніемъ, что ты не любишь меня, что я тебѣ чужая, подъ тяжелымъ воспоминаніемъ о твоей угрюмости и вѣчной холодности... Я думала и думаю, ты будешь счастливѣе безъ меня, что другая

женщина, которая полюбитъ и оцѣнитъ тебя, сдѣлаетъ тебя счастливѣе". И многое другое въ этомъ же родѣ, но развѣ это мѣняло сущность?

Я потерялъ „бабу" изъ вида на цѣлые годы. Слышалъ, что жена его умерла, что судьба кидала его во всѣ стороны, закинула даже куда-то на далекій сѣверъ, въ какую-то мерзѣйшую тундру. Что́ онъ дѣлалъ, какъ жилъ, гдѣ мыкался—я не зналъ и не знаю. Какіе-то обрывки неясныхъ слуховъ долетали до меня, но я не придавалъ имъ значенія. Вѣрные, точные, несомнѣнные факты принесло мнѣ только письмо знакомаго врача съ поля сербской войны за освобожденіе, которое я и привожу.

„Тороплюсь писать вамъ по порученію одного стараго вашего друга, товарища и соотечественника, по фамиліи (приведена фамилія) смертельно раненаго вчера шальною пулей при геройской защитѣ важнаго стратегическаго пункта. Онъ говорилъ, впрочемъ, что вы его знаете больше подъ кличкой „баба"? Каковы же должны быть у васъ мужчины, если такъ могутъ умирать ваши „бабы". Онъ умиралъ у меня на рукахъ въ полуразстрѣлянной старой избушкѣ, спокойно, хладнокровно, безъ стоновъ и жалобъ, несмотря на ужасныя страданія. Я, врачъ, видавшій много

смертей, такой еще не видѣлъ. Случайно, изъ разговора, узнавъ о нашемъ знакомствѣ, онъ поручилъ мнѣ передать вамъ его послѣдній привѣтъ. Онъ умеръ въ полномъ сознаніи. Передъ смертью онъ сказалъ, что не жалѣетъ о жизни, потому что *такъ* умереть хорошо"!..

БЕЗГЛАСНЫЙ.

(Одна изъ недомолвокъ стараго врача).

Я зналъ его со школьной скамейки.

Настоящее имя его значилось только въ классномъ журналѣ, метрикѣ и иныхъ „документахъ“... Для насъ, его сверстниковъ, однокашниковъ, а впослѣдствіи—друзей, онъ былъ только „безгласный“. „Безгласнымъ“ окрестила его школа, и это школьное прозвище, какъ зачастую бываетъ, такъ и осталось за нимъ на всю его жизнь.

Нельзя сказать, чтобы это прозвище отличалось обычною школьною мѣткостью, зачастую чрезвычайно вѣрно и цѣльно характеризующею человѣка. Вовсе нѣтъ! „Безгласный“ если и не обладалъ особенно сильною гортанью, способною перекричать весь классъ, каковою, напримѣръ, гордился его близкій другъ и сосѣдъ по партѣ, окрещенный нами „Тромбономъ“, то отнюдь не отличался и безгласіемъ. Напротивъ! Порою, когда классъ пу-

скалъ въ ходъ свой „вавилонскій визгъ“, какъ называлъ школьный законоучитель, отецъ Арефа, нашъ общій восторженный крикъ, которымъ мы обыкновенно встрѣчали спасительный звонокъ въ концѣ урока,—голосъ „Безгласнаго“ звучалъ особенно рѣзко. Нельзя сказать также, чтобы „Безгласный“ отличался особенною молчаливостью. Если онъ, правда, и не былъ особеннымъ охотникомъ до воспоминаній о каникулахъ, разсказовъ о своей семьѣ, роднѣ и домашней обстановкѣ,—разсказать онъ могъ бы только больное и тяжелое,—то, все-таки, никогда не уклонялся отъ „разговора“, даже во время урока, шепотомъ, за что не разъ и несъ достодолжное возмездіе.

„Безгласнымъ“ окрестили его собственно не мы, а нашъ злѣйшій врагъ, инспекторъ, котораго мы единогласно прозвали „Желтою селедкой“. Этотъ инспекторъ, желчный, худой и длинный, съ безпокойно бѣгающими узкими глазками, постоянно разыскивающими „виноватаго“, вѣчно подслушивавшій, вѣчно шипѣвшій угрозы, ненавидѣлъ насъ такъ же, какъ и мы его, и звалъ насъ не иначе, какъ „дикія лошади.“ Несмотря на всю несообразность такого прозвища, несмотря даже на то, что, повидимому, на этомъ уподобленіи насъ четвероногимъ именно и основывалъ „Селедка“ свое обыкновеніе весьма развязно обращаться съ нашими вихрами и ушами, мы, при-

знаться, съ нимъ скоро примирились. Оно всѣхъ равняло, никого не выдѣляло, никого не дѣлало предметомъ особенной злобы или ненависти. Всѣ были „дикія лошади“,—всѣмъ доставалось одинаково!

Но *онъ* былъ выдѣленъ изъ нашей среды, *онъ* стоялъ особнякомъ, онъ былъ не „дикая лошадь“, а „Безгласный“, — слѣдовательно, „я“, на которое было обращено „особое вниманіе“. И, Боже мой, какъ же ему доставалось!

Правду сказать, у „Желтой селедки“, было нѣкоторое основаніе выдѣлить его изъ общей среды, поставить особнякомъ. Всѣ мы, „дикія лошади“, въ случаѣ какихъ-либо „правонарушеній“ или „проступковъ“, пускали въ ходъ неимовѣрныя усилія, чтобы такъ или иначе сбить съ толку, навести на ложный слѣдъ, извернуться, выкрутиться,—божились, клялись, сотни разъ повторяли: — „не я“, старались „мило“ улыбаться и, произнося слова: „господинъ инспекторъ“—смягчали тонъ до нѣжности. Одинъ только „Безгласный“ упорно молчалъ въ такія минуты, потупивъ голову, и нервно крутилъ двумя пальцами лѣвой руки пуговицу своего мундира.

Это была его обычная манера объясняться съ „начальствомъ“, за что собственно „Желтая селедка“ и прозвалъ его „Безгласнымъ“. Хвалили ли его, бранили ли, онъ молчалъ и крутилъ пуговицу. Онъ точно не умѣлъ го-

ворить, когда „начальство“ (весь учебный персоналъ—отъ педеля до директора включительно) обращалось къ нему за чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ обычнаго спрашиванія урока. Когда ему задавали обидный вопросъ: есть ли у него языкъ, или куда онъ его спряталъ? — онъ только стискивалъ зубы, краснѣлъ и моргалъ глазами.

По этой ли причинѣ, или по чему другому, только „Желтая селедка“ ненавидѣлъ его до остервенѣнія, какою-то глубокою, страстною ненавистью. Безмолвное крученіе пуговицы, которое онъ называлъ „упорствомъ“ и „запирательствомъ“, приводило его положительно въ ярость. Онъ оставлялъ въ покоѣ насъ и набрасывался на неповиннаго подчасъ Безгласнаго, служившаго, такимъ образомъ, постояннымъ „козлищемъ отпущенія“ для всего класса... Онъ трясъ его за вихоръ, топалъ ногами, кричалъ, грозилъ и, не добившись, въ концѣ-концовъ, ни слова, обрушивалъ на на него всю вину. Безгласный былъ виноватъ у него всегда и за все, что́ бы ни случилось, и за все отвѣчалъ своими боками. Даже разъ, когда мы, въ отсутствіе Безгласнаго, сбили съ Желтой селедки мѣтко пущенными снѣжками фуражку и Селедка самъ отлично зналъ, что Безгласный не участвовалъ въ этомъ подвигѣ, онъ, все-таки, привлекъ его къ допросу.

— Ты бы участвовалъ, если бы былъ съ ними?—ехидно спросилъ его Селедка.

Безгласный молчалъ и крутилъ пуговицу, пока не былъ оставленъ безъ обѣда вмѣстѣ со всѣми. Онъ не отрицалъ ничего, какъ и ничего не утверждалъ никогда, никогда не оправдывался, никогда не защищался и все несъ спокойно, твердо, безъ слезинки, не прося пощады, что́ давало поводъ Желтой селедкѣ подозрѣвать, будто у него „каменное“ сердце. Посылали ли его въ карцеръ,—онъ молчалъ и крутилъ пуговицу; оставляли ли безъ обѣда, ставили ли въ уголъ—то же; грозили ли удалить изъ гимназіи,—онъ молчалъ и крутилъ пуговицу до тѣхъ поръ, пока выведенный изъ себя Селедка не хваталъ его за вихоръ и такимъ образомъ не втаскивалъ въ карцеръ. Блѣдный, съ громаднымъ лбомъ, съ добрыми сѣрыми глазами на выкатѣ, съ вѣчно торчавшими во всѣ стороны вихрами на головѣ, онъ становился только блѣднѣе и какъ-то угрюмо, сердито выглядѣлъ въ такія минуты.

Его отецъ, спившійся съ кругу мелкій чиновникъ въ отдаленномъ уѣздномъ городишкѣ, женившись на второй женѣ, наградившей его новымъ потомствомъ, какими-то путями пристроилъ Безгласнаго казенно-коштнымъ пансіонеромъ и съ той поры махнулъ на него рукой, уступивъ всѣ свои „отцовскія права“ надъ сыномъ Желтой селедкѣ. Воспользовавшись этимъ, Селедка выпоролъ разъ Безгласнаго собственноручно за чужую шалость, о

которой тотъ даже и не зналъ, выпоролъ „въ свое удовольствіе“... Порка была жестокая; Селедка вложилъ въ нее всю свою душу. Но Безгласный не издалъ ни одного стона, ни малѣйшаго крика, и когда его, растерзаннаго, окровавленнаго, обезсиленнаго, тащили въ больницу,—онъ молчалъ и все такъ же крутилъ свою ни въ чемъ неповинную пуговицу.

Съ той поры онъ сталъ нашимъ „героемъ“. Мы любили его до обожанія, несмотря на то, что учился онъ лучше насъ всѣхъ, шелъ всегда „первымъ“ и никогда не привозилъ съ „каникулъ“ и „праздниковъ“ ни пирожковъ, ни варенья, ни другихъ вкусныхъ лакомствъ. Основаніемъ для такой любви служила не одна ненависть Желтой селедки. Насъ что-то влекло къ Безгласному, тянуло; что̀—мы и сами не отдавали себѣ отчета. Мы знали только одно, что онъ никогда никого „не выдастъ“, никогда не пойдетъ противъ „класса“ и сдѣлаетъ для него все, чего отъ него ни потребуютъ. Всегда отлично зная урокъ, онъ, когда „классъ“, на зло нелюбимому учителю, не училъ заданнаго,—отвѣчалъ, какъ и всѣ мы: „не знаю“,—за что, конечно, шелъ въ карцеръ, а мы отдѣлывались нулями и единицами. За что-то мы любили его, даже больше—гордились имъ.

И Безгласный платилъ намъ тѣмъ же. Насъ, своихъ сверстниковъ, свой классъ, свои парты онъ любилъ, какъ любили мы свои семьи,

свои дома, своихъ родныхъ. Мы были его семьей, классъ — роднымъ домомъ, парта — кроваткой, на которой мы нѣжились дома подъ нѣжными ласками матери. Другой семьи, другого дома у него не было... Его „міръ“ не выходилъ за предѣлы школьнаго зданія!

Тѣмъ не менѣе, мы вывихнули ему руку.

Это случилось въ то достопамятное утро, когда учитель исторіи не явился въ классъ по болѣзни и мы, не зная, куда дѣваться отъ скуки, вмѣсто того, чтобы сидѣть смирно, вздумали „демонстрировать“ вытверженный урокъ изъ исторіи. Классъ раздѣлился на „аѳинянъ“ и „спартанцевъ“, и злополучный рокъ толкнулъ Безгласнаго пристать къ немногочисленной кучкѣ послѣднихъ. Парты превратились въ холмы и рвы Платеи, мѣлъ и книги—въ камни и острыя стрѣлы, линейки замѣнили мечи и копья,—и, по данному сигналу, „Эпаминонды“ бросились на „Леандровъ“. Мужество съ обѣихъ сторонъ было безгранично, подвиги невѣроятны!.. Если не дрожала земля, зато дрожалъ полъ, дрожали окна, дрожали стѣны... Бойцы дрались, какъ древніе герои, падали безъ стона, утирали разбитые въ кровь носы безъ слезинки, схваченные за руки брыкались ногами, — самъ Ахиллъ не сдѣлалъ бы бо́льшаго!

Наконецъ, раздался пронзительный побѣдный кличъ „аѳинянъ“... Спартанцы были смяты. Ихъ главный вождь, Безгласный, получивъ

неимовѣрнаго тумака, полетѣлъ съ парты на полъ и вывихнулъ руку... Еще одинъ натискъ и... Но вдругъ воцарилась гробовая тишина и „герои“ остановились, какъ вкопанные: Желтая селедка поднималъ Безгласнаго за вихоръ.

— Что это у васъ такое было? — злобно зашипѣлъ онъ. Гробовое молчаніе.

— Кто дрался?

Ни звука.

Селедка окинулъ испытующимъ взоромъ наши носы, — они говорили за насъ! Наказать приходилось всѣхъ, — это было трудно.

— Ты съ кѣмъ дрался? — набросился онъ съ яростью на Безгласнаго.

Безгласный молчалъ.

— Ну, голубчикъ, скажи, я тебя прощу! — заговорилъ Селедка сладенькимъ голоскомъ.

Безгласный молчалъ и крутилъ пуговицу.

— Н...н...н... ну же! — и Селедка рванулъ его за больную руку.

Безгласный молчалъ.

Вмѣсто больницы, онъ попалъ въ карцеръ.

Мы были спасены! Мы испустили ликующій крикъ въ честь стойкаго и твердаго героя, вызвавшій на его блѣдныя щеки румянецъ торжества и гордости. Но скоро чувство эгоистической радости смѣнилось въ насъ сердечною болью, — намъ стало жаль Безгласнаго. Наша печаль увеличилась еще больше, когда мы вспомнили, что въ тотъ день „вторымъ“ приходились битки съ кашей. Боже,

битки съ нашей и онъ ихъ даже не понюхаетъ?! Это было больше, чѣмъ жестоко... Селедка зналъ, что дѣлалъ!

Во что бы то ни стало мы рѣшились не допустить подобнаго варварства. Каждый долженъ былъ пожертвовать квадратный дюймъ битка и цѣлую ложку каши!... „Жертвы“ составили двѣ громадныя горы, съ трудомъ помѣстившіяся въ носовой платокъ, съ которымъ „охотники“, выждавъ сумерекъ, направились къ карцеру, крадучись, какъ бенгальскіе тигры.... Въ коридорѣ былъ „мракъ Аида“... тишина нарушалась только нашимъ собственнымъ осторожнымъ сапомъ... Длинный „Журавль“ подставилъ свои плечи; съ помощью „Носорога“, „Тромбонъ“ взмостился на нихъ и прильнулъ своимъ вздернутымъ носомъ къ оконцу надъ дверьми карцера.

— Безгласный!...

— А? — послышался радостный шепотъ.

— Хочешь ѣсть?

— Хочу, братъ!...

— На!

Тромбонъ смѣло надавилъ рукой. Стекло зазвенѣло, разлетѣвшись вдребезги, и драгоцѣнный грузъ гулко шлепнулся на полъ карцера.

— Спасибо, братцы!

О, какою радостью, какимъ торжествомъ забились наши сердечки, заслышавъ эти два простыхъ слова!

Мы прыгали отъ восторга, цѣловались, обнимались, качали „на ура“ смѣлаго Тромбона и длиннаго Журавля, давили объятіями хладнокровнаго Носорога... Мы были внѣ себя!

Но наша радость скоро смѣнилась горячими слезами.

Что-то дернуло нашего врага, вѣчно шпіонившаго за нами въ сумерки съ потайнымъ фонарикомъ, заглянуть въ карцеръ. Незамѣтно подкравшись. Желтая селедка быстро отворилъ дверь и въ тотъ же моментъ снопъ яркаго свѣта его фонарика облилъ и разбитое стекло, и битки съ кашей, и почти давившагося ими Безгласнаго.

— Кто тебѣ далъ?!—заревѣлъ Селедка.

Безгласный молчалъ.

— Кто разбилъ стекло?

Безгласный молчалъ.

На другой день мы обливались горькими слезами, прощаясь съ Безгласнымъ, котораго „въ назиданіе всѣмъ“ исключили изъ гимназіи.

Я былъ уже на IV курсѣ, когда Безгласный только что поступилъ въ университетъ... Боже мой, что пришлось ему вынести, прежде чѣмъ удалось добиться права вступить въ „храмъ науки“! Онъ успѣлъ побывать и суфлеромъ, и писцомъ въ какой-то канцеляріи какого-то никому ненужнаго управленія, и актеромъ „безъ рѣчей“, и народнымъ учите-

лемъ, — и куда только ни кидала его еще судьба! Разсказы его объ этихъ скитаньяхъ по бѣлу-свѣту, о голодныхъ дняхъ, борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба, обо всѣхъ „терніяхъ", такъ обязательно раскинутыхъ жизнью на пути бѣднаго, одинокаго человѣка безъ связей, знакомства и протекцій, — могли вызывать и слезы, и безграничное уваженіе къ его личному мужеству и прекрасному сердцу. По прежнему въ немъ жило что-то чарующее, влекущее къ нему, доброе и сильное, здоровое, какъ сама юность, которою дышала вся его высокая и сильная фигура. И теперь онъ былъ прежній Безгласный — добрый, самоотверженный и преданный.

Я былъ въ восторгѣ, когда нежданно-негаданно встрѣтилъ его — оборваннаго, голоднаго, въ дырявыхъ сапогахъ, съ кучей книгъ подъ мышкой. Мы оба долго душили другъ друга въ объятіяхъ и чуть не расплакались отъ волненія, какъ дѣти. Опытъ, все вынесенное въ долгой, упорной борьбѣ за „право на жизнь" наложили на него печать какой-то силы, твердости, закаленности, такъ что я, несмотря на свой IV курсъ, выглядѣлъ въ сравненіи съ нимъ если не „маменькинымъ сынкомъ", то, во всякомъ случаѣ, „зеленымъ юношей". Все въ немъ было твердо, ясно, опредѣленно; когда онъ говорилъ „да" или „нѣтъ", за нимъ слышалось непоколебимое рѣшеніе, не идущее ни на какой компромиссъ. Какъ

остались при немъ его высокій лобъ, его громадные, полные любви, сѣрые глаза, его мягкая, нѣжная улыбка, — такъ остались при немъ его сердце, типическія черты его характера, дѣлавшія его нѣкогда нашимъ кумиромъ. Только теперь изъ смутныхъ, неясныхъ инстинктовъ онѣ развились въ твердые, сознательные принципы, изъ задатковъ выросли въ цѣльный, непосредственный нравственный обликъ.

Безгласный поступилъ въ университетъ буквально, что называется, безъ гроша, вѣря въ одно, что студенты—товарищи и что бѣднякъ—не онъ одинъ. Съ помощью друзей ему удалось раздобыть уроки, дававшіе возможность не голодать, по крайней мѣрѣ, и онъ съ жаромъ принялся за науку... Онъ отдался ей весь безусловно и страстно, какъ только и можно отдаваться тому, чего добился путемъ долгихъ, неимовѣрныхъ усилій... Его скоро замѣтили профессора и ему была обѣщана стипендія.

На его бѣду, въ университетѣ произошла „исторія“,—одна изъ тѣхъ вѣчныхъ „исторій“, переживать которыя приходится почти каждому студенту... Съ одной стороны—форма, традиціи, авторитетъ, со всѣми его атрибутами и требованіями; съ другой—юношеская пылкость, горячее, чуткое сердце... Кто этого не испыталъ?

Какимъ-то образомъ Безгласный попалъ въ списокъ обвиняемыхъ. Онъ попалъ какъто-

нечаянно, чуть ли не по ошибкѣ. Уликъ противъ него особенныхъ не было, за него были многіе члены „Совѣта“ и было несомнѣнно, что „исторія“ не будетъ имѣть для него никакихъ непріятныхъ послѣдствій.

Наступилъ день университетскаго суда.

Обвиняемые почему-то нашли для себя неудобнымъ отвѣчать суду поодиночкѣ. Судъ, въ свою очередь, нашелъ почему-то только это удобнымъ для себя и сталъ призывать обвиняемыхъ по одному. Пылкая юность вскипѣла и рѣшила „не отвѣчать“.

Первымъ вызвали Безгласнаго.

— Вы будете отвѣчать суду?—спросилъ его предсѣдатель.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ тотъ.

— Послушайте,—обратился къ нему одинъ изъ судей:—мы убѣждены въ вашей невиновности и увѣрены, что вы замѣшаны по ошибкѣ или недоразумѣнію... Зачѣмъ же вы себя губите?

Безгласный молчалъ.

— Мы считаемъ васъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ!... Вы получите стипендію!...

Безгласный молчалъ.

— Скажите только, принимали ли вы участіе... Одно слово,—только одно слово,—понимаете: только „да“ или „нѣтъ“!—обратились къ нему судьи съ непритворнымъ участіемъ.

Безгласный не сказалъ этого „одного слова“.

Въ тотъ же день въ канцеляріи университета, крутя двумя пальцами лѣвой руки пуговицу, онъ „получалъ обратно“ свои бумаги. Съ тѣхъ поръ я надолго потерялъ его изъ вида.

Армія генерала Черняева отступала на всѣхъ пунктахъ. Пользуясь громаднымъ превосходствомъ силъ, турки тѣснили ее съ юга, востока, запада, даже пытались зайти въ тылъ, отрѣзать отступленіе, но всѣ ихъ попытки въ этомъ направленіи терпѣли полнѣйшее fiasco.

За то съ фронта непріятель напиралъ все сильнѣе съ каждымъ часомъ. Гранаты лопались во всѣхъ направленіяхъ: справа, слѣва, спереди, сзади, вспыхивая блѣдными, красноватыми языками пламени въ тучахъ дыму, песку и пыли и наполняя воздухъ особеннымъ, сухимъ трескомъ, слышнымъ сквозь пушечный гулъ и ружейную трескотню... Пули жужжали, какъ пчелы,—сквозь пыль и дымъ нельзя было разглядѣть ничего. Цѣлыя колонны ныряли въ сѣрыхъ облакахъ, обволакивавшихъ пространство, показывались на мигъ и снова исчезали, точно небольшое, легкое судно въ свирѣпую морскую бурю. Кругомъ отъ смѣшанныхъ криковъ, выстрѣловъ, грохота несущихся орудій, топота лошадей и человѣческихъ ногъ стоялъ какой-то невообразимый гулъ, сквозь который, какъ бы прорываясь, изрѣдка выдѣ-

лялись болѣе или менѣе явственно слова команды или близкій выстрѣлъ орудій.

Это былъ настоящій „хаосъ брани".

Тѣмъ не менѣе, отступленіе не походило еще на бѣгство. Въ общемъ отступали твердо, сдержанно, шагъ за шагомъ. Каждый шагъ турки брали съ боя. Какъ и всегда, впереди, въ огнѣ, шли добровольцы, падавшіе сегодня массами, удивляя старыхъ ветерановъ выдержкой, мужествомъ и самоотверженіемъ.

Перевязочный пунктъ, на которомъ я былъ докторомъ въ числѣ другихъ, нѣсколько разъ уже мѣнялъ свое мѣсто. Ретируясь подъ пулями въ послѣдній разъ, мы потеряли двухъ фельдшеровъ и четырехъ служителей,—одинъ фельдшеръ и одинъ служитель были убиты наповалъ, остальные тяжело ранены. Но и на нашемъ новомъ мѣстѣ, гдѣ работы было больше даже чѣмъ по горло, оставаться приходилось недолго. Сначала стали залетать одинокія гранаты, потомъ засвистали и пули, все чаще и чаще, такъ что волей-неволей пришлось подумывать о новомъ отступленіи. Уже было отдано приказаніе укладываться, какъ вдругъ вблизи, какъ-то внезапно,—до того неожиданно, что всѣ мы остолбенѣли,—раздался рѣзкій ружейный залпъ, за нимъ другой, третій,—цѣлый градъ залповъ. Загудѣлъ протяжный, долгій гулъ: „алла! алла!"—какой-то грохотъ, визгъ, стонъ, — и прямо противъ насъ на всѣхъ холмахъ, въ клубахъ сѣраго дыма, уноси-

маго вѣтромъ, замелькали красныя фески „низама“.

— Спасайтесь, спасайтесь!

Этотъ крикъ, этотъ „приказъ“, неизвѣстно кѣмъ отданный, быстро привелъ меня въ себя. У меня была старая, но довольно выносливая лошадь, на которую я вскочилъ быстрѣе молніи, ни на кого не глядя, ни о чемъ не думая, кромѣ собственнаго спасенія. Съ каждою секундой, съ каждымъ ударомъ пульса охватившій меня ужасъ увеличивался. Сначала мнѣ то и дѣло казалось, что вотъ-вотъ шальная пуля угодитъ мнѣ почему-то непремѣнно въ затылокъ, и именно въ одну точку, которую я и до сихъ поръ помню; но потомъ я пересталъ сознавать, чувствовать, и только инстинктивно толкалъ коня шпорами. Вѣроятно, ему передался мой ужасъ, потому что, обыкновенно плохо слушавшійся даже плети, теперь онъ летѣлъ, какъ стрѣла. Не зная куда, гдѣ „наши“, я скакалъ сломя голову, топталъ трупы, топталъ раненыхъ, стоны и проклятія которыхъ только смутно отдавались въ моемъ мозгу.

Наконецъ, я опомнился и сдержалъ коня въ узкой, глубокой долинѣ. Пули жужжали часто, гдѣ-то стоялъ цѣлый адъ залповъ, криковъ, грохота, но гдѣ именно, въ какой сторонѣ—разобрать было невозможно. Вся долина сплошь была усѣяна тѣлами турокъ и нашихъ, безформенными кусками человѣческаго тѣла, оторванными членами, оружіемъ, обломками,

подбитыми орудіями, изорванными, искалѣченными лошадьми, изъ которыхъ одна прямо предо мной еще судорожно подергивалась, шевелила ногами и раскрывала ротъ.

Вдругъ впереди мелькнула высокая фигура „добровольца“, бережно несшаго на плечахъ раненаго, а, можетъ быть, и мертваго товарища. Въ одинъ мигъ я былъ уже возлѣ него.

— Куда ѣхать? Гдѣ наши?!

Доброволецъ обернулся въ мою сторону. Онъ видимо страшно усталъ и задыхался подъ своею тяжелою, мертвенно-неподвижною, окровавленною ношей, полу-закрывавшей его лицо. Медленно поднявъ руку, чтобы показать направленіе, онъ вдругъ зашатался, опустилъ быстро руку, какъ-то неловко потоптался, точно желая удержаться на ногахъ, и сразу, быстро грохнулся навзничь на землю.

— Безгласный!

Да, это былъ онъ, Безгласный, съ его доброю, мягкою улыбкой, съ его сѣрыми глазами, свѣтившимися такою любовью и нѣжностью. Да, это онъ лежалъ теперь въ этой долинѣ смерти, распростертый, блѣдный, тяжело дыша, бережно, любовно обнимая рукою упавшую съ нимъ его неподвижную ношу.

Онъ узналъ меня. По блѣднымъ губамъ пробѣжала улыбка, глаза ласково засвѣтились.

— Ты раненъ?!

— Да.

Моментально я забылъ и летавшія пули, и все прочее, и бросился къ Безгласному. Дрожащими руками разорвалъ я его грязную, затасканную въ крови блузу, изслѣдовалъ наскоро рану, перевязалъ, какъ могъ.

— Вставай, я довезу тебя! — лихорадочно сказалъ я, когда перевязка была окончена.

Безгласный молчалъ, точно что-то обдумывая.

— Ну же,—торопилъ я:—скорѣй!

— Двоимъ нельзя?

Онъ указалъ глазами на неподвижно лежавшаго рядомъ товарища и его губы перекосило при этомъ вопросѣ,—вѣроятно, отъ боли.

— Конечно, нельзя... невозможно... Мнѣ и такъ придется держать тебя... да, къ тому же, онъ и умеръ, вѣроятно.

— Нѣтъ, онъ въ обморокѣ,—рана изъ легкихъ...

— Все равно... скорѣй!

— Я останусь!

— Что? Скорѣй, Безгласный, скорѣй, дружище!—говорилъ я, не вѣря своимъ ушамъ.

— Бери его... возьми... непремѣнно!—шептали его все болѣе и болѣе бѣлѣвшія губы.

Я зналъ Безгласнаго, я понялъ его... Я обнималъ его, цѣловалъ, молилъ, тащилъ насильно, мололъ всякій вздоръ о томъ, какъ нужна его жизнь, но все было напрасно. Разъ только, когда я рисовалъ ему ужасы турецкаго плѣна, въ глазахъ его промелькнуло на

мгновенье что-то, что̀ наполнило мое сердце надеждой, но только на мгновенье.

Пули жужжали все чаще и чаще, адскій концертъ все приближался, — медлить было нельзя, и, не помня себя отъ волненія и боли, я схватилъ неподвижно лежавшее тѣло юноши, слабо застонавшаго, перевалилъ черезъ сѣдло и ускакалъ.

Когда я, побуждаемый какимъ-то особенно острымъ чувствомъ любопытства, обернулся назадъ, Безгласный глядѣлъ намъ вслѣдъ и крутилъ пуговицу.

. . . . . .

Спасенный юноша, почти дитя, скоро совсѣмъ поправился отъ своей легкой раны. Онъ разсказалъ мнѣ, что познакомился съ Безгласнымъ только въ отрядѣ и сразу какъ-то особенно привязался къ нему. Въ послѣдней схваткѣ турки истребили почти весь ихъ отрядъ... Онъ шелъ рядомъ съ Безгласнымъ, когда былъ отданъ приказъ отступать, въ отступленіи получилъ рану, потерялъ сознаніе и очнулся только въ лазаретной фурѣ.

Только въ Бѣлградѣ уже, по заключеніи мира, узналъ я, что Безгласный не погибъ въ полѣ и не былъ замученъ турками. По какой-то счастливой случайности, онъ не попалъ въ руки баши-бузуковъ: его поднялъ турецкій санитарный отрядъ и помѣстилъ въ лазаретѣ. Говорили, что какой-то ихній врачъ привязался къ нему до смѣшного.

Служба забросила меня въ далекую, глухую окраину. Стояла жестокая, суровая зима, когда я на перекладныхъ дотащился вмѣстѣ съ засѣдателемъ N—скаго округа въ деревню Z для вскрытія „найденнаго, повидимому, замерзшаго неизвѣстнаго званія человѣка“, какъ значилось въ полученной мною по этому поводу бумагѣ. Хлебнувъ чайку, мы вошли въ избу, гдѣ лежалъ трупъ; тамъ уже копошился фельдшеръ, приготовляя инструменты, и понуро стояло нѣсколько человѣкъ понятыхъ, стараясь, по обыкновенію, не глядѣть на „упокойника“ и часто вздыхая.

— Какъ нашли?—для формы обратился къ мужикамъ засѣдатель.

— Да такъ то-ись... у деревни... Верстовъ, почитай, шесть отсюда — недалече... Глядимъ, лежитъ себѣ, сердешный, какъ перстъ, и котомка при ёмъ на снѣгу... Царство ему небесное!

Мужики перекрестились.

— Замерзъ, что ли?—тоже для формы, позѣвывая, спросилъ засѣдатель.

— Надоть-бы такъ... замерзъ... Шибко холодно было...

— Изъ какихъ?... Не признаете?

— Нѣ...ѣ...тъ, твое благородіе,—не знаемъ... Не здѣшній, надоть бы, ежели по облику... Должно полагать — бѣглый какой... Много ихъ нонече-то бѣгаетъ!..

Засѣдатель медленно и четко написалъ „протоколъ“, вытеръ перо, зѣвнулъ, снова об-

мокнулъ перо въ чернила, сказалъ: „конечно, бѣглый!“—и приготовился писать.

Дѣло было за мной.

Я подошелъ къ столу, на которомъ лежалъ трупъ, взялъ въ руку ножъ, приподнялъ холщевый покровъ—и весь похолодѣлъ... Предо мной на столѣ, вытянувшись, не дыша, съ открытыми добрыми сѣрыми глазами, какъ живой, лежалъ Безгласный.

Что-то стукнуло мнѣ въ голову, въ ушахъ зашумѣло... Яркій лучъ южнаго солнца блеснулъ въ глаза... Долина... трупы... все трупы,—о, сколько труповъ!.. два... три!.. тысячи... Кровь... Боже мой, сколько крови... цѣлое море... „Не меня, не меня...—возьми его...“—шепчетъ мнѣ Безгласный своими бѣлыми, бѣлыми губами...

Ножъ выпалъ у меня изъ рукъ, я зашатался и только какъ сквозь сонъ услышалъ:

— Докторъ обомлѣлъ! Робя... помоги!..

Я долго проболѣлъ.

Печататано на бумагѣ Т-ВА РЖЕВСКИХЪ писчебумажныхъ фабрикъ. Складъ—Кіевъ, Б-Владимірская № 49.

Книгоиздательство Б. К. ФУКСА въ Кіевѣ.
Прорѣзная, 23. Телефонъ № 1243.

Вышли ВТОРЫМЪ изданіемъ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО

съ портретомъ и письмами автора, статьей

Г. В. АЛЕКСАНДРОВСКАГО,

и указателями, въ **ПЯТИ** большихъ томахъ, каждый въ 300—380 стр. убористой печати.

В. Н. МАЙКОВА

(КРИТИКА)

съ портретомъ автора, указателями и вступительной статьей

Г. В. АЛЕКСАНДРОВСКАГО

въ **ДВУХЪ** большихъ томахъ, отпечатанныхъ на плотной глазирован. бумагѣ

Первыя изданія, выходившія по подпискѣ, **быстро разошлись**, еще до выхода ихъ изъ печати.

ЦѢНА за всѣ **5 томовъ**: 1) на неглазированной бумагѣ — **2 руб.**, 2) на плотной глазированной—**2 руб. 50 коп.** 3) тѣ же изданія въ **роскошныхъ** переплетахъ (въ двухъ большихъ книгахъ)—**на 1 р.** дороже.

ЦѢНА за **2 тома—1 руб.**; оба тома, **роскошно** переплетенные въ, одинъ томъ— **1 руб. 50 коп.**

Пересылка за счетъ покупателей по дѣйствительной стоимости.

Наложеннымъ платежомъ по требованію.

Книгоиздательство Б. К. ФУКСА въ Кіевѣ
Прорѣзная, 23. Телефонъ № 1243.

Поступили въ продажу новыя изданія:

Максъ Нордау.

ПАРАДОКСЫ.

СОДЕРЖАНІЕ. Оптимизмъ или пессимизмъ? Большинство и меньшинство. Ретроспективный взглядъ на исторію. Успѣхъ въ жизни. Психо-физіологія генія и таланта. Внушеніе. Благодарность. Содержаніе поэтической литературы. Естественная исторія любви. Эволюціонная эстетика. Симметрія. Обобщеніе. Гдѣ истина? Національность. Картина будущаго.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Н. МИХАЙЛОВА.

ЦѢНА книги (171 стр.)—75 коп.

Наложеннымъ платежомъ по требованію.

Георгъ Брандесъ.

СКАНДИНАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Критика творчества и дѣятельности норвежскихъ, шведскихъ и датскихъ писателей:

Генрика Ибсена, Бьернстьерне-Бьернсона, Стриндберга, Якобсена, Андерсена, Софіи Ковалевской и другихъ.

Съ портретомъ автора и вступительнымъ очеркомъ.

Переводъ съ датскаго подъ редакціей М. В. ЛУЧИЦКОЙ.

Цѣна за два тома (260+250=510 стр.) 1 р. 50 к.

Наложеннымъ платежомъ по требованію.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Г. А. МАЧТЕТА.

Первое посмертное изданіе

съ біографіей и портретомъ автора.

Томъ X.

ИЗДАНІЕ Б. К. ФУКСА.
Кіевъ.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 11-го Октября 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, соб. домъ, № 40.

Томъ X.

Силуэты.

I. Человѣкъ съ планомъ.

II. Конецъ Анчарова.

III. Жидъ.

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ПЛАНОМЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Посвящается Натальѣ Алексѣевнѣ Гольцевой)

Стъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня . . . . . .
. . . . . .

Некрасовъ.

I.

Я зналъ его давно-давно, еще въ шестидесятые годы, въ самый разгаръ великихъ надеждъ, великихъ упованій и самыхъ розовыхъ, самыхъ свѣтлыхъ иллюзій. Онъ только выступалъ еще тогда „на арену", не имѣя за собой пока ничего, кромѣ великолѣпнаго торса, длинныхъ ногъ, красивыхъ усовъ и какого-то страннаго, не то холоднаго, не то загадочнаго взгляда узкихъ, черныхъ, блестящихъ глазъ. Но этотъ взглядъ, этотъ холодный, загадочный взглядъ—Боже мой!—онъ какъ-то сражалъ, уничтожалъ всякаго, на кого устремлялся. Легковѣрные на-

слѣднее, конечно, я говорю только въ скобкахъ; но фактъ оставался фактомъ, что Анчарова вывели въ свѣтъ наши дамы. Онѣ баловали его, какъ свое дѣтище; онѣ возносили его, создавали ему культъ, дѣлали его популярнымъ. Почему и за что, этого никто не зналъ навѣрное, никто объ этомъ не спрашивалъ, никто не разбирался въ этихъ вопросахъ. Стòитъ повѣрить и прокричать про свою вѣру одному, чтобы, какъ извѣстно, повѣрили всѣ.

Какъ бы тамъ ни было, но онъ былъ своимъ вездѣ и всегда, на всѣхъ нашихъ раутахъ, собраніяхъ, словопреніяхъ, популярныхъ лекціяхъ, воскресныхъ школахъ и такъ далѣе, и такъ далѣе,—вездѣ, куда только ни носили однихъ изъ насъ избытокъ молодой энергіи, жажда правды и свѣта, вѣчно живое стремленіе обрѣсти, наконецъ-таки, свою „истину“, другихъ—мода, желаніе быть на виду... Онъ былъ вездѣ съ своимъ молчаніемъ, съ своими то хмурымъ видомъ, то ядовитою улыбкой, которые дѣлали его такимъ загадочно-интереснымъ, о, онъ, несомнѣнно, не ищетъ, а нашелъ уже свою „истину!“—и отсутствіе его всегда бросилось бы въ глаза, вызвало бы толки. Я увѣренъ, я безконечно увѣренъ, что сама даже Марья Львовна,—та самая Марья Львовна, у которой были „такъ чудны рѣчи, такъ круглы плѣчи“,—глава и звѣзда своего „салона“,—она сама послала бы добрую половину своего безконечнаго „хвоста“ разыски-

вать отсутствующаго Анчарова, узнать, что съ нимъ, „не случилось ли съ нимъ... гм... гм... вы знаете, конечно... вы понимаете“... и т. д., а добрый десятокъ другихъ самъ добровольно ринулся бы за разъясненіемъ этого „непонятнаго“ отсутствія. Это стало бы интересомъ дня, объ этомъ говорили бы, шептались бы съ таинственнымъ видомъ, съ пожиманіемъ плечъ, „потому что... онъ, видите ли... онъ... какъ бы это вамъ сказать?..“

Словомъ, это дѣлалось понятнымъ.

Допрашивать его, просить его высказаться, сказать свое мнѣніе, объяснить свою загадочность никому никогда не приходило даже въ голову. Зачѣмъ? Развѣ въ то святое, чистое время перваго пробужденія и расцвѣта молодыхъ общественныхъ силъ, когда всѣмъ жилось такъ страстно, всѣмъ такъ вѣрилось, всѣ сердца, казалось, бились въ унисонъ, всѣ груди дышали въ тактъ, все перемѣшалось и каялось въ прошломъ,—когда даже откупщики, поддаваясь общему настроенію, стали бить себя въ перси и вздыхать о „меньшемъ братѣ“,—развѣ въ такое время могло быть мѣсто сомнѣнію въ чьей бы то ни было искренности, подозрѣнію въ лицемѣріи, въ томъ, что кто-нибудь „не нашъ“, разъ онъ съ нами, что уста его говорятъ не отъ избытка сердца? И развѣ *такіе*, какъ *онъ*, люди высказываются, выкладываютъ свою душу? Развѣ *они* могутъ посвящать *всякаго* „въ свое... какъ бы это

сказать?— ну, словомъ *въ свое?!*“ Допрашивать, приставать, „не давая покоя“ *такому* человѣку, могъ бы только невѣжа, неучъ. Иногда, впрочемъ, случалось, что „эти... не признающіе авторитетовъ“, случайно какъ-нибудь, по недоразумѣнію попавшіе въ „салонъ“ Марьи Львовны рѣшались спросить „его“ мнѣніе по какому-нибудь частному факту, припирали, такъ сказать, къ стѣнѣ, но, понятно, сейчасъ же и несли свое наказаніе. Они видѣли, какъ полупрезрительно опускались его вѣки, какъ обидно, до боли обидно, раздвигались его губы въ снисходительную улыбку и медленно, съ разстановкой, тихо, но внушительно шептали что-нибудь чертовски загадочное и умное, вродѣ, напримѣръ, того, что „истиной-де“ обладаетъ только тотъ, кто ея не ищетъ, что „истина между двухъ крайностей“, или что-нибудь въ этомъ родѣ,—поди, разбирайся въ такомъ отвѣтѣ!—или отсылали спрашивающаго къ какому-нибудь моднѣйшему,—о, непремѣнно самому модному автору, о сочиненіи котораго только что начинали говорить! А улыбки окружающихъ?!.. А общій краснорѣчивый взглядъ, ясно говорившій сконфуженному допрашивателю, что не со всякимъ-де рыломъ... и т. д.?!.. О, для вопросовъ, для „приставаній“ нужно было имѣть много нахальства!

II.

Конечно, какъ у всѣхъ „великихъ людей“, и у него были свои завистники, а зависть, какъ извѣстно, не способна останавливаться ни передъ чѣмъ. „Завистники“, всѣ тѣ, что угрюмо считали салонъ Марьи Львовны „праздноболтающимъ“, — шипѣли, клеветали, старались ясно унизить, инсинуировали, какъ она утверждала,—но изъ этого, конечно, ничего не выходило. „Правда“ всплывала наверхъ, какъ масло; алмазъ чистой воды продолжалъ сверкать всѣми цвѣтами и переливами блестящаго павлиньяго хвоста. Они, „не признающіе авторитетовъ“, увѣряли, будто онъ и глупъ, и хитеръ, и мѣдный лобъ, и нахалъ, и лицемѣръ, и рисуется-де онъ, и выслуживается, и чего-чего только ни говорили... Но развѣ могъ кто-нибудь этому вѣрить изъ гостей „салона“? Развѣ не твердила сама Марья Львовна всѣмъ и каждому, что эти инсинуаціи—„одна подлость самой низкой пробы“? Развѣ не разрушалъ онъ ихъ однимъ своимъ загадочнымъ взглядомъ, своимъ краснорѣчивымъ, полнымъ ума и яда, молчаніемъ?

О, онъ сразу „заткнулъ всѣ шипѣвшія глотки, связалъ всѣ злые языки“,—сразу, лишь только ихъ шипѣнье стало принимать угрожающій тембръ! Онъ сказалъ только четыре слова,—только четыре слова,—и всѣ козни пали, разсѣялись, какъ дымъ, какъ прахъ, а самъ

онъ сталъ еще ярче въ глазахъ своихъ адептовъ, поднялся до зенита.

Разъ на одномъ изъ собраній, гдѣ были почти всѣ его адепты,—развѣ можно было сосчитать всѣхъ?—зависть устроила на него атаку: чьи-то „завистливыя“ глотки стали шипѣть что-то о карьеристахъ-нахалахъ вообще, а затѣмъ мало-по-малу перешли и къ нему въ частности. Было видно, было ясно видно, что это—послѣдняя, отчаянная ставка, что зависть рискуетъ или лопнуть съ досады, или сбить его съ пьедестала. „Зависть“ была красна, какъ ракъ, адепты блѣдны, какъ стѣны, Марья Львовна даже раскрыла свой пунцовый ротикъ... Анчаровъ одинъ былъ спокоенъ, невозмутимъ,—какъ-то загадочно невозмутимъ.

Наконецъ, раздалось „послѣднее слово“, было поставлено прямо въ упоръ и вынуждало къ отвѣту. Его спросили,—громко спросили,—правда ли, что, какъ гласили слухи, онъ лебезитъ передъ самымъ непопулярнымъ тогда человѣкомъ, ради какого-то куда-то „назначенія“?

Въ залѣ все смолкло,—было слышно, какъ мухи бились въ окошкѣ. Всѣ взоры устремились къ нему, всѣ блѣдныя, взволнованныя лица не дышали. Всѣ ждали, что онъ сейчасъ же отрицательно мотнетъ головой, подниметъ въ изумленіи плечи, всею своею фигурой выразитъ обидное недоумѣніе. Но... не тутъ-то было. Онъ не качалъ головой, онъ не поднималъ плечъ, не выражалъ ни изумленія, ни

обиды, ни гнѣва,—онъ только чуть-чуть приподнялъ полу-опущенныя вѣки и тихимъ, спокойнымъ, полу-презрительнымъ тономъ сказалъ свои четыре слова:

— У меня *свой планъ!*

Этимъ было сдѣлано все, даже больше, чѣмъ все. Зависть почувствовала себя сбитой, уничтоженной, адепты возликовали, глаза ихъ загорѣлись, блѣдныя щеки покрылись жгучимъ румянцемъ торжества. У него свой планъ?— ну, понятно, этимъ объясняется все! Свой планъ... когда кругомъ ни у кого нѣтъ ничего, кромѣ однихъ надеждъ, иллюзій, идеаловъ, какихъ-то смутныхъ порывовъ и самой честной, самой экспансивной откровенности. Этого даже не ждали,—это было выше всякихъ ожиданій! Свой планъ... Да это непремѣнно что-нибудь великое, грандіозное, необъятное, что-нибудь такое... такое, чего не постыдились бы даже герои древности, всѣ Цезари, всѣ Бруты, всѣ Гракхи вмѣстѣ!... И въ немъ еще могли сомнѣваться? Еще смѣли клеветать, инсинуировать, забрасывать подозрѣніями? Боже!

Въ этотъ „планъ“ повѣрили сразу, безповоротно, какъ и во все, что произносилось съ апломбомъ; изъ-за него, изъ-за этого „плана“, ему прощалось все: и быстрая карьера, и выслуживанье, и плохое отношеніе товарищей-сослуживцевъ,—помилуйте, какъ имъ не завидовать!—и эффектное пощелкиванье шпорами, и хорошее мнѣніе нелюбимаго сановника, и

многое, многое другое,—прощалось все, что каждаго другого, каждаго обыкновеннаго смертнаго безъ всякаго плана свело бы къ нулю, облило бы общимъ презрѣніемъ, совсѣмъ выкинуло бы изъ нашего общества. И не только прощалось, а, напротивъ, служило къ вящшей его славѣ, къ бо̀льшему возвеличенію, дѣлало его еще интереснѣе, загадочнѣе, окружало ореоломъ. „Помилуйте, вѣдь, все это ему нужно!.. Развѣ вы не понимаете, не знаете?“ Тутъ чуялись и видѣлись: „великая жертва“ (бѣдный! какъ онъ долженъ страдать въ душѣ!), полное пренебреженіе къ личнымъ ощущеніямъ (что за выдержка, что за тактъ! Вотъ кому бы быть дипломатомъ! Что бы тогда запѣли всѣ эти Руэры и Бейсты?!). И все только во имя плана, во имя одного плана!

Конечно, этого плана не зналъ никто. Да и зачѣмъ, почему, какъ могъ бы его знать кто-нибудь? Развѣ человѣкъ, у котораго есть свой планъ, станетъ дѣлиться имъ съ первымъ встрѣчнымъ, будетъ посвящать въ него *всякаго?* Помилуйте, нужно быть сумасшедшимъ! Достаточно, что планъ у него есть, что для плана онъ *принужденъ*,—о, всѣ видятъ и знаютъ, чего это ему стоитъ, бѣдному!—и выслуживаться, и заискивать у этого ужаснаго... словомъ, терпѣть, мучиться, страдать, ничѣмъ не выдавая своей муки! Какой нужно имѣть характеръ для этого, какой тактъ, какую волю, какую титаническую волю!

Я, конечно, не скажу, чтобы никому совсѣмъ-таки и не хотѣлось знать этотъ планъ, но всѣ охотно мирились съ своимъ незнаніемъ, ибо, во-первыхъ, имѣли полнѣйшую свободу догадываться, каждый по-своему, строить предположенія; во-вторыхъ, имѣли полнѣйшую возможность каждый дразнить другъ друга, въ особенности дамы,—а это такъ пріятно!—намеками на то, что „я именно догадалась или знаю, только не хочу говорить"; въ-третьихъ, такъ какъ не зналъ никто, то и никто не могъ считать себя обиженнымъ своимъ незнаніемъ. Правда, Марья Львовна, наша звѣзда, наше солнце,—Марья Львовна, которая чувствовала себя „своей" въ средѣ самыхъ высокихъ авторитетовъ, которая знала „все", все видѣла, все понимала,—Марья Львовна часто говаривала объ этомъ планѣ такимъ тономъ, такъ водила при этомъ своими очень выразительными глазами, что можно было легко заподозрить, будто кое-что ей и извѣстно. Но при первыхъ же возгласахъ со стороны прочихъ, при первой же мольбѣ: „Ахъ, скажите, милка, голубушка, ma chère, скажите... вы знаете, вы непремѣнно знаете!"—она скромно, хотя и немного загадочно, опускала глазки и клялась... „ну, всѣмъ, ну, ей-Богу, всѣмъ!" — что она „ничего... ни вотъ столько не знаетъ! Ни вотъ столько!"

А это равняло всѣхъ.

Такимъ образомъ, хотя онъ ничего никогда не говорилъ, хотя онъ упорно молчалъ и

уклонялся отъ слова во время самыхъ жаркихъ дебатовъ, никто никогда не слышалъ, не зналъ его частныхъ мнѣній, взглядовъ, симпатій, хотя завистливые враги распускали про него небылицы, товарищи звали „пройдохой“,— его роль была блестяща, репутація завидна, вліяніе громадно. Всѣ „передовые“ изъ „салона“ Марьи Львовны считали его „своимъ“, „средніе“ находили „небезопаснымъ“, а „консерваторы“... тѣ прямо увѣряли, что онъ— „дымящійся Везувій“.

А что онъ былъ на самомъ дѣлѣ, про то, конечно, лучше всего знали онъ самъ и его денщикъ Иванъ, щеголявшій почему-то подбитыми глазами и раздутыми, точно флюсомъ, щеками. Но самъ онъ находилъ удобнѣе молчать, а денщикъ Иванъ если-бъ и пустился въ разсказы, то, навѣрное, началъ бы съ общаго всѣмъ денщикамъ Иванамъ вранья о многочисленныхъ „арденахъ“ и „енаральскихъ“ дочкахъ, которыя-де сами вѣшаются его барину на шею.

III.

Я пріѣхалъ въ столицу учиться еще совсѣмъ „желторотымъ цыпленкомъ“, только что вылупленнымъ изъ яйца усердіемъ и усиліями всѣхъ добродѣтельныхъ педагоговъ Х—ской гимназіи, гдѣ, признаться, добрую часть вре-

мени проводилъ въ карцерѣ, а не въ классѣ, и сейчасъ же, естественно, вступилъ въ штатъ или „хвостъ“ Марьи Львовны. Съ одной стороны, я приходился ей какимъ-то далеко-юроднымъ кузеномъ, съ другой... я не умѣлъ еще тогда отличать людей отъ ихъ красивыхъ словъ, да и нужно же было кому-нибудь взять на себя трудъ отшлифовать, умыть, причесать,—словомъ, „развить“ молодого провинціала-дикаря, еще недавно чуть не исключеннаго изъ заведенія за то, что среди бѣла дня проскакалъ по губернскому бульвару верхомъ на коровѣ,—а лучше Марьи Львовны кто же бы это могъ сдѣлать? Расходовать свою молодую энергію на подобные „променады“, конечно, глупо всегда и вообще, но „въ такое время, когда и т. д.“, даже ужасно, даже преступно, какъ справедливо возмущалась Марья Львовна. Она принялась за меня съ обычнымъ ей рвеніемъ и съ утра до вечера безкорыстно то „посвящала“, то „развивала“, забрасывала именами, авторами, заглавіями, которыхъ она знала такъ много, такъ много, что сначала я оробѣлъ, а затѣмъ совсѣмъ потерялъ голову точно отъ угара. Она задалась благородною цѣлью „насадить во мнѣ сѣмена“, „пріобщить культурѣ“, показать мнѣ, почти саженному оболтусу-сорви-головѣ, „задачи вѣка“. И я не только проникался, благоговѣлъ и воспринималъ безпрекословно,—я, каюсь, млѣлъ сердечно, страстно млѣлъ, почти таялъ. Я вмѣстѣ,

съ ней покланялся Молешоту, вѣрилъ Бюхнеру, цитировалъ Фогта, штудировалъ Фейербаха,—Боже мой, чего и кого мы только ни штудировали!—но, покланяясь, вѣруя, цитируя и штудируя, я не сводилъ съ нея глазъ, я видѣлъ только ее, одну ее, нашъ авторитетъ, нашу звѣзду. Такимъ образомъ, я невольно дѣлалъ быстрые успѣхи, чаруя мою прелестную ma tante,—она сама велѣла мнѣ такъ звать себя, съ чѣмъ я охотно примирился,—и, несомнѣнно, пошелъ бы „далеко впередъ", какъ она увѣряла, не явись у меня эта проклятая антипатія, „необъяснимая, безразсудная, дикая",—это все ея эпитеты,—къ этому загадочному титану Анчарову. Всѣ задатки были у меня, чтобы стать на ея взглядъ „истиннымъ прогрессистомъ", человѣкомъ „нашего времени",—ma tante находила и нужный для его „charme" въ моихъ глазахъ, и что-то такое „très distingué" въ лицѣ,—но эта антипатія, эта ужасная антипатія „парализовала всѣ ея усилія". Она отодвигала меня и къ „людямъ толпы", всегда способной „побивать свои авторитеты", и къ „дикимъ людоѣдамъ", къ этимъ „готентотамъ-островитянамъ,—ma tante всегда была убѣждена почему-то, что готентоты непремѣнно островитяне, — пожирающимъ своихъ миссіонеровъ". И, что было „всего печальнѣе, всего ужаснѣе", я никакъ не могъ справиться съ этою своею антипатіей, съ своими „дикими подозрѣніями, ни на чемъ не основанны-

ми", такъ какъ все продолжалъ подозрѣвать и искренность, и умъ, и даже самый планъ,— „о, ужасъ, кузенъ, до чего вы дойдете, наконецъ!" —этого загадочнаго титана.

— Это *онъ*... это *онъ*... это непремѣнно *онъ* васъ такъ настроилъ!—съ презрѣніемъ говорила прелестная Марья Львовна, быстро семеня ручками.

Онъ былъ ея вѣчно невидимый супругъ, вѣчно хилый, съ вѣчною возней въ своемъ кабинетѣ за какими-то дѣлами, которыя аккуратно носили ему курьеры изъ его департамента. Никто его не зналъ, не справлялся, точно его и не было на свѣтѣ, никто не могъ и вспомнить о немъ иначе, какъ съ легкою улыбкой, никто и не звалъ его иначе, какъ „онъ", никому ma tante не отзывалась о немъ иначе, какъ объ „отравителѣ" ея „жизни", погубившемъ ея силы, „холодномъ", безчувственномъ, ни на что не годномъ „истуканѣ". Понятно, что одно это презрительное предположеніе могло легко свести съ ума.

Заговоривъ объ этой антипатіи, я неминуемо долженъ теперь перейти къ моимъ друзьямъ, глубоко дѣлившимъ ее со мною,— долженъ тѣмъ болѣе, что имъ придется играть довольно видную роль въ моемъ разсказѣ. Оба славные, хорошіе, теплые ребята, даже для того, богатаго хорошими типами, времени; оба непохожіе другъ на друга, какъ лошадь на гуся, они стали мнѣ близкими друзья-

ми еще съ гимназической скамейки. Эта дѣтская дружба, сложившаяся, какъ всегда у дѣтей, безотчетно и случайно, росла и крѣпла съ годами, согрѣвалась и связывалась общими школьными проказами и терніями, жила однѣми и тѣми же симпатіями, шагъ за шагомъ прокрадывавшимися въ наши души вмѣстѣ съ развивавшимся сознаніемъ, такъ что въ университетъ мы вступили уже тѣми закадычными товарищами-братьями, связь между которыми, какъ извѣстно, сильнѣе всякихъ узъ крови. Мы и въ университетъ поѣхали вмѣстѣ и поселились вмѣстѣ: я, Семеновъ и Кутыревъ. Я уже сказалъ, что оба они были совсѣмъ несхожи, и это несходство ихъ сказывалось во всемъ, до самыхъ крайнихъ мелочей, до того, что рѣзко бросалось въ глаза всякому. Начать съ того, что Семеновъ и по воспитанію, и по средствамъ своимъ былъ баричъ,—Кутыревъ былъ безродный бурсакъ, все представленіе котораго о роскоши не шло дальше молочной каши и слоеныхъ пироговъ. Семеновъ любилъ строгій порядокъ, былъ аккуратенъ, какъ нѣмецъ,—Кутыревъ отрицалъ всякій порядокъ однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ, каждымъ движеніемъ. Первый былъ сильно нервенъ и впечатлителенъ, вѣчно крутилъ нервно свою тощую бородку, но, въ то же время, былъ сдержанъ, молчаливъ, почти скрытенъ,—второй, напротивъ, былъ флегматиченъ, на видъ даже вялъ, но экспансивенъ и откро-

вененъ, какъ ребенокъ. Одинъ обладалъ и сильною волей, и недюжиннымъ характеромъ, и на первый взглядъ неминуемо казался жесткимъ,— другой, казалось, не имѣлъ никакого характера, никакой воли, жилъ однимъ инстинктомъ и добродушіемъ. Наконецъ, Семеновъ былъ малъ, худъ и тщедушенъ на видъ,—Кутыревъ же былъ цѣлая гора мяса и мускуловъ, съ бычачьею шеей, съ громадными глазищами, съ львиною растительностью, съ львиною силой и съ такимъ басомъ, что еще въ бурсѣ слылъ за „трубу Іерихона". Но у обоихъ было одно общее: это—мягкое, любящее, честное и смѣлое сердце.

IV.

Съ Семеновымъ я сошелся съ первыхъ же дней гимназической жизни, когда мы еще горько куксили потихоньку отъ другихъ о родныхъ семьяхъ и теплыхъ материнскихъ ласкахъ; съ Кутыревымъ мы сошлись гораздо позже, когда оба были въ старшихъ классахъ и, начитавшись Эмара, Купера и Майнъ-Рида, собирались бѣжать въ Америку. Кому изъ насъ первому пришла эта блажная мысль, не помню,—кажется, мы какъ-то вмѣстѣ и сразу остановились на ней, увлекшись образами: я — „Кровавой Руки", Семеновъ — „Краснаго Кедра",—но она охватила насъ такъ сильно и всецѣло, что мы забросили и учебники, и

тетради, сразу оба попали изъ лучшихъ по успѣхамъ учениковъ на „ослиную скамейку“, но, вѣчно занятые засѣвшею гвоздемъ въ голову мыслью и сборами въ дорогу, къ удивленію всѣхъ, вели себя примѣрно, оставили „продѣлки и пакости“ и даже совсѣмъ перестали попадать въ карцеръ. Все это, а въ особенности послѣднее, удивляло наше начальство, разводившее только руками, смущало товарищей, подозрѣвавшихъ, что у насъ есть что-то свое, что́ мы тщательно скрываемъ, а насъ, въ то же время, сильно мучила и тяготила наша тайна,—намъ сильно хотѣлось подѣлиться ею съ другими, убѣдить другихъ, найти себѣ третьяго товарища, непремѣнно героя пустынь „Курумиллу“ [1]), безъ котораго наше бѣгство теряло, конечно, всю свою романтическую прелесть. Что́ мы будемъ дѣлать безъ вѣрнаго, безстрашнаго, на все готоваго для друзей „Курумиллы“? Мы ломали головы, перебирали всѣхъ товарищей, даже знакомыхъ кадетовъ, но ни одинъ не подходилъ къ этому рѣдкому типу. Мы были близки къ отчаянію, когда самъ рокъ явился намъ на помощь.

Разъ вечеромъ, забравшись въ кусты пригородней рощи, гдѣ мы обыкновенно обсуждали всѣ подробности задуманнаго бѣгства, мы услыхали вблизи громкіе, рокочущіе звуки,

---

[1]) Кровавая рука, Красный Кедръ, Курумилла—герои извѣстныхъ романовъ Эмара.

странные, непохожіе ни на одинъ извѣстный намъ человѣческій языкъ, хотя, несомнѣнно, они выходили изъ человѣческой гортани, однообразно повторявшіеся какъ барабанная трель, какъ зубренье заткнувшаго уши школьника. Недоумѣвая, мы стали прислушиваться и мало-по-малу кое-какъ разобрали, наконецъ, знакомую французскую фразу. Чей-то дюжій басъ на невообразимомъ жаргонѣ упорно зубрилъ одно и то же: „ма меръ е монъ перъ сонъ та ля мезонъ". Подстрекаемые любопытствомъ, мы двинулись на эти звуки и вдругъ остановились, громко расхохотавшись: прямо противъ насъ, поджавъ ноги, сидѣлъ громадный семинаристъ въ казенномъ „балахонѣ" и, заткнувъ уши, ни на что не глядя, качаясь, зубрилъ вокабулы. Картина была, дѣйствительно, изъ веселыхъ, что, несомнѣнно, сознавалъ и зубрившій,—это былъ Кутыревъ, — потому что нашъ громкій хохотъ онъ встрѣтилъ крайне добродушною улыбкой.

— Ну, что, господа гимназисты, хорошо у меня выходитъ?

— Нѣтъ, очень скверно!.. отвѣтили мы, смѣясь, въ одинъ голосъ.

— Ну, такъ поучите!—И онъ такъ-же добродушно улыбнулся.

Эта добродушная улыбка, простота, сквозившая въ его словахъ, вся фигура его—какъ-то сразу расположили насъ къ нему. Мы стали учить и, понятно, хохотать, такъ какъ и пред-

ставить себѣ нельзя тѣхъ гримасъ и жестовъ, съ какими бѣднякъ усиливался произнести „mon“ и „maison“. Онъ и затыкалъ носъ, и поднималъ голову, и вытягивалъ губы, но невозможное оказывалось невозможнымъ. Въ концѣ-концовъ, это надоѣло и ему, и намъ.

— Давайте лучше говорить!—сказалъ онъ, наконецъ, бросая книгу.—Вы мнѣ про свое разскажите, а я вамъ про нашу бурсу.

И онъ сталъ намъ выкладывать все свое бурсацкое житье, свои „распорядки“ и свою душу. Его пороли, какъ „сидорову козу“, о. ректоръ считалъ его „оглашеннымъ“ и „неистовымъ козлищемъ“; нѣсколько разъ уже онъ былъ „въ бѣгахъ“, платясь за это инспекторскими „скорпіонами“, и бурса казалась ему хуже „горькой рѣдьки“. Мы узнали, что по-французски онъ сталъ учиться „самъ, своею охотой“, потому что инспекторъ ненавидѣлъ этотъ языкъ, считая его почему-то „вавилонскимъ козлогласіемъ“, а самому ему полюбились французы, когда онъ прочелъ украдкой нѣсколько переводныхъ романовъ.

— Ужъ очень хорошій тамъ народъ, братцы!

Въ какой-нибудь часъ мы стали друзьями и сблизились, какъ только и могутъ сближаться юноши. Сами не зная, какъ и почему, мы открыли ему задуманное бѣгство и стали звать съ собой. Онъ жадно слушалъ наши разсказы, вытаращивъ глаза, весь багровѣя отъ волненія, и, наконецъ, сталъ чесать затылокъ.

— Дорога дальняя... попадемъ-ли?—нерѣшительно, колеблясь немного, проговорилъ онъ.

— А карты зачѣмъ?—возразилъ Семеновъ.—Мы по картѣ... Изъ Гамбурга на пароходѣ...

— А деньги? На дорогу деньги нужны!

— У насъ есть двѣсти рублей. Мы уже собрали.

— Двѣсти рублей?!—Кутыревъ вытаращилъ глаза и чмокнулъ губами. Такой суммы онъ еще и во снѣ не видалъ.—Дв-ѣ-ѣ-сти рублей?!.

Съ того вечера нашимъ волненіямъ пришелъ конецъ: „Курумилла“ былъ найденъ.

Срокъ бѣгства былъ, наконецъ, опредѣленъ безусловно. Мы запаслись только пистолетами, булками и колбасой, которые хранились въ нашемъ „складѣ“ у какой-то знакомой Кутыреву мѣщанки, такъ какъ, понятно, хранить все это у себя въ казенномъ пансіонѣ было не совсѣмъ удобно. Въ назначенный часъ, ровно въ полночь, вѣрный „Курумилла“ долженъ былъ явиться съ этимъ „запасомъ“ подъ окна нашей спальни и просвистать условленный сигналъ, на который мы немедленно должны были спуститься изъ окна второго этажа съ помощью казенныхъ простынь. Правда, мы могли преспокойно пройти коридорами, но тогда наше бѣгство потеряло бы значительную долю своей прелести и мало походило бы на подвиги „героевъ пустыни“. Каждое „содержаніе“ опредѣляетъ и свою „форму“.

Я и теперь еще помню тотъ захватывающій дыханіе трепетъ, съ какимъ, свернувшись на своей казенной койкѣ, я жадно, страстно ждалъ условленнаго свиста. Семеновъ, лежавшій рядомъ со мной, былъ блѣденъ, какъ его подушка, и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ при малѣйшемъ шорохѣ. Мы оба чутко прислушивались къ спокойному, равномѣрному дыханію спящихъ, подозрительно вглядываясь въ каждый сонный жестъ ихъ, въ каждое движеніе, вездѣ подозрѣвая измѣну, засаду или что-нибудь въ этомъ родѣ. Намъ обоимъ казалось подчасъ, что задуманное нами всѣмъ извѣстно, что всѣ притворяются только спящими, чтобы съ хохотомъ накрыть насъ въ самый моментъ бѣгства, и насъ охватывалъ какой-то внутренній холодъ, какая-то жгучая тревога, отъ которой у Семенова барабанили зубы. Часы летѣли, а наша тревога все росла и росла, переходила въ какую-то тупую боль, которая гнала насъ съ постелей, и, не выдержавъ, мы, въ концѣ концовъ, вышли бы на дворъ сами, не ожидая сигнала. Но вотъ вдали загудѣли соборные часы, кто-то шевельнулся, пробормотавъ сквозь сонъ что-то изъ урока, мой сосѣдъ повернулся на бокъ, безсмысленно взглянувъ на меня спящими глазами, Семеновъ приподнялся на локоть и въ тотъ же моментъ подъ среднимъ окномъ раздался легкій, протяжный условленный свистъ. Быстрѣе кошки схватился я съ

постели, набросилъ платье, привязалъ къ гвоздю простыню и спустился на землю, а вслѣдъ за мной показался въ окнѣ и Семеновъ.

— Все въ порядкѣ, Курумилла?

— Все!

Но не успѣлъ онъ закрыть рта, какъ сзади насъ изъ-за угла послышались чьи-то быстрые шаги и цѣлый снопъ лучей ручного фонарика облилъ насъ съ головы до ногъ. Бѣдный Семеновъ еще висѣлъ въ воздухѣ.

— Что это?!.

Предъ нами стоялъ молодой учитель словесности, только на-дняхъ прибывшій въ нашу гимназію на смѣну старому, нелюбимому, котораго всѣ мы звали „гекатомбой“. Новаго мы не видали еще въ классѣ.

— Что это, господа?.. что вы дѣлаете?

Мы, понятно, молчали. Вѣрный Курумилла, казалось, только ждалъ сигнала, чтобы раздавить, какъ дикаго „команча“, непрошеннаго гостя.

— Что же это такое? Отчего вы молчите?

Учитель съ удивленіемъ оглядывалъ насъ съ головы до ногъ; онъ видѣлъ наши блѣдныя встревоженныя лица, угрюмо сдвинутыя брови Кутырева, слышалъ наше нервное, тяжелое дыханіе.

— Я васъ спрашиваю не какъ начальникъ, а какъ старшій братъ вашъ, понимаете? Я не сдѣлаю вамъ зла,—вамъ ничто не угрожаетъ,—

я вамъ дамъ хорошій совѣтъ,—и только... Говорите!

Мы не привыкли къ такимъ рѣчамъ и молчали. Какъ?! Не начальникъ?.. старшій братъ?! Нѣтъ! эти слова были совсѣмъ чужды нашему слуху. Мы не понимали, мы не вѣрили... Курумилла сопѣлъ и угрюмо ждалъ. Тогда учитель обратился къ нему.

— Судя по костюму, вы не гимназистъ,— сказалъ онъ:—вамъ нечего, значитъ, бояться меня, какъ своего учителя. Скажите же вы мнѣ, что все это значитъ?.. Кто вы?

Растерялся ли Кутыревъ, или онъ считалъ своимъ долгомъ непремѣнно додержать роль до конца, или хотѣлъ скрыть свое имя, только онъ вдругъ выпалилъ густымъ басомъ:

— „Курумилла"!

— Какъ?—переспросилъ тотъ, замѣтя нашу улыбку.

— „Курумилла"!

Басъ Кутырева гудѣлъ, какъ набатъ, а самъ онъ побагровѣлъ, какъ сваренный ракъ.

— Ну-съ, господинъ Курумиловъ,—началъ тотъ, принявъ „Курумилла" за Курумилова:— что все это значитъ?

Но „Курумиловъ" только сопѣлъ въ отвѣтъ.

Въ этотъ моментъ учитель замѣтилъ въ его рукахъ кулекъ и торчавшіе изъ него пистолеты. Лицо его вытянулось, глаза въ изумленіи пристально уставились на насъ, брови нахмурились. Мы стояли ни живы, ни мертвы.

— Пойдемъ! Идите за мной!—вдругъ рѣзко и повелительно прервалъ онъ молчаніе.— Пойдемъ!

Всѣ трое,—послушно, какъ овцы,—мы двинулись за нимъ. Но,—странное дѣло,—вся робость наша прошла.

Онъ повелъ насъ къ себѣ, зажегъ свѣчу и сталъ разбирать молча нашъ кулекъ, изъ котораго посыпались карта, булки, колбасы и пистолеты. Въ нѣсколько минутъ все объяснилось,—мы разсказали все.

— Вотъ до чего доводятъ глупыя книги!— сказалъ онъ, качая головой.—Ну, какіе вы охотники? Взгляните только на себя: вѣдь, вы и стрѣлять-то не умѣете! Не будь у васъ родителей, вы бы съ голоду умерли, прокормить бы себя не сумѣли... Дровъ наколоть не сумѣли бы, гривенника бы не заработали въ день, а въ дикой преріи, среди дикарей и звѣрей, жить собрались... Эхъ вы!

Мы улыбнулись какъ-то вдругъ: наша затѣя показалась намъ самимъ смѣшною.

— Да развѣ дома, на родинѣ, не найдется дѣла? Развѣ нѣтъ у насъ своихъ обязанностей, — продолжалъ онъ, зашагавъ по комнатѣ:—обязанностей къ своему обществу, къ своему народу, который и необразованъ, и теменъ, и бѣденъ? Развѣ вы объ этомъ никогда не слыхали, никогда не думали?

Нѣтъ, мы никогда не слыхали ничего подобнаго. Это были новыя, почти непонятныя

слова для насъ, и, слушая ихъ, мы стояли, блѣдные, взволнованные, съ сердцами, бившимися какимъ-то особеннымъ трепетомъ.

— Отчего вы не читаете хорошихъ книгъ?

Хорошія книги?! Мы знали только интересныя и скучныя,—только учебники и захватывавшіе духъ романы Купера и Майнъ-Рида. Мы стояли, какъ истуканы, не ворочая языками.

— Какія же это книги?—дрожащимъ голосомъ спросилъ, наконецъ, Кутыревъ.

Учитель подвелъ насъ къ шкафу и провелъ рукой по книгамъ. Мы прочли имена Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Добролюбова и много другихъ именъ.

— Вотъ что̀ читайте,—говорилъ онъ:—вотъ имена, которыми должны гордиться каждое русское сердце, каждый русскій умъ!..

. . . . . .

Стояла чудная лѣтняя ночь. Звѣзды горѣли такъ ярко, что мы ясно различали ихъ сквозь туманъ какихъ-то блаженныхъ, святыхъ слезъ, застилавшихъ наши глаза. Бѣлесоватыя полосы близкаго разсвѣта пестрили востокъ, а мы трое, блѣдные, взволнованные, но счастливые, съ лихорадочно блестѣвшими глазами, все еще бродили по тихимъ, соннымъ улицамъ спящаго города, слушая, жадно слушая чудныя рѣчи нашего учителя. Это была первая человѣческая рѣчь, которую слышали наши уши, и она грѣла насъ, какъ первый поцѣ-

луй, наполняла насъ блаженствомъ, какъ первый любовный шепотъ. Живое слово проникало въ наши пустыя юныя души, какъ воздухъ въ пустой сжатый гуттаперчевый шаръ, раздвигая его стѣнки, и что-то новое, невѣдомое доселѣ вставало въ насъ, будя и спящій умъ, и спавшее доселѣ человѣческое сердце. Мы лихорадочно горѣли; Семеновъ дрожалъ, Кутыревъ, казалось, готовъ былъ разрыдаться.

Съ тѣхъ поръ мы стали учиться, чтобы попасть въ университетъ, потому что мы знали, зачѣмъ онъ былъ намъ нуженъ, и нашу дружбу связало нѣчто болѣе прочное и сильное, чѣмъ однѣ школьныя проказы.

V.

Я уже сказалъ, что, прибывъ въ столицу и поступивъ въ университетъ, мы поселились всѣ вмѣстѣ. Семеновъ снялъ небольшую квартиру въ три жилыя комнаты съ кухней, а мы—я и Кутыревъ—перешли къ нему жильцами.

Всѣ мы были тогда одинаково зелены, одинаково довѣрчивы, одинаково увлекались словами, не разбирая, откуда идутъ они, и, естественно, были постоянными гостями журфиксовъ Марьи Львовны, въ посѣщеніи которыхъ видѣли чуть-ли не гражданскій долгъ... О, мы не умѣли еще различать „чужихъ“ отъ

дѣйствительно „своихъ“, мы не знали тогда, что есть, кромѣ „великаго дѣла любви“, и „праздноболтанье“, что есть лгуны, говорящіе только сухими устами, а не сердцемъ,— не знали, ибо мы сами не умѣли лгать, а приглядѣться ко всему еще не успѣли. Со-временемъ мы поплатились за это незнаніе,—поплатились крѣпко,—но тогда... тогда, живя вмѣстѣ, мы и увлекались вмѣстѣ. Впрочемъ, прожить вмѣстѣ намъ пришлось не долго: случилось нѣчто,что принудило насъ разойтись по разнымъ угламъ, хотя бо́льшую часть времени мы, все-таки, продолжали проводить, въ „старой“ квартирѣ, три комнаты которой стали намъ и милѣе, и дороже, и уютнѣе, если хотите.

Это „нѣчто“ былъ внезапный пріѣздъ Лели, двоюродной сестры Семенова, нагрянувшей къ намъ, какъ снѣгъ на голову.

Большую роль сыгралъ этотъ пріѣздъ въ нашей жизни; много онъ вызвалъ впослѣдствіи и тяжелаго, и больного, но, прежде всего, онъ внесъ въ нашу среду ту мягкость и деликатность, тотъ лучъ теплаго свѣта и задушевности, ту чистоту, и порядочность, отсутствіе которыхъ часто весьма вредно отзывается на внутреннемъ складѣ человѣка и вносить которыя можетъ только женщина, въ особенности же такая женщина, какою была Леля. Ихъ намъ недоставало и она внесла все это какъ-то непосредственно, сама собой, безъ всякихъ усилій или стараній, однимъ сво-

имъ появленіемъ. И теперь, когда я вспоминаю и ее, и ея первый пріѣздъ, я чувствую, какъ мягкая теплота наполняетъ мою грудь, какъ яснѣютъ мысли и воспоминанія, какъ вольнѣе и легче дышется груди, какъ все точно чище и лучше становится вокругъ, даже сама жизнь становится точно лучше и вѣра въ нее какъ-то крѣпнетъ, потому что уже одна возможность появленія на жизненной аренѣ такихъ типовъ, къ какимъ принадлежала наша Леля, способна и примирить съ жизнью, и дать въ нее вѣру. Леля и знала меньше насъ, и читала меньше; но тамъ, гдѣ мы пускали въ ходъ и логику, и разсужденіе, она всегда скорѣе насъ брала какимъ-то чутьемъ, прирожденнымъ инстинктомъ, а сама она вся была одна чистота, одна искренность, одна правда. Лжи въ ней не было ни на волосъ, сдѣлокъ съ совѣстью, съ внутреннимъ чутьемъ она не допускала, не понимала даже; всякую уступку совѣсти или чувства чему-бы то ни было, всякій шагъ противъ голоса сердца, противъ того, что считалось ею честнымъ и хорошимъ, она звала „честно-подлостью“ или „подло-честностью“, и мы даже переняли отъ нея эти термины. Въ этой-то цѣльности, въ этой прирожденной чистотѣ и искренности, въ этой правдѣ, которая проникала ее всю, и была ея сила, благодаря которой мы всегда пасовали передъ нею, какъ школьники передъ старшимъ. Я не говорю уже о Кутыревѣ, ко-

торый, полюбивъ ее первою пламенною любовью, говорилъ съ нею не иначе, какъ вспыхнувъ печеною свеклой, заикаясь, при чемъ вѣчно, но тщетно старался повернуть истрепанный галстукъ бантомъ, а другою рукой пригладить непокорные вихры, но даже мы,—я, относившійся къ ней, какъ другъ, и Семеновъ, ея братъ,—даже мы, признаться, всегда чувствовали себя передъ ней такъ, какъ въ тотъ торжественный моментъ, когда впервые коснулись порога университетской аудиторіи, или, по крайней мѣрѣ, почти такъ.

Я и теперь еще ясно и живо помню тотъ вечеръ, когда она въ первый разъ явилась среди насъ, ясная, какъ лучъ солнца, свѣжая, какъ чистая капля росы, живая, какъ только что вспорхнувшая изъ гнѣзда птичка. Мы начинали, кажется, уже вторую дюжину пива; въ комнатѣ было накурено, какъ въ коптильнѣ, сюртуки были сняты, Кутыревъ „пробовалъ свою октаву“ и мы тщетно просили его пощадить наши „барабанныя перепонки“, какъ вдругъ хлопнула всегда незапертая входная дверь, послышались чьи-то легкіе, быстрые шаги и въ нашемъ хаосѣ, въ цѣлыхъ волнахъ табачнаго дыма появилась, какъ видѣніе, невысокаго роста смуглая брюнетка съ такими чудными карими глазами, съ такою открытою, ясною улыбкой, что отъ нихъ, казалось, просвѣтлѣло все—и накуренный воздухъ, и пивной угаръ, и весь нашъ хаосъ.

— Здѣсь Семеновъ?—спросила она немного нерѣшительно, несомнѣнно оробѣвъ при видѣ открывшейся необычной ей сцены:—здѣсь?— и, разглядѣвъ, наконецъ, въ дыму, не ожидая отвѣта нашихъ окаменѣвшихъ губъ, бросилась къ нему на шею.

Въ тотъ же моментъ боявшійся „барынь“ еще съ бурсы Кутыревъ юркнулъ подъ столъ, едва не опрокинувъ всѣхъ допитыхъ и недопитыхъ бутылокъ, а я напяливалъ чей-то сюртукъ.

— Леля?! Какими судьбами,—какъ?—бормоталъ, между тѣмъ, Семеновъ, вскочивъ и сжимая дѣвушку такъ, что она, хохоча, стала кричать:

— Осторожнѣе, медвѣдь мой!... Какъ?... Очень просто: надоѣдала тетѣ до тѣхъ поръ, пока она не пустила къ тебѣ... Не все же только вашему брату въ столицахъ учиться. Правда? Ахъ, да, вотъ и вещи... Саша, возьми!

Я принялъ отъ извозчика чемоданы, а Леля уже протягивала мнѣ руку.

— Это друзья твои, Саша? да? о которыхъ ты писалъ? Здравствуйте! Я васъ давно знаю по письмамъ!... Здравствуйте!... А гдѣ же еще... еще... третій?... Гдѣ Кутыревъ?... Видите,—хохотала она:—я васъ всѣхъ знаю... Гдѣ же онъ?

Кутыревъ, навѣрное, проклялъ себя подъ столомъ, потому что тотъ зашатался.

— Э!—протянулъ весело Семеновъ: — вишь гдѣ онъ—въ бѣгахъ! Вылазь-ка, братъ! Полно прятаться отъ бабы! Вылазь!

— Не могу!—раздалась изъ-подъ стола невозмутимая октава, и мы невольно расхохотались всѣ трое: до того комичнымъ показалось намъ это „не могу“,—расхохотались такъ, что Леля, не устоявъ, бросилась въ кресло, да и самъ Кутыревъ не удержался и сталъ хохотать подъ столомъ.

— „Не могу!“ Не можете? почему?—визжала Леля, а на глазахъ отъ смѣха у нея показались слезинки:—почему? Неужели меня испугались? Неужели я страшна? „Не могу!...“ Ха-ха-ха!...

— Сюртука нѣтъ!—отвѣтилъ, смѣясь, тотъ.

— Боже, что за голосъ! Да вы оглушить можете!

— Могу! Меня въ протодьяконы прочили!—наивно отвѣтилъ Кутыревъ изъ-подъ стола, тщетно стараясь говорить мягко.

Тутъ нашъ хохотъ принялъ почти гомерическіе размѣры. Леля просто каталась отъ смѣха въ креслѣ.

— Нѣтъ, будетъ... охъ! Что же это такое, наконецъ?... Будетъ! Вылѣзайте!.. Саша вотъ уже безъ сюртука, а вы все равно, что братъ ему. На первый разъ прощаю... Можно!—говорила она, судорожно смѣясь и сдерживаясь въ то-же время.—Прощаю, извиняю!—И она протянула ему руку.

Зазвенѣли бутылки, задрожала свѣча и Кутыревъ выползъ при общемъ смѣхѣ. Онъ былъ прелестенъ всею своею дюжей фигурой,

своими густыми, черными, какъ смоль, кудрями, своимъ дѣтски-сконфуженнымъ лицомъ, съ опущенными долу глазами,—прелестенъ, какъ гоголевскій Андрій, когда красавица-панна, смѣясь, нацѣпляла на него свои ожерелья, свои серьги и кольца. Онъ, понятно, былъ красенъ, какъ свѣже-распустившійся піонъ, но и Леля казалась немного смущенною.

— Боже мой, но что это у васъ такое? Вѣдь это конюшня, сарай! Чья это комната?— почти крикнула она, вглядѣвшись, наконецъ, въ обстановку.—Вѣдь это ужасъ, что такое! Чье это логовище?

На несчастье Кутырева, мы пили сегодня въ его логовищѣ, въ которое онъ натаскалъ костей и череповъ, которое всегда было грязно, не метено, полно окурковъ и пустыхъ бутылокъ, гдѣ все—и табакъ, и сахаръ, и чай, и книги, и постель, и платье—представляло собой какой-то невозможный винегретъ. Онъ окаменѣлъ отъ стыда.

— Неужели твоя, Саша? Нѣтъ, невозможно!... Ваша?—обратилась она ко мнѣ:—нѣтъ? Значитъ...

— Моя!—прогудѣлъ, наконецъ, ужасный басъ и поперхнулся.

— Ну, и не стыдно вамъ?—всплеснула она руками: — не стыдно? — и, быстро вскочивъ, стала разбираться въ невозможномъ хламѣ, приводя все въ порядокъ и неустанно говоря про себя: „Нѣтъ, это невозможно!.. это изъ

рукъ вонъ что такое... это ужасъ!"—быстро швыряя книги, кости, платье и прочее.

— Позвольте... позвольте! Я самъ!—бѣгалъ за нею растерянно Кутыревъ, но она не слушала.

— Нѣтъ, оставьте! Я сама теперь, сама... Вы мнѣ только мѣшаете!

— Да оставь ты эту авгіеву конюшню!.. вѣдь тутъ Геркулесъ съ цѣлымъ водопроводомъ нуженъ!—убѣждалъ ее Семеновъ, стараясь усадить въ кресла.—Давай поговоримъ лучше!

— Постой, постой!... Не могу я, не могу этого видѣть, нѣтъ!—отвѣчала она, суетясь и бѣгая юлой.—Постой! О, васъ всѣхъ прибрать къ рукамъ нужно! Постойте, я васъ вымуштрую!...— И въ нѣсколько минутъ ея ловкія, быстрыя руки преобразили комнату до неузнаваемости.

— Ну, что,—теперь лучше?—спросила она, усаживаясь, наконецъ, около совсѣмъ застыдившагося Кутырева.

— Лучше!

— А вамъ не стыдно?

— Очень стыдно!

— То-то же, „протодьяконъ"!

Мы всѣ весело и хорошо засмѣялись на эту кличку, съ тѣхъ поръ такъ и приставшую къ нему.

Я легъ съ нимъ вмѣстѣ, въ той же комнатѣ, уступивъ свою Лелѣ. Противъ обыкновенія, онъ не заснулъ сразу, а долго ворочался.

— Слушай, а вѣдь барынька-то подумаетъ про насъ чортъ знаетъ что такое!—окликнулъ онъ меня.

— Что же такое именно?

— Да какъ тебѣ сказать?... Пиво это... ну, и все прочее... точно гвардейцы какіе!

— Ну, положимъ, это вздоръ! Гвардейцы, братъ, не пиво дуютъ... А вотъ что ты бурсакъ неотесанный,—это она, навѣрное, подумаетъ,—отвѣтилъ я шутя.

Къ моему удивленію, Кутыревъ не расхохотался, какъ обыкновенно, на эту шутку, а мрачно проговорилъ:

— Что же подѣлаешь, братъ? Такіе ужъ мы всѣ бурсаки...

На другой же день мы разбрелись: я въ меблированныя комнаты, Кутыревъ — на какой-то невообразимый чердакъ, уступленный ему за урокъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя отлично, такъ какъ ничего и никого стѣсняться не приходилось, ибо на всемъ своемъ чердакѣ онъ былъ „самъ себѣ владыкой“. Комнату Кутырева взяла себѣ Леля, а мою она объявила „нейтральною“, чѣмъ-то вродѣ общей ея и брата гостиной, въ которой мы толклись теперь ежедневно, почти все послѣобѣденное время. Славные дни потянулись у насъ, весело намъ было вмѣстѣ, хорошо смотрѣлъ и влюбленный Кутыревъ, и Леля, относившаяся къ нему какъ-то особенно мягко и просто, точно къ родному брату, и чуть ли даже не

мягче еще, и я, и вѣчно задумчивый Семеновъ,—всѣ мы были непринужденны и беззаботно-счастливы. Леля насъ дѣйствительно „муштровала“; мы и бражничать перестали, и лекціями лучше занялись, и читать больше стали, а ужъ чище одѣвались—это само собой. Бѣгали мы по галлереямъ, осматривали музеи, посѣщали театры, собирались на сходки, на рауты, на публичныя чтенія, а билліарды и пиво почти предали забвенію.

VI.

Но все это, къ сожалѣнію, и большому сожалѣнію, продолжалось очень не долго. Лелю, понятно, мы ввели въ нашъ общій кругъ знакомыхъ и, естественно, я познакомилъ ее и съ Марьей Львовной, которая нашла ее и „charmante“ и „une tête“, и сразу предложила ей свое покровительство. Бѣда была, конечно, не въ Марьѣ Львовнѣ, которую, признаться, Леля считала „болтушкой“, а подчасъ, не обинуясь, называла ее даже и „дурой съ начинкой“,—и язычекъ же былъ у Лели!—а была она въ томъ, что у Марьи Львовны Леля встрѣтилась съ Анчаровымъ,—встрѣтилась и спасовала. Да, спасовала, какъ пасовали всѣ мы передъ нею. И все это случилось, несмотря на всѣ наши протесты, на нашу открытую къ нему антипатію, на вопли и ры-

чаніе Кутырева, на то, что всѣ мы то и дѣло „открывали ей глаза“ и обличали его, чѣмъ, какъ теперь мнѣ кажется, только подзадоривали нашу Лелю.

Тогда я ничего не понималъ. Я только, какъ и всѣ мы, возмущался, кипятился, негодовалъ, удивлялся этой странной близорукости и выходилъ изъ себя, когда на всѣ мои доводы Леля спокойно возражала: „вы не понимаете его“, „вы пристрастны“, или просила оставить ее въ покоѣ, прямо заявляя, что мы расходимся съ нею „во взглядахъ на человѣка“. Но теперь, когда я спокойнѣе и безпристрастнѣе могу взвѣсить все, когда прошедшее стало ясно по своимъ результатамъ, я понимаю, вполнѣ понимаю это странное увлеченіе, эту больную, острую вспышку,—понимаю Лелю, понимаю, почему она, такая чистая, такая искренняя, такая довѣрчивая,—она, сама правда и потому вѣрящая всѣмъ и каждому, — могла увлечься такимъ роковымъ образомъ. Я понимаю, что она, чувствовавшая себя въ нашей средѣ равною среди равныхъ и, можетъ быть, даже больше, чѣмъ равною, потому что не могла же не замѣчать она, какъ мы пасовали передъ нею, она даже звала насъ „мои мальчики“,—я понимаю, говорю, что она неминуемо должна была остановиться передъ таинственною, загадочною фигурой Анчарова, которому кругомъ кадились ѳиміамы и который принималъ ихъ какъ должное,—остановиться и по-

тому еще, что онъ одинъ смотрѣлъ на всѣхъ сверху внизъ, а въ томъ числѣ, конечно, и на нее. И почему бы она должна была не вѣрить ему и въ него, когда она совсѣмъ не знала неправды?

Первая же встрѣча ихъ была роковою: съ первой встрѣчи онъ поразилъ ее, отуманилъ, опуталъ паутиной своей таинственной загадочности и титанической силы. Я и теперь помню еще этотъ вечеръ, у Марьи Львовны, сначала такой непринужденный и веселый. Помню этотъ странный взглядъ Лели, удивленный, полный благоговѣнія; помню ея лихорадочную дрожь, ея окаменѣлое лицо, когда Анчаровъ такъ удачно сыгралъ свою роль. Тогда уже все было сдѣлано, все предрѣшено, съ этого рокового вечера, и теперь я все это понимаю,—все, до мелочей, до того, что Леля еще чище, еще прелестнѣе встаетъ въ моемъ представленіи.

Марья Львовна выбивалась изъ силъ, какъ хозяйка, всѣмъ было весело, всѣ весело смѣялись и Леля мягко шутила съ Кутыревымъ, который таялъ въ теплѣ седьмого неба,—съ Семеновымъ мы уже звали ихъ „парочкой". Общее веселье еще увеличилось, когда Марья Львовна предложила „сыграть въ стихи", т. е. заставить каждаго продекламировать врасплохъ какое-нибудь четверостишіе, ясно и цѣльно само по себѣ выражавшее какую-нибудь опредѣленную мысль поэта. Кутыревъ проде-

кламировалъ „гречаники“, чѣмъ, конечно, поднялъ хохотъ, Леля—первые четыре стиха пушкинской „Птички“, затѣмъ декламировали среди смѣха и шутокъ Тредьяковскаго,—вообще всѣ придавали этому шутливый тонъ, выбирая все больше комичные куплеты, какъ вдругъ очередь дошла до Анчарова. Онъ только что пришелъ и стоялъ, облокотившись у камина, въ самой мрачной, самой таинственной позѣ.

— Ваша очередь!—обратилась къ нему подобострастно Марья Львовна, и въ залѣ сразу все смолкло.

Онъ натянуто улыбнулся и повелъ плечами.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Ради Бога, не отказывайтесь... Мы всѣ условились не отказываться!—умоляюще закатывала свои чудные глазки Марья Львовна.

Всѣ лица повернулись къ нему. Онъ провелъ рукой по лбу и, мрачно насупившись и точно покоряясь одной необходимости, величественно протянулъ руку. Медленно обведя всѣхъ какимъ-то укоризненнымъ взглядомъ, съ величественно протянутою рукой, медленно, съ разстановкой онъ продекламировалъ горячимъ тономъ:

И межъ тѣмъ, какъ роскошныя грезы
Стерегутъ твое ложе, богачъ!

Онъ сильно ткнулъ рукой къ стѣнѣ:

За стѣной твоей—голода слезы,
Скорбь паденья, насилья и плачъ!

Смѣхъ, веселье застыли, исчезли. Мы были слишкомъ молоды, слишкомъ честны, чтобы стихи эти, ворвавшись такимъ диссонансомъ, не прозвучали въ насъ точно укоромъ, чтобы сердца наши не забились святымъ трепетомъ. Эффектъ былъ чрезвычайный; о немъ говорили наступившее напряженное молчаніе, мертвая, неподвижная тишина. Мы поблѣднѣли, намъ всѣмъ стало неловко, а онъ, невозмутимый, холодный, загадочный, стоялъ все такъ же у камина, все такъ же смотрѣлъ на насъ, казалось, взглядомъ укора.

Я взглянулъ на Лелю: она забыла о Кутыревѣ, совсѣмъ забыла. Она видѣла, казалось, только эту величественно протянутую руку, слышала только эти страстные стихи и лихорадочно блестѣвшими глазами, полными удивленія и благоговѣнія, на блѣдномъ, вытянутомъ лицѣ, смотрѣла на Анчарова, дрожа, какъ испуганная птичка. Но вотъ какъ-то сразу все захлопало, застучало, задвигалось, закричало „браво“ и, точно пробудившись отъ сна, точно освободившись изъ оковъ, Леля, вспорхнувъ, подбѣжала къ нему и протянула ему обѣ руки. Какъ-то снисходительно улыбаясь, онъ взялъ ея руки, а она, взволнованная, дрожавшая, вся сіявшая страстью, что-то шептала ему, путаясь и съ трудомъ переводя дыханіе.

Этотъ вечеръ я помню живо и ясно потому, повторяю, что съ него-то все и пошло,— съ него Леля какъ-то забыла и Кутырева, и

насъ; мы стушевались, отошли на задній планъ, и какъ бы тамъ ни было, но Анчаровъ сталъ нашимъ частымъ гостемъ, то-есть не нашимъ собственно, потому что Леля, зная общее къ нему отношеніе, уводила его всегда къ себѣ, а нашей „штабъ-квартиры“. Она уходила съ нимъ на прогулки, пропадала по цѣлымъ днямъ, и нашъ кружекъ, нашъ „семейный очагъ“, какъ звали мы его, сталъ самъ собою распадаться. Сначала пошла, какъ водится, какая-то общая натянутость: Семеновъ хандрилъ и раздражался, Кутыревъ все пробовалъ октаву и выдѣлывалъ какіе-то странные, угрожающіе жесты, точно собирался душить гидру; я чувствовалъ себя неловко среди этой молчаливой, но понятной мнѣ натянутости, въ этой тоскливой теперь, не оживленной чистымъ образомъ Лели комнатѣ, а затѣмъ мало-по-малу мы стали избѣгать даже сходиться. Леля, конечно, все это видѣла, но ей было не до насъ; да, къ тому же, она считала всѣхъ насъ неправыми. Доходило даже дѣло до того, что она запиралась у себя, и мы не видали ея и тогда, когда Анчарова у нея не было,—до того все было напряжено, полно недоразумѣній и невыясненныхъ личныхъ счетовъ. Мы и говорить уже могли, только волнуясь и раздражаясь,—словомъ, намъ тяжело становилось въ присутствіи другъ друга, тяжело такъ, какъ только можетъ быть въ средѣ теплой, любящей семьи, когда какая-нибудь черная кошка собьетъ всѣхъ съ толку.

Разъ я возвращался отъ Марьи Львовны позднимъ вечеромъ въ счастливомъ, почти блаженномъ состояніи; я ликовалъ даже, узнавъ отъ нея, что на-дняхъ Анчарову предстоитъ отправиться въ какую-то долгую и далекую командировку. Я былъ увѣренъ, что съ его отъѣздомъ вся натянутость исчезнетъ, все изгладится, все пойдетъ по-прежнему,—хорошо, счастливо и мирно. Меня сильно тянуло подѣлиться своею радостью съ Семеновымъ, и я завернулъ по дорогѣ въ садъ, гдѣ онъ проводилъ обыкновенно свои вечера, и пошелъ по аллеямъ. На поворотѣ въ пустынную, глухую дорожку я остановился, разслышавъ чей-то знакомый голосъ, и сталъ вслушиваться. Голосъ былъ очень знакомъ, но чей—я никакъ не могъ опредѣлить сразу.

— Можно подумать, что вы способны не обращать вниманія на мнѣніе толпы!—не то иронически, не то полу-презрительно говорилъ мужской голосъ.

— Въ своихъ личныхъ ощущеніяхъ я ни у кого не спрашиваюсь, никому не отдаю отчета!—твердо отвѣчалъ молодой женскій голосъ.

„Неужели это Леля“?—промелькнуло молніей у меня въ умѣ, и, весь задрожавъ, я окаменѣлъ на мѣстѣ.

— И вы бы пошли за человѣкомъ, пошли бы... гм... во имя его плановъ, несмотря ни на что, не страшась... не боясь?...

О, я узналъ,—это спрашивалъ Анчаровъ!

— Да, если бы вѣрила ему!

Я не могъ двинуться съ мѣста,—я слушалъ, каюсь, чужую рѣчь... Меня бросало въ жаръ, я стыдился самого себя, но я не могъ сойти. Что-то удерживало меня, что-то чище и лучше простого любопытства.

— Нѣтъ!—точно борясь съ собой и колеблясь, какъ-то грустно продолжалъ Анчаровъ:—нѣтъ! Намъ все-таки нужно разстаться... Мы не можемъ идти вмѣстѣ къ нашей цѣли! Вмѣстѣ не можемъ!...

— Но почему же?!—удивилась Леля, и въ тонѣ ея вопроса зазвучала и боль, и мольба.—Почему, разъ мы оба вѣримъ въ одно и то же?!

— Вы—женщина, и красивая женщина!—мягко и вкрадчиво почти зашепталъ въ отвѣтъ Анчаровъ.—Ваша красота не можетъ не... не... не дѣйствовать на меня. Мнѣ приходится много бороться съ... съ... ея вліяніемъ... Это парализуетъ... это отвлекаетъ... Энергія тратится... Вы понимаете?...

— Нѣтъ, ничего не понимаю!—наивно-удивленно возразила Леля.

— Мы можемъ идти вмѣстѣ только при одномъ условіи!... Вы должны... Вы... Только при одномъ условіи!...

— Какомъ?!—почти крикнула та нетерпѣливо.

— Вы должны стать моей...

Прошло, кажется, цѣлое столѣтіе, въ которое я все ждалъ отвѣта. Меня била лихорад-

ка,— я предчувствовалъ что-то роковое. Я зналъ, что чистое, вѣрующее дитя ни передъ чѣмъ не остановится.

— Ну, что-жъ! Возьмите меня!...

Въ воздухѣ еще звучали послѣднія слова отвѣта, а я уже былъ далеко. Я летѣлъ, не чувствуя подъ собою ногъ, не чувствуя земли, не сознавая, гдѣ я, только жадно глотая воздухъ. И стыдъ, и какой-то страхъ, и бѣшеная злоба гнали меня, какъ „вѣчнаго жида“, и я бѣжалъ и бѣжалъ, но встрѣть Анчарова—я остановился бы и размозжилъ бы ему голову.

— Стой! Куда?

Съ разбѣга я наткнулся на Семенова.

— Куда?.. Что съ тобой?

— Пусти!—рванулся я отъ него, но онъ схватилъ меня за рукавъ.

— Нѣтъ, братъ, шутки! Ты на себя не похожъ!.. Что съ тобой? Говори, откуда?

— Отъ Марьи Львовны...

— Э... ну, такъ вздоръ!... Изъ-за „прогресса“ поспорили... Пойдемъ, братъ, выпьемъ!

Мы пошли и стали пить. Я пилъ безобразно, съ трудомъ держался на ногахъ, но голова, какъ на зло, оставалась свѣжа.

Семенову я, конечно, не сказалъ ни слова.

Онъ повелъ меня ночевать къ себѣ, находя, что я слишкомъ пьянъ, чтобы пустить домой. Я охотно согласился, горя нетерпѣніемъ увидѣть Лелю. Мы пришли поздно, но ея все

еще не было дома. Она пришла добрымъ часомъ позже, и мы слышали, какъ она долго возилась и стучала въ своей комнатѣ.

Мы встали около полудня и только что принялись было пить чай, какъ къ намъ неожиданно постучала Леля.

Она вошла сильно блѣдная, взволнованная, съ хмуро-сдвинутыми бровями.

— Прощай, Саша!..—сказала она брату:—я пришла проститься... А, и вы здѣсь?—обернулась она ко мнѣ.—Тѣмъ лучше: и съ вами прощаюсь!...

— Куда ты?—почти крикнулъ Семеновъ, а я покраснѣлъ до ушей.

— Это мое дѣло!—совсѣмъ сурово отвѣтила она и стала рыться въ дорожникѣ, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Леля! — умоляюще протянулъ Семеновъ.

— Что, Саша?... Все равно, другъ мой, у насъ не житье теперь, а какая-то каторга...

— Когда же ты ѣдешь, наконецъ?

— Сейчасъ. У меня все готово... Поѣздъ уходитъ черезъ часъ.

Семеновъ сталъ насвистывать „Тройку“,— это случалось съ нимъ рѣдко. Леля, насупившись, рылась въ своемъ дорожникѣ и дѣлала невѣроятныя усилія казаться спокойной. Я сидѣлъ, какъ столбъ, не смѣя поднять глазъ.

Наконецъ, она встала и бросилась брату на шею. Оба заплакали.

— Пиши, Леля, гдѣ будешь...

— Ладно, посмотримъ... Ну, прощайте и вы!— обняла она меня и затѣмъ остановилась въ раздумьи.

— А это Кутыреву передайте...—сказала она, наконецъ, вынимая изъ волосъ цвѣтокъ:—да поцѣлуйте его!

VII.

Потянулись скверные, тяжелые дни. Я одинъ зналъ истину, — зналъ, куда поѣхала Леля; другіе, можетъ быть, и подозрѣвали, но никто, конечно, не проронилъ и слова. Точно сговорившись заранѣе, всѣ мы, встрѣчаясь, избѣгали всякихъ рѣчей о Лелѣ и Анчаровѣ, даже намековъ избѣгали; чуя каждый рану другого, мы боялись бередить ее и полусловомъ. Но всѣ мы ходили хмурые, невеселые,—всѣ мы не знали, какъ и куда дѣвать время, и убивали его чортъ знаетъ какъ.

Я опять переѣхалъ къ Семенову. Звали мы и Кутырева, но онъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ своимъ чердакомъ; его бы давили, замучили эти три комнатки, въ которыхъ онъ всецѣло и навсегда потерялъ свое любящее, мягкое сердце. Пилъ онъ теперь, какъ сапожникъ, и все гудѣлъ своею октавой жалобныя пѣсни, въ особенности когда навѣщалъ насъ, что случалось если не ежедневно, то, во всякомъ случаѣ, очень часто. Такъ тянулись недѣли, а за недѣлями мѣсяцы...

Приходилъ къ концу и третій мѣсяцъ. Началась холодная, тоскливая осень. Мы опять сидѣли всѣ вмѣстѣ, пили, неистово дымили папиросами, тщетно умоляли Кутырева перестать тянуть свое жалобное „Перекати-поле“, которое онъ вылъ самыми невозможными переливами и тонами, какъ хлопнула дверь, и на порогѣ, вся опорошенная инеемъ, появилась блѣдная, сильно похудѣвшая Леля. Мы только успѣли вскочить, Кутыревъ не успѣлъ дотянуть свою ноту, какъ она бросилась къ брату, а затѣмъ и къ каждому изъ насъ.

— Не узнаете, что ли?... Точно окаменѣли всѣ!—говорила она, смѣясь.

— Да ты ли?... Вы ли, Леля?—сыпались наши вопросы.

— Я... я, мои мальчики! Рады, что-ли? А ты опять примешь?...

— Что за вопросъ, Леля!—дрожалъ все еще точно не вѣрившій своимъ глазамъ Семеновъ.—Да ты дай обнять себя... Сядь!.. Нѣтъ, долой пальто, скорѣй!... Чаю!...

Кутыревъ уже дулъ въ самоваръ, дулъ сильнѣе кузнечнаго мѣха.

— Протодьяконъ, да вы лопнете!

Тотъ не отвѣтилъ; онъ только взглянулъ на нее своими добрыми глазами, полными блаженства, и продолжалъ свое дѣло. Развѣ онъ побоялся бы лопнуть, чтобы согрѣть ее поскорѣе?

Это былъ счастливѣйшій вечеръ, какой я только и помню. О прошломъ не было и

рѣчи; оно было забыто, точно его и не было вовсе. Мы жили настоящимъ, которое было такъ полно, такъ счастливо, такъ хорошо, какъ никогда, казалось. Мы и смѣялись, и пѣли, и говорили о будущемъ.

Только когда мы стали прощаться, она остановила насъ, немного нахмурившись.

— Вотъ что, мальчики... У меня къ вамъ большая просьба!

— Какая?—спросили мы въ одинъ голосъ.

— Ни словомъ, ни намекомъ,—говорила она немного дрожавшимъ голосомъ:—никогда не поминайте при мнѣ Анчарова... Онъ лгунъ! Ладно?

— Ладно.

— Ну, и ладно, значитъ... А если-бъ онъ пришелъ сюда, такъ ты, Саша, не прими... Ладно?

— Я... я...—началъ дрожащимъ голосомъ Семеновъ:—я попрошу тогда переговорить съ нимъ его...—ткнулъ онъ въ Кутырева:—онъ сумѣетъ!

Я взглянулъ на Кутырева, на его плечи, на его дрожавшія руки и понялъ, что бы сталось съ Анчаровымъ при такихъ переговорахъ.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! Никакихъ сценъ,—вскочила Леля:—никакихъ столкновеній!... Вы должны мнѣ обѣщать это—слышите?—должны! Вы будете съ нимъ вѣжливы!...

— Пока онъ не коснется тебя...

— Такъ обѣщаете?—перебила Леля.

— Да,—отвѣтилъ Семеновъ:—пока...

— А вы?...

— И я!

— А вы, протодьяконъ?

Тотъ поблѣднѣлъ и сжалъ пальцы такъ, что они захрустѣли. Его могучія плечи вздрагивали, грудь тяжело дышала.

— И я!..—выговорилъ онъ, наконецъ, дрожащимъ басомъ.

— Обѣщаете?

— Обѣщаю, пока...

— Ну, ладно, ладно! Идите теперь!... Спокойной ночи, мальчики!—смѣялась опять Леля.

Къ намъ вернулось наше старое счастье; оно стало даже какъ-то лучше, мы какъ-то сблизились больше. Послѣ пережитой метели наступившее вёдро казалось яснѣе, точно обезпеченнѣе, и впередъ мы глядѣли безъ боязни, безъ страха за него, безъ колебаній. Нашъ „семейный очагъ“ сталъ еще уютнѣе, еще теплѣе, а всѣ мы точно выросли, поумнѣли, набравшись опыта. Да, мы дѣйствительно выросли и поумнѣли. Жизнь дала намъ уже много опыта, показала „лгуновъ“, которыхъ мы не знали раньше, но показала и „своихъ“, показала цѣли и задачи, какихъ мы тоже не знали раньше... Мы не бѣгали по раутамъ, зато занимались больше, больше читали, больше вдумывались въ жизнь, искали своихъ „цѣлей и назначеній“, гадали о далекихъ, грядущихъ дняхъ: Семеновъ мечталъ рѣшить всѣ міровыя задачи своею излюбленною математикой,

„въ которой все ясно, строго-опредѣленно и безусловно логично"; я, въ качествѣ юриста, разсчитывалъ защитить всѣхъ „угнетенныхъ" рѣчами въ залахъ новыхъ судебныхъ учрежденій; Кутыревъ, будущій земскій врачъ, собирался вырѣзать всѣ раки, истребить всѣ болѣзни „раціональною гигіеной", а Леля (она поступила на акушерскіе курсы)... о, ни одна деревенская баба не родитъ безъ нея, ни одна не уйдетъ отъ ея ухода!—это казалось несомнѣннымъ. Насъ—меня и Семенова—„тянулъ" городъ, ихъ—Кутырева и Лелю—деревня. Это послѣднее, а также и одинаковость профессій сближали ихъ все больше и больше, а серьезныя занятія и бо̀льшее знаніе поднимали все выше его авторитетъ въ глазахъ возлюбленной. Онъ занимался съ ней, давалъ ей свои книги и атласы, водилъ съ собой въ „резекціонную",—вообще, всѣми силами старался помочь ей явиться подготовленною вмѣстѣ съ нимъ на помощь народу; ихъ отношенія становились все мягче и проще, отъ нихъ вѣяло тихимъ миромъ человѣческой, сознательной любви, спокойной и глубокой.

Такъ тянулись цѣлые мѣсяцы и, наконецъ, дотянулись до той ночи, когда Семеновъ вбѣжалъ къ намъ,—Кутыревъ какъ разъ ночевалъ тогда у меня,—весь взъерошенный, взволнованный до-нельзя, почти совсѣмъ перепуганный, и крикомъ, и стукомъ заставилъ насъ вскочить, буквально вскочить съ постелей.

— Бѣгите за докторомъ, скорѣе за докторомъ!.. Ахъ, чортъ возьми!... Поворачивайтесь!

— Да что такое,—говори толкомъ?—еле пробормотали мы оба, не попадая зубъ на зубъ.

— За докторомъ, говорю!... Акушерку надо!.. Леля родитъ, кажется!..

Мы поняли одно, что Леля въ опасности, и бѣжали, сломя голову. Кутыревъ, кажется, такъ-таки прямо руками поднялъ съ постели какую-то акушерку и привезъ ее раньше, чѣмъ я успѣлъ достучаться въ квартирѣ врача. Когда я пріѣхалъ съ докторомъ, Кутыревъ сидѣлъ на лѣстницѣ, свѣсивъ голову и тяжело дыша, прислушивался къ тихо, но, все-таки, явственно долетавшимъ на лѣстницу стонамъ.

— Бѣдная!—пробормоталъ онъ мнѣ:—бѣдная... Ахъ!...

Онъ былъ въ полномъ отчаяніи, дрожалъ, какъ ребенокъ, и готовъ былъ расплакаться.

— Да что ты раскисъ такъ?... Экая бѣда—роды! Каждая женщина родитъ!

Но мои слова отскакивали отъ него, какъ горохъ отъ стѣны.

Время тянулось убійственно медленно, а мы все сидѣли да сидѣли на лѣстницѣ, не обращая вниманія на холодъ и чутко прислушиваясь. Наконецъ, все, казалось, смолкло, и намъ стало еще страшнѣй въ этой мертвой тишинѣ, хранившей какую-то тайну, можетъ быть, роковую и ужасную. Кутыревъ не выдержалъ, поднялся и подошелъ къ двери; почти

въ тотъ же моментъ она отворилась и на порогѣ показались докторъ и Семеновъ со свѣчей въ рукахъ.

— Все, кажется, хорошо, все!—сказалъ докторъ на вопросительный, встревоженный взглядъ Кутырева.—Больной нуженъ покой. Никакой опасности нѣтъ!

Кутыревъ бросился къ Семенову и сталъ душить его поцѣлуями въ бѣшеномъ экстазѣ. Цѣловались, жали руки, улыбались другъ другу мы всѣ трое, точно дѣти или безумные.

Семеновъ кивнулъ намъ головой, и мы на цыпочкахъ, осторожно, почти не дыша, вошли въ прихожую. Онъ поставилъ свѣчу на стулъ, юркнулъ къ себѣ въ комнату и черезъ минуту появился на порогѣ съ какимъ-то длиннымъ, особенной формы узелкомъ въ дрожавшихъ рукахъ. Узелокъ пищалъ, такъ мило пищалъ, что мы бы и вѣкъ, казалось, слушали только, да слушали.

— Покажи!—сказалъ Кутыревъ и, взявъ узелокъ изъ рукъ Семенова и неуклюже качая, разглядывалъ сморщенныя, какъ у всѣхъ новорожденныхъ, старушечьи черты ребенка. Онъ держалъ на своихъ рукахъ сына Лели, только нашей чистой, хорошей Лели и никого, никого больше; онъ чувствовалъ какъ бы часть ея самой, и потому его дюжія руки,—руки, способныя ломать ни почемъ подковы, дрожали подъ малымъ узелкомъ, точно подъ стопудовою гирей.

. . . . . .

Много дней прошло, прежде чѣмъ мы совсѣмъ успокоились, пришли опять „въ норму“, потому что много дней провела Леля въ постели, между жизнью и смертью, тѣмъ самымъ лишая насъ сна и покоя. Мы забросили и лекціи, и книги, бѣгали, какъ угорѣлые, то къ Семенову, то въ аптеку, то къ доктору, дежурили по-очереди по цѣлымъ ночамъ въ прихожей, чтобы немедленно летѣть, куда понадобится, и совсѣмъ сбились съ ногъ. Кутыревъ осунулся, похудѣлъ, поблѣднѣлъ, глаза у него впали, и даже басъ потерялъ и свой тембръ, и свою густоту. Наконецъ-таки молодой организмъ взялъ свое: Леля стала поправляться, сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе.

Въ первый разъ мы были допущены къ ней и вошли почти крадучись, какъ тѣни. Она, вся въ бѣломъ, съ лицомъ бѣлымъ, какъ полотно ея пеньюара, полу-лежала въ креслѣ, держа на рукахъ свое „сокровище“ и улыбаясь намъ счастливою, свѣтлою улыбкой. Вся она была прелестна, какъ никогда, глядѣла на насъ чарующе-мягкимъ, любовнымъ взглядомъ и протягивала намъ руку. Какъ безсильный, точно подкошенный, наклонился надъ ней Кутыревъ и прикоснулся губами, а за нимъ и я. Она не отняла руки, только слегка покраснѣла.

— Здравствуйте, мальчики! Наконецъ-то, я встала... Видѣли? — указала она глазами на спавшаго ребенка.

Мы кивнули въ отвѣтъ головами. Кутыревъ, затаивъ дыханіе, придвинулся и, улыбаясь, разглядывалъ спавшаго.

— Нравится? Хорошъ?

Тотъ, вмѣсто отвѣта, кивнулъ глазами и посмотрѣлъ такимъ счастливымъ взглядомъ, что Леля улыбнулась.

— Пай, совсѣмъ пай! Скоро крестить будемъ...

— А имя какое?—спросилъ я.

— Я хочу—Борисъ!

— Да, да, Борисъ!.. въ повелительномъ наклоненіи!—загудѣлъ вдругъ, точно прорвавшись, неистовый басъ и моментально смолкъ, испугавшись и самого себя, и тихаго „тсс...“ Лели, которое она протянула, приложивъ палецъ къ губамъ и чуть сама удержавшись отъ хохота.

XIII.

Наконецъ, наступилъ и день крестинъ. Я принялъ на себя торжественный видъ, плохо вязавшійся, впрочемъ, съ сильнымъ волненіемъ, такъ какъ на меня была возложена чрезвычайная миссія Кутыревымъ: убѣдить Лелю обвѣнчаться съ нимъ въ интересахъ будущности ребенка. Самъ онъ, конечно, не рѣшался и заикнуться ей объ этомъ и все только налегалъ на меня, то и дѣло шепча укоризненно на мою робость: „эхъ, ты баба! А еще и

юристъ!“ Я зналъ, насколько это щекотливый вопросъ, какъ опасно было подходить съ нимъ къ Лелѣ, и потому естественно медлилъ, откладывая со дня на день, пока не дотянулъ до послѣдняго дня. Теперь, волей-неволей, пришлось начинать: нужно было познакомить Лелю съ „правомъ“, прочесть ей цѣлую лекцію, выяснить, что Кутыревъ ей другъ и предлагаетъ все это какъ таковой, не требуя себѣ ничего, никакихъ измѣненій въ ихъ отношеніяхъ, разъ она ихъ не желаетъ. Все это было, конечно, очень трудно, въ особенности съ пылкою Лелей, не выносившею вообще никакихъ ложныхъ положеній, и, какъ я ни храбрился, движенія мои были робки, видъ крайне сконфуженный. Кутыревъ шелъ за мною, какъ высѣченный школьникъ.

— А, наконецъ-то, вы появились!.. Я давно васъ ждала!—начала какъ ни въ чемъ ни бывало Леля, сидя въ креслахъ съ Борей на рукахъ.—Мы вѣдь крестимъ сегодня... Да что это съ вами?

Она удивленно оглядывала наши сконфуженныя лица.

— Ничего!—началъ я краснѣя и еле переводя духъ, какъ попавшійся школьникъ.

— Ни-че-го! — сконфуженно загудѣла, какъ эхо, октава сзади.

— Какъ, ничего?! Да вы только взгляните на себя... Васъ обоихъ точно сейчасъ въ чужомъ огородѣ поймали!

Я растерянно заломилъ пальцы.

— У насъ дѣло...

— Дѣ-ло!—загудѣла еще ниже октава.

— Тссс... Гудите тише, протодьяконъ!—встревожилась не на шутку Леля.—Что такое? Какое дѣло?

— Вамъ, Леля, придется сегодня объявить имя отца...

— Какого отца?!—Она вспыхнула.

— Бори... Иначе его запишутъ отъ неизвѣстнаго отца...

— Ну, и пусть такъ запишутъ! Онъ—*мой* сынъ, *мой!*—Ея брови сдвинулись сердито.—Любая ворона можетъ имѣть *своего* вороненка, отчего-жъ я, женщина, не могу имѣть *своего* сына.

— Но вѣдь законы, Леля... по законамъ... въ виду законовъ...—старался я попасть на ладъ. — Кутыревъ, какъ другъ, предлагаетъ усыновить... Онъ предлагаетъ обвѣнчаться для виду, если... если...

У Лели на мои слова блеснули глаза, какъ у кошки; она чуть не вскочила.

— Фи, что за вздоръ!... Фи! Это—*мой* сынъ, *мой*—понимаете?—и ничего больше! У него будетъ мое имя и никакихъ фиктивныхъ отцовъ ему не нужно!...

— Леля! вашъ сынъ—мой сынъ всегда! Развѣ вы этого не знаете?—сдержаннымъ, тихимъ шепотомъ перебилъ ее Кутыревъ.

— Я это знаю... За это, между прочимъ, и люблю васъ...

— Леля?!—И съ глухимъ рокотомъ, съ какимъ-то блаженнымъ бормотаньемъ, онъ опустился у ногъ ея на колѣни и спряталъ свою голову въ складкахъ ея платья. Она сидѣла неподвижно, боясь разбудить ребенка, и, вся вспыхнувъ горячимъ румянцемъ, положила руку на его курчавую черную голову.

— Ну, вотъ и вѣнчайтесь! — сорвалось у меня какъ-то невольно отъ восторга. Вся картина дышала такимъ великимъ мирнымъ счастіемъ, что у меня даже духъ захватило.

— Ну, до вѣнца намъ далеко, очень еще далеко...— заговорила Леля, точно спохватившись.—Мы еще поучимся... Правда?... Получше узнаемъ другъ друга, тогда развѣ... если вы все такъ же будете любить меня...

— Нечего откладывать, Леля!—заговорилъ я вновь, искренно возмутившись:—лучше скорѣй! У него,—указалъ я на ребенка,—будетъ отецъ, имя... а это по закону...

— Онъ правъ, Леля, онъ правъ!—бормоталъ Кутыревъ, поднявъ голову и глядя на нее восторженными глазами:—онъ правъ!

— Ни за что! Никакихъ фикцій! Это *мой* сынъ! Такъ лучше, такъ правдивѣе... Эхъ, вы юристъ, юристъ! Ну можно ли все только „законы“ да „законы“?—добавила она въ мою сторону.

И она уперлась на своемъ.

IX.

Познакомивъ васъ, такимъ образомъ, съ главными дѣйствующими лицами моего разсказа, я возвращаюсь теперь къ старымъ знакомымъ, съ которыхъ началъ: къ Марьѣ Львовнѣ, ея „салону“, или, еще вѣрнѣе, ея поклонникамъ и ея главному герою—загадочному Анчарову. Трое моихъ друзей давно уже избѣгали и ея „раутовъ“, и ея „вечеровъ“, и даже встрѣчи съ ней. „Одна болтовня, да ломанье“,—говорили они вслѣдъ за Лелей, и Марья Львовна, понятно, дѣлала видъ, что ничуть не замѣчаетъ ихъ отсутствія, „потому... потому что... видите ли...“ она давно „подмѣчала въ нихъ что-то такое... немножко bête, и давно уже разочаровалась въ этой дѣвочкѣ“. Но я никогда не оставлялъ ея и не пробовалъ даже, всегда былъ вѣчнымъ гостемъ ея собраній, потому что, съ одной стороны, мнѣ было весело,—съ другой,—каюсь,—я все млѣлъ, млѣлъ, не уставая, млѣлъ глупо, робко, боясь всякихъ признаній, даже намековъ на нихъ, млѣлъ, несмотря на вѣчныя шуточки друзей. Конечно, встрѣчаясь у ней съ Анчаровымъ, я держалъ себя съ нимъ вѣжливо, хотя и очень холодно, что, какъ я уже говорилъ раньше, сильно возмущало „ma tante“. „И чего вы отъ него хотите, людоѣдъ? Что онъ вамъ сдѣлалъ такое? Ужъ не ревнуете ли вы кого нибудь къ нему?“ Но на эти вопросы, сопровождавшіеся всегда

какою-то загадочною и подзадоривающею улыбкой, я только глупо улыбался, краснѣлъ,—не могъ же я выдавать ей тайны нашего „семейнаго очага“?—и, навѣрное, живо напоминалъ всею своею фигурой „неотесанный чурбанъ“. По крайней мѣрѣ, не добившись отвѣта, Марья Львовна какъ-то обидно махала рукой, сердито отворачивалась, говоря: „эхъ вы!“—или что нибудь еще болѣе обидное, а я ругалъ и себя, и ее, и самую невозможность разсказать ей все, что несомнѣнно сразу открыло бы ей глаза и оттолкнуло бы отъ Анчарова. Но, понятно, я не терялъ надежды поймать какой-нибудь фактъ, который бы выставилъ ей его въ надлежащемъ свѣтѣ, сорвалъ бы его съ пьедестала, уничтожилъ бы, скомкалъ, какъ тряпку, и вырвалъ бы съ корнемъ изъ сердца прелестной Марьи Львовны, гдѣ, какъ мнѣ казалось, на мое несчастье, на мое лютое горе, онъ свилъ себѣ прочное гнѣздышко. Одинъ чудный день, казалось, принесъ мнѣ такой „фактъ“.

Но тутъ я долженъ сдѣлать маленькую экскурсію въ сторону и нарисовать вамъ нашу Гликерію Ивановну, нашу простенькую, добродушную, наивную, всѣмъ улыбавшуюся, всѣмъ покланявшуюся, предъ всѣми стушевывавшуюся „Гликочку“, эту любящую, кроткую, вѣчно краснѣвшую, робкую дѣвушку, тѣнь отъ тѣни чьей-то, которую никто никогда не замѣчалъ, на которую никто никогда не обращалъ вни-

манія, къ которой никто изъ „хвоста“ не обращался,—развѣ съ шуткой, подчасъ злою и обидною шуткой... Какъ она попала къ намъ, зачѣмъ, для чего—оставалось необъяснимымъ, непонятнымъ, да и не интересовало никого, правду сказать, но на нашихъ собраніяхъ, раутахъ etc., etc. она являлась всегда чѣмъ-то вродѣ приживалки въ обновленномъ видѣ, какимъ-то аксессуаромъ, на которомъ зоилы пробовали и точили свое остроуміе. Она была некрасива, почти безобразна съ своими жидкими, бѣлесоватыми волосами, бѣлесоватымъ лицомъ, покрытымъ прыщами, бѣлесоватыми глазами и маленькимъ краснымъ носикомъ, а ко всему этому имѣла несчастіе влюбиться,—безумно, глубоко влюбиться,—влюбиться такъ, какъ только и могутъ влюбляться такія натуры, въ великолѣпнаго, безподобнаго, изъ-за котораго готовы были, кажется, подраться почти всѣ наши дамы, неотразимаго Анчарова. Да, она, несчастная, влюбилась по уши, и эта безумная, глупая любовь служила вѣчнымъ источникомъ шутокъ и насмѣшекъ, которыми ее безнаказанно осыпали, которымъ всегда такъ громко смѣялись всѣ, даже Марья Львовна, постоянно, со вздохомъ и томно увѣрявшая насъ, что ей „ужасно... ну, просто у-ж-а-с-н-о жаль эту... эту бѣдную дурнушку!...“ Эта неразвитая, мало-образованная „дурнушка“ имѣла за собой только одно: громадное приданое, какіе-то дома, какія-то гдѣ-то лавки, но въ то

честное, безкорыстное время приданое, дома, лавки и все прочее въ томъ же родѣ не составляли „человѣка“.

Представьте же себѣ мое крайнее изумленіе, когда въ одно прекрасное утро я узналъ, что онъ, „титанъ“, человѣкъ „съ планомъ“, онъ, любимецъ дамъ, Анчаровъ, женится на Гликочкѣ, на этой „смѣшной дурнушкѣ“! Понятно, я сейчасъ же побѣжалъ къ Марьѣ Львовнѣ поразить ее, открыть ей глаза, доказать всю правду своихъ подозрѣній, но... потерпѣлъ жестокое fiasco. Марья Львовна знала уже все, знала раньше меня, и мою „новость“ встрѣтила съ самымъ покойнымъ равнодушіемъ.

— Чему вы удивляетесь? Чѣмъ вы такъ возмущаетесь? — недоумѣвающе спросила она меня, бросая одинъ изъ своихъ уничтожающихъ взглядовъ и точно подчеркивая мою „дикость“.

— Но... но...—началъ я, пораженный и растерянный:—но вѣдь, ma tante, они... они, кажется, совсѣмъ не пара?

Я чувствовалъ, что говорю какую-то глупость, потому что Марья Львовна слегка фыркнула и прелестно выдвинула нижнюю губочку.

— Конечно, не пара! Ну, такъ что-жъ?—вызывающе спросила она опять.

Я совсѣмъ терялъ голову.

— Но вѣдь онъ ее не любитъ, онъ не можетъ любить...

Марья Львовна уничтожающе расхохоталась.

— Ха-ха-ха! Вы невозможны сегодня! Вы совсѣмъ невозможны!—смѣялась она какимъ-то надменно-холоднымъ смѣхомъ, который уничтожалъ меня въ прахъ.—Любить... Ха-ха-ха! Развѣ *такой* человѣкъ... человѣкъ, у котораго есть своя... своя *цѣль*,—вы понимаете?—свой планъ, можетъ, имѣетъ право на сентименты, на эти „браки по любви"?... Ха-ха-ха!

Боже, съ какимъ презрѣніемъ было сказано это „по любви!" Этотъ смѣхъ, эта оттопыренная губка, это презрѣніе меня взорвали. Я вспылилъ.

— Тогда это, значитъ, бракъ по разсчету... на богатствѣ... на... на... магазинахъ, на... на... Но вѣдь это подлость!..

Марья Львовна упала на диванъ такъ, что показала двѣ прелестныя ножки въ сквозныхъ ажурныхъ чулочкахъ. Она сложила на груди руки, подняла головку, въ изумленіи сдвинула свои плечи.

— Что, что?—точно въ испугѣ шептали ея пунцовыя губки:—что? Подлость?!... Человѣкъ и-д-е-и — и... подлость? Человѣкъ, у котораго свой планъ,—и подлость?... Нѣтъ, вы сегодня невозможны! Нѣтъ, это ужасно!.. Уходите! Вѣдь это жертва! Вы понимаете, дикарь, готентотъ,—вы понимаете?—ж-е-р-т-в-а! Жертва ради... ради цѣли! Вы понимаете? Нѣтъ, уходите, уходите, уходите!...

Она замахала ручками, и я, дикарь, готентотъ, я принужденъ былъ уйти. По дорогѣ я машинально забрелъ въ „семейный очагъ".

— Что съ тобой? Что съ вами? Откуда?— встрѣтили меня въ одинъ голосъ и Семеновъ, и Леля, тревожно всматриваясь въ мое разстроенное лицо.

— Отъ Марьи Львовны...

— Ха-ха-ха! — разсмѣялся Семеновъ. — Что это у васъ такое промежъ себя дѣлается?... Все съ „прогрессомъ" возитесь или договориться не можете?—подмигнулъ онъ глазомъ.— А мокрая курица ты, какъ я вижу...

— Тутъ, братъ, не прогрессъ, не что-нибудь!—разсердился я на эту вѣчную его шутку по поводу меня и Марьи Львовны.—Тутъ такая штука... такая новость...

— Такъ говорите же!—тревожно крикнула Леля.

— Гликочка за Анчарова выходитъ!...

— Гликочка?!—вскочила Леля, а Семеновъ открылъ ротъ.

— Да, Анчаровъ женится на милліонахъ. Ну, мы и заспорили... Я говорю—подлость, она говоритъ—жертва!

— Да кто она?—не поняла изумленная Леля.

— Да Марья же Львовна!

Леля махнула рукой.

— Ну ее! Эхъ, вы, юристъ, юристъ! У васъ только и на свѣтѣ, что Марья Львовна да законы! Но правда ли это?

— Фактъ.

— Подлецъ!—прошипѣлъ сквозь зубы Семеновъ. Леля только взглянула на него и снова задумалась.

— Нѣтъ, этого нельзя такъ оставить...—сказала она, наконецъ, качая головой.—Бѣдная Гликочка! Онъ ее совсѣмъ сгубитъ. Бѣдная!..— И сжатые пальцы ея хрустнули.

— Что же тутъ дѣлать?

— Я пойду къ ней, Саша,—обернулась Леля къ брату:—пойду непремѣнно! Я переговорю,—вѣдь она вѣритъ мнѣ и любитъ,—пойду вечеромъ.

— Вечеромъ раутъ у Марьи Львовны. Она, навѣрно будетъ съ нимъ...—сказалъ я.

— Ну, такъ завтра. А вы разузнайте, вѣрно ли это.

На раутѣ Анчаровъ присутствовалъ съ своею „невѣстой“. Онъ оказался блѣднымъ, изможденнымъ, несчастнымъ и все вздыхалъ, все глубоко вздыхалъ, какъ истая „жертва“, что, видимо, весьма волновало и располагало къ нему дамъ. Онѣ окружали его, тоже томно вздыхали, и взоры ихъ ясно произносили: „бѣдняжка“. Одна „дурнушка“ только сіяла счастьемъ; но, Боже мой, какіе взгляды, какія улыбки сыпались на нее за это со всѣхъ сторонъ! Только она ихъ не видѣла, не понимала. Она сіяла счастьемъ и горѣла тревогой за непонятные ей тяжелые вздохи ненагляднаго „человѣка съ планомъ“.

— Вы видите, видите, дикій, несносный, ужасный людоѣдъ,—видите, *чего* это *ему стоитъ?* Видите, каковъ онъ, какъ легка *ему* эта жертва?— шепнула мнѣ въ углу тихонько Марья Львовна, стрѣляя глазами и слегка, нѣжно, наказующе-мягко впиваясь своими ноготками въ мой локоть.

Это сразило меня, привело меня въ глупосчастливое состояніе и я по-людоѣдски, до ушей, раздвинулъ отъ необъятнаго счастья свой ротъ. Эти ноготки точно впились въ мою кровь, вмѣстѣ съ нею прилили къ мозгу, наполняя голову туманомъ. Я все забылъ, все потерялъ; я вѣрилъ, что *онъ*—„жертва“, я понималъ это, я не спорилъ,—я чувствовалъ эти ноготки.

— Ну, то-то, дикарь, готентотъ несносный! Не извольте же дуться!..

X.

Леля, конечно, такъ и сдѣлала, какъ говорила. Она пошла къ Гликочкѣ, пробыла у ней очень долго, вернулась съ красными,—очевидно, отъ слезъ,—глазами, но спокойная.

— Ну, я сдѣлала свое дѣло...—сказала она намъ. — Бѣдная Гликочка сильно поплакала, но очень благодарила меня.

— Вотъ взбѣсится Анчаровъ! — вырвалось у меня невзначай:—то-то, поди, помнить будетъ!

— Я бы ему! — зарычалъ басъ, но моментально смолкъ, какъ только Леля взглянула въ его сторону.

— Бросимъ! — брезгливо сказала она.—Дѣло не въ немъ, а въ Гликочкѣ...

Черезъ нѣсколько дней всюду пошелъ слухъ, что у Анчарова съ Гликочкой вышли какія-то недоразумѣнія, чуть ли не разрывъ, при чемъ одни увѣряли, что недоразумѣнія благополучно покончились, другіе же, что они все еще тянутся. Я былъ въ большомъ недоумѣніи,—тѣмъ болѣе, что мнѣ не удалось еще ни разу встрѣтиться послѣ раута съ Марьей Львовной, которая, навѣрное, знала лучше всѣхъ, какъ идутъ дѣла „жениха"; но скоро все и безъ нея разъяснилось, да такъ разъяснилось, повело за собой такія послѣдствія, что всѣмъ намъ, признаться, никогда они и во снѣ не приходили.

Я былъ еще въ постели, еще угаръ молодого, здороваго сна туманилъ голову, когда ко мнѣ ввалился, весь блѣдный, взволнованный, Семеновъ.

— Все еще спишь? — точно съ укоромъ произнесъ онъ въ мою сторону, вмѣсто привѣта, и грузно опустился на стулъ. Его подергивало, руки дрожали такъ сильно, что онъ съ трудомъ зажегъ папиросу

— Что случилось? Что съ тобой? — крикнулъ я, сбрасывая одѣяло и вскочивъ на ноги.

— Ладно! Одѣвайся-ка прежде!

Я сталъ быстро одѣваться, а онъ лихорадочно, нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу.

— Вотъ что, — началъ онъ, наконецъ, не выдержавъ, захлебываясь отъ волненія и точно ища словъ: — ты вѣдь знаешь, кто отецъ Лелинаго Борьки? знаешь?...

Я зналъ, но, все-таки, почему-то покраснѣлъ и сердце у меня точно застыло.

— Знаешь,—продолжалъ, между тѣмъ, тотъ:— что Леля ходила къ Гликочкѣ, разсказала ей про *него*, про свою ошибку, и та ее благодарила? Ну, знаешь?...—Онъ задыхался.

— Знаю! — отвѣтилъ я, заразившись его волненіемъ.—Но успокойся, выпей воды. Вотъ, пей!

— На, читай!—сказалъ онъ, беря стаканъ и вынимая скомканное письмо.

Письмо было отъ Гликочки къ Лелѣ. Но, Боже мой, Гликочка ли наша, добренькая и простенькая „дурнушка", писала эти ядовитыя, грязныя, злыя строчки! Гдѣ взяла она столько грязи, столько злобы, ядовитой, бѣшеной, столько пошлаго, мѣднаго апломба?!

„Я искренно раскаиваюсь, что наивно повѣрила вашимъ инсинуаціямъ на моего благороднаго жениха, которыми вы, съ присущими вамъ добротой, благородствомъ и деликатностью, предостерегали меня отъ *ошибки* сдѣлаться его женой и такимъ образомъ, конечно, помѣшать вашимъ личнымъ разсчетамъ

и цѣлямъ. Я глупо повѣрила, что вы, такая дипломатично-дальновидная особа, могли стать „жертвой“ наивности, легкомыслія и довѣрчивости,—какъ вы меня увѣряли,—но горячія слезы и искреннія признанія моего дорогого жениха убѣдили меня, что „жертвой“ былъ онъ, котораго преслѣдовали, которому признавались, безъ всякаго вызова съ его стороны, въ бѣшеной и острой, но не совсѣмъ, можетъ быть, чистой страсти, въ которомъ видѣли „выгодную партію“, а когда разсчеты не оправдались, то“... и т. д., и т. д.

— Это не она! — задыхаясь, проговорилъ я.—Это она подъ диктовку...

— Знаю. Но это не все. Вчера вечеромъ, въ присутствіи пяти лицъ, кромѣ Гликочки... Нѣтъ, ты вѣдь знаешь, что послѣ того, какъ она убѣжала отъ него, онъ ее бомбардировалъ страстными письмами, которыя она сжигала,—знаешь?

— Да, знаю, знаю!—въ нетерпѣніи, дрожа, отвѣтилъ я.

— Такъ при Гликочкѣ своей и при другихъ онъ назвалъ Лелю распутной! Онъ увѣрилъ, что... что... понимаешь?—онъ говорилъ, что добьется для нея этого... какъ... ну... желтаго, что ли, билета... и Гликочка,—понимаешь?—Гликочка умоляла его оставить это... простить! Ха-ха-ха!..

Онъ истерично захохоталъ.

— Побьемъ!

— Что побьемъ!... Я стрѣляться съ нимъ буду... Ты секундантомъ...

— Конечно! Я и Кутыревъ.

— Но такъ: я или онъ! Иначе я не понимаю. Черезъ платокъ... На выборъ... Онъ или я...

— А въ случаѣ чего, братъ,—онъ или я!—сказалъ я, кладя ему руку на плечо.

Онъ посмотрѣлъ на меня хорошимъ, братскимъ взглядомъ.

— Ну, иди же къ Кутыреву, возьми его и вмѣстѣ передайте вызовъ. Я не могу длить... Я задохнусь!—И онъ упалъ въ кресло.

— Все равно раньше трехъ мы не застанемъ его дома... Ты лучше скажи, какъ быть съ Кутыревымъ?... Вѣдь тотъ можетъ не сдержать себя: онъ можетъ задушить его, какъ воробья.

Меня охватило какое-то особенное спокойствіе. Я дрожалъ, почти барабанилъ зубами, но думалъ и говорилъ спокойно.

— Сдержится... Въ такіе моменты сдержится Вѣдь тотъ все равно черезъ насъ троихъ не выскочитъ: ляжемъ мы—станетъ Кутыревъ.

— А Леля знаетъ?

— Нѣтъ, и не нужно. Мы оставимъ письма... Иди. Я посижу у тебя. Спѣши...

Я побѣжалъ къ Кутыреву и засталъ его еще на соломѣ,—другой постели у него не было на его невозможномъ чердакѣ. Я разбудилъ его и сказалъ, что по важному дѣлу. Онъ

тревожно уставился на меня своими добрыми громадными глазами.

— Бѣда какая, что ли?.. Говори, не мучь!

— Стрѣляться нужно будетъ съ Анчаровымъ.

— Только?.. Съ этимъ гусемъ сколько угодно. Только я, братъ, стрѣлять не умѣю. Развѣ поучишь?

— Да пока не тебѣ стрѣляться-то. Мы будемъ пока секундантами Семенова.

— Секундантами?.. И не побьемъ даже?!

Я началъ торжественно передавать ему условія дуэлей, роль и обязанности секундантовъ. Онъ слушалъ, слушалъ и вдругъ перебилъ:

— Да что это я за дуракъ такой: слушаю вздоръ про секундантовъ разныхъ, а про главное не спрошу! Въ чемъ дѣло, дѣло-то? Что случилось? — И въ голосѣ его послышалась тревога.

— Дай слово, что ты самъ не сдѣлаешь ничего, не посовѣтовавшись съ нами, что ты ничѣмъ не будешь мѣшать, что ты будешь вести себя, какъ требуется условіями дуэлей, что ты будешь...—торжественно говорилъ я, подчеркивая каждую фразу.

— Да ладно, даю, даю, юридическая мельница!.. Довольно, говори!..

— Что ты будешь слушаться меня въ всемъ, во всемъ, что будетъ касаться...

— Да говорю же тебѣ,—ладно! Вѣдь ты душу вымотаешь, юристъ проклятый!

— Что будетъ касаться,—продолжалъ я:— твоей роли, какъ секунданта...

— Ахъ, чортъ возьми!—И онъ пустилъ въ стѣну пустою бутылкой.—Кончилъ, что ли?

— Кончилъ. Даешь слово?

— Даю, крючекъ, даю, адвокатъ, даю, приказный!

— Ну, слушай же! — И я передалъ ему все.

Онъ слушалъ молча, не двигаясь, не издавая ни одного звука, только блѣднѣлъ и блѣднѣлъ. Углы губъ у него дрожали. Глаза... но я не могу опредѣлить, что дѣлалось съ его глазами: они каменѣли какъ-то. Но вдругъ онъ разсмѣялся, громко, неудержимо, только это былъ не веселый смѣхъ. Нѣтъ, я не хотѣлъ бы слышать когда-нибудь еще разъ такой смѣхъ—холодный, дикій, безумный!.. Въ немъ слышалось что-то такое непоколебимомертвое, какъ приговоръ. Безстрастная смерть звучала въ немъ, а не веселье.

Вдругъ онъ пересталъ смѣяться, пересталъ такъ же внезапно, какъ и началъ, и посмотрѣлъ на меня прямо и спокойно.

— Я убью его!—тихо, совсѣмъ тихо и спокойно проговорилъ онъ, и меня покоробило и отъ этого тона, и отъ невѣроятнаго спокойствія его. Я ждалъ совсѣмъ иного.

— Ты далъ слово. Ты не можешь... Первымъ Семеновъ: онъ братъ, это его право... Послѣ него—мы.

Кутыревъ повалился на свою постель и долго лежалъ неподвижно и молча. Я чертилъ что-то на бумагѣ и не сводилъ съ него глазъ; онъ все лежалъ и думалъ. Наконецъ, онъ вспрыгнулъ, какъ кошка.

— Идемъ. Ладно... буду секундантомъ.

— А условіе помнишь?

— Да. Я задушу его, если онъ убьетъ Сашу.

— Но это...—началъ я и не договорилъ.

Онъ, добродушный, мягкій протодьяконъ, посмотрѣлъ на меня такъ, что я не нашелъ словъ.

Я повелъ его къ себѣ и оставилъ вдвоемъ съ Семеновымъ, чтобы тотъ въ свою очередь убѣдилъ его не пускать въ ходъ свою львиную силу, а самъ, такъ какъ было еще рано, побѣжалъ къ Марьѣ Львовнѣ. Конечно, говорить ей о дуэли я не думалъ, но разоблачить „титана“ считалъ своею обязанностью. Я былъ увѣренъ, что весь ореолъ его разлетится въ прахъ, а я перестану быть въ этихъ чудныхъ, прелестныхъ глазкахъ „людоѣдомъ-готентотомъ“. Эта увѣренность была такъ велика, что я вошелъ къ ней съ необычайнымъ апломбомъ, безъ обычной робости и съ небывалою, развязною самоувѣренностью сѣлъ съ нею рядомъ. Признаюсь, не малую долю, конечно, въ этой развязности играло и то, что я былъ секундантомъ.

Марья Львовна даже глаза вытаращила, но крайне мило.

— Что это съ вами сегодня? Вы точно хорошо экзаменъ выдержали!

Несмотря на всю колкость этого ядовитаго замѣчанія, рѣзанувшаго-таки меня по сердцу, я не перемѣнилъ своего тона и не вспыхнулъ даже.

— Мнѣ нужно серьезно поговорить съ вами!—совсѣмъ спокойно, сдержанно отвѣтилъ я, хмуря брови.

Все это ее, видимо, ошеломило. Она сначала посмотрѣла на меня большими глазами, потомъ заёрзала на мѣстѣ, вспыхнула, какъ ракъ, почему-то стыдливо опустила глазки и какъ-то робко, точно конфузясь, но въ то же время и подзадоривающе спросила:

— Ну, что вы хотите сказать мнѣ?

Волнуясь, съ жаромъ, я разсказалъ ей все, кромѣ дуэли, конечно, и не называя имени Лели. Она слушала молча, но лицо ея все больше и больше вытягивалось, на немъ сквозило что-то вродѣ досады и разочарованія, брови сердито сдвигались, грудь заходила ходенемъ.

— Такъ вотъ что важнаго имѣли вы сказать мнѣ!—презрительно, откинувъ назадъ головку, перебила она мою рѣчь.—Буржуазныя дрязги, сплетни, чужія амурничанья!.. Нечего сказать, merçi!

— Марья Львовна!—крикнулъ я, точно ошпаренный кипяткомъ.—Марья Львовна, что вы? Поймите, какая подлость!..

— Ха-ха-ха!.. Подлость? Дѣвчонка вѣшалась на шею...

— Ma tante!

— Что, что, что?—кричала она, вся вспыхнувъ.—Конечно! Развѣ я не знаю, кто это? Это наша Леля. Сама вѣшалась... Это было видно. Что же, онъ долженъ былъ разыгрывать изъ себя Іосифа, что ли, или въ *законныя узы?*... Ха-ха-ха! *Онъ* съ *нею!* Это мило! Ха-ха-ха!..

— Марья Львовна!

Но она уже ничего не слушала. Она махала ручками, топала ножками и называла меня „островитяниномъ". Я тоже не слушалъ: я выбѣжалъ въ такомъ гнѣвѣ, что попадись мнѣ Анчаровъ, я бы самъ разорвалъ его на части.

XI.

Въ три часа, какъ было условлено, мы пошли. Кутыревъ былъ мраченъ, ужасно сопѣлъ, что не предвѣщало, конечно, особенной сдержанности въ будущемъ, и по дорогѣ затащилъ меня въ погребокъ „хватить пивца". Я согласился, потому что иначе онъ не ручался за свою сдержанность. Проглотивъ почти залпомъ по „парѣ", мы двинулись, позвонили, передали вѣчно распухшему денщику Ивану карточку и были впущены въ кабинетъ. „Ба-

ринъ", по словамъ Ивана, долженъ былъ явиться „сей минуту-съ".

Кабинетъ былъ большой, просторный, съ видимою претензіей на изящество и комфортъ. Мягкая мебель, немного бронзы, много всякихъ бездѣлушекъ, безчисленное множество статуетокъ, бюстовъ и картинъ всевозможныхъ „Венеръ" и „нимфъ". Одинъ видъ всего этого привелъ моего спутника въ ярость, а когда среди всякой обнаженности мы разглядѣли чистый ликъ Лели, мы, точно сговорившись, протянули руки къ портрету и сорвали его съ гвоздя. Въ тотъ же моментъ раздался мягкій скрипъ сапогъ, мелодическій звонъ шпоръ, и въ комнату вошелъ титанъ.

— Чѣмъ могу служить?—началъ онъ, любезно кланяясь.—Къ вашимъ услугамъ, господа! Чѣмъ могу...

— Ничѣмъ!—выступилъ я.—Мы пришли къ вамъ съ вызовомъ, какъ секунданты.

— Съ вызовомъ? Отъ кого?—вытаращилъ онъ глаза.

— Отъ товарища нашего, Семенова, студента.

Тотъ поблѣднѣлъ, но, быстро овладѣвъ собой, сдѣлалъ недоумѣвающій жестъ.

— Семенова?.. Студента Семенова?—поднималъ онъ плечи.—Ей-Богу, не помню... совсѣмъ не помню...

Кутыревъ сдѣлалъ краснорѣчивое движеніе, но я остановилъ его взглядомъ.

— Вы сейчасъ вспомните его...—все еще спокойно продолжалъ я, хотя это нахальство казалось даже невѣроятнымъ:—сейчасъ вспомните... Вотъ взгляните на этотъ портретъ. Мы сорвали его у васъ со стѣны, потому что ему здѣсь не мѣсто. Семеновъ, какъ вы, вѣроятно, уже вспомнили, братъ Лели!

Анчаровъ вспыхнулъ, поблѣднѣлъ, съежился весь. Въ глазахъ Кутырева, который не сводилъ съ него взгляда, онъ прочелъ, что путь ему отрѣзанъ, что тотъ схватитъ его, если онъ сдѣлаетъ малѣйшій шагъ назадъ. Онъ дрожалъ, какъ трусъ.

— Ну-съ?

— Господа! распоряжаться въ моей квартирѣ,—это... это...

Онъ старался увильнуть отъ вопроса, но я перебилъ его:

— Это что вамъ угодно! Вы можете потребовать у насъ отчета, покончивъ съ Семеновымъ... Мы оба къ вашимъ услугамъ!

— Оба!—перебилъ меня густой, дрожащій басъ Кутырева:—оба, когда и гдѣ угодно!

— Чего же вы хотите, господа?

— Вы знаете... Мы принесли вамъ вызовъ!

— Но за что?—онъ все еще не овладѣлъ собой.—За что?.. Я, ей-Богу...

— За то, что вчера вечеромъ, въ присутствіи шести лицъ,—если помните,—вы оскорбляли Лелю, его сестру, и... и... письмо, писанное Гликеріей Ивановной...

— Господа, я готовъ извиниться!

— Нѣтъ,—выступилъ Кутыревъ:—мы не примемъ извиненія! Вы, или онъ, или я, какъ угодно... черезъ платокъ!

— Господа, но вѣдь это насиліе!—обратился онъ ко мнѣ.

— Пусть и такъ, но извиненія мы не примемъ... Тутъ задѣта честь женщины!—говорилъ я, уже путаясь отъ бѣшенства.—Вами кровно оскорблена женщина!..

— Развѣ она васъ послала, говорила вамъ это?

Меня чуть не разсмѣшило это глупое нахальство.

— Конечно, нѣтъ! Насъ послалъ братъ ея!

Анчаровъ, кажется, нашелъ почву и пріободрился.

— Удивляюсь, удивляюсь!..—говорилъ онъ, принимая изумленный видъ.—Съ ея почтеннымъ братомъ, господиномъ Семеновымъ, у меня не было ничего... Съ нею—другое дѣло... но она васъ не посылала, вы сами говорите... Теперь такое время, что женщина равна мужчинѣ, полное равенство... Она сама могла бы вступиться, если бы считала нужнымъ...—И онъ старался даже улыбнуться надменно.

Это было слишкомъ.

— Принимаете ли вы вызовъ, или нѣтъ?—спросилъ я, задыхаясь.

— Да или нѣтъ?! — загудѣлъ басъ, и его страшная рука протянулась впередъ.

Анчаровъ почти отскочилъ ко мнѣ.

— Господа!—повелъ онъ послѣднюю ставку важно, хотя голосъ его дрожалъ:—господа, человѣкъ! у котораго есть опредѣленный планъ въ цѣляхъ общества...

— Къ чорту его!! Да или нѣтъ?!—наступалъ Кутыревъ, но я схватилъ его за руку.

— У котораго есть планъ,—продолжалъ тотъ, бросаясь ко мнѣ:—не можетъ подставлять свой лобъ подъ шальную пулю. У него есть свои обязанности... Какъ ни трудно, но приходится многимъ жертвовать, — вздохнулъ онъ:—но таково мое правило...

Я уже не владѣлъ собой.

— Это прекрасное правило, но изъ-за него бьютъ иногда морду!

Мои слова послужили какъ бы сигналомъ Анчаровъ отскочилъ, но въ тотъ же моментъ страшная рука схватила его за плечо. Онъ не успѣлъ крикнуть, какъ Кутыревъ уже сжималъ его горло.

— Ну, такъ я задушу тебя, задушу, какъ собаку, трусъ!—рычалъ онъ, и задушилъ бы, навѣрное, не блесни мнѣ прекрасная мысль.

— Стой!—закричалъ я:—ты далъ слово!.. Стой!

Кутыревъ отпустилъ немного, не отнимая рукъ.

— Далъ, но теперь мы секунданты... онъ отказывается!—гудѣлъ онъ.

— Нѣтъ, принимаю... принимаю! — хрипѣлъ Анчаровъ. Лицо его выражало одинъ без-

предѣльный ужасъ, дикій, животный, безсмысленный ужасъ. Я понялъ увертку.

— Вы лжете, подло лжете! Вы принимаете вызовъ, чтобы черезъ часъ отказаться. Нѣтъ! Если хотите жить, пишите, что̀ мы продиктуемъ!

— Диктуйте!—И онъ покорно сѣлъ за столъ.

— „Я, Анчаровъ,—диктовалъ я:—симъ заявляю, что я...“

— Подлецъ!—загудѣлъ Кутыревъ.

Тотъ написалъ.

— „Что я ловкій пройдоха, не имѣющій ничего за душой, что я всѣхъ надувалъ, пользуясь чужимъ легковѣріемъ“...—диктовалъ я.

Анчаровъ писалъ.

— „Что женюсь я, не любя своей невѣсты, имѣя въ виду только ея приданое...“

Онъ, казалось, поколебался съ секунду, но написалъ.

— „Что я клеветникъ и на сдѣланный за клевету вызовъ отвѣтилъ отказомъ, струсивъ“.

Онъ написалъ.

— „Въ чемъ и выдаю эту подписку“... Подпишитесь!—сказалъ я.

Онъ подписалъ безпрекословно и покорно, какъ машина.

Мы ушли. Все еще парализованный ужасомъ, Анчаровъ глядѣлъ намъ вслѣдъ такимъ же безсмысленнымъ, оцѣпенѣлымъ взглядомъ, даже злоба не свѣтилась въ немъ, даже лицо оставалось такимъ же вытянутымъ отъ страха.

Намъ было и гадко, и смѣшно, но давишняя злоба и раздраженіе исчезли совсѣмъ. Когда мы передали все Семенову, показали взятую подписку, онъ только плюнулъ. Прежде всего, дѣйствительно, охватывало какое-то чувство гадливости, которое исключало злобу. Въ душѣ я даже ликовать понемногу началъ: у меня въ рукахъ были всѣ средства убѣдить, наконецъ, Марью Львовну.

Но для этого не хватило времени: всѣхъ троихъ насъ позвали куда слѣдуетъ... Анчаровъ придалъ всему преподлѣйшую окраску, за нами, къ тому же, значились уже кое-какіе грѣшки и къ вечеру слѣдующаго дня мы всѣ трое упивались малиновымъ звономъ „даровъ Балдая“.

XII.

Прошли года, перемѣнилось время, а съ нимъ и люди, а съ людьми и рѣчи. То, чѣмъ жилось раньше, было пережито, что волновало, увлекало, заставляло страстно биться сердца и горѣть умы, улеглось, потеряло свою пряность, свою острую, возбуждающую силу. Вѣчно бѣгущія волны жизни унесли старые культы и смыли съ знаменъ ихъ выцвѣтшія уже, полинявшія надписи: „идеалъ“, „прогрессъ“, „человѣчество“ и т. д., а вѣчно юное время несло имъ на смѣну и новые культы, и но-

вые, менѣе туманные, болѣе выразительные и опредѣленные термины: „купить“, „продать“, „взять куртажъ“. Новыя понятія вошли въ міръ, новый масштабъ прилагался къ человѣку, новый кодексъ опредѣлялъ границы человѣческой совѣсти. Въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ всевозможныхъ „концессій“, „акцій“, „облигацій“ и т. д., и т. д., и сквозь этотъ общій гулъ, какъ трескучій, ужасъ наводящій взрывъ гранаты, то тамъ, то сямъ раздавалось зловѣщее „крахъ“, на минуту, только на минуту ошеломлявшее всѣхъ. Въ общемъ жилось такъ же шумно, такъ же страстно, но только иначе, какъ-то легче, какъ-то особенно легче. Ни во что не вѣрилось, надеждъ никакихъ не было,—слышалось одно: „не зѣвай!“

Правда, таковъ былъ только „общій фонъ“, такъ сказать, только поверхность необъятнаго житейскаго моря, его накипь, пѣна, кидавшіяся въ глаза и закрывавшія собою его тихую, бездонную глубину. Внизу глубоко-глубоко, все-таки, тлѣли, какъ искры въ сѣромъ, охлажденномъ пеплѣ, здоровыя человѣческія силы; туда ушла, запряталась встревоженная царившимъ хищеніемъ, его нахальнымъ лозунгомъ: „лови моментъ!“—человѣческая совѣсть; туда ушли, запрятались умъ, знаніе, подвигъ. Люди, у которыхъ не было общаго съ улицей и ея новымъ культомъ, у которыхъ совѣсть была не въ карманѣ и не на концѣ аршина, у которыхъ въ груди билось не портмонэ, а настоящее че-

ловѣческое сердце,—эти люди ушли, изолировались, попрятались, кто куда и какъ могъ; но ихъ присутствіе, ихъ значеніе, ихъ тихая, почти незамѣтная, безшумная работа все-таки сказывались,—сказывались уже и тѣмъ, что жизнь не умирала, а „все-таки двигалась". Одни ушли въ область безстрастной науки и тихимъ, кропотливымъ трудомъ выкапывали міру изъ бездонныхъ тайниковъ природы и мысли новые перлы знанія и свѣта; другіе, болѣе живые и страстные, ставили впереди себя свои идеалы и тонули съ ними въ сѣрой человѣческой массѣ, ища себѣ и отклика, и адептовъ, третьи... третьи, не приставшіе ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, сѣвшіе, такъ сказать, посединѣ, вѣчно неудовлетворенные, измученные и жизнью, и своею безпочвенностью, грызли самихъ себя, являлись тѣми „рыцарями на часъ", больными „мучениками рефлекса", о которыхъ писалось уже такъ много. Нашъ старый кружекъ, нашъ знакомый уже читателю „семейный очагъ", заключалъ въ себѣ всѣ эти три типа. Семеновъ ушелъ въ свою математику, гдѣ не нужно было никакихъ сдѣлокъ, никакихъ компромиссовъ; Кутыревъ и Леля, какъ люди второго типа, ушли въ деревню, въ самую „клѣточку жизни", какъ говорили они: онъ—врачомъ, она—акушеркой; я... я, признаюсь, сидѣлъ между двухъ стульевъ, я только вѣчно грызъ себя, я былъ „мученикомъ рефлекса". Конечно, все это случи-

лось, опредѣлилось у насъ не сразу,—много воды утекло, многое было пережито, перечувствовано, переплакано, такъ сказать, прежде. Оторванные отъ жизни, заброшенные въ далекую снѣжную глушь,—тяжелую, безпросвѣтную, какъ осенніе сумерки,—мы трое складывались, опредѣлялись постепенно. Молодые, здоровые, не поломанные, неопытные, какъ дѣти, очутившись въ этой глуши, одни, изолированные отъ всѣхъ и всего, предоставленные единственно своимъ, еще не сложившимся силамъ, мы, естественно, каждый по-своему, соотвѣтственно характеру своего нравственнаго „я“, соотвѣтственно его инстинктамъ, стали отвоевывать себя отъ засасывавшей тины глухого, безпросвѣтнаго мѣста, невольной бездѣятельности и мертвечины и, такимъ образомъ, складывались постепенно. Отвоевывать—да, потому что эта тина обладаетъ страшною засасывающею силой, трудно преоборимою и для сильныхъ, сложившихся натуръ. Соблазнъ тихой, животной жизни, безсмысленнаго животнаго покоя, довольства, сытости былъ раскинутъ предъ нами громадною сѣтью, и въ этой крѣпкой сѣти билось и трепетало изо дня въ день, съ часу на часъ, наше молодое, духовное, человѣческое „я“. Насъ окружали скука, тоска, пьянство, картежная игра, жизнь со дня на день, будничное, сѣрое прозябаніе—безъ мысли, безъ чувства, безъ живого человѣческаго слова, безъ цѣли. И все это давило, мучило, подтачивало

силы, все это лѣзло въ глаза, назойливо заявляло о своемъ правѣ на жизнь и громко, съ апломбомъ, требовало себѣ этого признанія. Изо дня въ день, съ часу на часъ, съ минуты на минуту!

Мы изнывали...

Будь мы не такъ молоды, неопытны, не порази насъ сразу такъ сильно контрастъ новыхъ условій съ прежними,—мы бы несомнѣнно, оглядѣвшись въ глуши, нашли себѣ и тамъ какое-нибудь дѣло, что-нибудь такое, что связало бы насъ съ жизнью, придало бы ей смыслъ и заполнило бы собою давившую насъ пустоту. Вѣдь и тамъ жили люди съ ихъ горемъ и радостями, съ нуждами и желаньями! Но сразу огорошенные, сразу напуганные видомъ тихаго, соннаго застоя, полные влеченія къ только что оставленному шуму столичной сутолоки, съ которой мы такъ уже сроднились,—мы невольно смотрѣли на наше пребываніе здѣсь, какъ на временную муку, и старались объ одномъ—изолироваться отъ всего. И это изолированье, это одиночество, оторванность отъ всѣхъ и всего,—отъ всякаго живого дѣла,—губили насъ, подтачивая наши силы. Тина не отступала,—она всасывалась сквозь всѣ поры организма тихо, незамѣтно, безшумно. Она надвигалась, какъ кошмаръ, какъ медленно разстилающійся туманъ, какъ тихо идущая черная туча, грозя поглотить насъ, искалѣчить, задушить своею подавляющею и въ то же время невидимою

массой. Она притупляла ощущенія, ослабляла протестъ противъ себя, заставляла какъ-то невольно сживаться, свыкаться съ собою и постепенно, шагъ за шагомъ, становилась бокъ-о-бокъ съ нашимъ нравственнымъ міромъ, какъ нѣчто законное, естественное, нормальное,—нѣчто такое, съ чѣмъ уже свыклись, сжились наши глаза, наши уши, нашъ умъ, наша совѣсть. Въ этой-то способности притуплять и ослаблять ощущенія и крылась ея страшная сила; а сила привычки, способность человѣческой души сживаться, свыкаться, способность поддаваться силѣ этого ужаснаго „изо дня въ день, съ часу на часъ, съ минуты на минуту"— обусловливали возможность ея побѣды и нашего пораженія. Съ каждымъ днемъ блѣднѣли краски, тупѣли нервы, тупѣло чувство,—все тупѣло: и острота, и интенсивность нашего душевнаго протеста... Что̀ еще недавно казалось ужаснымъ, противнымъ, отвратительнымъ, сегодня... сегодня уже не поражало, не ужасало, не отталкивало... Такъ у стараго солдата тупѣетъ чувство самосохраненія, такъ у стараго хирурга притупляется впечатлѣніе къ стонамъ, такъ у падшихъ, несчастныхъ нравственныхъ калѣкъ тухнетъ человѣческая искра, глохнутъ стыдъ и совѣсть.

Мы изнывали и тина одолѣвала... Мы это чувствовали, понимали, сознавали и потому днемъ мы все больше и больше уходили каждый „въ свое", а ночью, безсонною, тревож-

ною ночью, въ этотъ ужасный часъ самоанализа, самобиченья, разсчетовъ съ совѣстью, когда голова горитъ, а сердце бьется, какъ сумасшедшее, — въ эти ужасныя, безсонныя ночи мы стонали,—да, стонали, а порою... порою рыдали, какъ дѣти. Но наши стоны были не стонами физической, животной боли,—нѣтъ: такъ стонать можетъ только человѣческая душа, а рыдать такъ можетъ только молодая, безсильная злоба. Семеновъ все больше и больше уходилъ въ свою науку, я—въ свои сомнѣнія, рефлексы, вѣчное балансированіе между положеніями Шопенгауэра и Ланге, Дюринга и Гартмана; Кутыревъ, живой, страстный, впечатлительный Кутыревъ... ему приходилось хуже насъ. Ни во что такое онъ не могъ уйти по природѣ; онъ все заводилъ знакомства съ разными неудачниками и пилъ съ ними, какъ сапожникъ,—пилъ, а ночью... стоналъ.

О, эти ночи, — длинныя, безпросвѣтныя, ночи безъ отдыха, безъ покоя,—благо тому, кто не зналъ васъ, но хорошо и тому, кто васъ извѣдалъ! Спасибо вамъ! Вы однѣ являлись намъ на помощь, вы однѣ спасали въ насъ человѣка, темныя, тревожныя ночи! Дико, монотонно, какъ жалкая пѣсня тунгуза, воетъ метель-буранъ, нанося горы снѣга, скрипятъ высокія ели, скрипятъ крыша и бревна. Ни зги, ни просвѣта... Тоскливо, мрачно, какъ въ темной могилѣ, какъ-то нравственно душно, какая-то одурь-дремота оковала и голову, и

душу, спутала туманомъ мысли... Не то плакать хочется, не то злиться, не то застыть—совсѣмъ, всецѣло, застыть безъ просыпленія. А буря все злится, все воетъ и такъ и высасываетъ изъ души, кажется, послѣднія капли жизни... Ахъ, скорѣй бы только, скорѣй все, все высосала бы, выпила, вытянула!... Зачѣмъ мнѣ все это „мое"? зачѣмъ? Не нужно! Скорѣй только!.. И, уткнувшись лицомъ въ горячее изголовье, лежишь безъ мысли и глушишь готовые вырваться изъ груди какіе-то дикіе, какъ эта буря, безсмысленные, отчаянные крики.

Тихо, медленно тянутся минуты и часы, не принося съ собой ни сна, ни покоя. На мигъ прорвутся тяжелые тучи, и на морозномъ, опорошенномъ снѣгомъ стеклѣ блеснутъ искрами далекія, безстрастныя звѣзды или разольется струйками зеленоватый, меланхолическій лучъ яркой сѣверной луны, и затѣмъ опять быстро потонетъ все во мракѣ. На мигъ что-то проснется въ душѣ, зашевелится, блеснетъ въ ней, какъ звѣздочка, какъ струйка луннаго свѣта, и тоже быстро скроется, потонетъ во мракѣ какого-то безсмысленнаго, отчаяннаго душевнаго вопля,—дикаго, но страшно больного. Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?...

Семеновъ ворочается,—не спитъ... Богъ его знаетъ, что стоитъ предъ нимъ: какое-нибудь невозможное уравненіе съ безконечными неизвѣстными или что-нибудь другое; онъ во-

обще рѣдко высказывается, рѣдко говоритъ,— вѣчно думаетъ, думаетъ и думаетъ, уткнувшись глазами въ пространство, нервно скатывая пальцами шарики изъ хлѣба.

Въ невозможной берлогѣ Кутырева—тишина... Всѣ пьяные неудачники-друзья ушли давно, оставивъ его одного на соломѣ, среди пустыхъ полуштофовъ и невообразимаго безпорядка. Споры, пѣсни, громкіе разсказы о пережитомъ всѣхъ этихъ заштатныхъ дьячковъ, уволенныхъ писцовъ и т. д., и т. д.,—все это смѣнилось безмолвіемъ, тяжелымъ и неподвижнымъ. Славу Богу, хоть онъ-то спитъ,—тамъ давно все тихо. Но вотъ и оттуда несется вздохъ, похожій на стонъ, разсыпается тысячью: „эхъ!“ Точно слезы закапали гдѣ-то, точно рыданія глушитъ кто-то...

— Слышишь?—окликаетъ меня Семеновъ.

— Да...— И въ мсю душу закрадывается, какъ отзвукъ этого „эхъ!“—что-то больное, гнетущее, и гонитъ изъ нея охватившую ее дремоту.

— Не спится?

— Нѣтъ...

— Пойдемъ къ нему! — вскакиваетъ Семеновъ.

Мы идемъ къ Кутыреву. Долго не хочетъ онъ насъ слушать и лежитъ неподвижно, уткнувшись лицомъ въ мокрыя ладони. Наконецъ, онъ поднимаетъ голову.

— Плюньте на меня, братцы...—говоритъ онъ:— право, плюньте! Нестоющій я человѣкъ да

и только! Пропьюсь въ конецъ и пропаду такъ...

— Врешь, братъ!—отвѣчаетъ Семеновъ:—не пропьешься и не пропадешь такъ... Ты, вонъ, займись чѣмъ-нибудь...

— Не могу, выдержки нѣтъ,—тоска одна!... Эхъ, братцы,—все трынъ-трава, все опостылѣло!... Самъ себѣ противенъ!... Все, братцы, къ чорту!

— Какъ все?... Что ты, дружище? Опомнись!... Какъ все?...

— Да такъ-таки... все, все, все!

У Семенова сумрачно сдвигаются брови.

— А Леля?

Этотъ магическій звукъ превращаетъ моментально все; вся картина мѣняется внезапно. Кутыревъ уже не лежитъ, а стоитъ во весь свой дюжій ростъ, дрожитъ, глубоко дышетъ и широко вытаращенными глазами смотритъ на насъ. Я самъ какъ-то встрепенулся.

— Не говори, не говори,—отвѣчаетъ онъ страстно, лихорадочно, задыхаясь отъ волненія:—не говори, Саша! Не произноси ея имени всуе,—не чета мы ей,—нѣтъ! Ей алтарь нуженъ, Саша... Она, что звѣзда,—вонъ, вонъ, гляди!—указываетъ онъ рукою на прорвавшуюся въ тучахъ яркую звѣздочку:—что эта звѣзда... вѣка свѣтить будетъ! она не подастся... она скорѣй трупомъ ляжетъ! Нѣтъ на свѣтѣ ничего краше и чище русской женщины! Мы „пасъ“ передъ нею,—куда намъ!...

И, пробужденные, растревоженные, мы говоримъ уже до утра, до того, какъ изможденныя, ослабѣвшія вѣки начинаютъ слипаться сами собою. Спасибо вамъ, безсонныя, тревожныя ночи!

XIII.

Спасла насъ Леля.

Въ нашихъ письмахъ мы, понятно, скрывали отъ нея, прятали свое состояніе; мы притворялись бодрыми и веселыми, мы шутили и увѣряли, что чувствуемъ себя какъ нельзя лучше, писали, что усиленно занимаемся и готовимся къ будущимъ экзаменамъ. Но развѣ можно было спрятать, скрыть душу отъ нашей чуткой Лели? Развѣ можно было замаскировать передъ нею горячія слезы холодною, дѣланною улыбкой? Она прочла все между строкъ, поняла изъ недомолвокъ, поняла своимъ сердцемъ, своимъ женскимъ чутьемъ, которое всегда и вездѣ почуетъ правду, почуетъ открытую боль, и нежданно-негаданно, точно чудомъ, явилась къ намъ на помощь. Не испугали ее ни даль, ни холодъ, ни лишенія, какъ не пугало ее ничто и никогда, разъ дѣло шло о другихъ, разъ влекло ее къ чему-нибудь ея сердце. Выдержавъ свой экзаменъ акушерки, бодрая, сильная, цѣльная, вся дышавшая вѣрой въ жизнь и въ людей, совер-

шенно просто, точно на прогулку, она покатила къ намъ.

На дворѣ стояла тихая, морозная, звѣздная ночь. Въ такія ночи сѣвера воздухъ бываетъ такъ чистъ и прозраченъ, звѣзды горятъ такъ ярко, что небо кажется голубымъ, млечный путь ярко выдѣляется на немъ полосой бѣлаго тумана, а отъ звѣзднаго блеска по снѣгу разсыпаются мелкія, какъ точки, но яркія, красныя и зеленыя искры. Звѣзды горятъ, переливаясь всѣми тонами яркаго пламеннаго свѣта, вспыхивая, какъ ракеты, и непривычному человѣку какъ-то жутко и странно въ этомъ безмолвномъ, безшумномъ мерцаніи; непривычное ухо все ждетъ уловить хоть отзвукъ далекаго треска и взрывовъ. Но все тихо, безшумно, неподвижно,—какъ-то торжественно тихо. Не качаются ни ели, ни кедры; точно замороженный, разстилается черною лентой дремучій боръ, безмолвная даль раздвигается широко, утопая въ какомъ-то синемъ, звѣздномъ туманѣ, точно въ небѣ; все прекрасно, чисто, холодно и какъ-то особенно, какъ-то страшно безмолвно. Все застыло, замерло, точно земля потеряла свое солнце, свое скрытое въ нѣдрахъ тепло. И хорошо въ такія ночи, и грустно, и нѣга какой-то безстрастной, холодной, мертвой дрёмы сковываетъ душу, и жить хочется, въ то же время,—жить страстно, шумно, кипуче, хочется движенія, суеты и людского шума.

Въ такія ночи Кутыревъ напивался безъ друзей и горланилъ надрывающимъ голосомъ свои любимыя пѣсни, а Семеновъ ломалъ карандаши и проклиналъ свою разсѣянность, изъ-за которой не выходили его формулы. Я зналъ, что все это—вліяніе звѣздной ночи, но молчалъ, чтобы не копаться въ чужой душѣ, не бередить и безъ того больныхъ ощущеній, не трогать того, что всѣмъ намъ было извѣстно безмолвно. Такъ и въ эту ночь, Кутыревъ, уставъ горланить на морозѣ, валялся, охая, на своей соломѣ; Семеновъ нервно вскрикивалъ, бросалъ карандашъ, захлопывалъ по сто разъ книгу, ругалъ и себя, и свою науку. И вдругъ колокольчикъ!...

Колокольчикъ мы слышали часто, и всегда будилъ онъ въ насъ какое-то жуткое, тревожное чувство ожиданія; всегда отъ него какъ-то болѣзненно ныло наше сердце и какъ-то тоскливѣе становилось, когда онъ затихалъ вдали... Но теперь точно какое-то предчувствіе, необъяснимое, непонятное, удесятерило это чувство тревоги, мы съ Семеновымъ почему-то невольно прислушивались, ловили сначала далекіе звуки и переглядывались, сами не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Можетъ быть, сильнѣе напряжены были нервы, сильнѣе возбуждены мы были... Но вотъ звуки все ближе и ближе, все явственнѣе, все отчетливѣе и вдругъ... Леля! Впрочемъ, нѣтъ: мы услышали сначала какой-то топотъ, какіе-то голоса,

разспросы, и стояли неподвижные, изумленные, все еще не вѣря, не понимая даже, что это къ намъ, что это насъ спрашиваютъ; о Лелѣ мы, понятно, и не думали даже,—она выѣхала, не предупредивъ насъ. Вдругъ отворилась дверь и съ тучей холоднаго воздуха ворвалась она, вся свѣтлая и радостная, съ своею чудною улыбкой, съ своею мягкою лаской, а за нею бородатый, заиндевѣвшій ямщикъ бережно несъ корзинку, всю окутанную мѣхомъ.

— Мои мальчики! Мои бѣдные мальчики!

Мы дрожали, захлебываясь отъ счастья, и дрожа, мѣшая другъ другу, торопясь, толкаясь, то душили ее,—буквально душили, на что она тщетно кричала: „дайте же мнѣ выпутаться, мальчики“! — то вперебой срывали съ нея платки, шубу, чѣмъ только усложняли дѣло „выпутыванья“. Она охала, смѣялась, кричала: „ахъ, Боже мой, какіе медвѣди!“ — требовала, чтобы мы поворачивались, чтобъ она могла разсмотрѣть насъ, и, въ то же время, изъ глазъ ея, изъ ея чудныхъ глазъ капали слезинки.

— Боже мой! какъ вы похудѣли, обросли какъ!

Но мы еще не пришли въ себя, мы не могли говорить и только дрожали въ волненіи. „Леля.... Леля!“ — безсмысленно бормотали наши губы.

— А вы, протодьяконъ... что съ вами?

Онъ стоялъ блѣдный и дрожалъ; его губы тряслись. Онъ не сводилъ съ нея благоговѣйнаго взгляда.

— Самоваръ?! Конечно, чаю?—крикнулъ Семеновъ, убѣгая въ кухню.

— Дай, дай!... Но что съ вами, протодьяконъ?

— Я... пьянъ!

— Что-о-о?...

— Я пьянъ, Леля!

И съ глухимъ рыданіемъ, полнымъ и муки, и боли, и стыда, и невыразимаго счастья, онъ опустился къ ея ногамъ, бормоча какіе-то обрывки фразъ, страстныя сравненія и моля о прощеніи.

— Бѣдный, бѣдный!—говорила она, плача и наклоняясь къ нему:—бѣдный... Но этого больше не будетъ?

— Никогда, Леля!

— Никогда, протодьяконъ?... Никогда?

— Нѣтъ, никогда!... Я скорѣе задушу себя!— И всякое сомнѣніе должно было отлетѣть отъ его тона.

Изъ корзинки раздался крикъ, и Леля бросилась къ ней. Тамъ лежалъ закутанный Борька, который уже ходилъ и мямлилъ слова, понятныя только Лелиному слуху.

— Мы молодцы!—говорила Леля, выпутывая свое сокровище и какъ-то особенно мило, подѣтски, нарочно картавя и путая:—мы въ кальзиночкѣ пріѣхали, какъ товарчики... Мы пай мальчики, не простудились... Мы пай, мы пай!

Мы чай будемъ пить съ булоцками!.. Правда?— обернулась она къ намъ съ розовымъ, прелестнымъ Борькой, который протягивалъ намъ свои рученки.—Правда, молодцы?... — Вмѣсто отвѣта, мы цѣловали его, мы послушно давали ему теребить наши виски.

Такъ и встаетъ предо мной эта картина!.. Такъ и вижу я нашу прелестную, улыбающуюся Лелю съ ея розовымъ, улыбающимся сокровищемъ на рукахъ, вижу дрожащаго отъ блаженства Кутырева, вижу эту потѣшную корзиночку, въ которую Леля „уложила“ своего Борьку,—и придумала же!—все, все вижу... И теперь еще, много лѣтъ уже спустя, когда жизнь и время давно примяли, придавили все то, что чувствовалось, чѣмъ жилось когда-то,— и теперь еще при воспоминаніи объ этой сценѣ я оживаю, молодѣю, я чувствую, какъ волна глубокаго человѣческаго счастья, полнаго необъятнаго мира, невыразимой, необъятной нѣжности, охватываетъ тепломъ мою истрепанную, застывающую душу...

За самоваромъ, когда мы пили чай, а Кутыревъ качалъ и забавлялъ Борьку, Леля уже знала всю нашу жизнь, поняла всю ея подноготную,—поняла все, хотя мы говорили вперебой, скачками, больше восклицаніями, какъ всегда при встрѣчахъ съ человѣкомъ давно не видѣннымъ,—поняла, и тихо, грустно качала головкой. Глаза ея говорили за нее: съ грустнымъ выраженіемъ останавливались они на

братѣ; съ милою, ласковою улыбкой, полною не то шутки, не то снисходительности, переходили они на меня; съ глубокою нѣжностью, въ которой сквозило что-то почти материнское, глядѣли они на Кутырева... А мы трое, мы всѣ вмѣстѣ нашими шестью глазами смотрѣли на нее съ восторгомъ, съ какимъ-то святымъ, непередаваемымъ благоговѣніемъ.

— Такъ вы такъ-таки ничего и не дѣлаете, протодьяконъ?

— Ничего!—качнулъ онъ головой, опуская свои добрые глаза отъ стыда и багровѣя.

— Ни зубовъ не рвете, ни пьявокъ не ставите, ни перевязокъ, даже не фельдшерствуете?

— Даже...—прогудѣлъ онъ, опуская еще ниже голову.

— И вы, юристъ, ничего?

— И я ничего...

— Ну, этого будетъ!... Постойте, проберу я васъ!.. Такъ нельзя!.. фи!..—это Богъ знаетъ на что похоже!

И она пробрала. На другой же день у нея завелись откуда-то разныя знакомки-бабы, которыя нуждались въ медицинской помощи,—наша хозяйка такъ-таки сразу влюбилась въ нее и стала ее „славить“,—роженицы, больныя, прикладывавшія къ ранамъ, по совѣту разныхъ знахарей, всевозможную мерзость, все, что только можетъ придумать измученный болью умъ. И Кутыревъ, съ утра до вечера, какъ самый рьяный, самый страстный фельд-

шеръ, мазалъ, мылъ, прижигалъ, щипалъ корпію и удивительно искусно вытаскивалъ зубы... И для брата нашла она живое дѣло... Богъ знаетъ какъ откопала она гдѣ-то разныхъ дьяконскихъ дочерей, молодыхъ писцовъ, молодыхъ купеческихъ дочекъ, о которыхъ мы и слыхомъ не слыхивали, которые жаждали и читать, и учиться, и сдала ихъ брату,—работы у него съ уроками явилось по горло. Но и меня она не забыла. Придя разъ утромъ съ базара, она привела съ собой нѣсколько человѣкъ крестьянъ и сейчасъ же позвала меня.

— Ну-ка, юристъ, покажите намъ свою прыть... Начинайте-ка кляузы!... Вотъ послушайте, какое дѣло!...

Дѣло было возмутительное. Темные деревенскіе люди, обиженные ловкимъ проходимцемъ, не знали, гдѣ и какъ найти имъ судъ, правду, защиту. Я указалъ имъ, я написалъ имъ прошенія. Когда я, понятно, отказался отъ предложенныхъ мнѣ ими кровныхъ грошей, они обидѣлись и обратились къ Лелѣ:

— Что-жъ брезговать-то нами, Елена Васильевна? Вѣдь, мы чѣмъ можемъ... За работу-то, чай, слѣдуетъ!...

— Не брезгаетъ онъ, добрые люди,—успокаивала ихъ Леля:—а не нужно ему, вотъ и все!... Вы, вонъ, правду-то свою прежде сыщите...

И сразу какъ-то поняли ее они, и сразу успокоились. За ними у меня пошло столько кліентовъ, что кажлый базарный день я испи-

сывалъ, по крайней мѣрѣ, десть бумаги: того изъ тюрьмы освобождать, того отъ кулака спасать, того отъ произвола,—цѣлая уйма работы!

Словомъ, все измѣнилось у насъ, все перевернулось. Мы почувствовали себя живыми, нужными людьми, забыли тоску, ожили, встрепенулись. Леля была нашею душой, нашею звѣздой, которая грѣла и освѣщала все, что ее окружало. И не нашею только,—о, нѣтъ!... За десятки верстъ знали нашу Лелю, нашу „свѣтъ-голубушку“ Елену Васильевну, „солнышко красное“, „звѣздочку Божію“,—знали, любили, и какъ любили!... Такъ любить можетъ только простая деревенская душа, измученная, избитая, нашедшая, наконецъ, себѣ „своего человѣка“, „свою душу“, сердце, которому она можетъ довѣриться, которое поймет ее, забьется на ея невзгоды. Не было избы, въ которой бы ее не поминали любовью; а сколько свѣчей „воску яраго“ сгорѣло за нее и ея Борьку передъ святыми иконами, про то знаетъ только церковный староста, да и тотъ ошибется въ счетѣ.

— И какъ тебя такою Господь Богъ на нашей землѣ родилъ!—только удивлялись ея знакомки-бабы, у которыхъ она или крестила, или „принимала“, которымъ шила что-нибудь или вообще помогала чѣмъ-нибудь. Но крѣпко сердили ее эти восхваленія, сильно хмурила она на нихъ свои чудныя брови.

— Что я-то?—хмуро возражала она. — Что зла никому не дѣлаю? Не велика это важность! Не такіе люди есть на свѣтѣ. Есть такіе, что молиться на нихъ можно!...

Но ей, понятно, не вѣрили. Гдѣ же такіе люди на свѣтѣ, что ихъ не слышно, не видно? Святые угодники Божіи, всѣ пророки, подвижники за міръ давно уже спятъ своимъ мирнымъ, вѣчнымъ сномъ. Гдѣ же они?

— Есть, есть!—говоритъ Леля и глаза ея загораются чуднымъ блескомъ.—Дѣти ваши узнаютъ про нихъ! Пусть только выростутъ, пусть учатся въ школахъ!...

Но простые, темные люди готовы были молиться и на нее, какъ и мы молились. За десятки верстъ тащились они, чтобы „глазкомъ“ поглядѣть на нее, привезти ей у груди теплыхъ яичекъ, приласкать, приголубить своимъ простымъ, искреннимъ словомъ.

— На-кось, покушай, милая...—говорили ей бабы, вынимая изъ-за пазухи яички.—Тепленькія, грудью своей согрѣла для тебя, сердешная! На-кось, сыночку дай! Угодница ты наша!...

— Да не нужно мнѣ, голубушка!

— А хоть не нужно,—возьми!... Безъ корысти,—возьми по душѣ!... Мнѣ въ сладость будетъ, какъ сама-то ѣсть ихъ станешь, потому наша ты заступница!

И баба хныкала. Хныкала и Леля.

. . . . . .

Вскорѣ мы обвѣнчали нашу „парочку“ въ церкви,—какъ-то само собой это вышло, такъ какъ Кутыревъ, казалось, и заикнуться не смѣлъ объ этомъ, а Леля стѣснялась все. Кажется, Семеновъ крикнулъ имъ разъ: „Да ступайте же вы, наконецъ, повѣнчайтесь! Что тянете?...“ И они повѣнчались. А немного спустя мы всѣ вмѣстѣ снова прибыли въ столицу и сдали наши экзамены. Жизнь уже шла не та: улица жила наживой, прежнее было забыто, но мы сложились уже настолько, что каждый ушелъ отъ нея въ „свое“. Кутыревы уѣхали на земскую службу, Семеновъ сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, а я... я уже сказалъ, что былъ такое я... Потянулись годы...

XIV.

Новая эпоха создала новые типы, перекроила, перешила изъ старыхъ. „Титаны“ превратились въ „дѣльцовъ“.

Въ провинціи, въ большомъ промышленномъ центрѣ, у меня былъ старый пріятель, старый другъ,—Марковичъ,—крупный землевладѣлецъ, рыцарски-честный, необычайно мягкій, довѣрчивый старикъ. Мнѣ часто приходилось вести его дѣла и, признаюсь, я всегда любовался имъ,—этимъ точно чудомъ уцѣлѣвшимъ осколкомъ совсѣмъ почти исчезнувшаго уже типа „рыцаря-барина“, какою-то странною,

но прелестною смѣсью русскаго Рудина, англійскаго лорда и самаго великодушнаго, самаго сентиментальнаго и, конечно, непрактичнѣйшаго изъ героевъ Ламартина. Честный, правдивый, искренній до конца своихъ длинныхъ ногтей, а потому и довѣрчивый, какъ ребенокъ; неспособный ни подозрѣвать обмана, ни не вѣрить человѣку мало-мальски порядочному съ виду,—онъ, понятно, легко могъ бы стать вкусною добычей какой-нибудь современной акулы, не спасай его кровное, врожденное отвращеніе ко всякаго рода спекуляціямъ, биржевой игрѣ и „рыцарямъ кредита". Новая эпоха была не по немъ,—она ошеломила его, заставила какъ-то съёжиться, уйти со сцены, и онъ весь ушелъ, весь спрятался въ семью, состоявшую изъ вѣчно больной жены и пяти дочерей, плохо сводя концы своихъ доходовъ съ большихъ, но, благодаря общему упадку хозяйства, неурожаямъ и плохому, безобразному веденію дѣлъ, малодоходныхъ имѣній. Внезапно онъ вызвалъ меня телеграммой, прося пріѣхать какъ можно скорѣе по какимъ-то особенно важнымъ дѣламъ. Я поѣхалъ, но, признаюсь, съ какою-то тревогой въ сердцѣ, потому что и эта спѣшность, и особенно важныя дѣла, которыхъ у него раньше никогда не было, не предвѣщали, конечно, ничего хорошаго

Тамъ, въ этомъ большомъ промышленномъ центрѣ, я засталъ и Анчарова, и Марью

Львовну, и многихъ другихъ старыхъ знакомыхъ, которыхъ давнымъ-давно потерялъ совсѣмъ изъ вида. На Марковича,—на добраго, довѣрчиваго старика,—вѣрнѣе, на его положеніе и имѣнія,—шла самая откровенная охота, самая беззастѣнчивая травля, точно на матераго русака, сущности которой не понималъ, не видѣлъ, конечно, онъ одинъ.

Анчаровъ былъ теперъ директоромъ какого-то замысловатаго банка или чего-то вродѣ банка и какихъ-то особенныхъ акціонерныхъ предпріятій. Его звѣзда, благодаря капиталамъ жены, которую онъ постоянно держалъ за границей, свѣтила также ярко, его имя было столь же популярно, его роль, — о, его роль была болѣе чѣмъ завидна, болѣе чѣмъ блестяща! Онъ былъ всѣмъ—и оракуломъ, и заправителемъ, и направителемъ; имъ вдохновлялись, у него спрашивали совѣтовъ, что купить, что продать; передъ нимъ лебезили, ему покланялись, какъ „геніальному дѣльцу". Дамы собственноручно варили ему любимыя варенья,—ахъ, онъ такъ любитъ сливы въ сиропѣ!— мужчины брали у него манеру ходить, носить свою трость, кланяться и пожимать руки. Его имя въ предпріятіи поднимало цѣну бумагъ, одно его слово понижало ихъ по произволу, а брошенныя къ кому-нибудь мимоходомъ слова: „я васъ буду имѣть въ виду!" или что-нибудь въ этомъ родѣ—поднимали счастливца на высоту. Словомъ, какъ и преж-

де, онъ стоялъ на виду у всѣхъ, только прежде эти „всѣ“ была чистая, довѣрчивая юность, страстно искавшая идеаловъ и правды, къ которой онъ такъ или иначе старался примѣниться,—юность, изъ-за своей вѣры въ „человѣка“ не сразу расчуявшая въ немъ лгуна и нахала, а теперь все то, что никакихъ идеаловъ знать не хотѣло, кому ложь и нахальство только помогали рвать, рвать и рвать...

Конечно, неумолимая рука времени перекроила на свой ладъ и его внѣшность, согласно новымъ требованіямъ эпохи. Все „титаническое“, все „загадочное“, все такъ чаровавшее нѣкогда сердца, исчезло, какъ дымъ, слетѣло съ него, какъ слетаетъ съ гуся вода.

Теперь онъ весь, казалось, дышалъ сановитостью, капиталомъ и дѣломъ. Стройнаго торса, гибкой таліи, этихъ точно выточенныхъ ногъ, сводившихъ нѣкогда съ ума,—всего этого какъ не бывало. Теперь выдавалось, бросалось въ глаза круглое, внушительное, серьезное брюшко, на которомъ болталась массивная золотая цѣпь съ кучей всякихъ брелоковъ, красивыя, тонкія черты лица обрюзгли, отекли, а голова сливалась съ шеей. Только взглядъ его черныхъ, узкихъ, блестящихъ глазъ оставался прежній; но этотъ холодный, безстрастный, металлическій взглядъ казался уже не загадочнымъ,—нѣтъ, онъ „поражалъ“ его адептовъ,—„Да, да,—всмотри-

тесь только!"—онъ поражалъ своею „чертовскою геніальностью".

Исчезла и его молчаливость. Тогда... раньше, когда краснорѣчіе могло, пожалуй, повести за собой не совсѣмъ желательныя послѣдствія, онъ лгалъ загадочнымъ молчаніемъ; теперь, когда молчаніе было не нужно, онъ лгалъ краснорѣчіемъ... О, теперь онъ былъ уже краснорѣчивъ, — и какъ краснорѣчивъ!—особенно когда рисовалъ и развивалъ свои „блестящіе, дѣловые, способные и оживить, и поднять „общее благосостояніе" планы. Эти планы его кружили головы, увлекали всѣхъ блестящею перспективой легкаго и быстраго обогащенія, наполняли его кассы кредитными билетами въ обмѣнъ на всевозможные, безчисленные „паи" и „акціи", а самого его дѣлали какимъ-то магомъ, общимъ благодѣтелемъ, добрымъ чародѣемъ волшебныхъ дѣтскихъ сказокъ. „Помилуйте, Михайло Ивановичъ, да это геній! Нашъ городъ безъ него въ навозѣ тонулъ!"—„Михайло Ивановичъ! да какъ онъ нашу управу, управу-то къ рукамъ прибралъ! Ха-ха-ха!.. Удивительно!"—„Анчаровъ?! Да онъ, батенька всю губернію безъ пороха взорвать можетъ! Всю губернію на воздухъ пустить можетъ, коли только захочетъ! Вся она у него промежъ пальцевъ сидитъ,—его добрая воля! Начальство—и то имъ только животы свои держитъ"!

Теперь онъ не скрывалъ ничего, „искренно" выкладывалъ все, что раньше приходи-

лось только таить про себя, ярко рисовалъ перспективы, „строго“ обсуждалъ каждый шагъ, взвѣшивалъ всѣ комбинаціи pro и contra и доказывалъ, „какъ дважды-два—четыре“, всѣ „выгоды“, всю „пользу“, все „благодѣяніе“ какого-нибудь плана задуманной новой „операціи“. И лица слушателей-адептовъ вытягивались, блѣднѣя, глаза горѣли больнымъ, лихорадочнымъ огнемъ, руки и ноги дрожали какою-то нехорошею дрожью, воображеніе похотливо пылало. Но, понятно, великія классическія тѣни продолжали теперь спокойно почивать въ своихъ тѣсныхъ, холодныхъ могилахъ или въ темномъ омутѣ бездны подножія Тарпейской скалы, а вмѣсто нихъ въ алчно настроенномъ воображеніи слушателей осушались болота, падали вѣковые лѣса, оживали мертвыя степи, прокладывались дороги, гремѣли фабрики и заводы, носились тучи зерна, пеньки, сала, щетины... И надъ всѣмъ этимъ царила цифра: милліонъ!

— Ахъ, ну и далъ же Господь талантъ человѣку! Однимъ словомъ, волшебникъ! Магъ... магъ, да и только,—куда плюнетъ, тамъ и кладъ найдетъ. Чародѣй!—И къ нему текли „вклады“, тащили деньги, честь, имя, всю будущность семей; ему закладывали завѣтныя, родовыя имѣнія и заложили бы, какъ въ древности, „женъ и дочерей“, если бы то время, въ которое подобные залоги были возможны, не кануло безвозвратно въ Лету, а новое не

требовало бы для залоговъ недвижимости болѣе устойчивой.

XV.

Я встрѣтился съ нимъ на раутѣ у Марьи Львовны, куда затащилъ меня Марковичъ, какъ только я пріѣхалъ. Онъ сказалъ мнѣ мимоходомъ, что съ Анчаровымъ у него будутъ какія-то дѣла, что вызвалъ онъ меня ради этихъ дѣлъ, что на раутѣ мы непремѣнно встрѣтимся съ нимъ и съ другими нужными тузами биржи, что, наконецъ, Марья Львовна будетъ очень рада вновь меня увидать послѣ столькихъ лѣтъ. Я пошелъ тѣмъ болѣе охотно, что и самому мнѣ хотѣлось поглядѣть обновленную Марью Львовну. Что же касается встрѣчи съ Анчаровымъ, то, разъ она была необходима, волей неволей приходилось подавить то непріятное ощущеніе неловкости, съ какимъ обыкновенно встрѣчаются люди, имѣющіе скверные счеты въ прошломъ, хотя бы всеисцѣляющее время и окутало это прошлое глубокимъ туманомъ лѣтъ.

Прелестная Марья Львовна, никогда не отставшая отъ вѣка, конечно, тоже вполнѣ подчинилась духу времени и его законамъ. Она смѣшала прежній „прогрессъ“ съ „ажіотажемъ“,—„вѣдь это, конечно, все равно! Помилуйте, развитіе промышленности, культура... ахъ, даже Спенсеръ сказалъ!“—„праздно бол-

тала“ теперь на новый ладъ и вела при посредствѣ „этого замѣчательнаго“ Анчарова блестящія биржевыя сдѣлки, будучи „убѣждена“ и увѣряя всѣхъ, что быть „дѣльцомъ“ „практическимъ человѣкомъ“ значитъ быть „истиннымъ гражданиномъ“, — „потому что промышленность и культура... какъ бы это сказать?—ну, вы понимаете, конечно!“—а бѣдность пріурочивая къ глупости и „ротозѣйству“. Естественно, ея рауты были не прежніе, хотя столь же шумные и страстные: вмѣсто молодыхъ, живыхъ, полныхъ страсти лицъ, виднѣлись все жирныя, обвислыя, положительныя лица съ именами все больше на „зонъ“ или „каки“; вопросами дня служили биржевыя цѣны и маклерскія сдѣлки, а вмѣсто прежнихъ монологовъ раздавались кругомъ, хотя и громкіе, но отрывистые, точно отрубленные, періоды, живо напоминавшіе стукъ аукціоннаго молотка. Но хозяйка оставалась, при помощи разныхъ secréts de toilete, все прежнею прелестною Марьей Львовной съ чудными ножками, съ живымъ, страстнымъ, воспаленнымъ взглядомъ, съ плечами,—ахъ, съ такими плечами, что всѣ гости, навѣрное, вспоминали о самой тонкой, самой первосортной крупчаткѣ.

— Рада, рада!—закричала она мнѣ, какъ только увидѣла.—Сюрпризъ, настоящій сюрпризъ! У насъ сегодня весь день сюрпризы!

— Какъ?—спросилъ я, пожимая ея когда-то чудную ручку, на которой теперь ясно выдѣ-

лялись слѣды времени въ видѣ синенькихъ жилокъ.

Она конфиденціально наклонилась къ моему уху.

— Только, чуръ, языкъ за зубами,—слышите?—шептала она.—Получена телеграмма... Не проговоритесь только! Кажется, наше новое товарищество на паяхъ будетъ утверждено.

— Какое товарищество?

— Ахъ, да!.. вы и не знаете ничего, правда! Это—новое предпріятіе Анчарова. Геніальная вещь!—И, замѣтивъ по моему лицу, что все это мало интересовало меня, она быстро перемѣнила разговоръ.

— Какъ давно, какъ давно не видались, а? И постарѣли оба и... А знаете, тутъ вашъ старый пріятель земскимъ врачомъ былъ!..

— Кутыревъ?

— Да! Знаете? Онъ, вѣдь, на вашей... помните?—Лелѣ женился... Знаете...

— Знаю!

— И судьбу ихъ знаете? Бѣдные! Сами виноваты, конечно, но, все-таки, жаль... Ахъ! она была акушеркой, онъ—врачомъ... Я всегда имъ говорила: бросьте эти глупости! Ну, можно ли въ нашъ практическій, дѣловой вѣкъ разными глупостями, этими сентиментальными идеалами заниматься? Точно мальчики!—тараторила Марья Львовна:—но они и ухомъ не вели!.. Ну, и доплясались! Сами сжали, что посѣяли!.. Теперь, въ этомъ холодѣ, поди, одумались, да...

Все это я зналъ, но пустое, холодное, какое-то суконное тараторенье Марьи Львовны навѣяло на меня такую грусть, такую тоску, такъ мучительно-больно разбередило все переболѣвшее, все, что я гналъ всегда отъ себя, какъ тяжелый, больной кошмаръ, тревожившій съ лѣтами засыпавшую молодую горячность,—совѣсть, что ли, право, не знаю,— что я воспользовался первымъ случаемъ и улизнулъ отъ нея въ уголъ. Тамъ я, на свободѣ, занялся своимъ обычнымъ дѣломъ: грызъ, переворачивалъ, глодалъ собственную душу, какъ всѣ мы, больные люди рефлекса. Такъ и стоялъ въ моихъ ушахъ болѣзненно вырвавшійся крикъ изъ души Семенова, когда, узнавъ, что Кутыревы „доплясались“ онъ схватилъ себя за голову руками и застоналъ: „О, если бы мнѣ ихъ вѣра, эта страстная вѣра!“—и бросился въ постель, рыдая, кляня и себя, и свою математику, и свою черствость, и все, и вся... А я...

— Ба-ба-ба! Сколько лѣтъ! Сколько зимъ!

Передо мною стоялъ Анчаровъ, протягивая мнѣ свои короткія, жирныя руки, какъ другу, и улыбаясь самою непринужденною, самою привѣтливою улыбкой. Признаюсь, эта развязность, этотъ непринужденный, веселый тонъ послѣ всего, что́ когда-то произошло между нами, смутили-таки меня. Какъ ни вѣрилъ я во всеисцѣляющую силу времени, въ силу нахальства, въ людскую забывчивость, наконецъ,— но тутъ просто растерялся.

— Гора съ горой... Сколько воды-то уплыло!

Анчаровъ все такъ же улыбался, только глаза его какъ-то особенно бѣгали изъ стороны въ сторону.

— Многонько...—всего и нашелся я.

— А сколько перемѣнъ-то, а? Перемѣнъ сколько?! Помните, какъ мы тогда-то... ха-ха-ха!..—жирно хохоталъ онъ: — идеалами, все разными идеалами пробавлялись, а?

— Я думалъ, вы все еще служите, карьеру дѣлаете!—попробовалъ было я замять свою неловкость.

— Служу? карьеру?... Ха-ха-ха!.. Да кто теперь служитъ... въ наше время-то? Бездарность одна! Теперь, батюшка, самодѣятельность, промышленность, биржа—вотъ сила! Вотъ гдѣ карьера! Только бы умъ да голова—и карьера! Выслуживаться, заискивать, бѣгать на помочахъ?! Слуга покорный!—И онъ расшаркался при всеобщемъ одобрительномъ смѣхѣ.—А къ намъ вы какъ сюда: на время или совсѣмъ?—подозрительно спросилъ онъ, видимо довольный и собой, и всеобщимъ одобреніемъ.

— На время, по дѣламъ...

— Очень пріятно!—перебилъ Анчаровъ: — очень пріятно!... Дѣла... дѣла!... Значитъ, нашего полку прибыло! Ну-съ, а вы какъ, батюшка,—фамильярно хлопнулъ онъ старика Марковича, подходившаго къ намъ въ ту минуту:—а? Все еще не поддаетесь? Все еще

noblesse oblige? а?—захохоталъ онъ:— все еще съ кровно-дворянской высоты смотрите на насъ, биржевиковъ, и наши „презр...р...ѣнныя“ спекуляціи, а?

— Да вотъ, видите,—такъ же шутливо отвѣтилъ тотъ:—въ дѣла вступать хочу!.. Его,—указалъ онъ на меня:—на помощь позвалъ!

— А, такъ вы по его дѣламъ? Вотъ какъ!—не то недовольнымъ, не то удивленнымъ тономъ протянулъ Анчаровъ, при чемъ лицо его чуть не скорчилось въ гримасу.—Что-жъ, въ добрый часъ! Я увѣренъ, что вы убѣдите его, наконецъ, бросить это „благородное“ фанфаронство! Съ его имѣніями, при его положеніи въ свѣтѣ, при его значеніи—лопатой деньги загребать можно, а онъ какими-то доходишками съ неурожаевъ пробавляется! А? Посудите сами!... Какъ другу, близкому другу, предлагаю ему вступить въ одну очень выгодную операцію, такъ нѣтъ! Куда! Noblesse, видите ли, oblige! Кровь, родъ! Унижаться до спекуляцій! Марковичъ—и спекуляціи!!! Это въ нынѣшнее-то время, а? Въ нынѣшнее время, когда рубль всему владыка? А? каково?—скороговоркой, почти крича отъ волненія, говорилъ онъ, поворачиваясь то въ мою сторону, то въ сторону старика.

— Не всѣмъ же спекулировать, Михайло Ивановичъ!—перебилъ я эту странную тираду.

— Вѣрно-съ! Но ему обязательно,—съ удареніе подхватилъ Анчаровъ: — о-б-я-з-а-т-е-л-ь-

но! Помилуйте! больная жена съ дѣтьми за границей, дѣтямъ приданое готовить нужно а всего не сдѣлаешь на доходы съ неурожаевъ. Вѣдь какъ другъ говорю! На рукахъ, вѣдь носилъ я его Женичку!—И, сладко захихикавъ, онъ опять хлопнулъ старика, у котораго при имени любимой красавицы дочери, одной изъ всей семьи, оставшейся теперь съ нимъ, какъ-то особенно нѣжно и мягко блеснули глаза.

— Ну, убѣдите же его!—сладко и томно протянула прелестная Марья Львовна, хватая и меня, и Марковича за рукава: — убѣдите! Вѣдь въ этомъ дѣлѣ милліоны нажить можно!—И она сладостно зажмурила глазки.

Марковичъ улыбался и по этой улыбкѣ я понялъ, что убѣждать мнѣ его не придется.

XVI.

Да и не пришлось, конечно! Анчаровъ уже убѣдилъ его, опуталъ, обошелъ кругомъ, и старикъ съ тѣмъ же родовымъ упрямствомъ, съ какимъ отрицалъ до сихъ поръ и биржу, и спекуляцію, съ какимъ держался отъ нихъ въ сторонѣ, пробавляясь, какъ выразился Анчаровъ, „доходами съ неурожаевъ“, теперь стоялъ за предложенную „по дружбѣ“ операцію. Слишкомъ любя семью, онъ далъ вговорить себѣ необходимость этой „жертвы“ съ

его стороны ради ея благополучія и, разъ перейдя свой Рубиконъ, разъ поборовъ, наконецъ, свое отвращеніе, — что, несомнѣнно, стоило ему многихъ усилій,—онъ, какъ и всѣ подобные ему характеры, уже страстно, горячо ухватился за то, что ненавидѣлъ прежде отъ всей души. Все это крайне походило на ренегатство со всѣми его давно извѣстными, общими душевными перетасовками. Какъ только мы вышли отъ Марьи Львовны, онъ взялъ меня подъ руку и, наклонившись, тихимъ, взволнованнымъ голосомъ сказалъ, что рѣшилъ вступить въ предложенное Анчаровымъ предпріятіе.

— Для этого я и вызвалъ васъ...—закончилъ онъ.—Мнѣ, видите ли, деньги нужны, чтобы купить это дѣло у Анчарова... Хочу просить васъ заложить имѣнія.

— Анатолій Осиповичъ! — перебилъ я его, изумленный: — вамъ ли вести спекуляціи? Подумайте только,—ну, какой вы спекуляторъ?

Онъ разсердился.

— Да вы думаете мнѣ легко было придти къ этому рѣшенію, что ли? Да я ненавижу эти спекуляціи! Но что же подѣлаешь? Въ такое время живемъ... Противъ рожна, видно, не попрешь. Будь я одинъ, конечно...

— Что же вынуждаетъ васъ? Вѣдь жили же вы до сихъ поръ вдали отъ всего этого?

— Жилъ, а теперь нельзя! Доходовъ мало, да и тѣ все падаютъ... Жена съ дѣтьми за

границей, — одно лѣченіе требуетъ уйму денегъ. А тутъ старшая дочь замужъ выходитъ! Да я давно уже концы съ концами не свожу, со дня на день перебиваюсь!—грустно, пришибленнымъ тономъ закончилъ онъ и махнулъ рукой.

— Ну, ладно, Анатолій Осиповичъ, ладно! Будь по-вашему! Но знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, дѣло хорошо, въ которое вступаете?.. Этотъ Анчаровъ...

— О, помилуйте! вѣдь мы съ нимъ пріятели!—подхватилъ онъ, точно угадавъ мою мысль.—Вѣдь онъ правду говоритъ, что Женю на рукахъ носилъ. Помилуйте, вѣдь онъ только по дружбѣ... Сколько разъ онъ выручалъ уже меня изъ неловкаго положенія своимъ кредитомъ!

Возражать было, очевидно, нечего. Но какое-то грустное предчувствіе, какая-то щемящая боль не давали мнѣ покоя. Мнѣ какъ-то стало невыразимо жалко этого наивнаго старика.

— Но что это за предпріятіе такое?

— Тамъ много всего вмѣстѣ... И осушеніе, и ломка камня... Заводъ есть... Анчаровъ—и директоръ, и учредитель.

— И подноситъ вамъ все это выгодное предпріятіе въ видѣ сюрприза? такъ?

Мой ироническій вопросъ разсердилъ его.

— Я Анчарову вѣрю, безусловно вѣрю! — категорически отрѣзалъ онъ. — Онъ—бирже-

викъ, спекулянтъ, но другъ и не мошенникъ... Отчасти и сюрпризъ здѣсь, если хотите, отчасти и его неугомонность... Вѣдь онъ настоящій герой времени! Начнетъ что-нибудь, поставитъ дѣло на ноги и уже на новое готовится,—старое надоѣло!

— А я, все-таки, не вѣрю вашему Анчарову... Вѣдь я давно его знаю! Вотъ послушайте, что я разскажу вамъ!—И я разсказалъ ему все происшедшее между нами.

Старикъ выслушалъ, не проронивъ и слова, и долго упорно молчалъ. Несомнѣнно, мой разсказъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Я увѣренъ, что раньше, при другихъ условіяхъ, все разсказанное мною безусловно повліяло бы на его отношенія къ Анчарову, но теперь онъ только покачалъ головой и сказалъ:

— Да,—признаться, тутъ мало джентльменства... Ну, да особеннымъ джентльменомъ я его и не считаю... Во всякомъ случаѣ, онъ не мошенникъ. Знаете ли, кто не спотыкался... А въ то далекое время... Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ отрицалъ въ принципѣ дуэль, ну, а ваше нападеніе нахрапомъ сбило съ толку, смутило... Согласитесь...

— Вы окончательно рѣшили?—перебилъ я, начиная сердиться въ свою очередь.

— Совсѣмъ... Я попрошу васъ заложить имѣнія и какъ можно скорѣй. Анчаровъ ждать не можетъ!—отрѣзалъ онъ.

На другое утро, когда я былъ занятъ составленіемъ довѣренности на залогъ имѣній, ко мнѣ неожиданно вошла Женя. Она вся выглядѣла взволнованно и грустно.

— Скажите, папа дѣйствительно беретъ анчаровское дѣло?—спросила она, не спуская съ меня тревожнаго взгляда.

— Да,—отвѣтилъ я:—онъ и вызвалъ меня, чтобы помочь ему заложить для этого имѣнія

Она грустно покачала головой.

— А что? вы тоже не вѣрите въ это дѣло?

— Нѣтъ, не въ дѣло!—отвѣтила она.—Но я не думаю, чтобы папа съ его характеромъ,—вы вѣдь знаете его,—чтобы онъ могъ вести какое-нибудь предпріятіе...

— И я это думаю!.. Я отговаривалъ его... Отчего вы не попробуете отговорить?

— Ну, гдѣ мнѣ! Онъ только разсердится! Если вы не могли, то что же я?... Знаете, какъ вы ему близки и какъ онъ васъ уважаетъ!..

— А я и въ дѣло-то это не вѣрю, Женя!—сказалъ я, беря ея ручку.

— То-есть какъ это?

— То-есть такъ, дитя мое, что предполагаю здѣсь кое-что нечистое... Съ чего бы это вдругъ Анчаровъ сюрпризы дѣлалъ?... Я, вѣдь, знаю его и не вѣрю ему...

— Что вы, что вы?!—почти крикнула Женя.

— Да-съ!... Не вѣрю!.. егоза черноглазая!...

— Вы думаете...

— Я думаю, что онъ способенъ надуть!

— Нѣтъ, это невозможно!—вскочила она.— Анчаровъ — нашъ старый пріятель!... Надуть?! не говорите этого... нѣтъ!

Я уѣхалъ, заложилъ имѣнія и выслалъ старику деньги.

XVII.

Прошло немного времени и я опять попалъ по дѣламъ въ N. О Марковичѣ и его дѣлахъ я не слыхалъ ничего съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ заложилъ его имѣнія, слава же Анчарова все росла и росла и далеко вышла за предѣлы того благополучнаго уголка, гдѣ онъ размашисто раскинулъ сѣти своихъ операцій. Его имя встрѣчалось и въ биржевыхъ извѣстіяхъ столичныхъ газетъ, и въ спискахъ разныхъ концессіонеровъ, и въ отчетахъ благотворительныхъ обществъ. „Нашъ извѣстный финансистъ“, „нашъ извѣстный предприниматель“, „извѣстный своею щедростью благотворитель“,— все это были синонимы Анчарова, становившагося все популярнѣе и популярнѣе.

Былъ теплый майскій вечеръ, когда я позвонилъ у подъѣзда дома Марковича. Старика дома не было. Меня встрѣтила Женя и обрадовалась, какъ старому другу.

— Ахъ, какъ я рада, какъ я рада,—говорила она, усаживая меня:—что вы къ намъ завер-

нули!... Много у насъ перемѣнъ, много!... Всего вамъ и разсказать нельзя!

— Что же,—хорошее или дурное?

— Хорошаго мало...—отвѣтила она грустно:— да и совсѣмъ-таки нѣтъ ничего хорошаго... Знаете, вы чуть ли не были правы...

— Въ чемъ?

— Когда предостерегали противъ Анчарова... Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ взялъ это дѣло, его и узнать нельзя. Вѣчно въ тревогѣ, какой-то грустный, разсѣянный, осунулся, постарѣлъ весь... Знаете,—и въ голосѣ ея послышались слезы:—я увѣрена, что дѣла его плохи, очень плохи, хотя онъ и ничего не говоритъ мнѣ...

Екнуло у меня сердце въ тревогѣ... Плохи дѣла были, если старикъ, всегда ровный, спокойный, такимъ представлялся дочери, съ которой онъ всегда, бывало, шутилъ только, смѣялся, всегда стараясь объ одномъ—отгонять отъ нея все хмурое и невеселое.

— Что же Анчаровъ-то?

— О, папа давно съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Мы давно не видимся... Почти сейчасъ, какъ папа купилъ это дѣло, у нихъ вышли споры...

Женя совсѣмъ готова была расплакаться, и я, конечно, сталъ ее успокаивать, хотя самого меня скребли кошки. Скоро пріѣхалъ старикъ, но только на мгновеніе—захватить какіе-то документы. Онъ, дѣйствительно, былъ

совсѣмъ неузнаваемъ,—до того, что я чуть не ахнулъ. Увидѣвъ меня, онъ будто оробѣлъ чего,—съежился, замялся,—но, все-таки, дружески протянулъ мнѣ руку и обнялъ.

— Не ждалъ, не ждалъ!—говорилъ онъ:—но очень радъ, очень радъ... Вы какъ сюда?

Я сказалъ, по какимъ дѣламъ

— Ну, а ваши дѣла какъ?

Я уставился на него и смотрѣлъ ему прямо въ лицо тревожнымъ взглядомъ.

— Дѣла, дѣла?—сконфузился онъ и замялся, стараясь не глядѣть на меня.—Да такъ, какъ всѣ дѣла теперь—и такъ, и этакъ... Знаете, застой теперь! Вы посидите, конечно,—мнѣ недолго...—быстро обрѣзалъ онъ, видимо, тяжелый для него разговоръ:—вотъ только документы свезу...

— Нѣтъ, вы ужъ извините меня... Я сегодня же долженъ ѣхать въ деревню. Вернусь черезъ три дня и зайду.

— Непремѣнно, непремѣнно! Я буду ждать васъ...

Мы вышли вмѣстѣ. Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ изъ города, но дѣла покончилъ скорѣе, чѣмъ ожидалъ, и вернулся черезъ два дня. Гнала, торопила меня и скверная, тяжелая забота: по дорогѣ я узналъ навѣрное, что Марковича дѣла плохи, крайне плохи, что ему грозитъ банкротство, полное разореніе, а, можетъ быть, даже и судъ. Конечно, въ его личной чистотѣ, честности сомнѣваться я не

могъ ни на секунду даже; онъ легко могъ запутаться въ анчаровскихъ сѣтяхъ, самъ не понимая, не подозрѣвая даже, въ чемъ онъ запутывается. Я узналъ все это отъ одного изъ мелкихъ адептовъ-почитателей Анчарова,— одного изъ тѣхъ типичныхъ хищниковъ, вѣчно голодныхъ, громко восторгающихся всякою крупною подлостью, разъ она продѣлана „по законамъ“ и настолько ловко, что совсѣмъ оставила „въ дуракахъ“ довѣрчиваго человѣка, какихъ можно было встрѣтить на каждомъ перекресткѣ.

— Ахъ!—заливался онъ, не слыша себя отъ какого-то непостижимаго удовольствія, захлебываясь и брызжа слюной.—Ахъ! И обошелъ же его Анчаровъ, то-есть вотъ какъ липку ободралъ. Ахъ! ну, и талантъ у человѣка! Т-а-л-антъ!

— Какъ обобралъ? — спрашивалъ я, изъ-за тревоги не обращая вниманія на это жадное улюлюканье.

— Да такъ! Плевое дѣло, гроша не стоющее, за сотни тысячъ продалъ! Самому петля приходилась, потому одно слово: мыльный пузырь, на водѣ все писано было,—а онъ и сбылъ ему, да за такой капиталъ, за такой капиталъ,— ахъ!—И мой собесѣдникъ даже глаза зажмурилъ.

— Надулъ,, значитъ! Такъ вы хотите сказать?

— То-есть какъ надулъ? Коммерція, извѣстно! Какое-жъ надувательство? Глаза есть—

смотри, а коли дуракъ—самъ на себя и пеняй!... На то и щука въ морѣ...

— И дѣла совсѣмъ плохи, говорите вы?—допрашивалъ я, затыкая уши на всю эту философію.

— Одно слово — банкротъ! Имущества-то и по гривнѣ на рубль не хватитъ... Акціонеры и дольщики такую тревогу подняли, такую тревогу! „Обманъ, — кричатъ, — надувательство!“ А онъ только глазами хлопаетъ! Извѣстно, не его ума дѣло, — куда ему-то въ коммерцію? „Я,—говоритъ,— самъ обманутъ, самъ не зналъ, что дѣло такъ стоитъ“... Ха-ха-ха!—залился разсказчикъ, хватаясь за бока:—ха-ха-ха! Самъ не зналъ... ха-ха-ха!...

Я уже не слушалъ, хотя тотъ все еще обязательно посвящалъ меня въ эту „ловкую штуку“ и долго еще хохоталъ надъ „зазѣвавшимся карасемъ“, передавая всевозможные слухи о томъ, какъ Анчаровъ въ первое время и отчеты составлялъ для неопытнаго Марковича съ фиктивными балансами, и книги помогалъ ему вести при посредствѣ „своего“ бухгалтера съ ложными записями, которыя совсѣмъ отуманили старика, и многое, многое другое, свидѣтельствовавшее о несомнѣнномъ мошенничествѣ. Я думалъ только о тяжелой долѣ, павшей на всю эту мирную, ни въ чемъ неповинную семью, гадалъ и соображалъ, какъ бы выпутать ее изъ-подъ этой кучи нечистаго мусора, если выпутать и вытащить была еще возможность.

Я вернулся поздно вечеромъ и сейчасъ же отправился къ Марковичу. Сердце у меня ныло, въ головѣ стоялъ цѣлый содомъ... Какая-то тревога разливалась внутри по мѣрѣ приближенія къ дому, а жгучее, нетерпѣливое желаніе провѣрить всѣ эти толки, узнать навѣрное всю правду въ то же время подгоняло. Слуга сказалъ, что старикъ давно сидитъ у себя, запершись въ кабинетѣ. Я прошелъ безъ доклада и съ тревожно бившимся сердцемъ отперъ дверь.

Въ кабинетѣ стоялъ полумракъ отъ спущеннаго надъ горѣвшими свѣчами абажура. Кучи бумагъ валялись то тамъ, то сямъ въ безпорядкѣ, точно чья-то нетерпѣливая рука лихорадочно перерывала всѣ эти листы, ища и шаря въ нихъ чего-нибудь спѣшно, особенно спѣшно. Синеватый дымокъ недокуренной сигары тонкою струйкой извивался вверхъ въ неподвижномъ, тепломъ воздухѣ, расширяясь кверху въ дрожавшія расползавшіяся ленты. Старикъ сидѣлъ неподвижно за своимъ письменнымъ столомъ и точно спалъ, облокотясь на столъ и уперевъ лицо въ неподвижныя ладони.

— Анатолій Осиповичъ!...

Онъ вздрогнулъ, повернулъ ко мнѣ свое мертвенно-блѣдное,—даже не блѣдное, а какое-то сѣрое, окаменѣлое, съ помутившимся взглядомъ, съ крупными каплями слезъ,—лицо и посмотрѣлъ пристально.

— Бѣдныя, бѣдныя дѣти!...

— Это все, что вырвалось у него изъ груди, вмѣсто привѣта,—вырвалось съ какимъ-то хрипомъ затаеннаго плача и застыло въ мертвомъ воздухѣ. Онъ опять закрылъ лицо.

Я подошелъ и положилъ ему на плечо руку.

— Анатолій Осиповичъ, Анатолій Осиповичъ!—окликнулъ я его громче.—Первое условіе успѣха—не отчаяваться!... Послушайте, не теряйте бодрости!

Онъ отнялъ отъ лица руки.

— Все пропало, все!—проговорилъ онъ съ невыразимымъ отчаяніемъ. Я разоренъ, опутанъ, обманутъ, надутъ!.. Я ограбленъ, понимаете?—вскочилъ онъ.—Я даже незапятнаннаго, честнаго имени не оставлю дѣтямъ... Ахъ! бѣдныя дѣти... д-ѣ-т-и!—И онъ застоналъ отъ глубокой, смертельной боли и снова повалился, какъ безсильный, въ кресло.

— Анатолій Осиповичъ!..

Но онъ только глухо рыдалъ въ отвѣтъ.

— Анатолій Осиповичъ, ободритесь!.. Вы—мужчина, вы—отецъ!... Поговоримъ,—можетъ быть, не все еще потеряно.

— Все!—простоналъ онъ.

— Не можетъ быть! Это—отчаяніе говоритъ въ васъ...

— Убѣдитесь, убѣдитесь сами!—И онъ сталъ швырять бумаги, документы, счета, весь окружавшій его бумажный хламъ, точно съ злорадствомъ повторяя одно:—вотъ, вотъ, вотъ!

— Я все это, конечно, разсмотрю,—говорилъ я, дѣлая неимовѣрныя усилія казаться совершенно спокойнымъ:—разсмотрю, какъ юристъ, и, можетъ быть, чего добраго мы сами притянемъ Анчарова къ отвѣтственности за обманъ. Вы только скажите мнѣ, употребили ли вы всѣ усилія, все, что было въ вашей власти, чтобы... чтобы...

— Я даже къ *нему* ѣздилъ! Къ *нему*, къ этому... этому... Я сейчасъ отъ него!...

— Ну, и что?—Я понялъ, что онъ говорилъ объ Анчаровѣ.

Старикъ вскочилъ снова, его лицо исказилось гнѣвомъ, глаза зажглись и метали искры.

— Я молилъ, — понимаете?—я молилъ!... Я не укорялъ его ни въ обманѣ, ни въ плутовствѣ... я только молилъ!

— Ну?

— Онъ отказалъ во всемъ, отказался отъ всякой помощи. Въ коммерціи-де нѣтъ дружбы!... Нѣтъ!... Ахъ! дѣти... бѣдныя дѣти!—схватился онъ за голову руками въ порывѣ страшнаго отчаянія.

— Постойте, постойте!... Можетъ быть, еще и есть выходъ!

— Есть, конечно! — иронически подхватилъ онъ:—есть! Онъ даже указалъ мнѣ его!..

— Какой-же?

— Поспѣшить перевести все имущество на жену... Понимаете?

— Это въ модѣ...—отвѣтилъ я, потупляя невольно глаза.

— Но только не въ моей!... Я не могу,—понимаете?—я не могу! — страстно заговорилъ онъ, весь трясясь.—Я не подлецъ же, не воръ я! Я—дуракъ, старый, несчастный дуракъ, но не воръ! Въ роду у насъ не было воровъ! Пусть дѣти съ сумою пойдутъ, Христа ради, подъ окна... Бѣдныя, бѣдныя, бѣдныя дѣти!... Но я не могу, не могу... я не могу!—И съ глухимъ истерическимъ рыданіемъ онъ упалъ снова въ кресло.

Я долго провозился съ нимъ еще, напрягая всю волю казаться спокойнымъ, и, въ концѣ-концовъ, казалось, добился своего. Подъ конецъ онъ, дѣйствительно, сталъ спокойнѣе, слушалъ мои слова съ интересомъ, казалось, слѣдилъ за моими движеніями, когда я собиралъ бумаги, чтобы разсмотрѣть ихъ за ночь, даже подавалъ мнѣ и искалъ ихъ. Мое спокойствіе, видимо, отражалось на немъ,—я и не думалъ приписывать все это утомленію, потому что глаза его лихорадочно горѣли. Онъ даже съ чувствомъ, особенно горячо пожалъ мою руку, когда я сказалъ, что не уйду къ себѣ, а останусь съ бумагами у него, и самъ приказалъ приготовить для меня комнату.

— Спите, непремѣнно постарайтесь заснуть!—сказалъ я, прощаясь.—За ночь я разсмотрю все и завтра мы потолкуемъ какъ слѣдуетъ.

— Спасибо, спасибо!—отвѣчалъ онъ и тепло меня обнялъ.

XVIII.

Всю ночь провозился я съ бумагами, съ книгами, счетами и убѣдился, что, дѣйствительно, все пропало, какъ говорилъ старикъ, — вся семья оставалась нищей, буквально нищей. Всѣхъ имѣній съ трудомъ хватило бы на ликвидацію, даже не будь они заложены, а теперь, съ громаднымъ долгомъ земельнымъ банкамъ, который весь, цѣликомъ, ушелъ въ анчаровскій карманъ, кредиторамъ еле-еле выгадывался четвертакъ на рубль. Предпріятіе же, раздутое Анчаровымъ, его рекламами и искусственнымъ поднятіемъ цѣнъ на акціи до продажи Марковичу, дѣйствительно представляло собою мыльный пузырь, пущенный, однако, съ такимъ знаніемъ дѣла и такъ ловко, что закону оставалось только молчать. Въ то, что, передавая дѣло, Анчаровъ баснословно высоко оцѣнилъ ничего почти не стоющее имущество, назвалъ фабриками и заводами то, что не имѣло и тѣни подобія заводовъ и фабрикъ, показалъ фиктивную, не существующую доходность, искусственно поднявъ ничего не стоющія акціи, которыя немедленно же пали вслѣдъ за передачей, и во многое другое еще—законъ не вмѣшивался,

предоставляя все это усмотрѣнію и соглашенію договаривающихся сторонъ.

Въ тяжеломъ раздумьи сошелъ я внизъ, въ столовую, къ утреннему чаю, не зная, какъ приступить къ старику, котораго такъ или иначе я обнадежилъ, которому пообѣщалъ свою помощь. Въ столовой никого не было, шипѣлъ только поданный самоваръ, да ворчалъ что-то попугай, перепрыгивая съ одной жердочки на другую. Безстрастная природа, праздновавшая свой медовый мѣсяцъ, ликуя, несла въ открытое окно волны яркаго весенняго свѣта, тонкаго и мягкаго аромата стоявшихъ въ цвѣту деревьевъ и живыхъ, страстныхъ звуковъ птичьяго щебетанья, и всѣ эти волны, точно смѣшиваясь, переплетаясь и сливаясь другъ съ другомъ въ узкой оконной рамѣ, наполняли комнату жизнью, свѣтомъ и глубокою весеннею нѣгой. Такъ и напрашивалось, такъ и тянуло сказать: „какъ хороша, какъ прелестна жизнь, если-бы... если-бы...“

Крикъ, невозможный, неописуемый крикъ прорѣзалъ воздухъ и застылъ, точно окаменѣлъ. Кому хоть разъ въ жизни выпало на долю слышать подобный крикъ, въ которомъ смѣшивалось, казалось, все зло, все горе, составляющее изнанку мірового счастья, въ которомъ сливались вмѣстѣ и испугъ, и отчаяніе, и невыразимая боль и ужасъ, смертельный ужасъ, — крикъ, вмѣстѣ съ которымъ, ка-

жется; вырывалось изъ груди и сердце, тотъ не забудетъ его во вѣки. Волосы поднялись у меня дыбомъ, дыханье захватило... я чувствовалъ, какъ похолодѣлъ весь, въ одно мгновенье... И ничего не соображая, не понимая, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, весь охваченный точно туманомъ отъ ужаса, я какъ-то безсознательно, точно повинуясь одной неодолимой силѣ этого крика, какъ призыва, бросился на него въ кабинетъ. Тамъ, окаменѣвъ отъ ужаса, какъ блѣдная мраморная статуя, съ широко раскрытыми, безумными, окаменѣвшими глазами, съ искаженнымъ, но прелестнымъ лицомъ и судорожно прижатыми къ не дышавшей груди руками, стояла Женя, наклонившись впередъ къ креслу, въ которомъ какъ-то судорожно и протяжно хрипѣлъ старикъ.

Я не понималъ еще ничего и ничего не видѣлъ. Я видѣлъ только тонкую, яркую струю свѣта, яркій золотой лучъ утренняго солнца, который, пробившись изъ-за угла спущенной сторы, золотилъ полосами сѣдую старческую голову, судорожно двигавшуюся по спинкѣ кресла, и разсыпался яркими, жгучими струями по кудрямъ, лицу и складкамъ бѣлаго платья Жени. Я видѣлъ пылинки, которыя носились, плывя, въ этомъ лучѣ и тонули, ныряя; я видѣлъ муху, которая одна безучастно кружилась надъ письменнымъ столомъ, кресломъ и бѣлою, окаменѣвшею фигурой

дѣвушки. За окномъ на вѣткѣ кричалъ воробей и его силуэтъ, рѣзко выдѣлявшійся темнымъ пятномъ тѣни на ярко освѣщенной сторѣ, качался и прыгалъ то вверхъ, то внизъ. Часы на столѣ рѣзко и твердо тикали въ царившей тишинѣ, но какой-то протяжный не то вздохъ, не то храпъ заглушалъ ихъ. Я не понялъ еще этого страннаго, протяжнаго звука, я только двинулся, чтобы понять его,— двинулся и все понялъ, все увидѣлъ: и бритву, и кровь, и судорожно поднимавшуюся съ хрипомъ грудь, и потускнѣвшій, холодный, полный боли, полный муки, полный невыразимаго страданія взоръ.

— Папа, папа! Боже мой, папа!—раздался въ моихъ ушахъ не то вопль, не то стонъ,— я не знаю что́,—но только что-то ужасное, бездонно-ужасное,—до того ужасное, что я задрожалъ весь, какъ листъ, опомнился, пришелъ въ себя точно отъ электрическаго удара, — и двѣ бѣлыя, холодныя руки протянулись къ старику, мараясь въ крови, а глухія рыданія заглушали его хрипы.—Папа!..

Я видѣлъ, я ясно видѣлъ, какъ на этотъ нечеловѣческій вопль потухавшіе, почти безжизненные зрачки блеснули жизнью, какъ задвигались умиравшія губы и мой слухъ, мой болѣзненно напряженный слухъ уловилъ, кажется, ихъ предсмертный, агоническій шепотъ: „Мои дѣти! Мои бѣдныя дѣти!“

. . . . . .

Зачѣмъ я бѣжалъ, куда,—я не знаю. Я бѣжалъ безсознательно, весь охваченный паническимъ ужасомъ, потому что сзади за мною гнались и эти зрачки, и этотъ стонъ, и этотъ хрипъ... Я помню, что мнѣ хотѣлось кричать, звать на помощь, но губы мнѣ не повиновались и я безсильно задыхался,—отъ боли или ужаса—не знаю. Мнѣ кажется, я бы сталъ звонить въ набатъ, если бы набѣжалъ на колоколъ, и помню, что въ головѣ вертѣлось одно имя: Анчаровъ, Анчаровъ! Почему и зачѣмъ былъ онъ мнѣ нуженъ, я, конечно, не понималъ. Но безсознательно торчавшее въ мозгу имя мало-по-малу овладѣло сознаніемъ настолько, что стало для меня цѣлью, — я, казалось, бѣжалъ къ Анчарову и, казалось, начиналъ понимать это. По крайней мѣрѣ, когда случай натолкнулъ его на меня у подъѣзда чьего-то дома, я сразу остановился и схватилъ его за рукавъ.

— Пойдемъ!... Пойдемъ!

Онъ не сопротивлялся, не спросилъ—ни куда, ни зачѣмъ, а пошелъ, — по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобъ онъ что-нибудь спрашивалъ. Я видѣлъ, что мой видъ, мой голосъ ошеломили его; онъ поблѣднѣлъ, съёжился, оторопѣлъ какъ-то. Говорятъ, ужасъ заразителенъ и гипнотизируетъ, лишаетъ воли, даже сознанія другихъ людей,—можетъ быть, тутъ именно было что-нибудь въ этомъ родѣ, потому что Анчаровъ мнѣ повиновался. Мы

шли оба торопливо, малча, не говоря ни слова, и я все держалъ его за рукавъ.

Когда мы вошли, наконецъ, въ кабинетъ, Женя лежала безъ чувствъ на оттоманкѣ, возлѣ нея суетилась прислуга, а у кресла старика толпилась цѣлая куча людей, въ томъ числѣ докторъ и чины полиціи, которые что-то безучастно писали и топили на свѣчкѣ сюргучъ. Старикъ уже не хрипѣлъ. Вся испачканная кровью, сѣдая голова его, лежала, свѣсившись, на лѣвомъ плечѣ. Чей-то повелительный, осипшій голосъ, среди топота ногъ, шуршанья платья, бумаги и какихъ-то неясныхъ восклицаній суетившихся людей, выдѣлялся своимъ спокойнымъ, невозмутимымъ ритмомъ, однообразно отдавая одни и тѣ же приказанія:

— Печати!... На все печати!... Не забудьте печатей!

А въ углу, почти у самаго порога, дюжій, плутоватый на видъ дѣтина, въ кафтанѣ среднекупеческаго покроя, съ глазами въраскосъ, съ какими-то особенными вывертками въ движеніяхъ, громкимъ шепотомъ спрашивалъ экономку: „какъ насчетъ позументу прикажете, потому что какъ гробъ по-благородному“ и т. д., на что честная, мягкая, какъ воскъ, жалостливая нѣмка, вся въ слезахъ, вся пришибленная горемъ, въ удивленіи воскликнула: „Mein Gott, wass will der Kerl! Der grobe Kerl!“

Анчаровъ,—я видѣлъ это ясно,— оперся о каминъ, чтобы не упасть. Лицо его было смертельно блѣдно, глаза вытаращены въ холодномъ, неподвижномъ ужасѣ. Но въ чертахъ его проскальзывало въ этотъ моментъ что-то теплое, хорошее, человѣческое,—что-то такое, чего раньше я въ немъ не видалъ никогда. Его губы дрожали; можно было думать, что онъ шепчетъ.

— Вы, конечно, сдѣлаете для семьи...—сказалъ я ему тихо, наклонясь.

Онъ посмотрѣлъ на меня влажными,—не загадочными, не металлическими, не „ловкими“,— а влажными человѣческими глазами, — посмотрѣлъ такъ, что я повѣрилъ ему въ первый разъ.

— Да... да... все! — шепталъ онъ мнѣ въ отвѣтъ побѣлѣвшими губами, сжимая мою руку.

Я бросился къ Женѣ, которая пришла въ себя, а когда повернулся, Анчарова уже не было.

XIX.

Прошло нѣсколько особенныхъ скверныхъ дней въ вознѣ съ погребеніемъ и въ той больной, душу раздирающей суетѣ, которая неминуемо сопровождаетъ подобныя катастрофы. Женя лежала въ постели, не вставая; доктора

боялись, кажется, воспаленія мозга; она бредила, не узнавая никого; власти „описывали“ и „печатали“, гробовщики, могильщики, чтецы и т. д., и т. д.,—все это приставало, любезно кланялось, просило денегъ, денегъ и денегъ; все тормошило, суетилось бѣгало и какъ-то особенно назойливо и мучительно не давало покоя. Прилетѣли и какіе-то родственники; но, узнавъ, что семья въ полномъ разореніи, что ничего, кромѣ расходовъ, на ихъ долю выпасть не можетъ, разлетѣлись такъ же быстро, какъ и слетѣлись, точно вороны съ обглоданнаго до-чиста, до-бѣла остова, оставивъ всѣ заботы, всѣ хлопоты на мнѣ одномъ. И волей-неволей приходилось мнѣ и бѣгать, и суетиться, и хлопотать, и ломать, въ то же время, голову надъ тревожнымъ вопросомъ: какъ быть дальше, какъ устроить несчастную семью, выгадать для нея хоть какія-нибудь крохи? Дѣло было трудное въ виду полнаго разоренія, — оставалась одна надежда на Анчарова,—кстати, онъ прислалъ сто рублей на похороны,—надежда, что авось разбуженная ужасною катастрофой совѣсть заставитъ его дать семьѣ хоть часть изъ тѣхъ сотенъ тысячъ, за которыя онъ спустилъ покойному свой „мыльный пузырь“. Я надѣялся потому, что помнилъ и его взглядъ, и его шепотъ. Какъ только кончилась процедура похоронъ, я отправился къ нему.

— Я пришелъ къ вамъ въ качествѣ повѣреннаго Марковича,—сказалъ я, когда онъ быст-

рыми шагами выбѣжалъ ко мнѣ въ пріемную:— вы обѣщали...

— Да, да, да, помню... Грустная исторія, ужасная исторія! — вздохнулъ онъ.—Пойдемъ въ кабинетъ. Тамъ потолкуемъ.

Его глаза бѣгали, его лицо не предвѣщало ничего хорошаго.

— Вотъ, — сказалъ онъ, доставая изъ конторки, очевидно, заранѣе приготовленные, два векселя покойнаго:—вотъ я дѣлаю, что могу!— И онъ разорвалъ ихъ.

— Ну?—я ждалъ еще.

— Вотъ и это для семьи!—Онъ досталъ тысячу рублей и положилъ ихъ предо мною:— все, что могу-съ!

— Какъ, это все? Это все, чѣмъ вы можете помочь?...

— А вы чего же еще желаете? — И онъ уставился на меня неподвижнымъ, холоднымъ, какъ сталь, взглядомъ, облокотившись на конторку.

— Михайло Ивановичъ, — началъ я, и отъ волненія у меня дрожали губы:—будемъ говорить прямо. Въ прошломъ у насъ съ вами, насколько помните, нехорошіе счеты, а я не изъ тѣхъ, которые забываютъ прошлое: Я бы не пришелъ къ вамъ, если-бы... если-бы... ну, словомъ, если-бы я не видѣлъ вашего волненія при той сценѣ,—помните?.. Вы сказали: „да, да, все сдѣлаю!“

Его коробило, пока я говорилъ.

— Помню!—твердо отчеканили его холодныя губы, хотя лицо покраснѣло и онъ какъ-то сконфуженно отряхалъ пепелъ съ сигары, не глядя на меня.

— Ну-съ?... Я потому только и пришелъ къ вамъ. Вы многое можете сдѣлать.

— Я сдѣлалъ все, что могъ!

— Михайло Ивановичъ, вѣдь вы ограбили старика, вы сами толкнули его въ пропасть.

Онъ всплеснулъ въ удивленіи руками.

— Ограбилъ? Толкнулъ въ пропасть?! Я?!..

— Вы продали ему дутое предпріятіе, которое угрожало вамъ самимъ, можетъ быть, судомъ. Вы сбыли его покойному за сотни тысячъ!

— Дутое предпріятіе?!—старался онъ увильнуть въ сторону.—Да развѣ есть въ коммерціи дутыя и не дутыя предпріятія? Все зависитъ отъ рукъ-съ! Зачѣмъ онъ покупалъ?

Но тутъ онъ самъ понялъ, что заврался.

— Я ему указывалъ выходъ: онъ могъ перевести все на жену!—скороговоркой затушевывалъ онъ сказанное.

— А совѣсть?

— Ха-ха-ха!—захохоталъ онъ дѣланнымъ смѣхомъ:—въ коммерціи совѣстливость!.. Что же это такое?

— Это абсурдъ, понятно! И вы, конечно, понимали это вполнѣ, когда передавали ему за сотни тысячъ то, что не стоило и гроша! Но я этого не оставлю, въ этомъ даю вамъ сло-

во... Я употреблю все, чтобы вывести наружу это мошенничество!—говорилъ я, не помня себя:—я обращусь къ печати...

Онъ презрительно улыбнулся, хотя и поблѣднѣлъ.

— Къ суду...

Онъ поклонился.

— Къ администраціи, наконецъ, если судъ найдетъ, что формальности соблюдены.

— Сколько угодно!

Машинально я подвинулся впередъ, и онъ, вспомнивъ, вѣроятно, прошлое, испуганно нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Я вышелъ съ отуманенною злобой головой, съ кипѣвшею внутри желчью. Но оставлять такъ сразу дѣло не хотѣлъ и направился къ Марьѣ Львовнѣ, зная ея значеніе у Анчарова.

Я не говорилъ ей ни слова о своемъ визитѣ къ Анчарову, а, рисуя только яркими красками положеніе разоренной семьи, просилъ ее повліять на него. Она выслушала меня молча, хотя, видимо, была взволнована, заёрзала, какъ-то нерѣшительно взглядывала на меня и кусала губы.

— Но, вѣдь онъ самъ виноватъ! — какъ-то нерѣшительно, точно оправдываясь, проговорила она, наконецъ:—отчего не перевелъ на жену, какъ совѣтовалъ Анчаровъ? Такъ всѣ дѣлаютъ.

— И вы, Марья Львовна!—не выдержалъ я.—Да развѣ онъ такой человѣкъ?...

— Ахъ, mon cher, вѣдь спекуляція—не поэзія! Нельзя же въ такія дѣла вводить разныя нѣжности... Согласитесь!... Нужно было слушать Анчарова...

— Анчарова, который надулъ его, своего друга?.. который продалъ ему дутое дѣло?!

— Ахъ, надулъ!—точно обидѣлась она.—Развѣ это надувательство? Это—коммерція... Дружба дружбой, а деньги деньгами! У него же были глаза.—Чего-жъ онъ зѣвалъ?

— Марья Львовна!

— Да, да, да,—затараторила она, не слушая:—да! И вы хотите, чтобъ Анчаровъ филантропничалъ?!

— Но вѣдь за вздоръ онъ получилъ сотни тысячъ!

— Такъ что-жъ? Такъ всѣ дѣлаютъ. Не онъ первый, не онъ послѣдній; это законъ спекуляціи. И Анчаровъ всего меньше человѣкъ, способный на разныя сентиментальности... Это дѣловой человѣкъ!

По тону и словамъ можно было думать, что тутъ все потеряно, но Марья Львовна была женщина. Я не доказывалъ ей, не убѣждалъ,—я обращался только къ ея чувству. Мало-по-малу она перестала возражать, разволновалась и, кажется, чуть не прослезилась.

— Вотъ что,—сказала она взволнованнымъ голосомъ, кладя мнѣ на плечо руку.—Мнѣ самой жаль эту семью, а вы еще больше подогрѣли меня... Но помочь вамъ *я* не могу,—я,

лично, понимаете?... Анчаровъ не такой человѣкъ, чтобы кого-нибудь слушать... Но я дамъ вамъ совѣтъ...

— Какой?

— А вотъ какой: обратитесь къ его женѣ; онъ перевелъ все на нее, да и богатство-то ихъ, въ сущности, не его, а ея... Затроньте ея чувствительность: она вѣдь осталась прежнею Гликочкой,—немного насмѣшливо вставила Марья Львовна:—и какъ-нибудь такъ, чтобъ онъ не узналъ, да поскорѣй... Она можетъ выдать векселя или что-нибудь въ этомъ родѣ семьѣ... Понимаете?... но только, чуръ, пусть это останется между нами, а не то Анчаровъ мнѣ не проститъ... Слышите?

— Конечно... Развѣ она вернулась изъ-за границы?

— Да, на дняхъ... Идите сегодня вечеромъ къ ней; они на разныхъ половинахъ, да и Анчарова дома не будетъ. Только смотрите!— погрозила она шутливо.

Вечеромъ я пошелъ. Еще въ прихожей столкнулся я съ высохшею, напоминавшею мумію,—до того она была тоща,—женскою фигурой съ бѣлесоватыми глазами и съ трудомъ узналъ въ ней Гликочку.

— Гликерія Ивановна, Гликочка!...

Она отступила на шагъ, широко вытаращила свои бѣлесоватые глаза, разставила руки, слегка вскрикнула, точно застонала, и вдругъ бросилась мнѣ на шею.

— Это вы... вы... неужели?!—плакала она у меня на плечѣ.—Ахъ, какъ я рада, какъ я рада! Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ!—потащила она меня. Вспомнимъ наше старое, наше честное старое... Оно уплыло... уплыло!—продолжала она, плача.

Меня самого, признаюсь, разстроила эта встрѣча. Все старое, заснувшее, полузабытое точно ожило и нахлынуло густою, неудержимою волной. Эти слезы Гликочки отдавали чѣмъ-то вродѣ похороннаго плача.

— Гликерія Ивановна!—хотѣлъ-было я успокоить ее, но она перебила меня.

— Нѣтъ, не Гликерія Ивановна! Зовите меня Гликочкой, какъ прежде, какъ тогда... Я все прежняя Гликочка, глупенькая, но честная и искренняя... Да, да, прежняя, хотя кругомъ одна подлость... Ахъ, сколько подлости!..

Она говорила это такъ страстно, съ такою неподдѣльною болью, что мнѣ стало жаль ее.

— Что вы, Гликочка, что вы? Это такъ кажется больше!... Развѣ можетъ жизнь одною подлостью пробавляться? Посудите сами!...

— Ну, ужъ не знаю, право! Только я такъ несчастна, такъ глубоко несчастна... Знаете, вѣдь вы другъ, вамъ можно,—знаете, этотъ Михайло Ивановичъ такой... такой...—И она совсѣмъ разрыдалась.

— Гликочка!

— Но я, глупая, его такъ люблю... ахъ, такъ люблю!—И она заломила, точно въ отчаяньи, руки.

Въ этомъ сказалась вся Гликочка.

— А я къ вамъ по дѣлу, Гликочка,—перебилъ я ея ламентаціи и грустныя, и смѣшныя:— по дѣлу несчастныхъ Марковичей...

— Что-жъ? Что-жъ? — быстро спохватилась она.—Бѣдные они, бѣдные.!. Ахъ, мнѣ такъ жаль...

Я разсказалъ ей все: и травлю на старика, и перепродажу, и причину полнаго разоренія, и мой разговоръ съ Анчаровымъ,—все, до мельчайшихъ подробностей. Она слушала, то блѣднѣя, то вскакивая отъ изумленія, то хныча, то перебивая меня всевозможными возгласами негодованія.

— Вы говорите: векселей имъ выдать, да? О, непремѣнно! Это ужасно, это невѣроятно!... Сейчасъ, сію минуту. Самъ Богъ послалъ васъ ко мнѣ!—кричала она, когда я кончилъ, бѣгая по комнатѣ въ неописуемомъ волненіи.

Со мной были вексельные бланки; я вынулъ ихъ и положилъ.

— Диктуйте!—И она схватила со столика перо.—Сколько писать? Скорѣй, скорѣй!

— Это ваше дѣло...

— На пятьдесятъ тысячъ, по десяти?—лихорадочно спросила она и взяла бланкъ.

— Отлично!

— Ну, диктуйте же!

Я сталъ диктовать, а она торопливо записывала, волнуясь, браня и перо, которое плохо писало, и густоту чернилъ, и съ какою-то, точ-

но злобой, по нѣскольку разъ со стукомъ макала перо, повторяя:

— Ахъ, бѣдные! Ахъ, несчастные!—Но вдругъ она спохватилась и зарыдала.—А что, если онъ разсердится?—Ахъ, я такъ его люблю!—хныкала она, бросивъ перо и отодвигая бланкъ.

Признаюсь, я почувствовалъ себя крайне глупо: на такой пассажъ я уже никакъ не разсчитывалъ. Все шло какъ нельзя лучше и вдругъ эти неожиданныя слезы, эта странная нерѣшительность. Я покраснѣлъ и глупо уставился на нее, не зная, что говорить, а она смотрѣла на меня умоляющими, плачущими глазами, точно прося ее выручить. Въ это же мгновенье въ комнату, какъ бомба, влетѣлъ Анчаровъ.

— Что это? Векселя? Шантажъ?!—внѣ себя, весь задыхаясь и трясясь отъ злобы, крикнулъ онъ, схватывая разложенные бланки. Послѣ оказалось, что, опасаясь моего визита къ Гликочкѣ, онъ на всякій случай отдалъ приказаніе прислугѣ увѣдомить его о моемъ приходѣ.

— Что это? Шантажъ?!

Гликочка вскочила. Какъ всѣ „Гликочки“, застигнутыя врасплохъ, она проявила на моментъ, на одинъ моментъ, конечно, неожиданную дерзость.

— Какъ вы смѣете такъ выражаться?—крикнула она, вспыхнувъ.—Это справедливость одна! Вы ограбили семью.... я ей выдамъ векселей на пятьдесятъ тысячъ, непремѣнно выдамъ!

— Ты разорить меня хочешь?

— Хочу, хочу, хочу!—топала Гликочка.

— Ты разрушишь всѣ мои планы!

— Ваши планы? Ха-ха-ха! Ваши планы?... Вы мнѣ смѣете говорить про планы? Никакихъ у васъ плановъ нѣтъ! Одна безсовѣстность да алчность! Одна сплошная ложь!

— Гликочка! Дитя мое!...

Но Гликочка и безъ этого страстнаго восклицанія уже выговорилась. Она заломила руки и заплакала.

— Ахъ, когда я такъ его, глупая, люблю, такъ люблю!—умоляюще, точно оправдываясь, обернулась она ко мнѣ, ломая руки.

Я схватилъ шляпу и выбѣжалъ.

. . . . . .

На другой день меня позвали, обвинили почти въ шантажномъ вымогательствѣ векселей, посовѣтовали не вводить раздора въ „почтенную семью“ и оставить городъ.

XX.

Тяжелымъ гнетомъ легла вся эта жизненная драма на мою душу, и гнетущій призракъ ея все носился предо мною въ шумѣ и сутолокѣ столичной жизни. Но до финала было еще далеко; финалъ пришелъ позже, драма тянулась да тянулась, незамѣтно, тихо, за за-

навѣсью, которая, вдругъ поднявшись, открыла одну развязку, но такую глубоко больную, что передъ нею поблѣднѣло все предшествовавшее, все то кровавое прошлое, которое ее обусловило и отъ котораго я тщетно искалъ себѣ забвенія. Все это померкло, потускнѣло передъ однимъ письмомъ Жени,—ея роковымъ письмомъ, оглушившимъ меня, какъ ударъ грома, наполнившимъ душу тою острою, невыразимою болью, которую не тушатъ даже мужскія слезы, которая не глохнетъ съ годами, для которой нигдѣ и никогда нѣтъ забвенія. Такая боль заползаетъ въ душу, какъ хроническій, неизлѣчимый недугъ въ заболѣвшее тѣло, что гложетъ тихо, незамѣтно, но упорно, шагъ за шагомъ; она встаетъ подчасъ какимъ-то тяжелымъ укоромъ, точно шепчетъ человѣку, что и онъ виноватъ,—виноватъ уже тѣмъ однимъ, что спокойно жилъ, думалъ, дышалъ, когда за спиной у него разыгрывалось то роковое, чему онъ не приберетъ теперь и названія, но что въ свое время онъ бы могъ, пожалуй, предотвратить своимъ вмѣшательствомъ.

Это письмо лежитъ предо мною! Его потускнѣвшія, пожелтѣвшія строчки сливаются въ моихъ глазахъ въ кровавыя, перепутанныя нити; ни читать, ни разобраться въ нихъ я не могу, да и незачѣмъ,—его слова отпечатлѣлись въ мозгу такъ сильно, что я могу читать наизусть. Я получилъ его поздно ве-

черомъ, прочелъ, окаменѣлъ какъ-то, застылъ, забылся, а когда очнулся, когда забившееся сердце пробудило меня отъ внезапной дремоты, я зналъ каждое слово, помнилъ каждый переносъ.

„Дорогой другъ мой!

„Когда вы будете читать это письмо, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Вы пожалѣете меня, конечно, но я хочу, чтобы вы меня и простили. Знаете, невозможно умирать съ нехорошею тайной, съ сознаніемъ проступка... по крайней мѣрѣ, я не могу. Я хочу вамъ покаяться,—вамъ, вамъ одному, потому что ни мамѣ, ни сестрамъ я ничего не сказала, зачѣмъ мнѣ ихъ мучить?—и такъ моя смерть принесетъ имъ много горя,—а я хочу, чтобы онѣ всѣ были счастливы и *обезпечены*. Бѣдная мама, бѣдныя сестры! Какъ онѣ будутъ плакать, какъ имъ будетъ тяжело, но зато онѣ будутъ обезпечены! Горе, которое я имъ принесу, будетъ имѣть для нихъ и хорошую сторону. Я оставляю имъ только коротенькую записку, въ которой пишу, что стрѣляюсь потому, что жизнь надоѣла и много горя вынесла. Но вамъ я скажу все... все,—я хочу покаяться и хочу, чтобы вы мнѣ простили. Ахъ, я такъ много думала, такъ много плакала!.. Знаете, другъ мой, откуда эти 25,000 рублей, которые я перевела на васъ съ порученіемъ передать ихъ мамѣ и сестрамъ подъ видомъ остат-

ковъ отъ ликвидаціи нашихъ дѣлъ, — я еще разъ и еще разъ прошу васъ, умоляю не говорить ничего никому,—знаете... Ахъ, если бы все это зналъ папа, что бы онъ сказалъ? Онъ бы не повѣрилъ!.. Но что же дѣлать, что же дѣлать, когда бѣдная мама и сестры умрутъ съ голоду?..

„Вотъ какъ все это вышло. Я писала вамъ, что я нашла себѣ уроки, которые совсѣмъ меня обезпечивали,—къ роднымъ уѣзжать я не хотѣла. Я хорошо устроилась, нашла себѣ маленькую уютную комнату. Въ ней много свѣта и всѣ окна выходятъ въ прелестный садъ. Ахъ, въ немъ такъ хорошо, такъ хорошо... Себя я чувствовала спокойно и даже немного гордилась, что трудомъ зарабатываю средства. Тревожила меня только судьба мамы и сестеръ, которыя все не ѣхали, проживали за границею послѣдній грошъ,—бѣдная мама лежала въ постели. Когда у нихъ вышли всѣ деньги, она написала мнѣ пойти къ Анчарову и попросить у него денегъ до полной ликвидаціи нашихъ дѣлъ,—вѣдь она, бѣдная, помнила и знала только одно, что онъ нашъ старый пріятель. О, чего мнѣ стоило пойти къ нему! Я точно предчувствовала все, что вышло изъ этого визита. Я много плакала, прежде чѣмъ пошла, но онъ встрѣтилъ меня по-родственному, сейчасъ-же послалъ деньги и даже пожурилъ, что я не заглянула къ нему раньше. „Я бы и самъ, конечно, навѣстилъ васъ,—

сказалъ онъ:—но думалъ, что вы на меня сердитесь, хотя я ни въ чемъ не виноватъ. Покойный самъ подготовилъ себѣ все своею непрактичностью.“ На другой же день онъ навѣстилъ меня, просидѣлъ долго, почти весь вечеръ, и опять держалъ себя мило, тепло, по-родственному. Онъ любовался и моею комнаткой, и моею черемухой, и канарейкой, все разспрашивалъ о мамѣ и сестрахъ; я даже ему письма ихъ давала читать. Черезъ день онъ опять пріѣхалъ и сталъ ѣздить каждый вечеръ. Мы и гуляли съ нимъ по цѣлымъ часамъ, и читали, перебирали прошлое. Конечно, будь я опытнѣе, не будь я такъ глупа, я бы поняла его и его визиты, поняла бы его тонъ, его взгляды, но тогда я ничего не понимала. Иногда меня брало какое-то раздумье, но я такъ была увѣрена, что онъ только жалѣетъ меня и нашу семью, что въ немъ говоритъ только старая пріязнь. Ахъ, какъ я была глупа! Иногда его посѣщенія были мнѣ тяжелы, мнѣ хотѣлось быть одной, но я сейчасъ же пересиливала себя и упрекала въ неблагодарности,—мамѣ онъ все посылалъ большія суммы. Такъ тянулось до вчерашняго вечера, до этого ужаснаго вечера. Нѣтъ, я не могу... Мнѣ нужно отдохнуть.

„Я провалялась цѣлый часъ въ какомъ-то отупѣніи, въ тупыхъ, но тяжелыхъ слезахъ, а нужно спѣшить, нужно кончать, а не то онъ пріѣдетъ за мной. Да, за мной... слышите?

Онъ купилъ мое тѣло,—ну, и долженъ застать только одно тѣло. Ахъ, зачѣмъ все это именно такъ вышло?... Вѣдь я еще хочу, хочу и хочу жить! Бѣдная мама, бѣдныя сестры! Я только для васъ все это сдѣлала, но вы не должны этого знать, никогда, никогда!..

„Мы гуляли съ нимъ вчера у рѣки, надъ обрывомъ,—помните?—вамъ еще такъ нравилось это мѣсто. Рѣка тихо катилась, плавно, спокойно, и волны такъ нѣжно шумѣли и плескались о скалы, что ухо чуть ловило эти звуки. Дубы стояли тихо и угрюмо, какъ заколдованные рыцари въ сказкахъ, а съ неба въ рѣку глядѣли звѣзды и качались на волнахъ. И вдругъ затрещалъ соловей, но такъ затрещалъ, что я, кажется, никогда не слышала такого пѣнія. Я стояла, какъ околдованная, и сама готова была, Богъ знаетъ отчего, заплакать. И тутъ вдругъ Анчаровъ бросился ко мнѣ, бросился...

„Онъ цѣловалъ мои ноги, мое платье, ловилъ мои руки, клялся и признавался въ своей страсти. Сначала я ничего не понимала, я испугалась и дрожала отъ испуга, но пришла въ себя, когда онъ заговорилъ о мамѣ. Онъ обѣщалъ ее осыпать золотомъ, дать ей возможность лѣчиться, кончить жизнь въ довольствѣ и убѣждалъ меня принести эту жертву для семьи, для больной старухи-матери. Онъ говорилъ, что уѣдетъ со мною заграницу, гдѣ никто не упрекнетъ меня за нашу связь; го-

ворилъ, что страдаетъ съ своею женой, которую онъ не любитъ. И все говорилъ о мамѣ, о сестрахъ, объ ихъ нуждѣ...—О, Боже мой, Боже мой! Я слушала, какъ каменная, но дрожала съ ногъ до головы, какъ человѣкъ больной лихорадкой. Я не могла произнести ни звука и стояла неподвижно, пока онъ схватился за бумажникъ. „Берите, берите,—лихорадочно произнесъ онъ:—берите!.. Сколько нужно? Десять тысячъ? Пятнадцать? Двадцать? Двадцать пять?..“ Тогда я вскрикнула, или зарыдала, не помню, и побѣжала, сломя голову. Но дома я одумалась, я пришла въ себя. Глубокая обида, страшная боль давили меня, но предо мною стояла больная мама и бѣдныя сестры. Боже мой, какія онѣ всѣ бѣдныя! Я все думала и плакала, плакала и думала! И я надумала, я все надумала. Утромъ я послала къ нему записку: „Пришлите немедленно двадцать пять тысячъ и пріѣзжайте вечеромъ“. Цифру я написала машинально; это было послѣднее слово, которое онъ прокричалъ, и оно стояло въ моихъ ушахъ. Деньги лежали уже предо мною черезъ часъ и я снесла ихъ въ банкъ и перевела на васъ. Отдайте ихъ мамѣ!

„Когда онъ пріѣдетъ, револьверъ сдѣлаетъ свое дѣло; онъ застанетъ только мое тѣло и пусть назоветъ меня воровкой. Мнѣ все равно. А вы?... Видите, я опять плачу...

„Но плакать долго нельзя. Скоро загремитъ его карета въ нашемъ молчаливомъ переулкѣ,

а письмо нужно послать. Боже мой, какъ тяжело умирать!.. Черемуха такъ и тянется ко мнѣ, вмѣстѣ съ розовыми лучами близкаго заката. Моя канарейка все скачетъ. Всѣ, всѣ могутъ и будутъ жить, а я нѣтъ Почему? За что? Что я сдѣлала?!.. Я—воровка!.. Ой, нѣтъ! Развѣ жизнь человѣческая не стоитъ двадцати пяти тысячъ?

„Прощайте всѣ, всѣ! И ты, розовое солнце, и ты, бѣлая черемуха, и ты, моя канарейка, и мама, и сестры, и зеленое поле, и рѣка, и дубы, и все, все... И люди прощайте, прощайте, добрые люди!... Я всѣхъ, всѣхъ люблю, всѣмъ и всему говорю прощай, любя!...

„И вы прощайте, мой дорогой и хорошій другъ! Прощайте и простите! Поцѣлуйте маму и сестеръ... Прощайте, а не то я съ вами расхнычусь. Я сейчасъ запечатаю и отправлю со своею доброю Матреной. То-то бѣлая испугается, когда вернется! Вѣдь тогда ея „солнышко-барышня“ будетъ лежать бездыханная. Прощайте и простите вашу „козу черноглазую“!

„Женя Марковичъ“

„Нѣтъ, я не могу, не могу, не могу!...“

Но она смогла. Вслѣдъ за этимъ письмомъ я прочелъ въ газетѣ слѣдующее:

„У насъ опять самоубійство. Застрѣлилась изъ револьвера дѣвица Евгенія Марковичъ, дочь прогорѣвшаго на неудачныхъ спе-

куляціяхъ богатаго помѣщика, 18-ти лѣтъ. Покойная оставила только краткую записку къ роднымъ, въ которой заявляла, что ей надоѣло жить. Выстрѣлъ былъ направленъ прямо въ сердце, изъ чего можно заключить, что смерть была моментальная. Покойная блистала красотой" и т. д., и т. д.

XXI.

Анчаровъ, конечно, какъ и прежде, былъ „душой", „звѣздой", „оракуломъ",—чѣмъ хотите. Крайне отзывчивый на всякія „вѣянія" и „настроенія", согласно новому духу времени, новому кодексу понятій, онъ слылъ уже, понятно, не „титаномъ", не „дѣльцомъ" даже, а „трезвеннымъ, свѣдущимъ" человѣкомъ. Банки его были переуступлены, „предпріятія" ликвидированы, блестящіе „планы" переданы въ другія ловкія руки, а самъ онъ, „послуживъ дѣлу промышленности и оживленію края", съ спокойною совѣстью опочилъ на лаврахъ „предводительства" въ уѣздѣ, добрая часть котораго составляла теперь его неотъемлемую, благопріобрѣтенную собственность. Естественно, онъ воевалъ теперь съ „этимъ земствомъ", съ этимъ „корнемъ зла", какъ выразительно называлъ онъ его, расточая все, что только можно было расточать на головы немногочисленной, но стойко державшейся кучки

дѣйствительно земскихъ людей, стоявшихъ за земскіе интересы,—„ну, не сумасброды ли это, не фантазеры ли, не вредные ли люди?“—отрицалъ „эти г-л-а-с-н-ы-е,—Боже, сколько презрѣнія было въ этомъ!—„гласные“ суды, чуждые и народному духу, и его традиціямъ“,—„Помилуйте, вѣдь это смѣхъ одинъ! Мошенники остаются безнаказанными!“—и прессу, эту „ужасную“ прессу, которая „подрывала и святость семейнаго очага, и понятіе о благопріобрѣтенномъ“. И все это говорилось, конечно, только во имя „отечества“, во имя интересовъ „нашего простого, добраго, сѣраго мужичка“, которому нужна только „добрая ложка каши“ и ведерко-другое ржаного „излюбленнаго квасу“... Только!

И Марья Львовна, прелестная Марья Львовна, смѣшавшая нѣкогда прогрессъ съ ажіотажемъ, а нынѣ ажіотажъ съ „трезвеннымъ дѣломъ“, осталась все прежнею прелестною Марьей Львовной съ удивительными ножками,—ахъ, эти ножки!—и плечами, теперь, впрочемъ, всегда покрытыми густымъ, но довольно прозрачнымъ тюлемъ. Она блюла уже строго посты, пожимала своими удивительными плечами на „этихъ стриженыхъ“,—о, всему причиной эти курсы, это всѣмъ извѣстно!—и писала въ „трезвенной“ газетѣ страстные, полные огня, фельетоны, въ которыхъ распиналась за „священныя обязанности матери“,—Боже, какъ она несчастна, какъ глубоко несчастна, что у

нея самой нѣтъ такого кругленькаго, упитаннаго,—ахъ! такого краснощекаго бэбэ. Она гдѣ-то „предлагала свои услуги“, даже служила и всѣхъ призывала остепениться, одуматься, бросить, наконецъ, это „глупое подражаніе Европѣ“. „Посмотрите! Наши добрые, вѣрные мужички: они всѣмъ довольны, никогда не ропщутъ,—кричала она всѣмъ и каждому и сейчасъ же добавляла:—блаженны кротціи!“

Когда я поѣхалъ въ N., меня сильно просили добрые знакомые выхлопотать въ земствѣ стипендію для одного бѣднаго, безроднаго юноши, только что кончившаго гимназію и не имѣвшаго никакихъ средствъ поступить въ университетъ. Какъ ни увѣрялъ я, что не имѣю ни малѣйшихъ шансовъ добиться успѣха, что въ N. у меня нѣтъ никакихъ связей, ко мнѣ приставали такъ сильно, что, волей-неволей, я далъ слово хлопотать и сдѣлать все возможное. Все зависѣло, главнымъ образомъ, отъ Анчарова и потому, естественно, я пошелъ къ Марьѣ Львовнѣ.

Она забросала меня восклицаніями, какъ всегда, перебивала, увѣряла, что пора „одуматься“, но, когда выговорилась, стала слушать спокойно. Вѣроятно, утомившись, она даже пообѣщала сама упросить Анчарова и, несомнѣнно, успѣла бы въ этомъ, не принеси его нелегкая какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ я только что собрался уходить.

— Сама судьба, сама судьба! — закричала Марья Львовна, бросаясь къ нему навстрѣчу и быстро, какъ всегда, скороговоркой передавая ему мою просьбу.—Вы сдѣлаете? да? вы сдѣлаете?—приставала она съ томною граціей молодой институтки.

Анчаровъ только что разглядѣлъ меня и еле успѣлъ спрятать выразительно недовольную гримасу. Его видъ былъ спокойно-важенъ; борода съ просѣдью, которую онъ носилъ теперь, придавала ему много величія и сановитости. Кивнувъ мнѣ глазами, такими же бѣгающими, живыми глазами, какъ и прежде, онъ спокойно и важно остановился, положилъ на столъ свою фуражку съ краснымъ околышемъ, подумалъ и спокойно-важнымъ, размѣреннымъ тономъ отрѣзалъ:

— Никогда-съ!

— Почему?—невольно вырвалось у меня.

— Таковъ мой принципъ. Коли не попъ, не суйся въ ризы!... Нѣтъ у него средствъ,—незачѣмъ и въ университетъ!—такъ же спокойно, наставительно продолжалъ Анчаровъ.

— То-есть какъ это?—пожалъ я плечами.—Бѣдняки не должны учиться?

— Въ университетѣ—да! Совершенно вѣрно-съ,—не должны!—подхватилъ онъ:—Довольно съ насъ ученыхъ пролетаріевъ, этихъ разныхъ „истовъ“,—очень довольно-съ! Будетъ-съ!

— Пусть идутъ въ ремесла, какъ заграницей, напримѣръ,—подхватила Марья Львовна:—раз-

ныя профессіи изучаютъ... Помилуйте, у насъ даже лакеевъ нѣтъ хорошихъ, нянекъ, поваровъ, садовниковъ, мэтръ-д'отелей!..

Я невольно расхохотался.

— Однако, еще очень недавно вы утверждали совсѣмъ иное... Теперь отрицать начали.

— Да, да, да и да!—какъ-то странно подхватилъ Анчаровъ.—Все теперь отрицаемъ-съ! Въ этомъ, батенька, весь такъ называемый raison d'état, весь смыслъ исторіи... Сначала утверждать, потомъ отрицать...

— А потомъ?—Меня заинтересовала эта своеобразная философія.

— А потомъ,—съ апломбомъ, ни мало не смущаясь, продолжалъ Анчаровъ:—потомъ истина-съ и ляжетъ въ свой моментъ по серединѣ! Понимаете? Въ *свой* моментъ! Но не раньше, не раньше-съ!

— Какой умъ, какой государственный умъ!—захлебывалась мнѣ въ ухо Марья Львовна. — Ахъ, если-бъ его планы были приняты! Ахъ!...

— Это выходитъ нѣчто вродѣ терминовъ: сначала тезисъ, потомъ антитезисъ и, наконецъ, синтезъ. Такъ?

Анчаровъ пропустилъ мимо ушей мой шутливый тонъ.

— Такъ, такъ, такъ... Именно-съ! Это прелестная аналогія... Да вѣдь жизнь имѣетъ тоже свою логику! Сначала синтезъ, потомъ антитезъ... или то бишь... ахъ, я совсѣмъ

сбился!... Ну, да все равно, вы понимаете...

. . . . . .

Немного спустя я встрѣтилъ его недалеко отъ одного изъ департаментовъ. Онъ весь сіялъ и весело протянулъ мнѣ свои руки, точно другу. Въ моменты глубокаго счастія, какъ извѣстно, забывается все горькое, злое и обидное.

— Можно думать, что вы выиграли двѣсти тысячъ, право!

— Больше-съ, больше!—отвѣтилъ онъ, сіяя.— Я получилъ, наконецъ, назначеніе, котораго давно...

— Вотъ что!—Мнѣ стало какъ-то жутко.

— Да-съ!—отвѣтилъ онъ, потирая руки и зорко пронизывая меня взглядомъ.—Пора непосредственно воздѣйствовать на жизнь! Пора отъ словъ перейти къ дѣлу-съ! Да-съ!... Человѣкъ, у котораго есть свой планъ... вы понимаете?

Я, конечно, понялъ.

КОНЕЦЪ АНЧАРОВА.

(Нѣчто вродѣ эпилога).

Этюдъ.

I.

.... Прошли года... Дѣла все задерживали меня въ столицѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ-рядъ мнѣ ни разу не пришлось побывать въ N. Когда я попалъ туда, наконецъ, никого изъ семьи Марковича тамъ уже не было. Старуха-мать давно умерла заграницей, дочери, выйдя замужъ, разъѣхались въ разныя стороны, и только на лѣто съѣзжались сюда въ небольшую подгороднюю деревеньку, доставшуюся имъ послѣ матери. Разъ, вечеромъ, долго бродя по троттуарамъ, полный обычной тоски, глодавшей меня съ утра до вечера, я какъ-то вдругъ сразу повернулся и машинально пошелъ внизъ, за городъ, только смутно сознавая, что иду къ кладбищу.

Сторожъ у калитки сказалъ мнѣ, гдѣ найти могилу Жени; она была похоронена рядомъ

съ отцомъ. Машинально вошелъ я на погостъ и такъ же машинально двинулся по густой кладбищенской аллеѣ. На дворѣ стояла осень, и желтый, мертвый листъ усыпалъ дорожки, простые могильные бугры, дорогіе памятники, высокіе и малые кресты. Мягко шуршалъ этотъ листъ подъ моими ногами, и этотъ мягкій шорохъ какъ-то особенно хорошо, какъ-то грустно хорошо гармонировалъ и съ моимъ настроеніемъ, и съ сѣрымъ осеннимъ небомъ, и съ этою тихою, грустною аллеей плакучихъ березъ, липъ и каштановъ. Тихо все было, неподвижно, безмолвно, только одинокая ворона каркнула, пролетѣвъ гдѣ-то, а въ душу заползало то особое чувство покоя, холоднаго, безстрастнаго покоя, безъ участія, равнодушія къ себѣ, къ своему „я“, которое нагоняется такъ часто на нервныхъ людей безмолвнымъ, грустнымъ видомъ кладбища. Ничего какъ-то не чувствуется тогда, ничего не выдѣляется, все какъ-то тупо, тупо и покойно.

Я думалъ о могилѣ, которая была тамъ, внизу, за поворотомъ, подъ густою кущей деревьевъ. Я зналъ, какой памятникъ поставленъ на ней: колонка, увитая гирляндой; въ мысли онъ рисовался мнѣ пустыннымъ, одинокимъ, усыпаннымъ желтымъ листомъ, обвитымъ густыми, полу-обнаженными вѣтвями. Я сорвалъ нѣсколько стеблей еще зеленой травы, чтобы бросить на этотъ желтый листъ, и шелъ все впередъ, ничего не видя, не разглядывая. Ма-

шинально повернулъ я и остановился, какъ вкопанный...

Могила была не одинока, не пустынна! Ее осыпалъ желтый листъ, ее обвивали черныя, голыя вѣтви, но на плитѣ у подножія колонки сидѣла живая, человѣческая фигура. Въ глубокой задумчивости, уткнувшись лбомъ въ ладонь согнутой, упертой въ колѣно руки, сидѣлъ кто-то, какой-то дряхлый старикъ, тоже ничего не видя и не слыша. Шляпа валялась у его ногъ и букетъ живыхъ цвѣтовъ выдѣлялся яркимъ, почти рѣжущимъ пятномъ на грустной желтизнѣ опавшихъ листьевъ. Кто это?...

Разбуженный, встревоженный моимъ шагомъ, онъ поднялъ голову: Анчаровъ!

Да, это сидѣлъ онъ, одинъ, подъ этимъ сѣрымъ, вечернимъ небомъ, среди этой кучи сплетенныхъ, полу-обнаженныхъ вѣтвей, на этой бѣлой плитѣ, придавившей собою когда-то живого человѣка. Сразу онъ не узналъ меня; его глаза были мутны, онъ всматривался въ меня подозрительно, недружелюбно, зло, какъ всматривается всегда человѣкъ, неожиданно и грубо потревоженный въ своихъ личныхъ, интимныхъ ощущеніяхъ. Но, узнавъ, онъ вздрогнулъ,—вздрогнулъ и побѣлѣлъ, какъ его носовой платокъ.

Мы точно спорить сошлись за эту могилу, за это тихое, грустное мѣсто. Этого я не ждалъ. Признаюсь, я почувствовалъ себя не-

ловко,—я покраснѣлъ, какъ всегда при чужой драмѣ. Мнѣ было какъ-то и досадно, и больно, и обидно, что я такъ съ разбѣга ворвался въ чужую душу, въ ея міръ, въ ея интимность. Я чуть не сказалъ: „извините!“—и хотѣлъ повернуться, но онъ предупредилъ меня. Молча, не говоря ни слова, не кивнувъ мнѣ даже головой, онъ всталъ, поднялъ шляпу и, не глядя на меня, повернулся идти.

Мнѣ стало еще болѣе неловко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то особенное чувство овладѣло мной... На моментъ что-то заклокотало внутри; съ устъ, казалось, готовилось сорваться жесткое слово, но только на моментъ. Этотъ угнетенный, жалкій видъ, эта уступчивость точно говорили о раскаяніи, о душевной мукѣ, о стыдѣ, а все это, если не всегда примиряетъ, то всегда останавливаетъ движеніе гнѣва. Право, не знаю, что именно такое почувствовалъ я, какъ характеризовать это ощущеніе, но мнѣ вдругъ какъ-то грустно стало отпустить его *такъ*, молча, безъ слова, безъ... я не скажу ласки, не скажу теплоты, но вообще *такъ*... Этотъ неожиданный проблескъ общечеловѣческихъ душевныхъ свойствъ и чертъ въ немъ, котораго я всегда видѣлъ и зналъ только черствымъ, разсчетливымъ, хитрымъ лгуномъ, вызвалъ въ душѣ моей вдругъ что-то вродѣ жалостливости. Но и сказать ему что-нибудь я тоже не могъ,—не хватало словъ и силъ вымолвить ихъ,—не знаю, чего не хва-

тало еще,—только я все продолжалъ глядѣть ему вслѣдъ молча, не двигаясь, не переставая чувствовать какую-то странную неловкость...

Онъ шелъ, но вдругъ повернулся, остановился и посмотрѣлъ на меня, точно тоже собираясь что-то сказать. Я видѣлъ, какъ зашевелились его усы, раскрылись губы, готовыя, казалось, вымолвить что-то, и напряженно ждалъ... Но жданное слово не вылетѣло,— можетъ быть, тоже силъ не хватило для него,— и, остановившись только на моментъ, Анчаровъ вдругъ махнулъ рукой, повернулся вновь и скрылся, не обернувшись уже ни разу.

II.

Со дня этой встрѣчи я долго его не видалъ, я съ нимъ не встрѣчался, ничего о немъ не слышалъ,—я ушелъ отъ всѣхъ и отъ всего. Потерявъ, какъ и другіе, смыслъ жизни, свою „нить“, свою вѣру, все то, что называется „душой“, я только нылъ, постыдно нылъ, грызъ, проклиналъ, терзалъ и самого себя, и другихъ. Жизнь точно уплыла изъ рукъ, и я, съ холодною, опустѣвшею душой, съ безсмысленно какъ-то бившимся сердцемъ, точно во снѣ, а не на яву, въ гипнозѣ, стоялъ, казалось, на пустынномъ кладбищѣ, сгнившіе кресты котораго, треснувшія, полу-стертыя плиты

да могильные бугры грустно напоминали о кипѣвшей нѣкогда жизни. Однимъ лучемъ, одною искрой, еще согрѣвавшей мою истлѣвавшую, казалось, душу, былъ Боря, мой воспитанникъ, сынъ гдѣ-то далеко изнывавшей Лели,—стараго друга,—и Анчарова, который никогда не зналъ его, не видалъ, никогда о немъ не справлялся. Уѣзжая въ свое „далеко", гдѣ не было, конечно, хорошихъ школъ, Кутыревы оставили мнѣ Борю, какъ другу, какъ духовному брату, съ однимъ завѣтомъ: сдѣлать изъ него человѣка и никогда не говорить ему объ истинномъ отцѣ, за котораго мальчикъ принималъ Кутырева, не открывать ему тайны его рожденія. „Будетъ время,—говорила Леля,—выростетъ онъ, поумнѣетъ, и тогда я сама скажу ему все".

Боря спасалъ меня; онъ замѣнялъ мнѣ все то, безъ чего нельзя жить человѣку, онъ наполнялъ собой царившую въ душѣ пустоту, имъ сдерживался напоръ той страшной волны скорбно-холоднаго, безнадежнаго нытья, которая могла бы поглотить меня, залить, задушить,—онъ поддерживалъ во мнѣ застывавшее желаніе жизни. Я оживалъ въ немъ и съ нимъ, я вспоминалъ себя, „насъ", глядя въ его чистые глазенки, сверкавшіе молодою вѣрой и любовью, и, вспоминая, я молился только объ одномъ,—чтобы путь его былъ шире и легче, чтобы разбившее „насъ" не коснулось его. Пытливо всматривался юноша въ жизнь, часто

терзало его недоумѣніе, часто искалъ онъ отвѣтовъ, не разбираясь въ путаницѣ жизненныхъ явленій съ ихъ подчасъ странною и даже страшною логикой; но я молчалъ, я не давалъ ему своихъ жизнью вымученныхъ сомнѣній и скептицизма, я берегъ его отъ своего безвѣрія, оторванности, своего холоднаго нытья. Я молчалъ, потому что что же другое я могъ дать ему. Я молчалъ, потому что вѣрилъ въ его молодыя силы, въ то, что самъ онъ найдетъ свою дорогу и, найдя ее, проститъ своимъ чистымъ сердцемъ „насъ", потерявшихъ аріаднину нить и сѣвшихъ на полдорогѣ,—проститъ, потому что мы, все-таки, шли и, уставъ, мы не заградили ему дороги...

Юноша такъ и росъ, не зная истиннаго отца, какъ и Анчаровъ, конечно, не зналъ, не видалъ его и давно, вѣроятно, забылъ даже, что у него былъ сынъ, котораго онъ видалъ всего нѣсколько разъ, встрѣчая когда-то Лелю невзначай съ ребенкомъ на рукахъ на улицѣ или у знакомыхъ. Я ждалъ уже скоро Лелю, ея возврата, но рокъ судилъ иначе: мнѣ, моимъ устамъ пришлось открыть Борѣ все, мнѣ пришлось открыть ему отца.

Разъ, ночью, я получилъ странную и неожиданную телеграмму отъ Анчарова, въ которой онъ просилъ меня пріѣхать поскорѣе. Я колебался, недоумѣвая, когда вторая телеграмма всего въ три слова: „простите, спѣшите, умираю",—положила конецъ моимъ колебаніямъ.

Я скоро собрался и поѣхалъ, все недоумѣвая, все теряясь въ догадкахъ.

III.

Я недоумѣвалъ, терялся въ предположеніяхъ, а, между тѣмъ, тамъ, куда я ѣхалъ, въ роскошномъ, душномъ, пропитанномъ, острымъ запахомъ лѣкарствъ кабинетѣ безнадежно больного, совершалась великая и глубокая, часто не постижимая на первый взглядъ драма. Подходилъ тотъ трагическій, невообразимо больной финалъ, когда прибитая, придавленная, заглушаемая въ теченіе всей жизни природа человѣка, съ ея потребностями любви, тепла, участія, ласки, семьи, когда все то, что́ зовется душой, совѣстью,—все это вдругъ встаетъ предъ изможденнымъ болѣзнью во весь ростъ, встаетъ и жестоко мститъ за себя, за свое поруганіе. Исчезли молодость, сила, здоровье, исчезло все то, что́ даетъ человѣку возможность жить одними физическими ощущеніями, жить только во имя ихъ и для нихъ, жить съ минуты на минуту, съ какою-то птичьей легкостью проходя мимо всего, бодро заглушая чуть слышный порою внутренній протестъ чего-то неосязательнаго, безформеннаго, несознаннаго, но присущаго всѣмъ,—исчезли,—заглушать, притаптывать стало нечѣмъ, и вотъ, все это безформенное, неося-

зательное, несознанное начинаетъ копошиться, принимать форму, образъ, прокрадывается тихо, незамѣтно въ сознаніе. Капля по каплѣ, съ минуты на минуту, съ часу на часъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше ростетъ оно, все развиваясь, все шире, все глубже, все безпощаднѣе охватывая человѣка, точно требуя отъ него отчета, заставляя его подводить итоги. А отчета, итоговъ, человѣкъ не зналъ во всю его жизнь!...

Конечно, все это я понялъ, узналъ только впослѣдствіи, послѣ встрѣчи съ Анчаровымъ, далеко послѣ, когда масса неуловимыхъ психическихъ черточекъ, масса, повидимому, незначительныхъ съ виду, на первый взглядъ явленій сложилась во мнѣ въ цѣльную, рельефную картину, въ образъ, такъ сказать, душевной драмы, пережитой больнымъ. Анчаровъ умиралъ одинъ, совсѣмъ одинъ; возлѣ него, у его богатыхъ креселъ, въ которыхъ, неподвижный, закутанный, изможденный, онъ проводилъ часы, недѣли, мѣсяцы, сидѣла наемная сидѣлка... Ни семьи, ни родныхъ, ни близкихъ,— никого! Любившая его Гликочка давно покоилась подъ богатою, роскошною мраморною плитой. Марья Львовна, знакомые, сослуживцы?—онъ не могъ ихъ видѣть. Что они ему всѣ,—всѣ до одного?! Вороны, для которыхъ его богатство—лакомая падаль!... Развѣ онъ имъ нуженъ какъ живое „я“, какъ человѣкъ? Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ! Ихъ участіе,

ихъ видимыя слезы, ихъ разспросы?! Боже мой, да развѣ онъ не знаетъ, чего стоятъ эти слезы, это дѣланное участіе, эти... эти... притворные разспросы?!

Одинъ и никого!

Сначала это „одинъ и никого“ не стояло предъ нимъ, не мучило, не давило такъ, какъ давитъ теперь. Въ началѣ болѣзни, когда онъ былъ еще бодръ, не подался, вѣрилъ въ выздоровленіе, глоталъ съ охотой микстуры, пилюли и всю прочую цѣлительную дребедень, на душѣ у него было пусто или легко, какъ всегда. Но потомъ потянулись часы, дни, цѣлые мѣсяцы, однообразные, томительные, похожіе одинъ на другой, какъ вѣчный стукъ маятника, какъ неугомонный ровный стукъ его сердца, и, по мѣрѣ того, какъ они тянулись, по мѣрѣ того, какъ онъ хирѣлъ, слабѣлъ, теряя вѣру въ выздоровленіе, ясно, сознательно приближаясь къ смерти, читая ее вездѣ, въ глазахъ врачей, знакомыхъ, сидѣлки, — это страшное „одинъ и никого“ все рельефнѣе выдвигалось предъ нимъ изъ какого-то неяснаго тумана, охватывая холодомъ, наполняя ужасомъ. Все неотступнѣе, все страшнѣе становилось и росло оно, все жесточе осаждало его, пригвожденнаго къ богатому креслу, все бо̀льшимъ холодомъ и ужасомъ разило отъ него. Утромъ, въ полдень, вечеромъ, въ безсонную полночь,—одинъ въ этомъ громадномъ, роскошномъ кабинетѣ, — одинъ,

одинъ и одинъ! Ни ласки, ни привѣта, ни тепла... Да и кому, и зачѣмъ онъ нуженъ? Никому! Доктора пріѣзжаютъ за деньги и все какъ-то торопятся только, точно боясь потерять лишнюю минуту... Сидѣлка?—она только и ждетъ, какъ бы уловить хоть минутку отдыха... Марья Львовна, знакомые, товарищи, сослуживцы? — Ха-ха-ха! — раздавалось гдѣ-то глубоко въ немъ:—ха-ха-ха... во́роны!

Сначала его разбирало только зло, похожее на какое-то безпредметное бѣшенство. Все раздражало его, бѣсило, волновало и злило. Что-то шипѣло въ немъ, клокотало противъ всѣхъ и противъ самого... противъ всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ!.. Казалось, бездонное море желчи, злой, жестокой, ядовитой, разлилось въ немъ, затопило все и даже мысль и сознаніе. Задыхаясь въ немъ, онъ какъ-то забылъ это ужасное, холодное „одинъ и никого“; оно, казалось, тоже злило его больше, чѣмъ подавляло... Но потомъ... потомъ... что-то странное стало твориться въ немъ, что-то невѣдомое закопошилось, засверлило, какъ червякъ, заглодало... Что?—Богъ его знаетъ! Усталъ онъ, что ли, отъ этой злобы, раздраженія, бѣшенства... или такъ... само собой, но его точно что-то пришибло вдругъ. Онъ приказалъ никого не принимать,—никого, кромѣ врачей, и по цѣлымъ часамъ, по цѣлымъ днямъ точно дремалъ, точно забывался въ какомъ-то непонятномъ столбнякѣ. И вмѣсто злобы, кипѣвшей, клоко-

тавшей, казалось, возбуждавшей его ослабѣвшій организмъ, теперь охватила его какая-то особая, безсознательная, никогда невѣдомая, щемящая тоска.

IV.

И эта безъисходная, неудержимая тоска все росла и росла, заслоняя собою все, всѣ представленія, всѣ ощущенія,—даже ощущенія животной, физической боли, — выдвигая впередъ одно: „одинъ и никого“ — во всей его страшной, холодной наготѣ. Оно росло вмѣстѣ съ нею, развивалось все неотступнѣе, все яснѣе.—о, Боже мой, до чего ясно!—давило, гнело, щемило душу, убивало, отравляло все, даже ясный лучъ солнца, даже свѣтлое ликованіе просыпавшейся за окномъ весны. А вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ этимъ страшнымъ: „одинъ, одинъ и одинъ!“—вставали, оживали въ душѣ призраки прошлаго, самыя тяжелыя, самыя больныя воспоминанія,—все то, что̀ такъ легко удавалось гнать отъ себя до сихъ поръ, удавалось заглушать, притаптывать, заслонять быстрою смѣной ощущеній, впечатлѣній, суетой дѣятельной будничной жизни. Богъ его знаетъ: зачѣмъ и почему? Чего бы больной не далъ только, чтобы понять, отвѣтить на эти вопросы. Все чаще и чаще вставало все это предъ нимъ тяжелымъ, больнымъ укоромъ, вызывая въ душѣ какой то

неясный, смутный трепетъ, наполняя ее давящимъ сознаніемъ вины,—вины противъ всѣхъ. И предсмертный хрипъ зарѣзавшагося изъ-за него, разореннаго имъ старика Марковича, и полный острой боли и жгучаго стыда не то крикъ, не то стонъ красавицы Жени, ошеломленной, испуганной его торгомъ,—да, гнуснымъ торгомъ, предложеніемъ промѣнять себя, свою красоту на его туго набитый бумажникъ, и трупъ этой самой Жени, ея скромная, тихая могилка, увѣнчанная колонкой съ гирляндой, рядомъ съ могилой отца, и многое-многое, одно другого безотраднѣе,—все затоптанное, поруганное, обманутое, все обиженное носилось теперь предъ нимъ черною тучей, точно мстя ему, точно подчеркивая это страшное: одинъ и одинъ! Тщетно задавалъ онъ себѣ сотни разъ вопросы: при чемъ онъ тутъ? чѣмъ виноватъ? Вѣдь, онъ только велъ свою „линію“, отстаивалъ свое „я“, боролся за жизнь, какъ и всѣ на свѣтѣ,—служилъ себѣ,—а кто же не служитъ *себѣ*, своимъ ощущеніямъ, потребностямъ, желаніямъ,—кто? Тщетно, эти вопросы не успокаивали, тоска все росла, видѣнія, образы, воспоминанія все неотступнѣе, все неудержимѣе, все больнѣе осаждали его воскресавшую память.

Но что страннѣе всего, чего онъ никакъ не могъ понять, какъ ни старался, какъ ни ломалъ свою голову,—онъ не только не гналъ отъ себя этихъ больныхъ образовъ и

воспоминаній,—онъ какъ-то невольно поддавался имъ, даже вызывалъ ихъ. Точно какое-то особенное сладострастіе скрывалось въ нихъ, въ причиняемой ими боли, какое-то удовлетвореніе непонятной, безсознательной, но жгучей, какъ жажда, потребности давало ему это острое самотерзаніе. Чего было ему нужно, зачѣмъ, почему?—онъ не зналъ, но съ утра до вечера и позднею ночью, погруженный въ какую-то полу-мертвую неподвижность, полудрёму, молчаливый, неподвижный, онъ все грезилъ, грезилъ, и грезилъ...

Тихо входили къ нему врачи, осторожно щупали пульсъ, качали головами, совѣтовали побольше ѣсть, принимать то-то и то-то, осторожно выходили; тихо сопѣла сидѣлка, чутко прислушиваясь сквозь полу-дрёму свою къ малѣйшему его движенію; мѣрно тикали часы на столѣ; гулко катились по улицѣ экипажи. А онъ ничего этого не видѣлъ, не слышалъ, не понималъ, точно все это его не касалось нисколько, ничѣмъ, и все только грезилъ, все только травилъ себя, бередилъ и терзалъ воспоминаніями. Зачѣмъ и почему?

А между тѣмъ ему все страстнѣе, все неудержимѣе хотѣлось понять и отвѣтить на эти „зачѣмъ и почему“,—онъ все больше и больше ломалъ надъ ними голову. Больной, изможденный, еле дышащій, похожій скорѣе на скрюченный скелетъ, обтянутый сухимъ, сморщеннымъ пергаментомъ, чѣмъ на живого

человѣка, онъ отдалъ бы теперь все на свѣтѣ, всю эту ненавистную ему нынѣ роскошь, богатство, значеніе, все, что до сихъ поръ онъ ставилъ всегда и вездѣ впереди всего, за чѣмъ гонялся всю жизнь, чѣмъ только и жилъ, и дышалъ до сихъ поръ,—какъ все это глупо, глупо и глупо!—стучало теперь его замиравшее сердце,—все это отдалъ бы онъ за одинъ проблескъ пониманія, за одинъ моментъ мира и покоя. Да, мира и покоя,—ихъ ему недоставало, они именно были закрыты этимъ непониманіемъ; но какого мира, какого покоя,—онъ не зналъ, не понималъ, не видѣлъ. Несомнѣнно, что-то новое, пока неясное, вставало, шевелилось въ его душѣ, но что именно, онъ не могъ ни сознать, ни уяснить. Чего-то было ему нужно, чего-то недоставало,—отъ этой недостачи росла его тоска!..

Такъ тянулись мѣсяцы, недѣли, дни, часы, томительные, однообразные, и больной все хирѣлъ, все больше слабѣлъ, подавался, изнывая въ безотчетной тоскѣ, отравлявшей все вокругъ, убивавшей, казалось, и волю, и мысль, и сознаніе... Но, конечно, все это только казалось... Тамъ, внутри, гдѣ-то глубоко-глубоко шла своя работа, незамѣтная, неудержимая, шло наростаніе чего-то доселѣ несознаннаго, какъ-то смутно, неясно просыпавшагося съ возраставшею тоской, шло и ждало, кажется, только толчка, какого-нибудь незначительнаго факта, внѣшняго явленія, что-

бы проявиться во всей своей силѣ. Такъ и въ неорганической, мертвой природѣ накопившіяся по атомамъ, скрытыя въ потенціи силы, дойдя до извѣстной степени напряженія, ждутъ только внѣшняго, самаго незначительнаго фактора, который бы вывелъ ихъ изъ мертваго состоянія; такъ и душа человѣка, накопивъ незамѣтно и безсознательно неуловимыхъ часто, быстролетныхъ впечатлѣній, творитъ изъ нихъ внезапно, подъ вліяніемъ какого-нибудь случайнаго толчка — явленія,— цѣльный, глубокосознанный образъ.

Разъ, позднимъ вечеромъ, въ темныя, глухія сумерки, когда сидѣлка дремала и кругомъ все было тихо, только маятникъ часовъ ровно и грубо нарушалъ безмолвіе, больной поднялъ свои вѣчно опущенныя вѣки. Прямо противъ него, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его кресла, лежала его любимая Діана, лизала своихъ шаловливыхъ щенятъ и смотрѣла на него, виляя пушистымъ хвостомъ, счастливымъ и преданнымъ взглядомъ. Много разъ видѣлъ онъ эту картину, много разъ любовался ею, ея внѣшнею красотой, ея граціей, но теперь... Теперь онъ почуялъ въ ней и съ нею что-то особенное, что-то такое, чего точно никогда, не видѣлъ, не чувствовалъ раньше. Прелестный песъ все вилялъ хвостомъ, все смотрѣлъ на него счастливымъ взглядомъ, точно приглашая дѣлиться своимъ счастьемъ, глубокимъ, бездоннымъ, какъ море, счастьемъ матери, а больной

не могъ отвести глазъ отъ этого взгляда, поддаваясь какому-то неясному, но неудержимому влеченію, все больше и больше охватываясь непонятнымъ волненіемъ. Что съ нимъ? Что это такое? Почему это волненіе, это странное очарованіе? Онъ не могъ отвѣтить на эти вопросы, но все смотрѣлъ, все больше видѣлъ и понималъ счастье собаки, все больше любовался на ея ласки щенкамъ, все больше охватывало его волненіе... И Діана смотрѣла на него своимъ счастливымъ, полнымъ ласки взглядомъ, смотрѣла, точно говоря: вотъ они,— и миръ, и покой, и счастье! И вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда, казалось, что-то непремѣнно должно было выясниться, блеснуть въ немъ сознаніемъ, когда, казалось, онъ вотъ-вотъ пойметъ и свою тоску, и самотерзаніе, и всѣ свои больные, жгучіе вопросы, когда какая-то нѣга-счастье, полная мира, разлилась по всѣмъ фибрамъ, всецѣло наполнила, казалось, истерзанную душу,—въ немъ опять вдругъ, сразу проснулась, воскресла заглохшая было злоба... Сразу какъ-то проснулось это бѣшенство, эта желчь на всѣхъ и все, на эту глупую, глупую собаку съ ея глупымъ взглядомъ... счастьемъ, что ли, все равно!... Точно зависть, досада крылись въ этой острой желчи, точно больное, обидное сознаніе, что вотъ у него нѣтъ и того, что есть у Діаны, отравило вдругъ его забившееся сильнѣе сердце, и, весь дрожа, весь волнуясь, слабою, дрожавшею, плохо

слушавшеюся рукой больной нажалъ пуговку звонка, разбудилъ сидѣлку, вскочившую въ испугѣ, выругался, раскричался,—сидѣлка совсѣмъ растерялась: вѣдь онъ давно все только молчалъ да молчалъ,—и приказалъ убрать собаку.

V.

Но все это было уже послѣднимъ проявленіемъ, послѣднею судорогой, послѣднею вспышкой отжившаго, прояснявшагося,—прежняго,—все это потонуло, заглохло также быстро, какъ и вспыхнуло. Цѣлый міръ какихъ-то новыхъ ощущеній и потребностей заползалъ въ душу больного, все вытѣсняя и вытѣсняя вспыхнувшую было желчь, прорѣзая лучемъ, яснымъ и свѣтлымъ, таившійся въ ней туманъ... Собаку убрали, но ему не стало легче: онъ не забылъ ни ея взгляда, ни своего волненія, ни той нѣги, что согрѣла его на моментъ какимъ-то мягкимъ и ласковымъ теплomъ,—нѣтъ!—все это стояло теперь предъ нимъ неотступно, чуялось, чувствовалось вездѣ и во всемъ. Объ этомъ стучалъ маятникъ, чирикалъ воробей утромъ, прыгая за окномъ съ вѣтки на вѣтку, объ этомъ же говорило ясное солнце, обливая потоками своего любовнаго свѣта и воздухъ, и деревья, и полъ, и потолокъ, наполняя все нѣгой и счастьемъ...

Да, счастьемъ для всѣхъ, и для него тоже... Но развѣ оно у него было когда-нибудь? Гдѣ? когда?...

И опять вспыхнувшая было жизнь смѣнилась тоской, но какою-то острою, напряженною тоской, которая вотъ-вотъ, казалось, смѣнится чѣмъ-то другимъ, что прояснитъ, уяснитъ все, дастъ миръ и блаженный покой. Растревоженная мысль больного вертится на одномъ вопросѣ этого кругомъ разлитаго счастья, дышащаго скрытою любовью, какъ глаза Діаны, доступнаго и чирикающему воробью, и Діанѣ, и каждой былинкѣ, каждому атому міра, которые любовно цѣлуетъ и нѣжитъ горячее солнце. Все говоритъ о немъ, все имъ дышетъ, все живетъ въ немъ и для него и, что самое главное, всѣ и все какъ бы чувствуютъ свою связь другъ съ другомъ въ этомъ счастьѣ. Развѣ не глядѣла на него собака, точно дѣлясь съ нимъ своимъ счастьемъ? Развѣ не всѣмъ и каждому чирикаетъ о немъ воробей, не говоритъ этотъ прыгающій по подоконнику отблескъ солнца, не шумятъ деревья, не поютъ пчелы?... А онъ,—гдѣ его счастье, въ чемъ? Чѣмъ онъ дѣлился,—гдѣ, когда? Въ чемъ была его связь съ другими?...

...Тихо, монотонно тянется черная, безмолвная ночь. Свѣча съ опущеннымъ абажуромъ тускло и тоскливо освѣщаетъ большой, роскошный, какъ-то страшно пустой кабинетъ; сидѣлка дремлетъ сидя... Ни звука, ни движе-

нія; только маятникъ, мѣрно качаясь, рѣзко отбиваетъ секунды...

И среди этого безмолвія цѣлый рядъ картинъ прошлаго, воспоминаній о пережитомъ длинною, неразрывною вереницей толпится въ остро-возбужденной памяти больного. Онъ копошится въ нихъ лихорадочно, страстно, суетливо, чтобы найти тамъ, въ погребенномъ, забытомъ, во всемъ, мимо чего онъ проходилъ всегда такъ легко и бодро, къ чему относился какъ къ мимолетной картинѣ калейдоскопа,— чтобы найти тамъ хоть одинъ лучъ своего счастья и своей связи съ другими, хоть одинъ намекъ на него, чтобы найти тамъ то, чего нѣтъ у него, чего недостаетъ ему въ этомъ бездонномъ сознаніи, что онъ *одинъ*, *одинъ* и *одинъ!*

Но тамъ нѣтъ ничего, тамъ все пусто, холодно, подернуто будничною суетой, обманомъ, неправдой. Тамъ нѣтъ ни счастья, ни любви, ни человѣка-друга, съ которымъ бы онъ дѣлился, у котораго бы онъ не взялъ чего-нибудь, не давая ничего взамѣнъ. Тамъ только *онъ*, *онъ*, и *онъ*, ничѣмъ не согрѣтый, всѣмъ чужой, ко всѣмъ и всему безстрастный и безразличный. И въ концѣ всего этого, какъ въ концѣ длинной кладбищенской аллеи,—двѣ могилы рядомъ, одна другой страшнѣе... Одна— зарѣзавшагося изъ-за него отца,—полна его предсмертнымъ хрипомъ, другая — дочери,— увѣнчанная колонной съ гирляндой, точно

стонетъ и стонетъ такъ, какъ застонала красавица Женя, когда тихою, чудною ночью, среди разлитой кругомъ нѣги онъ протянулъ ей за ея красоту свои деньги... Все это онъ видитъ и слышитъ, и какой-то неописуемый смертельный не то холодъ, не то ужасъ впервые охватываетъ его душу, выступаетъ на сухомъ, сморщенномъ лбу крупными каплями холоднаго пота, заставляетъ его синія, высохшія губы шептать, какъ-то страстно шептать: подло прожито!...

— Да, подло!..—шепчутъ, все шепчутъ его синія губы.—Одинъ, одинъ и одинъ!

Нѣтъ, не одинъ, — онъ вздрогнулъ отъ чьего-то прикосновенія... Вѣрный, преданный песъ тихо прокрался въ кабинетъ и положилъ къ нему на закутанныя колѣни свою морду, глядя ему въ лицо любовно-тоскливымъ взглядомъ и виляя хвостомъ. Онъ не одинъ,—нѣтъ! съ нимъ его песъ, его умная, красивая Діана. Что-то неудержимо поднялось при этомъ въ груди больного и сжало ему горло, все подступая къ глазамъ. Неужели такъ-таки никого, кромѣ нея, Діаны, въ цѣломъ свѣтѣ? Ничего, кромѣ ея ласки? Неужели онъ такъ-таки совсѣмъ одинъ, никого нѣтъ у него, ни съ кѣмъ онъ не связанъ и не былъ связанъ никогда?!

И вдругъ внезапно, точно изъ какого-то холоднаго мрака выплылъ предъ нимъ свѣтлый образъ Лели, вспомнилась ихъ мимолетная связь, ея вѣра въ него, ея любовь къ нему,

которому отдалась она вся, принявъ за него свою дѣвственно-чистую, непорочную мечту... Но рядомъ съ ней, всплывавшей иногда смутно въ его воспоминаніяхъ, воскресъ теперь и образъ ребенка на ея рукахъ,—его сына, да, его сына!... Трепетъ, хорошій, теплый, жгучій трепетъ объялъ больного: онъ не одинъ, у него есть сынъ, котораго онъ не знаетъ, не видѣлъ, но увидитъ, долженъ увидѣть!... Гдѣ онъ, что съ нимъ?.. да и знаетъ ли его?

Ясный лучъ свѣта проникъ въ его душу, освѣтилъ все и согрѣлъ, наполнилъ счастьемъ. И тихія, благодатныя, человѣческія слезы неудержимо, сами собой, полились капля за каплей по его сухимъ, сморщеннымъ щекамъ...

VI.

Солнце уже закатилось и западъ только слегка горѣлъ трепетнымъ, нѣжнымъ багрянцемъ, когда я входилъ къ Анчарову. Въ кабинетѣ, душномъ, пропитанномъ острымъ запахомъ лѣкарствъ,—въ особенности мускуса,—царилъ тяжелый полумракъ. Кто-то гдѣ-то судорожно съ хрипомъ дышалъ, но гдѣ и кто,—я разглядѣть сразу не могъ; рѣзче всего выдѣлялся,—потому я и замѣтилъ его прежде всего,—бѣлый фартукъ сидѣлки съ нашитымъ на немъ крестомъ. Только постепенно разглядѣлъ я отдѣльные предметы обстановки, различилъ богатое складное кресло, а въ немъ изможден-

наго, почти мертвенно сморщеннаго старика, обложеннаго подушками, закутаннаго одѣялами... Но въ этомъ судорожно дышавшемъ старикѣ, съ такимъ больнымъ, вытянутымъ, помертвѣлымъ лицомъ, я долго не рѣшался признать Анчарова.

— Благодарю!—чуть слышно донеслось до моего слуха и замерло въ хрипѣ. Больной сдѣлалъ движеніе рукой, но она упала безсильно; я самъ взялъ его руку.

— Плохо вамъ?

Анчаровъ поднялъ опущенную, почти висѣвшую, какъ будто въ забытьи, голову и посмотрѣлъ на меня, точно разглядывая.

— Плохо... Смерть!..—не кончилъ онъ за хрипомъ.—Бла-го-да-рю!

Сидѣлка неслышно поднялась и вышла. Наступило какое-то неловкое, напряженное молчаніе; Анчаровъ тяжело дышалъ и, видимо, что-то обдумывалъ или припоминалъ, брови были угрюмо сдвинуты, вѣки полу-опущены.

— Гдѣ... она?—выговорилъ онъ съ трудомъ.

Я не понялъ сразу и насторожился.

— Леля!—прохрипѣлъ больной, замѣтивъ мое движеніе.

Меня ожгло. Я почувствовалъ, какъ вся кровь прилила къ сердцу, отхлынула и затѣмъ оно сжалось болью. Я сразу все понялъ: и вызовъ меня, и значеніе, смыслъ этого вопроса, и ту бурю, то невыразимое страданіе, которымъ была полна теперь эта умирающая душа.

— Леля...—началъ я, путаясь, заминаясь, и побѣлѣвшими губами разсказалъ, гдѣ она и что съ нею.

— А сынъ?... Мой сынъ...

— Вашъ сынъ?... Онъ у меня... Это славный юноша!...

— Можно вызвать?

Я остановился въ нерѣшительности. Въ двухъ словахъ вопроса умиравшаго звучала такая страстная мольба, что мои губы не рѣшались сказать: „нѣтъ!“ Онъ замѣтилъ мое колебаніе.

— Нельзя? Не сто́ю?—точно рыдая спрашивалъ онъ.—Да, да... Подло прожито!... Подло! Не сто́ю!

— Михайло Ивановичъ!..—началъ было, я, но меня перебила сидѣлка извѣстіемъ о пріѣздѣ знакомыхъ. Анчарова передернуло, въ глазахъ блеснуло что-то вродѣ злобы.

— Не надо!—глухо почти закричалъ онъ, насколько могъ громче:—не надо!... Во́роны на падаль!... Не надо!

Сидѣлка скрылась; больной закрылъ глаза, но его страшное: „во́роны на падаль“—такъ и стояло въ моихъ ушахъ. Я сразу пересталъ колебаться.

— Я вызову Борю... я пошлю ему телеграмму!—сказалъ я, дрожа.

Его рука слегка дрогнула въ моей, а взглядъ, которымъ онъ посмотрѣлъ на меня, выражалъ и радость, и тревогу.

— Вызовете?... Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ, задыхаясь.

— Я сейчасъ же телеграфирую...

— А онъ меня признаетъ? Можетъ быть, не захочетъ?... Можетъ быть... — не договорилъ онъ въ остромъ волненіи.

— Сынъ вашъ—славный, честный юноша!—перебилъ я этотъ недоговоренный, жестокій вопросъ, не зная, что сказать.

— Вызовите!—молилъ больной.—Я не стóю, но я прошу васъ... Пусть проститъ...

Изъ потухавшихъ глазъ его потекли слезы... Онъ шепталъ еще что-то, но я не разслышалъ его шепота и наскоро набросалъ телеграмму.

— Вотъ!—сказалъ я и подалъ ему. Онъ счастливо улыбнулся.

— Пошлите!

Я позвонилъ и передалъ депешу слугѣ.

— Я хочу имъ все оставить... понимаете?.. все!.. это ихъ!... Это все, что я могу еще... сдѣлать... загладить... Нѣтъ! загладить нельзя...—вздоръ! Вы помогите... нотаріуса завтра призовите... завѣщаніе... утромъ!...

Онъ закашлялся, закрылъ глаза и замолчалъ. Часы звонко тикали на письменномъ столѣ,—минуты тянулись, какъ долгіе, томительные часы. Мнѣ показалось, что больной заснулъ, и я осторожно всталъ, чтобы послать сидѣлку.

— А, это вы!—открылъ онъ внезапно глаза на мое движеніе, какъ будто опомнившись отъ

забытья:—я вѣдь любилъ ее... Лелю... Но глупо любилъ... подло... гадко любилъ!...—Больной точно разсуждалъ съ самимъ собою.

— Зачѣмъ вы себя разстраиваете?—старался я его успокоить.

— Я не разстраиваю... я такъ... я сознаю... чувствую... я не разстраиваю!... Подло прожито,—вздохнулъ онъ:—глупо... и... и... и...

— Кто прошлое помянетъ, Михайло Ивановичъ...

— У меня нѣтъ... будущаго, — прохрипѣлъ онъ грустно:—одно прошлое осталось... а въ немъ... а въ немъ... одно зло и... и... это!—обвелъ онъ кабинетъ глазами.

— Нѣтъ,—перебилъ я его:—не говорите этого... не было и нѣтъ жизни безъ... безъ чего-нибудь и хорошаго... У каждаго изъ насъ есть и свое злое, но есть и хорошее... вспомните-ка!... хорошія движенія...

— Да, движенія... Движенія были и у меня... но и только... только!... Силъ для нихъ не было!... Силъ!... Чего-то недоставало!... Знаете,—говорилъ онъ, хрипя, страстно, точно каясь:—знаете... я всегда вамъ зави-до-валъ... зло завидовалъ...

— Чему?—невольно удивился я.

— Что вы честный... человѣкъ!... Да, завидовалъ, потому... потому и ненавидѣлъ!... У самого чего-то не хватало для этого!... Вотъ!... Помните, когда... когда... вы пришли ко мнѣ просить за несчастную семью... зарѣзан... за-

рѣзаннаго мною... да, мною!... хотя не моею рукой, старика... Мар... Марко-вича?...

— Помню!... Но не волнуйтесь такъ...

— Я отказалъ,—продолжалъ страстно, захлебываясь и задыхаясь, больной:—отказалъ по зависти... по ненависти къ вамъ... Приди другой, я бы сдѣлалъ... Но я отказалъ... Я чувствовалъ, какъ глубоко... вы должны были презирать меня... И самолюбіе... и зависть... Прощаете?...

Все это разстроило меня до слезъ; вмѣсто отвѣта, я взялъ его руку и пожалъ.

— Прощаете?

— Да!...

— А знаете еще,—почти шепталъ онъ, причемъ потухшіе глаза его блеснули жизнью:—знаете... я бы могъ еще... сдѣлаться другимъ... Былъ моментъ!...

— Когда?

— Если бы дочь старика... если бы Женя... если бы полюбила меня... а не... а не... зас... застрѣлилась...

Онъ не договорилъ и зарыдалъ. Рыдалъ онъ глухо, спазматически, какъ въ нервномъ припадкѣ; рыданія мѣшались съ больнымъ тяжелымъ хрипомъ, сухія, костлявыя плечи дрожали, грудь порывисто то поднималась, то опускалась. Я подалъ ему воду и онъ пилъ ее скачками, хрипя и задыхаясь, не слушая моихъ словъ, моей отрывистой, взволнованной рѣчи, которою я старался его успокоить.

— Подло! подло! подло!—шептали только его синія, пепельно-синія губы.

Къ счастью, тутъ вошелъ докторъ. Когда больной успокоился, мы вышли вмѣстѣ и въ прихожей онъ шепнулъ мнѣ, что дѣло совсѣмъ плохо.

— Вопросъ нѣсколькихъ дней только...—пояснилъ онъ на мой вопросъ:—всякое волненіе можетъ только ускорить... Ни за что нельзя поручиться!...

На другой день утромъ я пріѣхалъ съ нотаріусомъ. Анчаровъ выглядѣлъ уже гораздо хуже,—вчерашнее волненіе не обошлось ему даромъ. Прочитанное нотаріусомъ завѣщаніе, въ которомъ Леля съ сыномъ назначались единственными наслѣдниками, онъ выслушалъ молча, съ закрытыми глазами, не двигаясь, не говоря ни слова. Когда чтеніе кончилось, онъ открылъ глаза.

— Добавьте...—прохрипѣлъ онъ, задыхаясь:—похоронить... просто... Четыре доски... Рядомъ съ Марковичами... Каюсь... что довелъ... ихъ до самоубійства...

Мы съ нотаріусомъ наклонились, чтобы лучше разслышать судорожный шепотъ... Свидѣтели, старикъ-камердинеръ и поваръ, стояли неподвижно, оба блѣдные, и плакали.

— Пишите...—диктовалъ, все хрипя и задыхаясь, Анчаровъ, дѣлая видимое усиліе говорить громче:—пишите... у...ми...ра...ю, пре...зи... ра...я... себя!

Онъ мучилъ, терзалъ себя съ какою-то непонятною страстью... Это слышалось въ его тонѣ.

Нотаріусъ смотрѣлъ на меня вопросительно, но больной замѣтилъ это и заволновался.

— Пишите!—рѣзко хрипѣлъ онъ, напрягая силы:—это... это... моя воля!... Пре-зи-ра-я себя!.. Да! Раскаиваясь... бла...го...го...вѣ...я предъ... предъ честными... и...и...и...

Онъ посмотрѣлъ на меня,—глаза его были полны слезъ и глядѣли мягко, человѣчески мягко.

— И...и... любя всѣхъ!

Когда я, прощаясь, взялъ его руку, онъ опять открылъ закрытые было глаза и вспомнилъ свою манію.

— А сына... вызвали?...

— Онъ пріѣдетъ сегодня вечеромъ... я жду его...

— Да... да... я одинъ... одинъ... Кругомъ только вороны!... Одинъ... Я тоже воронъ!...

Онъ точно оживалъ въ этомъ самотерзаніи.

VII.

Былъ вечеръ, розовый, весенній вечеръ, когда мы съ Борей, оба разстроенные, оба взволнованные и блѣдные, входили къ больному. Боря дрожалъ и все держался за меня,

взявъ напередъ слово, что я не оставлю его ни на минуту. Я долженъ былъ разсказать ему все, и какъ я ни старался подготовить его сначала, мой разсказъ, смягченный, отрывочный, ошеломилъ-таки юношу.

Сторы были подняты и въ окно врывались цѣлымъ снопомъ косые, розовые лучи потухавшаго солнца. Они играли по стѣнамъ, багрили полъ и роскошную обстановку кабинета, оживляли румянцемъ блѣдныя, впалыя щеки больнаго. Мы вошли крадучись, не дыша почти, но, все-таки, пробудили его отъ дрёмы. Онъ посмотрѣлъ на меня и сначала какъ будто не узналъ.

— А... это... вы?—прохрипѣлъ онъ.

И вдругъ онъ замѣтилъ Борю. Точно электрическая искра пробѣжала по немъ, точно магическая палочка всемогущей феи коснулась его изможденнаго, умирающаго тѣла. Онъ весь ожилъ, встрепенулся, лицо оздоровѣло, глаза вспыхнули жизнью, мыслью и... любовью.

— Сынъ?! Мой сынъ?—онъ не хрипѣлъ.

— Сынъ!—отвѣтилъ дрожавшій юноша.

— Иди... ко мнѣ!...

Какимъ-то чудомъ, необъяснимою властью, безсильныя руки протянулись впередъ смѣло и свободно, какъ здоровыя, живыя... Съ невѣроятною силой для умирающаго человѣка онъ притянулъ къ себѣ сына и, не глядя на него, не разсматривая, безумно, совсѣмъ безумно цѣловалъ его лицо, его плечи и руки. Это

была какая-то органическая страсть, слѣпая, безсознательная, какъ инстинктъ, какъ влеченіе,—проснувшаяся, вспыхнувшая какъ-то разомъ, вдругъ, какъ вспыхиваетъ отъ искры порохъ, какъ взрываются накопившіеся въ шахтѣ газы. Онъ что-то шепталъ, но что?—разслышать было нельзя. Наконецъ, сильнымъ движеніемъ онъ отстранилъ отъ себя юношу, не снимая рукъ съ его плечъ, и посмотрѣлъ ему въ лицо какимъ-то воспаленнымъ, жаднымъ, взглядомъ.

— Прощаешь?...

— Отецъ! — чуть простоналъ умоляюще юноша.

— Говори, сынъ, прощаешь?...

— Да, отецъ, да!...

— И за мать?...

— Отецъ!—умолялъ Боря.

— Отвѣчай сынъ мой... И за мать?

— И за мать!

— А вы?—обернулся онъ ко мнѣ.

— И я!

— А всѣ?... всѣ?...

Онъ не договорилъ. Грудь судорожно заходила... разъ... два... какой-то стонъ, легкій, чуть слышный вырвался изъ судорожно сжатыхъ губъ, руки безсильно повисли, глаза потухли, голова упала... Смерть явилась такъ же быстро, какъ вспыхнула послѣдняя искра жизни.

. . . . . .

За поворотомъ густой кладбищенской аллеи стоятъ рядомъ три могилы; на средней изъ нихъ стоитъ бѣлая колонка, обвитая гирляндой. Густыя вѣтви липъ и каштановъ сплелись и склонились надъ ними короной,—и тихо качаются, точно шепчутъ что-то и навѣваютъ безмятежную дрёму. Чьи-то заботливыя, любящія руки усыпаютъ могилы живыми цвѣтами, а кругомъ, вмѣсто ограды, обнесли ихъ кустами розъ, бѣлыхъ и алыхъ. Оттого, можетъ быть, такъ и любитъ это тихое мѣсто кладбищенскій соловей и трещитъ здѣсь по веснѣ свои чудныя, безмятежныя пѣсни. Все здѣсь тихо, уютно, покойно,—все, кажется, дышетъ миромъ и любовью.

А, между тѣмъ, эти три могилы,—каждая,—хранятъ свою повѣсть, больную, тяжелую, мрачную... Но самую больную изъ нихъ, конечно, хранитъ та, которую любовно и нѣжно украшаютъ и холятъ когда-то больно обиженныя руки.

„Жидъ“ *).

Повѣсть.

Солнце давно уже ушло за высокія стѣны школы. Нѣжный, мягкій сумракъ надвигавшагося полу-лѣтняго, полу-осенняго вечера становился все гуще, точно сползая въ громадный школьный дворъ съ высокой крыши, за которую скрылось солнце. Это былъ нашъ любимый, рекреаціонный часъ, въ который, покончивъ съ подготовленіемъ уроковъ, мы обыкновенно собирались на школьномъ дворѣ, снуя взадъ и впередъ, для отдыха, игръ и *своихъ*

---

*) Въ первоначальной редакціи этой повѣсти предшествовало слѣдующее предисловіе автора.

„Я отнюдь не хочу своимъ небольшимъ разсказомъ выступить въ защиту цѣлой націи,—не хочу уже по тому одному, что въ такой защитѣ она, конечно, и не нуждается. Еврейскій народъ имѣетъ свою исторію, мірового значенія которой не можетъ отрицать самый пылкій грамотный юдофобъ, а великіе евреи вписали свои имена въ исторію нашей культуры и нашего просвѣщенія такими неизгладимыми чертами, блестятъ такимъ яркимъ свѣтомъ, что мой простой и скромный земскій врачъ Давидъ Гурвейсъ является предъ этими геніями мысли и таланта, конечно, только нулемъ.

дѣлъ. То былъ важный моментъ въ жизни школы. Въ этотъ часъ гимнасты показывали свои „чудеса“ игроки въ мячъ—свое завидное искусство и совершенство, „провинившіеся“ противъ *своихъ* получали свою товарищескую „мзду“, „герои“—свои лавры. Но всего этого мало: въ этотъ часъ подготовлялись всѣ тѣ „подвиги“, что, разыгравшись на слѣдующій день, приводили въ отчаяніе нашихъ „враговъ“,—„врагами“ школа считала весь учебный персоналъ, страстно насаждавшій въ насъ „корень горькій“, чтобы получить „плодъ сладкій“,—а „героевъ“, подвижниковъ „класса“ лишали обѣда, награждали нулями и карцеромъ.

Такъ и въ этотъ вечеръ сотни школьниковъ, затянутыхъ въ давно забытые красные воротники,—дѣло было много лѣтъ назадъ,—наполняли собою дворъ, жужжа какъ шмели, рыща „какъ волки“, „прыгая какъ барсы“,—что нашъ злѣйшій „врагъ“, нашъ инспекторъ, сравнивалъ почему-то съ не-поэтическимъ поведеніемъ стада дикихъ онагровъ и за что

Знаю, что, какъ и каждый народъ, евреи рядомъ съ добромъ несутъ и зло, но понимаю, что послѣднее, какъ вездѣ и всегда, конечно, обусловливается не какими-то прирожденными особенностями самой націи,—какъ утверждаютъ нѣкоторые,—а условіями ея быта и существованія. Впрочемъ, это уже настолько старая истина, что и повторять-то ее было бы, пожалуй, стыдно,—не попади и она теперь въ разрядъ „забытыхъ словъ“ безсмертнаго сатирика. Не хочу я также и идеализировать своего товарища и друга... Я просто-на-просто хочу разсказать только нѣсколько характерныхъ эпизодовъ его жизни, а если они покажутся кому-нибудь подвигами, и даже героическими,—хотя бы пото-

сторожъ Потапъ вѣчно ворчалъ: *о, бисовы хлопци!*... Тамъ и сямъ бродили кучки, выказывались чудеса ловкости, шли героическіе бои, страдали вихры, велись страстные споры... Оживленіе было общее, гамъ—довольно гармоничный... Но вдругъ все смолкло,—всѣ стали толпиться въ кучу, какъ-то страстно, лихорадочно жестикулируя, толкаясь, прислушиваясь и таинственно шепча другъ другу. Очевидно, что-то новое, неожиданное стряслось надъ всѣми,—какая-то роковая вѣсть облетѣла всѣ уши, возбудила, соединила всѣхъ... Дѣло дѣйствительно было важное: школѣ, намъ всѣмъ грозила бѣда. Антонъ Антоновичъ,—тотъ самый Антонъ Антоновичъ, которому на-дняхъ нарисовали на доскѣ козу съ ободраннымъ задомъ, долженствовавшую изображать его самого,—готовилъ намъ страшную, убійственную месть... Эта коза съ ободраннымъ задомъ, стоившая уже всѣмъ намъ цѣлыхъ полу-сутокъ, проведенныхъ подъ замкомъ *во мракѣ Аида*, грозила теперь нулями за цѣлую четверть

му, что въ безхлѣбицу и лебеда—хлѣбъ,—то это уже не моя вина. Замѣчу только, что мы вообще рѣдко обращаемъ вниманіе въ жизни на дѣйствительные подвиги простого, незамѣтнаго человѣка, проходимъ мимо нихъ спокойно, точно мимо самыхъ обыкновенныхъ, заурядныхъ явленій, и, къ крайнему своему изумленію, убѣждаемся, что эти простыя явленія—настоящіе подвиги—только тогда, когда намъ это подскажутъ, подчеркнутъ или обратятъ на нихъ наше вниманіе живымъ разсказомъ. Въ такихъ случаяхъ, изумленные, пораженные даже, мы, недоумѣвая, качаемъ головой и твердимъ стереотипное: „Скаж-жи те! А я и не подозрѣвалъ!... Ишь, ты, какой въ самомъ дѣлѣ этотъ имярекъ!... Кто

Ужасный Антонъ Антоновичъ или „коза“, если хотите, придумалъ, какъ гласили вѣрные слухи, для завтрашнихъ письменныхъ отвѣтовъ самую невозможную, самую убійственную тему.

Понятно, было отъ чего придти въ ужасъ, негодовать, взволноваться... Даже наши „ослы“, вообще крайне скептически-хладнокровно относившіеся къ познанію, темамъ и отмѣткамъ,— даже они, наши герои, борцы, наши атлеты были взволнованы такою страшною, жестокою несправедливостью... Полъ-сутокъ въ карцерѣ и еще убійственная тема за одну козу! За одну козу съ ободраннымъ задомъ!? Нѣтъ, это было больше несправедливости, больше жестокости...

Такъ или иначе, но спастись было нужно... Месть была не за порогомъ и медлить было нечего; нуль за четверть значило... значило... во-первыхъ, строгое родительское внушеніе въ той или иной формѣ дома и весьма возможный провалъ на экзаменахъ въ концѣ года... Перспектива и того и другого была само собой крайне непривлекательна,—тѣмъ

бы могъ подумать,—такой съ виду плохенькій, а вотъ же, поди ты!... Мал-ла-децъ! Право мал-ла-децъ! Ну-съ, батенька, теперь у меня о немъ совсѣмъ иное мнѣніе!...“ и т. д., и т. д Но и при „перемѣнѣ мнѣнія“, если человѣкъ слишкомъ скроменъ, застѣнчивъ, простъ, не умѣетъ обрывать и осаживать, многіе изъ насъ продолжаютъ поощрительно хлопать его по плечу, пускать въ ходъ какой-то особенный, почти покровительственный тонъ и держать себя съ нимъ на такой ногѣ, на какую никогда не покусятся стать хотя бы, напримѣръ, съ начальникомъ своего отдѣленія... Засѣла-таки крѣпко въ нашу самобытную душу эта своеобразная складочка самобытныхъ условій жизни!...

болѣе, что и то, и другое было тѣсно связано другъ съ другомъ... Спастись!—но какъ? Сотни проектовъ, одинъ грандіознѣе другого, предлагались вперебой, но оставлялись безъ обсужденія за эфемерностью, хотя всѣ, несомнѣнно, ярко свидѣтельствовали о пылкомъ воображеніи, чуткости къ несправедливости и ненависти къ „козѣ“ со стороны предлагавшихъ. Навести громъ, устроить наводненіе, вызвать вихрь, который бы унесъ, разнесъ, истребилъ всѣ убійственныя темы вмѣстѣ съ ихъ авторами,—все это, конечно, было бы прекрасно, но, къ сожалѣнію, внѣ нашей силы... Заболѣть всѣмъ сразу, отпроситься всѣмъ съ урока, ссылаясь на *животъ*, невозможно. Что же,—неужели нѣтъ спасенья или, по крайней мѣрѣ, выхода?... О! всѣ лица вдругъ оживились надеждой, смѣнившей жгучее отчаяніе, всѣ уста шепотомъ повторили въ унисонъ одно и то же, и вслѣдъ затѣмъ страстный, жгучій, отчаянно нетерпѣливый призывъ стоустой кучки школьниковъ потрясъ тихій вечерній воздухъ:

— Хаимъ!... Сруль!... Гершко!... Сюда! С-ю-д а!

Тѣмъ не менѣе, признаюсь, я былъ бы несказанно радъ, если бы мой небольшой разсказъ посодѣйствовалъ хотя бы тому, чтобы многіе изъ моихъ милыхъ соотечественниковъ, для которыхъ земскій врачъ Дазидъ Гурвейсъ прежде всего, конечно, а, можетъ быть, даже и исключительно: „жидъ“,—поосторожнѣе расточали обидные эпитеты и клички, а о человѣкѣ судили бы по его сердцу и уму.

Свой разсказъ я начну съ первыхъ дней моей дружбы съ Гурвейсомъ,

Мало знакомому со школой, ея законами, традиціями тогдашняго времени легко могло показаться, что зовутъ цѣлый кагалъ или, по крайней мѣрѣ, добрую часть его, хотя на самомъ дѣлѣ всѣ эти „Срули“ и „Гершки“ относились непосредственно лишь къ одному лицу, тоже школьнику, одиноко стоявшему съ книгой на другомъ концѣ двора и зубрившему *исключенія на is*... Тотъ немедленно двинулся на призывъ, но, вѣроятно, двигался, по общему мнѣнію, недостаточно быстро, потому что новый нетерпѣливый призывный залпъ смѣнилъ прежній:

— Жидъ! Ну же, жидъ, двигайся!.. Соломонъ пучеглазый!

Такая многоименность отнюдь не могла показаться аномаліей или чѣмъ-нибудь страннымъ „компетентному“ человѣку. Школа, какъ я уже сказалъ, имѣла свои законы, и по этимъ законамъ ни одинъ дѣйствительный членъ ея, ни одинъ товарищъ, ни одинъ *свой* не могли оставаться при своемъ собственномъ имени. Товарищество было тогда чѣмъ-то вродѣ ордена, союза, посвящая въ который, школа неминуемо награждала неофита особою кличкой, крестила по-своему, и всякая, подчасъ самая несообразная кличка служила несомнѣннымъ признакомъ общаго расположенія, принадлежности носителя къ великому лону товарищества, составляла,—если хотите,—его честь и гордость. Такимъ образомъ въ школѣ были

свои „носороги“, „тромбоны“, „журавли“, „селедки“ и т. д., и т. д. Такимъ же образомъ всѣми любимый Давидъ Гурвейсъ, добродушный и любящій, носилъ всѣ еврейскія имена, начиная съ А. и кончая Z. Правда, сначала его хотѣли прозвать только „бочкой“, увлекаясь однимъ внѣшнимъ видомъ, другіе предлагали „чурбанъ“, третьи—„маца“ *),—были голоса даже за „искаріота“. Очень можетъ быть, что, не сговорившись, не помирившись ни на чемъ, школа и сдѣлала его многоименнымъ.

— Слушай, жидъ!

Подошедшій насторожилъ уши, вытянувъ шею, изображая всею фигурой напряженное вниманіе. Его семитическое лицо сіяло въ то же время добродушнѣйшею улыбкой, какъ бы говорившей обычное, стереотипное: „Ну, жидъ! А развѣ жидъ не человѣкъ!? Ну!?“—произносимое имъ только такъ, по привычкѣ. Костюмъ его былъ въ обычномъ и самомъ неживописномъ безпорядкѣ: уцѣлѣвшія кое-гдѣ пуговицы болтались, распорки зіяли, то тамъ, то сямъ высовывались какіе-то кусочки и обрывки,— что, конечно, давало всегда обильную пищу для остротъ и насмѣшекъ,—но теперь было всѣмъ не до того. По таинственному шепоту, страстнымъ, энергичнымъ жестамъ, общему возбужденію онъ понялъ, что дѣло идетъ о

---

*) Еврейскій опрѣснокъ.

чемъ-то важномъ, и потому вопросительно водилъ своими выпяченными круглыми глазами отъ лица къ лицу.

— С-л-у-шай!...

— Ну!?—отвѣтилъ онъ шепотомъ на шепотъ.

— Застегни пуговицу... Видишь, опять разстегнуто!—не утерпѣлъ кто-то, улыбнувшись.

Тотъ быстро исправилъ свой обычный грѣхъ.

— Ну, а теперь что?...

— Выручи классъ!...

Выручить классъ!? Кто, какой товарищъ отказался бы отъ такой чести, такой лестной просьбы, такого великаго подвига!? Конечно, ни одинъ и никогда! Лестная просьба щекотала самолюбіе, будила хорошую гордость... Въ готовности Давида Гурвейса не могло быть, казалось, сомнѣнія,—она сквозила въ его выпяченныхъ глазахъ, въ его напряженной фигурѣ, о ней говорили лицо, улыбка, даже вихры, даже длинныя, слегка алѣвшія уши.

— Ну?!

Это „ну“, кромѣ беззавѣтной готовности, выражало, очевидно, требованіе разъясненій Они, конечно, не замедлили. Въ важныхъ случаяхъ мы были лаконичны, какъ доблестные спартанцы. Это „ну“ стоило цѣлыхъ періодовъ, за то и отвѣтъ на него былъ достоенъ рѣчей классическихъ героевъ:

— Ук-ра-ди тему!

Все!... Какъ мало и въ то же время какъ много для „настоящаго“ товарища! Это зна-

чило: рискуй своими боками pro bono publico, это значило: ухитрись, умудрись, выручи, явись достойнымъ подражателемъ великихъ героевъ, это значило, наконецъ: ты нашъ,—а потому спасай! О, и много-много другого еще значили эти два простыя слова!

Истина требуетъ сказать, что Давидъ Гурвейсъ, не поморщился,—даже тѣнь, даже намекъ на тревогу не пробѣжалъ по его лицу, выражавшему одно безпредѣльное изумленіе. Ни на одинъ моментъ страхъ предъ мракомъ Аида, въ который легко могли его упрятать на многія сутки за подобный подвигъ, не смутилъ его „товарищеской“ души. Даже мрачная фигура „Цербера“—Потапа, всегда зорко слѣдившаго за тѣмъ, чтобы заключеннымъ „героямъ“, о, sancta simplicitas!—онъ звалъ ихъ *бисовыми хлопцями*,—чтобы этимъ „страдальцамъ“ не проносили тайкомъ ихъ „братья“ вкусныхъ объѣдковъ,—даже эта фигура не мелькнула въ тотъ моментъ предъ его духовнымъ взоромъ. Онъ только ворочалъ выпученными бѣлками и все твердилъ про себя, поворачиваясь то къ одному, то къ другому: „Тема!? Какая тема, у кого!? Ну?!“

И это, конечно, было разъяснено немедленно, быстро, вперебой, съ энергичными жестами, съ лихорадочною одышкой. Конечно, у „врага“, у „козы“, у того, кому рисовали ее мѣломъ, кто вѣчно мучилъ всѣхъ разными герундіями и герундивами, кто сыпалъ нули какъ

горохъ, сажалъ въ карцеръ, звалъ „дикимъ стадомъ“, и никогда не вѣрилъ ссылкѣ на *животъ*, точно тотъ и въ самомъ дѣлѣ не могъ страдать у насъ, какъ у всѣхъ! Правда, онъ любитъ, повидимому, его, Гурвейса, выдвигаетъ какъ „перваго“, сдѣлалъ его репетиторомъ своей „квартиры“,—да, все это такъ, можетъ быть,—но тема... но бѣда... И къ тому же никто другой украсть не можетъ... Только онъ одинъ и вхожъ къ „козѣ“, какъ репетиторъ...

— Спаси! Голубчикъ, жидъ! Милый Сруликъ!

Гурвейсъ не протестовалъ... Лицо его, глаза, фигура выражали, казалось, готовность... Только голова его, его большая голова, точно подавленная, опускалась все ниже и ниже, да блѣдныя съ веснушками щеки зардѣлись какимъ-то не то стыдливымъ, не то тревожнымъ румянцемъ.

II.

Бѣдный Давидъ Гурвейсъ! Недаромъ склонялась его голова, недаромъ зардѣлись его щеки... О, конечно, не трусость, не малодушіе были тутъ причиной,—для „насъ“ онъ никогда не колебался рискнуть чѣмъ угодно, даже нулемъ, даже карцеромъ, обоими ушами, наконецъ, которыя заманчиво торчали въ обѣ стороны, представляя наиудобнѣйшій объектъ для

педагогическихъ воздѣйствій. Для класса?!—помилуйте!.. Но Антонъ Антоновичъ... ахъ, Антонъ Антоновичъ, который такъ ему вѣрилъ, который... И украсть у него, нанести ему кровную обиду... ему?... Нѣтъ, это казалось выше силъ, выше всякой воли,—хотя и очень легко, такъ какъ всѣ свои замѣтки „коза“ обычно запрятывалъ въ хорошо извѣстный учебникъ... Но, съ другой стороны, „классъ“, мы, несправедливая месть, ея послѣдствія!.. О, тутъ было много такого, чтобы склонить самую преданную голову.

Не знаю, чувствовалъ бы онъ себя лучше, поставленный между раскрытою пастью тигра и жаломъ скорпіона, но увѣренъ, что двоеженецъ, попавшій нечаянно между двухъ одинаково ревнивыхъ женъ, чувствовалъ бы себя не хуже. Два сильныхъ теченія встрѣтились, столкнулись и, столкнувшись, бросились, образовавъ въ его молодой, честной душѣ водоворотъ, кипучую пучину. Два разныхъ бога зажгли свои жертвенные костры и звали его къ себѣ на жертву, и, такъ или иначе, тутъ или тамъ, но въ концѣ-концовъ онъ все-таки долженъ былъ лечь этою жертвой... Но гдѣ?..

Давидъ Гурвейсъ ходилъ, понуривъ голову, ни на что не глядя, ковыряя только въ носу, что обыкновенно выражало у насъ сильную тревогу, гнетущую душевную борьбу. Пуговицы были всѣ разстегнуты, рубашка вылѣзла изъ-подъ жилета, тесемочки и веревочки болтались

вволю, но надъ нимъ не подтрунивали,—въ такой важный моментъ его грѣхамъ дали полную свободу. Бѣдный! Такая борьба, такая двойственность положенія, вѣчное шатанье между Сциллой и Харибдой было точно предопредѣлено ему заранѣе во всемъ, во всемъ... Два противоположныхъ теченія вѣчно боролись въ его душѣ, двѣ антитезы вѣчно рвали на части его доброе сердце... Онъ и самъ представлялъ собою что-то вродѣ антитезы, носилъ ее всегда съ собой. Начать съ того, что красный воротникъ, плотно облегавшій его шею, дѣлалъ его равнымъ намъ всѣмъ, такимъ же ученикомъ, школяромъ, никому не стоящимъ поперекъ дороги, ничѣмъ ни предъ кѣмъ невиноватымъ, добивающимся познанія, и, можетъ быть, неизмѣримо лучше многихъ изъ насъ, чтобы впослѣдствіи внести въ жизнь и свою долю свѣта, и можетъ-быть, тоже лучше и честнѣе многихъ изъ насъ,—а его семитическое лицо, его библейское имя, его несомнѣнная принадлежность къ племени, которое впервые озарило нашъ міръ идеалами любви и прощенья, а затѣмъ,—гонимое, загнанное, забитое,—продолжало дарить намъ геніевъ мысли, слова, музыки и т. д., и т. д.,—все это въ то же время въ глазахъ каждаго сторожа Потапа, уличнаго гамена, нашихъ тетушекъ, сестеръ, братьевъ низводило его на степень чего-то низшаго, намъ неравнаго, смѣшного, на степень какой-то аномаліи, надъ которой можно

было и посмѣяться, и поострить, которую въ лучшемъ случаѣ можно было только пожалѣть и пожалѣть какъ-то снисходительно-обидно. Когда онъ не зналъ уроковъ, что, впрочемъ, случалось съ нимъ крайне рѣдко,—онъ не зналъ только тогда, когда не знали всѣ,—ему ставили нули; когда онъ зналъ, надъ нимъ добродушно иронизировали: зачѣмъ онъ учится, вмѣсто того, чтобы торговать? И такъ во всемъ, вездѣ и всегда!... Для насъ, для „класса“, любившаго его, относившагося къ нему добродушно, но тоже какъ-то снисходительно, онъ былъ все-таки „жидъ“,—значитъ не „мы“, а что-то такое, что было и „*мы*“, и не „*мы*“ въ то же время, во всякомъ случаѣ не вполнѣ „свой“; для своихъ, для „жидовъ“, онъ былъ тоже *не свой*, а „мешимедъ“, „опикойресъ“,—отщепенецъ, который стригъ пейсы, ѣлъ свинину, учился по субботамъ, дружилъ съ „гоями“. И тутъ не свой, и тамъ не свой, онъ былъ какое-то странное *среднее*, на которомъ оба крайніе лагеря разряжали въ той или иной формѣ, тѣмъ или инымъ способомъ, свои антипатіи, свои взаимные счеты, которое тянули и туда и сюда, отталкивая въ то же время и отсюда и оттуда. Жизнь протянула подъ его ногами что-то вродѣ каната, балансировать на которомъ, сохранить равновѣсіе помогало ему только одно беззлобное, всепрощавшее сердце, равно любившее всѣхъ, равно прощавшее и тѣмъ, и другимъ. Оно одно явля-

лось примиряющимъ синтезомъ въ пучинѣ вѣчныхъ антитезъ, столкновеній противоположныхъ теченій, оно одно спасало его отъ озлобленія, которое неминуемо могло развиться при такомъ положеніи. Намъ онъ вѣчно твердилъ свое: „Ну, жидъ! А развѣ жидъ не человѣкъ?! Ну?“—и доказывалъ это каждымъ шагомъ, своимъ самоотверженіемъ, любовью, мягкостью; а тѣхъ онъ увѣрялъ всегда, что не всѣ „гои“—злые, что у нихъ есть тоже человѣческое сердце, что человѣконенавистничество и неуваженіе къ личности, какъ таковой, не составляютъ ихъ видовой признакъ. И тамъ, и тутъ его проповѣдь имѣла мало успѣха,—ему не вѣрили, не могли, не хотѣли, не умѣли вѣрить, вѣрилъ этому онъ одинъ,—онъ, почти чужой и тамъ, и тутъ... Какъ хотите, а въ душѣ бѣднаго Давида Гурвейса вѣчно шла больная, обидная драма, незамѣтная другимъ, потому что люди, рыдая надъ драмой со сцены, рѣдко замѣчаютъ ее въ жизни.

И новая драма бушевала теперь въ его дѣтскомъ сердцѣ,—новыя антитезы искали въ немъ примиряющаго синтеза, снова двѣ противоположныя силы тянули его въ разныя стороны: съ одной стороны—„мы“, съ другой... съ другой—Антонъ Антоновичъ... Онъ ковырялъ въ носу пальцемъ, ничего не видя, не слыша, рѣшаясь и колеблясь, и, наконецъ, казалось, нашелъ выходъ—спасти однихъ и остаться чистымъ по отношенію къ другому,

потому что вдругъ поднялъ голову и хитро улыбнулся.

— Ну, что? будетъ гешефтъ?!—радостно спросили мы хоромъ.

Давидъ Гурвейсъ только моргнулъ хитро вѣками и не сказалъ ни слова...

III.

Антонъ Антоновичъ влетѣлъ какъ пуля. Глаза его торжественно сіяли, грудь дышала скачками, неровно, щеки были багровы,—онъ ликовалъ весь съ головы до ногъ и, ликуя, бѣгалъ взадъ и впередъ, потирая руки. „Коза“ будетъ отомщена,—это чувствовалось во всемъ, въ каждомъ движеніи, объ этомъ говорилъ, казалось, каждый атомъ его поджараго, угловато-козлинаго тѣла. Ликуя, онъ забылъ даже сдѣлать обычную перекличку... Тема, убійственная тема, была продиктована быстро и классъ заскрипѣлъ перьями подъ бдительнымъ взглядомъ, зорко слѣдившимъ, чтобы ни одна голова не склонялась къ другой, ни одни уста не шептали бы что-нибудь сосѣду.

Но послѣдняго и не было вовсе. Всѣ сидѣли ровно, спокойно и какъ-то необычно торжественно скрипѣли перьями въ своихъ тетрадкахъ. За своимъ ликованіемъ Антонъ Антоновичъ этого не видѣлъ, а если и видѣлъ, то, несомнѣнно, приписывалъ такое необычное

благонравіе дѣйствію своихъ бдительныхъ взоровъ. Всѣ стратеги, всѣ тактики, всѣ практики міра сходятся, какъ извѣстно, въ одномъ, что преждевременное ликованіе ведетъ часто къ пораженію,—за ликованіемъ легко проглядѣть силы и хитрость противника. О, не ликуй Антонъ Антоновичъ,—онъ замѣтилъ бы много и много. Онъ, несомнѣнно, обратилъ бы вниманіе на то, что классъ встрѣтилъ его молча, сдержанно, важно,—безъ обычнаго визга и шума,—точно герои, безусловно увѣренные въ своихъ непреоборимыхъ силахъ. Онъ не упустилъ бы изъ вида, что у всѣхъ, буквально у всѣхъ, оказались, вдругъ, на лицо и перья, и бумага,—никто не вывихнулъ, не поранилъ себѣ правой руки, никто не жаловался на „животъ“, онъ подозрительно остановился бы, наконецъ, на томъ, что даже „ослы“—его злѣйшіе враги—увѣренно скрипѣли перьями и, скрипя, глубокомысленно хмурили брови съ ученымъ видомъ, точно они въ самомъ дѣлѣ что-нибудь знали. А блѣдность, растерянность Давида Гурвейса, перваго въ цѣломъ классѣ, его неувѣренность, робость, съ какой онъ сидѣлъ надъ тетрадкой,—онъ, знавшій всегда и все отъ строки до строки... Нѣтъ, Антонъ Антоновичъ ничего не видѣлъ!

Пробилъ звонокъ, тетрадки были взяты и для насъ потянулись тяжелые дни ожиданья, анализа и критики,—дни, когда у всѣхъ насъ какъ-то сразу, вдругъ, заскребли кошки въ

предчувствіи чего-то нехорошаго, а Давидъ Гурвейсъ ходилъ точно опущенный въ воду. Не отмѣтки пугали насъ,—о, нѣтъ!—мы увѣренно знали, что всѣ, буквально всѣ написали „на пять“, но въ этомъ-то всеобщемъ „*пять*“, въ этомъ всеобщемъ отличномъ знаніи и крылись вся бѣда и опасность,—оно выдавало насъ. Мы спохватились, поняли слишкомъ поздно, что вмѣсто того, чтобы глупо ликовать по поводу ловко украденной темы и въ ликованьи надѣлать массу выдавшихъ насъ безтактностей, лучше было бы обдѣлать все съ тактомъ и тонко. Всеобщее „пять“—былъ очевидный абсурдъ, а между тѣмъ всѣ написали задачу безъ ошибки,—даже посредственности, даже ослы. Слѣдовало бы распредѣлить такъ, чтобъ одни написали на четыре, другіе на три только, а „осламъ“, соблазнившимся возможностью хоть разъ „показать свое знаніе“,—вовсе и не показывать темы, а если и показать, то все-таки обязать ихъ написать на обычную единицу. Послѣднее ничуть не роняло бы ихъ авторитета, ибо если они уступали намъ въ познаніяхъ, то мы уступали имъ въ силѣ, искусствахъ и подвигахъ... Къ сожалѣнію, уже возликовавъ преждевременно, мы спохватились поздно, когда ничего поправить было нельзя, и теперь, въ тяжеломъ ожиданіи „развязки“, насъ скребли кошки.

А развязка наступила быстро, ровно черезъ три дня. „Коза“ не влетѣлъ, не вско-

чилъ,— онъ вошелъ важно, торжественно окидывая наши встревоженныя курносыя лица молніеносными, явно грозившими взглядами. Онъ былъ блѣденъ, сосредоточенъ, молчаливъ, и весь, казалось, дышалъ какою-то роковою тайной, скрывавшею неминуемую бѣду, что́ еще больше усиливало нашу тревогу. Мы не дышали, мы напряженно, страстно слѣдили за нимъ глазами и нетерпѣливо ждали конца. Мы чуяли бурю, — намъ становилось жутко, невтерпежъ, а онъ точно нарочно длилъ нашу пытку... Вмѣсто обычной бѣготни, онъ важно усѣлся за столъ и спокойно, важно „перекликалъ", подолгу останавливаясь угрожающимъ взглядомъ на каждомъ... Гурвейсъ походилъ на соляной столбъ.

Перекличка, эта страшная пытка, кончилась... Тетради лежали въ порядкѣ на краю стола, но Антонъ Антоновичъ ихъ не видѣлъ... Онъ въ упоръ смотрѣлъ на насъ,—на вытянутые носы, боязливо-скромно опущенныя вѣки и алѣвшія конфузомъ уши, такъ ясно выдававшіе насъ... Тишина была гробовая,—мы чувствовали надъ головами занесенный мечъ и молча, покорно, не дыша и страстно волнуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, ждали перваго удара.

— Ослы!

Разъ! Весь классъ вздрогнулъ, точно отъ электрической искры, и восемь „ословъ", восемь дюжихъ, курносыхъ молодцовъ-атлетовъ какъ одинъ человѣкъ поднялись

съ заднихъ партъ на этотъ немного странный зовъ.

— Къ доскѣ!

Ровнымъ, твердымъ шагомъ, полнымъ скрытаго достоинства, вызванные герои, немного блѣдные, немного растерянные, правда, двинулись къ „лобному мѣсту“.

— Пишите!—Антонъ Антоновичъ продиктовалъ отрывокъ своей темы. Ближайшій изъ „ословъ“ четко и быстро написалъ безъ ошибки.

— Почему?

„Ослы“ естественно молчали.

— Почему такъ?—Антонъ Антоновичъ, вставъ, грозно ткнулъ окончаніе глагола.

„Оселъ“ растерянно передернулъ плечами.

— Вы?

Второй мрачно насупился, точно и въ самомъ дѣлѣ обдумывая.

— Вы!.. Вы!.. Вы!..

Но каждый только молчалъ, то крутя въ носу, то напрягаясь, то принимая удивленный видъ. Конфузъ былъ отчаянный,—мы всѣ не чувствовали подъ собою земли.

Антонъ Антоновичъ молчалъ и только уничтожающе смотрѣлъ наословъ, растерянныхъ, сбитыхъ съ позиціи, красныхъ, какъ вареные раки. Они хлопали глазами и напряженно ждали конца этой страшной пытки, но тотъ медлилъ.

— Пишите!—онъ сдѣлалъ небольшую перестановку словъ.

„Ослы“ растерянно переглянулись,—это было, очевидно, внѣ ихъ компетентности. Каждый поочереди хваталъ мѣлъ, водилъ имъ по доскѣ, но много-много выводилъ всего двѣ-три буквы.

— Какъ же вы написали на *пять?*

Мы вздрогнули, а „ослы“ стояли не дыша, только пальцы ихъ двигались, судорожно теребя полы.

— Гм... Безъ ошибки... Отлично!—убійственно иронизировалъ Антонъ Антоновичъ.

„Ослы“ поперхнулись; у насъ заходило что-то внутри.

— Кто же вамъ далъ тему?

Невольно взглянулъ я въ сторону Гурвейса: онъ сидѣлъ блѣднѣе стѣны; его губы посинѣли и дрожали,—еще немного, и онъ, кажется, готовъ былъ разрыдаться.

— Кто?

„Ослы“ подняли головы и выразительно повели плечами, ясно свидѣтельствуя, что они не понимаютъ такого вопроса.

— По мѣстамъ! Хорошо! На сутки въ карцеръ!

— „Ослы“ твердою походкой направились къ своимъ мѣстамъ. Антонъ Антоновичъ молча оглядывалъ классъ.

— Эй вы—средніе!

Вышла „посредственность“ и потянулась таже канитель, жуткая и смѣшная вмѣстѣ, только съ болѣе трагическимъ финаломъ. Рас-

терявшись, обнаружа свое незнаніе, надѣлавъ массу ошибокъ, — вызванные, уступавшіе „осламъ“ въ величіи души и героизмѣ, разрыдались самымъ постыднымъ образомъ. На вопросъ, кто далъ имъ тему, они безсмысленно повторяли плача и причитая: „ей-Богу, никто!.. ей-Богу, никто, господинъ учитель!..“

— Въ карцеръ!

Наступила тишина. Антонъ Антоновичъ ждалъ, смотрѣлъ и точно нарочно медлилъ. Казалось, наступила очередь „отличныхъ“, но мы ошиблись,—„отличные“ были оставлены въ покоѣ. Антонъ Антоновичъ подготовлялъ послѣдній ударъ.

— Итакъ...—началъ онъ медленно, съ разстановкой, точно взвѣшивая каждое слово:—итакъ, всѣ у меня написали на *пять!* Отлично... очень радъ!.. Молодцы!

„Молодцы“, понятно, опустили глаза.

— Отлично!... всѣ на *пять* и только одинъ на *единицу*!...

Мы невольно переглянулись, недоумѣвая.

— И этотъ одинъ, — убійственно - медленно цѣдилъ Антонъ Антоновичъ:—этотъ одинъ— первый ученикъ!.. Д-да,—подчеркнулъ онъ:— *первый* ученикъ, Давидъ Гурвейсъ!...

Тотъ вытянулся, весь дрожа.

— Отчего это вы написали на единицу, когда легко могли написать хорошо? — обратился Антонъ Антоновичъ непосредственно къ нему, въ конецъ уничтожая его взглядомъ.

Тотъ безпомощно крутилъ болтавшуюся одиноко пуговицу.

— Отчего?

Тотъ молчалъ. На глазахъ его показались слезы.

— Вы, пользуясь моимъ довѣріемъ, подглядѣли тему?.. признайтесь!..

— Да!—еле слышно процѣдилъ Гурвейсъ

— И сообщили ее классу?

— Сообщилъ.

У Антона Антоновича блеснули глаза.

— Ловкій гешефтъ!—злобно процѣдилъ онъ сквозь стиснутые зубы.—Зачѣмъ же сами написали такъ плохо? А!? Тонкій коммерческій разсчетъ? Чтобы скрыть слѣды, а?!

Гурвейсъ вспыхнулъ и судорожно теребилъ полу.

— Ну, гешефтмахеръ,—зачѣмъ?!

— Затѣмъ... затѣмъ...—всхлипывая и глотая слезы, отвѣчалъ тотъ:—затѣмъ, чтобы самому... чтобы самому получить отъ васъ за это единицу...

Бѣдный! Эта комичная „единица“ была тѣмъ „гешефтомъ“, которымъ онъ придумалъ сразу убить двухъ зайцевъ или угодить двумъ богамъ: спасая насъ, вознаградить ею довѣрявшаго ему Антона Антоновича. Онъ жертвовалъ собой, чтобы примирить двѣ столкнувшіяся стороны, послужить двумъ враждебнымъ культамъ, удовлетворить и тѣхъ и другихъ. Этою „единицей“ онъ наказывалъ самъ себя

за вину нашего „спасенія“ предъ Антономъ Антоновичемъ, приносилъ ее какъ дань довѣрію и хорошему отношенію къ нему послѣдняго. Въ этомъ сказался весь онъ: безхитростный, добрый и честный. У каждаго изъ насъ такъ и вырвалось невольно одобрительное: ай, да жидъ!

А „жиду“ въ концѣ-концовъ, — „жиду“, спасавшему насъ и добивавшемуся „единицы“ ради Антона Антоновича, пришлось оставить школу и перейти въ другую...

IV.

Мы встрѣтились съ нимъ опять только въ университетѣ. Мы встрѣтились какъ старые друзья, товарищи, однокашники, крѣпко связанные пережитыми нѣкогда вмѣстѣ бурями и проказами школьныхъ дней, о которыхъ всегда вспоминается какъ-то охотно, съ какимъ-то особеннымъ юморомъ и всепрощающимъ добродушіемъ. Насъ связывало прошлое; но и не связывай оно,—Давида Гурвейса мы любили бы не меньше. Одинъ изъ самыхъ выдававшихся студентовъ по уму, способностямъ, развитію,— онъ оставался все тѣмъ же прежнимъ, безхитростнымъ до наивности, добрымъ и честнымъ малымъ, какимъ былъ въ школѣ. Та же небрежность въ одеждѣ, та же вѣчная борьба съ пуговицами, веревочками и т. д.,—

все это оставалось при немъ, хотя теперь къ этому прибавилось и какое-то невинное поползновеніе къ щегольству, доставлявшее намъ обильную пищу для шутокъ. Благодаря воздѣйствію очаровательнаго пола, юноша Гурвейсъ былъ не прочь теперь щегольнуть какимъ-нибудь отчаяннымъ галстукомъ, къ его досадѣ всегда почему-то слѣзавшимъ на бокъ, или новымъ платьемъ, прескверно сшитымъ и очень быстро терявшимъ всѣ обаятельныя качества новизны. Этимъ онъ платилъ и свою дань прелестной кокеткѣ — богинѣ юности — и всегда вспыхивалъ какъ маковый цвѣтъ, когда мы весело подшучивали:

— Эге, братъ,—да ты франтить началъ!... Экій у тебя сюперфлю галстукъ!.. Только зачѣмъ это ты его бантомъ къ затылку поворачиваешь?

Гурвейсъ вспыхивалъ и дѣлалъ недовольный видъ.

— Ну-ну, что это у васъ за способность обращать вниманіе на всякія мелочи!—ворчалъ онъ, поворачивая непослушный галстукъ.—Удивительная способность!... Галстукъ! Не все ли равно какой галстукъ?!..

— Постой, постой!... Эге-ге,—и брюки новыя въ полоску, и сапоги поскрипываютъ... Чортъ возьми, какъ шикарно!... А все-таки, братъ, застегни пуговицы...

— Ахъ!—вскрикивалъ онъ недовольнымъ тономъ, дергая плечами, но быстро исправляя

вѣчныя погрѣшности костюма.—И какое вамъ до всего этого дѣло?

— Какъ какое дѣло!?—весело хохотали мы.—Во-первыхъ, оно не совсѣмъ прилично не застегивать того, что должно, а, во-вторыхъ,—своимъ франтовствомъ всѣхъ дѣвицъ у насъ отобьешь... Ловеласъ!

— Ну-ну, не говорите глупостей!—совсѣмъ конфузился смущенный Гурвейсъ.—Не говорите глупостей!... Это нехорошее отношеніе къ женщинѣ... Развѣ для нихъ костюмъ что-нибудь значитъ?... Развѣ онѣ такія пустыя?...

— Читай, читай мораль!... А зачѣмъ напялилъ галстукъ съ горошкомъ, а?

— Съ какимъ горошкомъ?... Что за глупости!.. совсѣмъ никакого горошка...

— Ну, съ искрой, что ли,—все равно... на версту глаза рѣжетъ... Небось, для Сарры Павловны?.. признавайся!

Это уже окончательно сражало Гурвейса. Его прехорошенькая соотечественница, фельдшерица Сарра Павловна, нравилась намъ всѣмъ, мы всѣ ухаживали за нею, посылали ей книги, помогали готовить уроки, но Гурвейсъ, казалось, былъ задѣтъ ея черными глазками не на шутку. При намекѣ на это тонкое обстоятельство, онъ вздергивалъ въ негодованіи плечи, вспыхивалъ еще ярче, нахлобучивалъ фуражку на затылокъ,—онъ всегда носилъ ее на затылкѣ и она оттопыривала у него уши,—кричалъ: „а, ну, васъ!“—и пулей вылеталъ изъ комнаты.

Какъ и нѣкогда въ школѣ, онъ представлялъ собой какую-то ходячую, живую антитезу, если можно такъ выразиться,—только теперь, можетъ быть, немного болѣе грустную и обидную, чѣмъ прежде, потому что болѣе грустнаго смысла, сознанія, больше обиды скрывалось въ ней и за нею. Воспитанный, какъ и всѣ мы, на лучшихъ, безсмертныхъ твореніяхъ нашей литературы, созданный духовно-великими отцами *нашей* мысли и слова: Гоголемъ, Пушкинымъ, Бѣлинскимъ, Лермонтовымъ, Добролюбовымъ, Некрасовымъ и т. д., наученный ими понимать и любить,—онъ, естественно, по духу былъ такимъ же „русскимъ“, такимъ же народолюбцемъ, какъ и всѣ мы, и, можетъ быть, даже больше и во всякомъ случаѣ безкорыстнѣе многихъ изъ насъ, а для народа, для этого страстно, идеально любимаго народа, о которомъ онъ болѣлъ, къ которому рвался всею душой, всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ,—онъ былъ только „жидъ“,—существо враждебное, подозрительное, смѣшное по внѣшности, выговору, жестамъ,—по всему, что такъ или иначе выдавало его племенную особенность. Какъ хотите, а это была уже драма, несомнѣнная драма, бо̀льшая во всякомъ случаѣ, болѣе глубокая, чѣмъ драма отверженнаго ловеласа, надъ которой мы такъ охотно, если не обязательно, льемъ слезы въ партерѣ. Но сколько язвъ, сколько больныхъ занозъ, мелкихъ уколовъ примѣшивалось къ этой роковой драмѣ со сто-

роны отъ всякаго, кто не зналъ его лично, не могъ, не хотѣлъ приглядѣться,—отъ любого проходимца даже съ именемъ на „овъ“ и „евъ“,—и только за то, что онъ любилъ такъ сильно, такъ страстно распѣвалъ любимую „Дубинушку“ или „Ой, вы братцы“—немного шипящими звуками! Даже въ нашей студенческой средѣ было много такихъ, что, не зная его, относились къ нему не то подозрительно, не то иронически и, можетъ-быть, даже не желая этого вовсе, жестоко ранили его сердце съ тою жестокою легкостью, которая вообще часто характеризуетъ поступки людей, мало связанныхъ между собою. И много-много нужно было имѣть любви въ своемъ сердцѣ, много вѣры въ „человѣка“, чтобы не поддаться, не озлобиться,—остаться такимъ же цѣльнымъ и чистымъ, какимъ оставался Давидъ Гурвейсъ.

Я помню одну сцену изъ нашей тогдашней студенческой жизни,—не совсѣмъ трезвую, правда, немного комичную, но во всякомъ случаѣ до того типичную, такъ цѣльно рисующую всего Гурвейса, что я никакъ не могу отказать себѣ привести ее здѣсь. Въ одинъ изъ вечеровъ мы беззаботно дули пиво въ одномъ изъ ресторановъ цѣлымъ кружкомъ, слушая безконечныя розовыя предположенія Гурвейса о его будущей дѣятельности въ качествѣ земскаго врача. Толчокъ къ такой темѣ далъ намъ, помню, только-что прочтенный вмѣстѣ одинъ изъ прелестныхъ разсказовъ Глѣба Успенскаго

и мы весело истребляли бутылку за бутылкой, можетъ быть, нѣсколько злоупотребляя тостами за автора и рисуемый имъ народъ. На бѣду, рядомъ съ нами у сосѣдняго столика расположилась компанія мѣстныхъ щеголей, тоже сильно навеселѣ, то и дѣло требовавшая дорогихъ винъ и провозглашавшая свои тосты: то за ножки, то за ручки, то за другія части актрисъ мѣстной оперетки. Право, не помню теперь, наше ли *пиво* и тосты стали коробить щеголей прежде, ихъ ли *вино* и тосты—насъ, но очень скоро атмосфера между двумя столиками стала крайне напряженной. Отдѣльныя искорки напряженнаго электричества уже давно перескакивали оттуда и отсюда, не нарушая, впрочемъ, общаго равновѣсія до поры до времени или, вѣрнѣе, до подходящаго случая. Этотъ случай скоро представился. Послѣ не большой взаимной перестрѣлки „въ сторону" какъ это пишется въ комедіяхъ, болѣе или менѣе остроумно-ядовитыхъ стрѣлъ, раздражавшихъ оба лагеря до послѣдней степени,— одинъ изъ „львовъ", не выдержавъ, рѣзко повернулся къ намъ и сталъ всматриваться дерзко и нахально въ Гурвейса.

— А я васъ гдѣ-то видалъ!—началъ онъ нетвердымъ, коснѣющимъ языкомъ, насмѣшливо, какъ-то презрительно улыбаясь.

— Можетъ быть... — отвѣтилъ тотъ, все еще полный своихъ розовыхъ плановъ:—я отъ людей не прячусь!...

— Но гдѣ?—продолжалъ левъ, точно въ самомъ дѣлѣ усиливаясь припомнить:—гдѣ... Вы, кажется, приходили старыя брюки спрашивать... Да, да, да!.. старыми вещами торгуете!...

— Нѣтъ, — отвѣтилъ спокойно вспыхнувшій Гурвейсъ: — я ничѣмъ не торгую!.. вы ошибаетесь.

— Помилуйте! — перебилъ левъ подъ общій хохотъ своихъ собутыльниковъ: — у меня хорошая память!... Такое типичное жидовское лицо, и не запомнить...

Что сказалъ бы еще левъ, что или какъ отвѣтилъ бы ему подвыпившій Гурвейсъ,—право, сказать трудно... Рѣчь льва пресѣклась на полусловѣ: одинъ изъ насъ, мой ближайшій сосѣдъ, схватилъ пустую бутылку и угодилъ ею ему прямо въ носъ, окровавивъ лицо и бѣлую манишку...

— Такъ ихъ, такъ щеголей,—прямо въ носъ, какъ училъ диктаторъ Рима!

Полетѣли бутылки, поднялась свалка, гамъ, невообразимый безпорядокъ. Добродушный Гурвейсъ бросился унимать, схватилъ даже воду для ушибленнаго льва, но самъ же и „влетѣлъ“ за свое добродушіе. Левъ принялъ его движеніе за новое нападеніе и сцѣпился съ нимъ не на животъ.

— Стрѣляться, стрѣляться!—кричали львы.— Мы вамъ покажемъ!.. стрѣляться!

— Хоть рѣзаться! хоть изъ пушекъ!—отвѣчали наши.

— Я первый, я съ нимъ!—не помня себя, кричалъ ушибленный:—я съ нимъ! Нѣтъ, не уйдешь!—теребилъ онъ все успокаивавшаго его Гурвейса:—стрѣляться!

Гурьбой, раздраженные до-нельзя, мы вылетѣли изъ ресторана и направились въ паркъ стрѣляться, несмотря на открытые протесты Гурвейса.

— Да я вовсе не хочу убивать васъ или быть убитымъ!—твердилъ тотъ резонно льву, но левъ не слушалъ и только бормоталъ, задыхаясь, свое:

— Мнѣ все равно!... Мы стрѣляемся! Оскорбленіе!.. Непремѣнно стрѣляемся!

Какъ мы вошли въ паркъ, откуда взялись револьверы, право теперь я не помню. Луна свѣтила такъ ярко съ яснаго безмятежнаго неба, что на полянѣ было довольно свѣтло. Издали доносился отдаленный грохотъ экипажей по мостовой, но въ паркѣ было все тихо. Нѣсколько воронъ, спугнутыхъ нашимъ гамомъ, вспорхнули, тяжело захлопали въ листвѣ крыльями и, какъ-то глупо прокаркавъ съ просонокъ, шумно полетѣли между деревьевъ. Что мы кричали, о чемъ, почему,—ей-Богу не помню, но Гурвейса мы всѣ,—и тѣ, и наши,—стали усиленно убѣждать съ-пьяна, что ему необходимо „поддержать честь“ и стрѣляться, разъ онъ вызванъ. Тотъ протестовалъ.

— Но вѣдь это глупо, чортъ возьми!... За что убивать? Да я вовсе и не хочу, господа!...—кричалъ онъ, размахивая руками.

— Нѣтъ, нѣтъ! Непремѣнно! — кричали мы всѣ, а въ особенности ушибленный левъ.— Оскорбленіе... такое оскорбленіе... Нѣтъ, я не прощаю оскорбленій!—бормоталъ онъ коснѣющимъ языкомъ.

Можетъ быть, такъ бы и кончилось ничѣмъ, не пойди Гурвейсъ дальше однихъ протестовъ. Но на бѣду онъ вздумалъ обратиться къ здравому смыслу и приводить резоны для успокоенія расходившагося льва. Когда тотъ, не унимаясь, бормоталъ свое, несмотря на его протесты, Гурвейсъ съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ простодушно обратился къ нему:

— Да чего вы кипятитесь... У васъ и такъ весь носъ разбитъ... Давайте лучше кровь уймемъ!

Это здравое, добродушное, искреннее замѣчаніе, безхитростное, какъ былъ безхитростенъ его авторъ, явилось каплей, переполнившей чашу. Львы приняли это за иронію, дерзость и завопили. Вновь поднялся страшный гамъ и всею гурьбой мы потащили Гурвейса къ барьеру.

— Да я не хочу, чортъ возьми!.. вѣдь это глупо!—протестовалъ онъ, дергая плечами.

— Становись къ барьеру!

— Плевать я хочу на вашъ барьеръ!...

— Трусъ! Трусъ! — сыпалось кругомъ въ отвѣтъ.

— Не трусъ и не дуэлистъ...—возражалъ онъ.— Да я даже не знаю, какъ и стрѣлять-то...

Одно его спокойствіе свидѣтельствовало уже ясно, что онъ далеко не трусъ, но на это, понятно, никто не обратилъ тогда вниманія. Ему всунули въ руку плохенькій револьверъ и показали, какъ нажать собачку. Онъ слушалъ молча, спокойно, попробовалъ даже пальцемъ собачку, стоя у барьера, пока противникъ наводилъ на него дрожавшей пьяной рукой свое оружіе, но вдругъ бросилъ револьверъ и плюнулъ.

— Чортъ возьми, что за ерунда! Буду убивать человѣка... не хочу!...

— Должны, должны!—выдѣлились крики изъ общаго, вновь поднявшагося по этому поводу, гама.

— Не хочу!...—И, отчаянно махнувъ рукой, Гурвейсъ опустился и сѣлъ на землю.

Это вывело насъ изъ себя.

— Ты трусъ, Гурвейсъ!

— Не трусъ, а не хочу! Пусть себѣ стрѣляетъ онъ, если хочетъ,—указалъ Гурвейсъ на противника:—а я не буду! Что за ерунда!

Онъ продолжалъ сидѣть на травѣ въ самой комичной позѣ... Противникъ его держалъ оружіе и колебался. Секунданты запротестовали.

— Такъ нельзя... Первый выстрѣлъ вашъ,— вы вызваны. Встаньте!

— Не хочу!—рѣшительно отрѣзалъ Гурвейсъ.

— Такъ нельзя!...

— Мнѣ все равно! Я уйду... мнѣ надоѣла эта комедія!

— Да вы хоть на воздухъ стрѣляйте!

— Зачѣмъ на воздухъ? Какъ это на воздухъ?

— Вверхъ, не цѣлясь!...

Гурвейсъ колебался, эта глупая комедія начинала сердить его; чтобы кончить какъ-нибудь скорѣе, онъ, сидя, поднялъ револьверъ.

— Ну?—вопросительно пожалъ онъ плечами.

— Стрѣляйте же!

— Такъ?—спросилъ онъ, уставивъ дуло на луну и закрывъ глаза.

— Хоть такъ, какъ хотите!

Раздался выстрѣлъ.

— Ну, вотъ вамъ!—Онъ съежился и бросилъ револьверъ.

Было ли это дѣйствіе выстрѣла, ярко блеснувшаго и разнесшагося грохотомъ по лѣсу, или что-нибудь другое подѣйствовало, но всѣ и даже самъ противникъ какъ-то вдругъ стали спокойны, пришли въ себя, опомнились. Раздался новый выстрѣлъ, тоже „на воздухъ“, и вслѣдъ за тѣмъ при общемъ ликованіи рука противника со словами: „вы молодецъ!“—протянулась къ Гурвейсу.

Вспоминая эту давнюю исторію, я такъ и вижу предъ собой нашего добродушнаго, спокойнаго, ровнаго, честнаго Гурвейса, вижу какъ, сидя на землѣ и зажмуривъ глаза, онъ палилъ въ ясную луну съ любимымъ жестомъ: подергиваньемъ плечами; слышу его искреннее „не хочу!“ и „что за ерунда“. Никакой рисовки въ немъ никогда не было, въ герои

онъ не лѣзъ, надъ героизмомъ даже подтрунивалъ добродушно, самъ никогда не подозрѣвая, что его спокойное, хладнокровное мужество годилось-бы для многихъ героевъ. Нѣтъ, онъ не лѣзъ въ герои, онъ считалъ себя скромнымъ труженикомъ, культурнымъ работникомъ и даже гордился, что его племя не создавало полководцевъ-героевъ. „Мы, евреи,— говаривалъ онъ:—единственное племя, которое невиновно теперь въ военныхъ кровопролитіяхъ... Мечъ, давно забытый мечъ, мы промѣняли на культуру... Вмѣсто Наполеоновъ, у насъ есть Лассали, Марксы, Гейне, Берне, Мейерберы!"

— У насъ,—говоришь ты?—поддразнивали мы его.—Да какой же ты еврей?.. что въ тебѣ еврейскаго?

На это онъ обыкновенно вспыхивалъ и разсыпался въ воспоминаніяхъ дѣтства, ссылался на свои симпатіи къ преслѣдуемому племени, на свое происхожденіе.

— Пока они „жиды", а не люди, какъ всѣ,—и я буду жидъ! Пока ихъ преслѣдуютъ, и я буду съ ними!

— Это очень благородно,—возражали ему:— но согласись, что у тебя ничего нѣтъ общаго съ евреями. Въ громадномъ большинствѣ евреи эксплуатируютъ народъ и занимаются ростовщичествомъ....

Гурвейсъ вскакивалъ какъ ужаленный.

— Это неправда! глубокая неправда!—кричалъ онъ весь багровый.—Громадное большин-

ство евреевъ—ремесленники, люди самаго чистаго труда, живущіе въ вопіющей нуждѣ... Видали вы эту нищету, грязь и бѣдность обстановки? видали, какъ живетъ и чѣмъ питается ремесленникъ-еврей?—нѣтъ?—ну такъ и молчите же! И этотъ труженикъ, нищій выбивается изъ силъ, чтобы дѣтямъ своимъ дать свѣтъ и знанье... Посмотрите, сколько еврейской бѣдноты учится, рветъ съ закорузлыми ветхозавѣтными традиціями и стремится къ свѣту. Къ евреямъ-эксплуататорамъ, барышникамъ, ростовщикамъ я отношусь такъ же враждебно, какъ и вы. Они эксплуатируютъ и свою еврейскую бѣдноту такъ же точно, какъ Разуваевы и Колупаевы ваши, и, право же, не знаю, чѣмъ послѣдніе лучше первыхъ. „Ёнъ достанетъ“—изобрѣли не евреи! Жидъ эксплуататоръ сосетъ грошемъ, Разуваевъ—душитъ рублемъ; что лучше,—рѣшить, конечно, трудно,—оба зло. Но грѣхъ немногихъ, грѣхъ кучки не сваливайте на всѣхъ. Правда, много умныхъ евреевъ занимаются финансовыми операціями и составили себѣ большія состоянія, но вините же саму жизнь: это она не даетъ способнымъ и сильнымъ людямъ другого приложенія своихъ силъ, другого поля...

Такимъ образомъ его народничество, его духовное родство съ нами сливалось въ немъ въ нѣчто гармоническое и цѣльное съ его еврействомъ... Вѣрнѣй всего, онъ былъ русскій духомъ, который могъ въ то же время

любить, и дѣйствительно любилъ свое родное племя, болѣлъ о немъ и искренно желалъ ему лучшаго. Еще лучше сказать,—онъ любилъ человѣка, откуда и кто бы онъ ни былъ.

V.

Гурвейсъ былъ однимъ изъ бѣднѣйшихъ въ университетѣ, но эта бѣдность ничуть не мѣшала ему считаться однимъ изъ лучшихъ студентовъ по работамъ и по знаніямъ. Онъ шелъ лучше и впереди многихъ и многихъ, обезпеченныхъ и большимъ досугомъ, и довольствомъ, даже комфортомъ, снабженныхъ массою книгъ и руководствъ,—несмотря на то, что громадную часть сутокъ ему приходилось отдавать репетиторству, бѣганью по грошевымъ урокамъ, которыми онъ снискивалъ себѣ свое скудное, студенческое пропитаніе. Не одними врожденными способностями, конечно, обусловливалось это,—громадную роль играла тутъ врожденная, унаслѣдованная отъ отца и дѣдовъ привычка, способность къ труду, выносливость и выдержка въ работѣ. Не избалованный ничѣмъ съ дѣтства, съ дѣтства пріученный уважать трудъ, глядѣть на него какъ на долгъ, святую обязанность человѣка, пролетарій, пріученный полагаться во всемъ только на свои собственныя руки, свою голову,—онъ и на ученіе смотрѣлъ, естественно, не

какъ на прихоть, средство получить дипломъ, а съ нимъ извѣстное положеніе или необходимый искусъ, требуемый законами свѣта,— какъ смотрѣли, напримѣръ, многіе и многіе изъ насъ, балованныхъ „маменькиныхъ“ сынковъ,—а какъ на тотъ же долгъ, при чемъ сама наука становилась для него чѣмъ-то вродѣ культа. „Это въ крови у меня,—говаривалъ онъ намъ, часто удивлявшимся его выносливости, работѣ, терпѣнью, недоумѣвавшимъ откуда черпаетъ онъ, худой, полу-голодный, изможденный, такую силу,—это въ крови у меня. Весь нашъ жидовскій родъ — пролетаріи... Прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, не разгибая спины, выкармливали поколѣніе за поколѣніемъ иголкой... Это родовая иголка такимъ меня сдѣлала... Я бы въ гербъ свой всадилъ ее, кабы былъ у меня гербъ!“ Иголка-то, положимъ, иголка, но и человѣкъ, думаю я, державшій эту иголку изъ года въ годъ, изъ рода въ родъ на благо и пользу людямъ, что-нибудь тутъ да значитъ.

Отецъ его, какъ и дѣдъ, какъ и прадѣдъ, не совершалъ походовъ, не бралъ никого въ плѣнъ; если усмирялъ кого, то только шуструю дѣтвору, черезчуръ безцеремонно обращавшуюся съ иголками и нитками и, можетъ-быть, немного легкомысленно относившуюся къ приказу: сидѣть смирно и долбить книги,— вообще никакихъ подвиговъ и доблестей не проявилъ. Старый Мойшъ, какъ нѣкогда его

дѣдъ и отецъ, работалъ иголкой на весь захолустный уѣздный городъ, обшивалъ въ немъ всѣхъ, начиная съ городничаго, разгонявшаго зачастую хандру нападеніями на еврейскіе пейсы,—то было, вѣдь, доброе, старое время,—до франта стряпчаго включительно, носившаго узкія брюки, лайковыя перчатки и напѣвавшаго всѣмъ захолустнымъ дѣвицамъ: „ты не повѣришь!“ Что дѣлали бы львы и не львы городка, чѣмъ бы прельщали городскія дамы и дѣвы кавалеровъ, не будь старика Мойша съ его „парижскими фасонами изъ Берлина“,—право, не знаю, но думаю, что не одно сердце помогла притянуть его иголка, не одну свадьбу она сшила. Много работала эта иголка, очень много; давала она только мало, плохо защищала отъ голода и холода семью портного, который, какъ истый жидъ, не ропталъ на лишніе рты, а все просилъ Бога о приращеніи новыхъ и новыхъ. И новые рты все прибывали и прибывали,—Мойшъ радовался и, радуясь, все сильнѣе, все страстнѣе работалъ своею иголкой.

Но если иголка плохо спасала онъ нищеты, за то она давала много досуга головѣ, а досугъ этотъ, какъ извѣстно, ведетъ часто къ страннымъ мыслямъ. Сидитъ, напримѣръ, Мойшъ скрючившись на своемъ табуретѣ за городническими фалдами или капотомъ интендантши,—сидитъ за-полночь, когда вся семья уже давнымъ-давно храпитъ вповалку,—а странныя

мысли такъ и лѣзутъ, такъ и ползутъ, отгоняя сонъ и спссобствуя, такимъ образомъ, работѣ.

Тускло свѣтитъ огарокъ, шибко, механически ходитъ въ привычной рукѣ иголка; тихо, какъ-то визгливо-жалобно звучитъ крѣпко натягиваемая нитка, а Мойшъ все думаетъ о томъ, какъ бы хорошо было, люби люди побольше другъ друга, уважай они человѣка, не справляясь о его родѣ и племени, о его достаткѣ.

Много еще разныхъ другихъ странныхъ мыслей толпится, наполняетъ его склоненную, отекавшую надъ работой голову, но всѣ онѣ точно у центра вертятся около одного вопроса: какъ бы уберечь первенца, любимца Давида, отъ всѣхъ бѣдъ и напастей жизни,— какъ бы спасти его отъ общаго презрѣнія и третированья, сопряженныхъ съ его жидовствомъ, съ этою обидною кличкой „жидъ". Конечно,—думаетъ онъ,—будь онъ Ротшильдъ,— да что Ротшильдъ! — будь онъ простой банкиръ или хоть богатый купецъ, откупщикъ,— дѣло стояло бы иначе: Давидъ былъ бы Давидомъ и никто не сомнѣвался бы въ томъ, что онъ такой же человѣкъ, съ такою же душой, сердцемъ, головой, какъ и всѣ. Доступа къ нему добивались бы самые знатные люди и жали бы ему руку, заискивающе улыбаясь. Но Давидъ, сынъ Мойша портного,—это не Давидъ, а только Дудь, жидочекъ, а потомъ жидъ, надъ которымъ можно и потѣшаться.

котораго можно и выругать, и побить, и сдѣлать безнаказанно всякую пакость. Что ужъ,— вздыхаетъ, бывало, Мойшъ,—большому кораблю—большое море!—на то онъ и корабль! а челноку—рѣчка,—на то и челнокъ онъ!—вздыхаетъ, а странныя мысли все лѣзутъ, все лѣзутъ и лѣзутъ, все твердятъ ему свое неизмѣнное: отчего бы и Давиду не быть кораблемъ и плавать въ большомъ морѣ?—Нѣтъ у тебя богатства,—шепчетъ ему какой-то назойливый голосъ,— сдѣлай большимъ его сердце, развей его умъ, его силы... Пусть блеснетъ въ немъ человѣкъ во всей его красотѣ и мощи, и не гнать, а радоваться на него будутъ люди... Будетъ онъ ученымъ или докторомъ,—и никогда не узнаетъ всего того, что выпадало дѣду и отцу за ихъ иголку. Тускло свѣтитъ огарокъ, жалобно воетъ въ трубѣ вѣтеръ, тихо, точно плачучи, звучитъ крѣпко натягиваемая нитка, а портной все думаетъ, сидя склонившись надъ своею работой, и слышитъ, какъ то же самое трещитъ ему свѣча, поетъ нитка, напѣваетъ вольный вѣтеръ.

Думалъ такъ Мойшъ, думалъ,—въ то далекое время это были еще еретическія мысли въ захолустьи,—изъ еврейскихъ дѣтей учились только единицы: дѣти богачей, крупныхъ тузовъ, почти отрекавшихся отъ еврейства,—думалъ и... надумалъ... Сшилъ изъ тончайшаго сукна вицъ-мундиръ и пошелъ съ нимъ къ директору въ школу съ поклономъ.

— Ваше ваше-ство!..—началъ онъ, переминаясь:—я и васъ обшивалъ, и дѣтей вашихъ... Сдѣлайте мнѣ милость!

— Какую милость?—спросилъ его благосклонно старикъ директоръ, оглянувъ новенькій вицъ-мундиръ.

Кашлянулъ Мойшъ, собрался съ духомъ и выпалилъ вдругъ:

— Сына учить хочу... Пусть будетъ человѣкомъ, ваше-ство! Зачѣмъ и ему знать мою бѣду?.. зачѣмъ ему, какъ и мнѣ, быть темнымъ? Примите, ваше-ство!...

Помолчалъ старикъ директоръ, подумалъ, вынулъ табакерку, щелкнулъ по ней пальцами, понюхалъ и протянулъ ее оробѣвшему Мойшу:

— Умный ты человѣкъ, Мойшъ,— сказалъ онъ:—и умное дѣло надумалъ!... Ученье—свѣтъ, неученье—тьма... Пусть ходитъ Давидъ учиться!

Такъ и сталъ Давидъ школьникомъ, а потомъ и студентомъ. Правда, много стоило этому старому Мойшу, много иступилъ онъ ради этого лишнихъ иголокъ, много перешилъ лишнихъ нитокъ,—да что за бѣда!—за то сынъ учился на славу, и не только учился, а, учась, умѣлъ еще помогать и семьѣ. Еще въ школѣ, съ четвертаго класса онъ уже содержалъ самъ себя, а въ университетѣ грошевыми уроками умѣлъ не только зарабатывать на свое ученье, а и отсылать еще каждый мѣсяцъ что-нибудь домой, на помощь безчисленнымъ братьямъ и сестрамъ, чего не умѣли и не сумѣли бы ни-

когда многіе и многіе изъ насъ. Для всего молодого еврейства своего захолустья студентъ Гурвейсъ сталъ живымъ фокусомъ, въ которомъ концентрировались всѣ ихъ тайныя симпатіи, надежды, смутные порывы къ свѣту, къ выходу изъ своего обособленнаго, замкнутаго, тинистаго круга,—онъ вносилъ туда новыя понятія, новые взгляды, будилъ сонную, дремавшую отъ вѣка мысль. Все, что нѣкогда играло съ нимъ на улицѣ, валялось въ пыли, наполняя воздухъ характернымъ гамомъ еврейскихъ улицъ и переулковъ, — теперь, выросши, ждало отъ него, *студента*,— а это слово отдавало тогда чѣмъ-то недосягаемо-высокимъ, чистымъ, чуть ли не святымъ въ душѣ не одного портного Мойша,—ждало отъ него указаній, совѣтовъ, наставленій, примѣра во всемъ. Однимъ онъ давалъ читать книги, указывалъ, что и какъ читать для самообразованія, другимъ помогалъ поступать въ школы, убѣждая родителей не стѣснять путь дѣтямъ старыми предразсудками, не бояться иновѣрныхъ школъ, высылалъ программы, велъ переписку съ тѣми, кто нуждался въ нравственной поддержкѣ,—вообще помогалъ всѣмъ, чѣмъ и какъ могъ. Захолустье вдругъ начало просыпаться: изъ него молодежь потянулась въ школы, на курсы, даже за границу подъ ворчанье стариковъ, а имя Давида Гурвейса, къ счастью стараго Мойша, стало самымъ популярнымъ. Молодежь произносила его съ гор-

достью, съ свѣтлою улыбкой, которую даетъ только вѣра въ жизнь и свои силы, старики— съ плохо скрываемою боязнью, съ досадою за разбитые кумиры, порванныя, разбитыя въ прахъ традиціи, завѣты сонной старины.

Можетъ быть, именно это сознаніе своей полезности, необходимости другимъ и укрѣпляло главнымъ образомъ его симпатіи къ еврейству, къ своимъ, которыхъ онъ зналъ съ дѣтства, чьи боли, желанія и надежды были ему и понятнѣе, и ближе, чѣмъ кому бы то ни было другому. Можетъ быть, именно тутъ нужно искать причину того, что онъ такъ упорно, страстно протестовалъ противъ увѣреній нашихъ тетушекъ, племянницъ, сестеръ, вѣчно кричавшихъ ему, что въ немъ нѣтъ и въ поминѣ ничего еврейскаго.

— Нѣтъ-съ, сударыня, — горячо возражалъ онъ съ тою простотой и безыскусственностью, которыя такъ нравились въ немъ всѣмъ:— нѣтъ-съ... Я — чистѣйшій жидъ! Дѣдъ былъ жидъ, отецъ жидъ и я такой же...

— Но что же въ васъ еврейскаго?—конфузились кричавшія на его слово „жидъ“:—ни пейсовъ, ни халата...

— Мои симпатіи—вотъ что! Я люблю жидовъ, я понимаю ихъ,—я сочувствую имъ во многомъ—какъ *жидъ*, а не только какъ человѣкъ, для котораго всѣ люди—люди... Вы не такъ къ нимъ относитесь да и относиться такъ не можете!...

Ахъ, эти наши тетушки, наши кузины! Давидъ Гурвейсъ имъ нравился,—онѣ относились къ нему хорошо,—онъ былъ студентъ, нашъ товарищъ, но примириться съ его еврействомъ онѣ никакъ не могли. Это еврейство точно роняло его въ ихъ глазахъ, дѣлало его ниже насъ, принижало, а слово „жидъ“ въ его устахъ даже коробило. Конечно, оставайся онъ себѣ такимъ же „жидомъ“, будь даже бо̀льшимъ, но прими хоть лютеранство,—онъ выросъ бы моментально, онъ сразу пересталъ бы быть жидомъ, а сдѣлался бы... русскимъ, не русскимъ,—нѣмцемъ, не нѣмцемъ, но, во всякомъ случаѣ, чѣмъ-то такимъ, чего тетушкамъ и кузинамъ было бы вдругъ почему-то „не стыдно“. А наши тетушки и кузины были тогда еще далеко не ханжи,—онѣ допускали даже извѣстное фривольство въ вопросахъ религіи, и не только фривольство, а кое-что и побольше. Вотъ что значитъ форма, традиція!.. Впрочемъ, не одно это... Большую роль и, можетъ-быть, главную играло тутъ, конечно, и, то, что евреевъ „съ нами“ не вѣнчаютъ; что, оставаясь евреемъ, Давидъ Гурвейсъ могъ быть студентомъ, товарищемъ ихъ братьевъ и кузеновъ, другомъ даже, могъ быть извѣстнѣйшимъ ученымъ, знаменитостью, но не могъ, одного только—*не могъ быть женихомъ*! Въ ихъ чудныхъ глазкахъ бѣдный жидъ терялъ такимъ образомъ всѣ обаятельныя свойства и качества *мужчины*! У меня была тетушка

Зизи, очень и очень немолодая дѣвица, въ сердцѣ которой, однако, годы не потушили пламеннаго вулкана. Любила тетя Зизи больше всего свою кошку „Пипу“, желала больше всего жениха, боялась болѣзней и смерти. Въ очень молодые годы она, конечно, мечтала о „корнетѣ“; позже, когда жестокій корнетъ не явился,—о пѣхотинцѣ; еще позже... она помирилась бы на интендантѣ и даже на „штатскомъ изъ губернскаго правленія“, а теперь... теперь, когда „воинственность“ ея понесла полное разочарованіе,—теперь—увы!—она не побрезгала бы, я думаю, и жидомъ крещенымъ, въ особенности—хорошимъ врачемъ. Можетъ быть, я ошибался, но, право, я сильно подозрѣвалъ безкорыстіе ея хорошихъ отношеній къ Гурвейсу, ея заботы о немъ, видимое ухаживаніе, — „материнское“, какъ оправдывалась она, краснѣя на наши намеки и шпильки. „Я какъ м-а-т-ь!“—томно говорила краснѣвшая тетя; но, признаюсь, я не разъ подмѣчалъ за тетей такіе взоры въ сторону нашего милаго „жидка“, такіе взоры, какіе приготовлялись нѣкогда несомнѣнно для однихъ корнетовъ и которыхъ только онъ одинъ не видѣлъ. Разъ я натолкнулся на комическую сцену, когда тетя „безкорыстно“, какъ „м-а-т-ь“, совѣтовала ему принять хоть лютеранство.

— Зачѣмъ?—искренно удивился Гурвейсъ.

— Ахъ, развѣ вы не понимаете?.. ну, мало

ли что можетъ быть... Ну, представьте, васъ полюбитъ дѣвушка...

— Да, это сложная вещь, если дѣвушка будетъ христіанка...—задумался серьезно Гурвейсъ.—Но вѣдь полюбитъ меня она каковъ я есть, полюбитъ „жида“...

— Ахъ, противный!—тетя мило оттопырила губку, точно говорила съ корнетомъ;—дались ему эти жиды! Ну, почему-жъ бы вамъ этого не сдѣлать?...

— Потому, что это оттолкнуло бы меня отъ своихъ, потому что въ безкорыстіе мое въ этомъ случаѣ, въ мою искренность никто бы никогда не повѣрилъ, потому...

— Ахъ, потому, потому!... Оставьте вы эти „потому“... Развѣ вы не понимаете, что это дало бы вамъ права, какихъ вы не имѣете?...

— Права?!— удивился честный Гурвейсъ:— права?! Вы говорите о правахъ! Ради „правъ“?! Плохая же вы христіанка, сударыня!.. По-моему—это кощунство даже!... Вотъ если бы я, напримѣръ, могъ вылѣчить этимъ, хоть васъ положимъ, отъ чахотки, рака...

— Ахъ!..—взвизгнула искренно тетя, закрывая лицо руками.

— Холеры, чумы, дизентеріи, дифтерита...

— Ахъ, ахъ, ахъ!

Бѣдная тетя очень красиво „легла въ обморокъ“,—немного дѣланный, положимъ, но эффектный. Она искренно испугалась, а бѣдный Гурвейсъ, растерянный, сконфуженный, испу-

ганный, разводилъ безпомощно руками, пока я не пришелъ къ нему на помощь своимъ громкимъ хохотомъ.

VI.

Къ концу нашего ученія въ университетѣ маленькая Сербія, написавъ на своемъ знамени: „Независимость и свобода“—бодро выступила войной противъ громадной и сильной тогда Турціи. Всѣмъ памятно еще, думаю, то лихорадочное возбужденіе, то страстное оживленіе, почти энтузіазмъ, съ какимъ отнеслись наше интеллигентное общество и печать къ этому факту,—всѣмъ памятно, какимъ ореоломъ было окружено имя генерала Черняева... Сочувствіе и интересъ къ борющимся „братьямъ“ проникли даже въ народъ, который несъ имъ свои трудовые гроши; для всякихъ же „бо“ и „го-мондовъ“ они стали почти обязательны, какъ послѣднее слово моды, какъ новенькій „рюшикъ“ на оборкахъ прелестныхъ юбокъ. Предводительши, секретарши, казначейши и т. д., и т. д.,—всѣ, занимавшіяся до сихъ поръ только ферлакурствомъ и вздохами,—почуяли вдругъ необычайный приливъ нѣжности къ этимъ „милымъ братьямъ,—ces charmants slaves,—щипали для нихъ своими розовыми пальчиками корпію и очень граціозно носили у бюстовъ неуклюжія кружки „для

подаянія". Правда, немного спустя, многія изъ нихъ съ такимъ же энтузіазмомъ и пыломъ относились и къ плѣннымъ турецкимъ офицерамъ,—ces charmants turcs,—но что же, спрашивается, дѣлать пылкому сердцу, горящему неугасимымъ пламенемъ, когда время ничего другого кромѣ черноглазаго турка ему не подноситъ!?

Въ университетской же средѣ, всегда искренной, чуткой, самоотверженной, это увлеченіе было, конечно, не только неизмѣримо искреннѣе, но и сильнѣе. Тамъ, для многихъ душъ, томившихся сомнѣніями, не знавшихъ куда дѣвать себя, что съ собой дѣлать, сербское возстаніе явилось точно выходомъ, поданнымъ самою жизнью. Турецкая пуля страшила меньше, чѣмъ царившія въ душѣ путаница и разнорѣчіе, чѣмъ неопредѣленное прозябаніе безъ ясной цѣли, идеала и вѣры въ жизнь. И тамъ это увлеченіе, конечно, приняло иныя формы, чѣмъ корпія и „кружка" у бюста,—тамъ люди записывались въ добровольцы,—цвѣтъ нашего народа съ счастливою улыбкой шелъ на чужой „бранный пиръ", и именно какъ на пиръ. Правда, многіе изъ нихъ не держали до этого въ рукахъ оружія, многіе только теперь учились стрѣлять,—но за то всѣ они умѣли умирать такъ, какъ только умѣетъ умирать наша юность. Горсть этихъ не умѣвшихъ стрѣлять юношей сдерживала цѣлую орду, заставляла ее терять голо-

ву, напрягать всѣ силы, опрокидывала регулярные баталіоны, брала батареи. Смерть студента Ярошенко или учителя Гольдштейна, съ папироской въ зубахъ и револьверомъ въ рукѣ продолжавшаго защищать батарею, вся прислуга и прикрытіе которой были перебиты, смерть многихъ и многихъ другихъ лучше всего показываетъ, что̀ и какъ умѣли дѣлать эти не умѣвшіе стрѣлять юноши.

Давидъ Гурвейсъ былъ въ числѣ многихъ другихъ, отправившихся прямо изъ университета на театръ войны, въ распоряженіе генерала Черняева. Двинули его на этотъ путь, во-первыхъ, симпатія къ маленькому племени, храбро возставшему противъ сильнаго врага, симпатія къ его знамени, во-вторыхъ—чувство товарищества: лучшіе его друзья записались въ добровольцы; въ-третьихъ—убѣжденіе, что, какъ врачъ, онъ всего необходимѣе и полезнѣе будетъ именно тамъ, гдѣ больныхъ, искалѣченныхъ, изувѣченныхъ будетъ, несомнѣнно, больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. „Красный Крестъ“ принялъ его въ одинъ изъ своихъ санитарныхъ отрядовъ, снабдивъ прекраснымъ хирургическимъ наборомъ, одинъ видъ котораго приводилъ Гурвейса въ неописуемый восторгъ,—онъ даже бредилъ имъ.

— Нѣтъ, вы посмотрите только!—кричалъ онъ намъ, вынимая свои ножички, ланцеты, пинцеты и прочіе ужасы, отъ которыхъ упаси Богъ всякаго, любуясь ими, при чемъ какъ-то

сладострастно цокалъ языкомъ:—вы посмотрите только: отдѣлка-то, отдѣлка какая! Роскошь!

— Ты бы эту отдѣлку для себя приберегъ!—шутливо сердились мы, что ему очень нравилось:—живорѣзъ, костоломъ!... Небось на нашемъ братѣ думаешь отдѣлку-то эту пробовать...

— Придется—и на васъ попробуемъ!—шутилъ онъ въ тонъ, подергивая плечи.

— Ишь ты!—Погоди,—что-то запоешь, какъ попадешься въ плѣнъ къ туркамъ! Небось, отдѣлку-то эту забудешь!...

— Отчего?... Я и турокъ лѣчить буду. На нихъ буду пробовать...

— Ишь ты, перебѣжчикъ! Врагу ты на помощь придешь?!

Этимъ шутливымъ замѣчаніемъ мы затрогивали его любимую тему и давали ему возможность вылиться цѣлыми потоками восклицаній. Онъ сейчасъ же разсыпался въ доказательствахъ, что больные—не враги, а только *больные*, что врачъ не имѣетъ права имѣть враговъ.

— Такъ я и факультету присягалъ!—И онъ сейчасъ же цитировалъ слово въ слово эту высокую, гуманную присягу.

Все время войны Гурвейсъ провелъ не въ лазаретахъ, а на перевязочныхъ пунктахъ, подъ огнемъ, подъ выстрѣлами, всецѣло занятый своимъ дѣломъ. Правда, въ первое время, въ началѣ каждаго боя онъ постукивалъ зубами, блѣднѣлъ, даже синѣлъ и какъ-то комично по-

дергивалъ плѣчами, но мало-по-малу свыкся и работалъ спокойно, какъ самый обстрѣленный врачъ. Звуки выстрѣловъ, которыхъ, по-правдѣ говоря, онъ терпѣть не могъ, отъ которыхъ въ первое время вѣчно вздрагивалъ, жмуря глаза, очень скоро перестали его пугать и безпокоить совершенно.

— Ну-ну!—ворчалъ онъ только:—какая глупость эта война!—и дѣлалъ свое дѣло. Иногда, когда работа была особенно упорная и его „прелестный наборъ“ даже тупѣлъ отъ человѣческаго мяса, онъ забывался до того, что ничего не сознавалъ, не слышалъ, не видѣлъ, не понималъ, за то ругался и ворчалъ какъ старая злющая баба. Ворчалъ и на себя, и на свой „прелестный наборъ“, и на „глупую войну“, и на „глупыхъ людей, которые дѣлаютъ такія глупыя раны“,—на все, что ни попадалось подъ руку, при чемъ неизмѣнно повторялъ: „чортъ“! Въ концѣ концовъ онъ свыкся до того, что могъ сойти за самаго отчаяннаго храбреца. Мнѣ не разъ приходилось слышать разсказы о томъ, какъ онъ, забывшись совсѣмъ за работой, кипятился, сердился и ворчалъ, когда отдавали приказъ перемѣнить мѣсто перевязочнаго пункта, становившееся опаснымъ, благодаря долетавшимъ пулямъ.— Вы мнѣ только мѣшаете съ своими „приказаніями!“ — кричалъ онъ передававшему приказъ:—тутъ отлично работать!... Пули!? Я, ей-Богу, ни одной еще не видѣлъ!

„*Увидѣть*“ *пулю!* Бѣдный малый, онъ только впослѣдствіи узналъ, какъ это можно *увидѣть пулю*,—теперь, пока, онъ только ихъ, слышалъ, но довольно гармоничный свистъ ихъ, повидимому, ни мало не мѣшалъ его „работѣ“!

Разъ, во время жаркаго боя, на перевязочный пунктъ принесли раненаго въ ногу сербскаго полковника,—извѣстнаго храбреца,—старика, посѣдѣвшаго въ бояхъ съ турками и большого друга Гурвейса. Тотъ, взволнованный до нельзя, немедленно принялся извлекать пулю при помощи фельдшера, державшаго раненую ногу,—но именно въ этотъ моментъ взвизгнула граната и лопнула недалеко, разбросавъ кругомъ щебень и песокъ. Перепуганный фельдшеръ выпустилъ ногу и, почти не дыша, упалъ на землю.

— Развѣ вы убиты?—нетерпѣливо и страстно крикнулъ Гурвейсъ, не оборачиваясь и возясь у раны.

— Нѣтъ,—но... но!...—отвѣчалъ фельдшеръ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Такъ зачѣмъ же вы выпустили ногу?

— Но граната, г. докторъ... граната...

— Да не гранату, а ногу,—говорю я, чортъ побери!...

Раненый, какъ самъ онъ передавалъ послѣ, не могъ при этомъ удержаться отъ смѣха. Онъ готовъ былъ клясться, что Гурвейсъ за работой и своимъ волненьемъ не слышалъ лопнувшей гранаты.

Не удивительно, что его полюбили въ арміи всѣ, кто только имѣлъ съ нимъ какое-нибудь дѣло, что имя его пользовалось громадною популярностью. Одинъ гарибальдіецъ, старый ворчунъ, рубака, говоря о немъ, всегда вставлялъ неизмѣнное: corpo di Bacco!—что въ вольномъ переводѣ могло означать, конечно, только одно: „молодецъ"! „Corpo di Bacco" такъ намъ понравилось, что мы всѣ замѣнили прежнія школьныя прозвища сокращеннымъ „Corpo". Это „корпо" усвоили скоро всѣ и многіе въ наивности приняли даже за собственное имя, такъ что солдаты стали звать Гурвейса „дохтуръ Корпа", при чемъ уморительно склоняли это новое имя; а самъ Гурвейсъ быстро освоился съ нимъ, какъ и съ прежними.

— Ну, братцы, супротивъ Корпы ни одинъ дохтуръ не выстоитъ!—часто слышалъ я разсужденія нашихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, попавшихъ въ добровольцы.

— Изъ отчаянныхъ... Сопитъ все, да знай себѣ перевязываетъ... Вотъ только чорта все поминаетъ...

— Поминать-то, поминаетъ, что и говорить... знать, привычка такая... А молодца-парень... Совсѣмъ въ ёмъ какъ будто и страху нѣтъ!..

— Да его, Корпу-то, и пуля не беретъ! Такъ мимо только и финтятъ кругомъ да около—а ни одна не беретъ! Знать, слово такое знаетъ!..

Но онъ не зналъ „такого слова" и пуля все-таки „взяла" его... Это случилось уже

подъ конецъ войны, когда турки, разбивъ наголову армію, благодаря непростительной ошибкѣ штаба, какъ тогда говорили,—съ яростью, неудержимо преслѣдовали ея разбитыя части. Отступленіе походило уже на бѣгство, но, отступая, все-таки дрались и добровольцы, составляя авангардъ, какъ всегда, прикрывали штыками отступавшихъ. Турки тѣснили насъ со всѣхъ сторонъ и нѣсколько разъ чуть совсѣмъ не отрѣзали тылъ... Смятеніе было полное, паника почти неудержимая... Все смѣшалось въ какую-то безпорядочную бѣгущую кучу: артиллерія, обозъ, пѣхота—и все это толкало, тѣснило другъ друга, увеличивая смятеніе, превращая отступленіе въ паническое бѣгство, усугубляя общій безпорядокъ. Казалось, самъ адъ вынырнулъ изъ глубокихъ нѣдръ и затѣялъ на землѣ свою адскую оргію, въ которой стоны, крики, вопли замѣняли музыку, а смерть,—вездѣ носившаяся смерть,—веселье. Визжа, какъ-то пронзительно ноя, летали гранаты, то тамъ, то сямъ лопавшіяся съ сухимъ, особеннымъ грохотомъ и въ воздухѣ, и на землѣ, порою въ густой человѣческой кучѣ, раня, калѣча, уродуя падавшихъ людей—жужжали пули, какъ пчелы на солнцѣ у цвѣтущаго куста, укладывая человѣка за человѣкомъ. Самые хладнокровные, выдержанные, обстрѣленные люди теряли головы, никакія увѣщанія не дѣйствовали, команды никто не слушалъ...

Въ это время Гурвейсъ возился на одномъ изъ перевязочныхъ пунктовъ, за холмомъ, откуда ничего не было видно, куда долеталъ только гулъ этой отчаянной, человѣческой бойни. Къ нему тащили жертву за жертвою, и онъ, по обычаю, ворча и ругаясь, ходилъ между рядами несчастныхъ, облитыхъ кровью, искалѣченныхъ людей, перевязывая, ампутируя и въ то же время успокаивая, поддерживая добрымъ, участливымъ словомъ. Съ нимъ было только два молодыхъ фельдшера, которыхъ онъ ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ за неловкость. Самъ онъ, кажется, не зналъ усталости, какъ не зналъ страха, и работалъ, что называется, не покладая рукъ, весь облитый потомъ, весь обрызганный, измазанный кровью. Я былъ въ числѣ носильщиковъ, но не могъ даже пожать его руку,—до того онѣ были у него заняты,—мы кивнули другъ другу головами и улыбнулись тою хорошею, товарищескою улыбкой, какою улыбаются только въ рѣдкія, опасныя для всѣхъ минуты. Это не веселая улыбка, это улыбка участія, поддержки, улыбка взаимнаго поощренія.

— Бѣгите!.. Непріятель!

Такъ прокричалъ намъ одинъ изъ „штабныхъ“, прискакавшій внезапно на взмыленной лошади, блѣдный и задыхавшійся. На моментъ мы остановились какъ вкопанные, застывъ отъ этого страшнаго окрика, но оба фельдшера,—сербы,—бросились бѣжать и мы,

точно разбуженные ихъ паническимъ бѣгствомъ, повинуясь какому-то странному, точно стадному инстинкту или влеченію, безсознательно бросились за ними, перескакивая черезъ раненыхъ, искалѣченныхъ людей. Сначала мы двигались безсознательно, не ощущая даже паническаго страха, который охватывалъ насъ только постепенно и росъ быстро съ каждымъ шагомъ. Помню, что раненые подняли вопль, прося не бросать ихъ, умоляя всѣми святыми спасти ихъ отъ турокъ, съ невѣроятными для нихъ усиліями хватая наши ноги, платье, ловя наши руки... Можетъ быть, именно это, ихъ вопли подѣйствовали на насъ,—не помню,—все это прошло какъ сонъ предо мною,—но мы вдругъ почему-то опомнились и остановились блѣдные, дрожащіе, задыхающіеся...

И растерянные, испуганные, мы всѣ стояли молча, въ тревожномъ, жуткомъ ожиданьи, не зная, что дѣлать, за что приняться и какъ будто стыдясь въ то же время малодушнаго побѣга при отчаянныхъ вопляхъ и крикахъ о спасеніи со стороны раненыхъ.

— Бѣгите же, говорю вамъ!..

— А раненые?—обернулся опомнившійся Гурвейсъ къ офицеру, еле переводя духъ, почти синій, съ широко вытаращенными глазами.

Тотъ пожалъ плечами въ отвѣтъ.

— Слѣзайте!...—крикнулъ онъ ему, все больше приходя въ себя, хотя лихорадочная дрожь паническаго ужаса все трясла его фигуру.

— Да непріятель на носу!—торопилъ офицеръ колеблясь.

— Слѣзайте! они несчастнѣе насъ съ вами...—указалъ Гурвейсъ на раненыхъ:—ваша помощь нужна!...

Онъ злился отъ страха...

Его слова, его примѣръ вернули намъ самообладанье. Офицеръ слѣзъ и мы всѣ вмѣстѣ подъ крики Гурвейса: „тише, осторожнѣе!"—быстро укладывали раненыхъ въ фуру, но ихъ оказалось слишкомъ много. Когда биткомъ набитая фура двинулась, нѣсколько человѣкъ оставалось еще на землѣ, продолжая громко молить спасти и ихъ.

— Ну, скачите, — лихорадочно обернулся опять Гурвейсъ къ офицеру:—приведите еще фуру!..

— Да вы съ-ума сошли!.. Я говорю вамъ: бѣгите!..—разсердился тотъ.

— Не могу!—понимаете?... не могу!..

— И фуры взять негдѣ... Гдѣ ее теперь достанешь?!

— Гдѣ хотите... Телѣгу, лафетъ—все равно...

— Бѣгите, говорю вамъ...

— Бѣгите себѣ! Я... я... я,—задыхаясь говорилъ Гурвейсъ:—я не оставлю больныхъ!—И блѣдный, дрожащій, съ плотно, почти судорожно сжатыми зубами онъ усѣлся на землю, развернувъ флагъ съ „Краснымъ Крестомъ".

Это былъ великій моментъ побѣды сознанія надъ безсознательнымъ чувствомъ,—по-

бѣды великаго человѣческаго духа надъ врожденнымъ, слѣпымъ инстинктомъ. Офицеръ покраснѣлъ. Ему, очевидно, стало неловко,— Гурвейсъ напомнилъ ему о долгѣ и мужествѣ. Вскочивъ на лошадь, онъ нерѣшительно потянулъ поводья...

— Хорошо, я постараюсь... но врядъ ли!..

Прошла минута, двѣ въ молчаньи—не больше, но эти двѣ минуты сошли бы за добрую недѣлю. Я съ товарищемъ стоялъ въ большой нерѣшительности, у насъ были ружья, мы могли бы присоединиться къ любому отряду, но уйти отсюда, гдѣ мы теперь были почти совсѣмъ лишніе, казалось все-таки и жутко, и стыдно. Какъ-то неловко и больно оставлять человѣка въ такомъ положеніи одного,—что-то невольно удерживало насъ и мы стояли колеблясь. Гурвейсъ это замѣтилъ.

— А вы идите... Что вамъ тутъ дѣлать?— процѣдилъ онъ сквозь плотно сжатые зубы.

— А ты?

— Я не воинъ!.. Я врачъ,—меня съ этимъ флагомъ не тронутъ!.. Да и телѣгу офицеръ привезетъ сейчасъ... онъ не трусъ,—я его знаю!

Мы взглянули на наши ружья, даже взяли ихъ въ руки. Впереди слышался уже грохотъ какой-то приближающейся громадной массы и оттуда сыпались выстрѣлы, какъ сухая дробь гигантскаго барабана... Слышался, казалось, и

топотъ... Но въ это самое время на холмѣ показался офицеръ верхомъ, изо всей мочи гнавшій телѣгу.

— Скорѣй, скорѣй!.. — кричалъ онъ задыхаясь:—торопитесь!

. . . . . .

Когда мы въѣхали на холмъ, — вся долина влѣво была занята уже непріятельскою пѣхотой. Залпъ за залпомъ раздавался сзади и какая-то шальная пуля задѣла Гурвейса въ ногу... Закачавшись, онъ грохнулся наземь.

— Ничего...—поблѣднѣвъ какъ смерть, сказалъ онъ намъ, ощупывая ногу: — пустяки!.. кость цѣла... мускулишка-то только проклятый задѣтъ!

— Проклятая пуля!—ворчали мы всѣ, укладывая и его въ телѣгу:—увидалъ ты ее, наконецъ!..

— Стихія... Что ее ругать!?—возразилъ онъ, морщась отъ боли и силясь улыбнуться.—А вотъ моихъ фельдшеровъ я привлеку къ военному суду...

Онъ никакъ не могъ забыть ихъ побѣга.

— Это за что?—спросилъ офицеръ.

— За побѣгъ и оставленіе раненыхъ...

Офицеръ махнулъ рукой:

— Если судить ихъ, то придется начать съ доброй половины нашего штаба!—сказалъ онъ съ досадой и презрѣніемъ храбраго, обстрѣленнаго солдата.

VII.

Послѣ войны я долго не встрѣчался съ Гурвейсомъ. Слышалъ я только, что онъ служилъ земскимъ врачемъ, но, принимая слишкомъ близко къ сердцу земскіе интересы, скоро поссорился съ управой, которая отказала ему отъ мѣста, подъ предлогомъ, будто народу нужны не врачи, а фельдшера... Слышалъ я, что затѣмъ онъ поселился въ N., женился тамъ на Саррѣ Павловнѣ, которая, кончивъ курсъ, стала его помощницей, ростилъ дѣтей и занялся практикой исключительно въ средѣ бѣдноты, что сдѣлало его самымъ популярнымъ человѣкомъ въ городѣ. Бѣднота относилась къ нему почти благоговѣйно, звала не иначе какъ „нашъ“ докторъ, а это сильно не нравилось врачамъ мѣстнаго бомонда... Тѣ смѣялись надъ нимъ, относились какъ-то презрительно, звали „*пятачковымъ*“ докторомъ,—за то, что онъ довольствуется „пятаками“ вмѣсто ассигнацій,—а послѣднее объяснили, конечно, „жидовскою жадностью“. Но онъ этимъ не смущался, дѣлалъ свое дѣло,—лѣчилъ, бралъ свои „пятаки“, а въ часы досуга любовно нянчилъ черноволосую дѣтвору, которой, по примѣру дѣдовъ, просилъ у судьбы все больше и больше.

Я встрѣтился съ нимъ опять при ужасныхъ условіяхъ. Мнѣ и теперь страшно вспоминать нашу встрѣчу, главнымъ образомъ все

то, что ее обусловливало. Въ одинъ по-истинѣ ужасный день я получилъ телеграмму, извѣщавшую, что мой близкій другъ, молодой, очень умный, очень развитой человѣкъ, укушенный бѣшеною собакой, заболѣлъ бѣшенствомъ, что его, больного, везутъ въ N-ую больницу, ординаторомъ которой былъ Гурвейсъ. Я немедленно поѣхалъ въ N, и случилось такъ, что съ больнымъ мы прибыли въ городъ почти въ одно время.

Когда я вошелъ въ больничную, палату, Гурвейса еще не было,—онъ пришелъ позже, вызванный по телефону. Вечерній сумракъ накладывалъ на все густыя, темныя тѣни, въ которыхъ какъ-то терялись очертанія предметовъ—лампъ еще не зажигали,—но я все-таки сразу увидѣлъ страшную, непередаваемо-страшную картину. Прижавшись къ стѣнѣ, взволнованные, перепуганные стояли рослые, здоровые дѣтины — больничные служителя и какъ-то тупо, нерѣшительно, не зная, что дѣлать и робѣя, смотрѣли въ противоположный уголъ, гдѣ стояла больничная койка. Тамъ, крѣпко и грубо связанный веревками по рукамъ и ногамъ, плотно, вмѣстѣ съ тѣмъ, привязанный къ кровати, при полномъ сознаніи бился въ неописуемыхъ судорогахъ человѣкъ, обливаясь рвотой, задыхаясь, испуская какіе-то нечеловѣческіе крики и стоны.

У меня буквально поднялись отъ ужаса волосы, ничего подобнаго я не видѣлъ въ

своей жизни. Койка дрожала и прыгала, буквально прыгала вверхъ отъ этихъ судорогъ связаннаго и привязаннаго къ ней человѣка сжимавшагося и разжимавшагося, несмотря на веревки, съ невѣроятною силою... Каждую секунду можно было ждать, что веревки лопнутъ или что больной задохнется... И къ тому же его взглядъ,—этотъ сознательный взглядъ, полный невыразимой муки, боли, тоски, полный страха, звѣрской злобы и жгучихъ человѣческихъ слезъ,—взглядъ, въ которомъ сквозила вмѣстѣ и мольба, и проклятіе, и угроза, и что-то такое, что дышало вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, жизнью, мыслью. Нѣтъ, я не могу,—у меня нѣтъ словъ, нѣтъ силъ передать этотъ взглядъ, нѣтъ мужества припомнить, представить себѣ его такъ ясно, чтобы передать словами.

Тотъ, кто видѣлъ безсмертную картину Рѣпина, кто помнитъ его „Грознаго“, кто помнитъ эти страшные бѣлки и зрачки, еще не остывшіе отъ звѣрскаго бѣшенства, въ которыхъ великій мастеръ неуловимыми чертами заставилъ теплиться въ то же время и человѣческое горе, невыразимое страданіе, страстную боль,—боль до безумія,—кто помнитъ эти искаженныя злобой черты звѣря, въ которомъ художникъ, несмотря на самые ужасные аксессуары: кровь, судорогу смерти и проч., заставляетъ зрителя все-таки видѣть и понимать *человѣка*,—только тотъ пойметъ этотъ невѣ-

роятный, неописуемый взглядъ! Я стоялъ не дыша, не двигаясь, точно въ столбнякѣ, безъ мысли, безъ сознанія, околдованный этимъ взглядомъ, прикованный къ мѣсту, и чувствовалъ только, какъ къ горлу у меня подступаютъ безсильныя, больныя слезы, какъ ужасъ охватываетъ меня все сильнѣе.

Еще немного, и я, право, не ручаюсь, что самъ не упалъ бы въ судорогахъ. Но тутъ какъ разъ вошелъ Гурвейсъ и я бросился къ нему точно за помощью, а не съ привѣтомъ,— не до привѣтствій было. Наскоро пожавъ мою руку, онъ быстро обернулся къ служителямъ.

— Это вы его привязали?

— Точно такъ!

— Зачѣмъ?

— Боязно было!— служители тоже пріободрились съ его приходомъ.

— Эхъ, вы! Четверо одного...

Онъ тщедушный, хилый на видъ, быстро подошелъ къ больному и самъ сталъ развязывать веревки. Развязывая, онъ въ то же время успокаивалъ его, ласкалъ, убѣждалъ крѣпиться и, странное дѣло, его ласковый, спокойный тонъ точно на самомъ дѣлѣ сталъ успокаивать страдальца. Ослабѣвалъ ли пароксизмъ, ласковый ли, участливый голосъ дѣйствовалъ тутъ, или все вмѣстѣ, но больной сталъ тише, его судороги слабѣе. Развязавъ ему руки и ноги, успокаивая, гладя по головѣ, Гурвейсъ безстрашно сталъ вытирать ему лицо полотен-

цемъ. Больной успокаивался все больше и больше, судороги прекратились, стоны и хрипы исчезли и глаза его,—его страшные бѣшеные глаза,—засвѣтились вдругъ человѣческою лаской. Онъ глядѣлъ на добраго, безстрашнаго врача взглядомъ полнымъ любви, благодарности и глубокой сосредоточенной грусти.

— Откройте ротъ... голубчикъ, откройте ротъ!..

Больной послушно открылъ ротъ и Гурвейсъ сталъ вычищать ему десна и зубы. Несчастный глядѣлъ на него и тихія человѣческія слезы капали изъ его открытыхъ глазъ одна за другою. По-временамъ легкія судороги, какъ молніи, бороздили его лицо, отражаясь въ глазахъ не то страхомъ, не то угрозой... Вотъ-вотъ, казалось, сомкнутся челюсти,—и страхъ за копавшагося въ этихъ страшныхъ, ядовитыхъ зубахъ нѣсколько разъ чуть не вырвалъ у насъ всѣхъ громкаго крика. Но больной крѣпился, сознательно крѣпился, и все также любовно, все также плача глядѣлъ на него... Онъ боролся съ собой, боролся съ безсознательнымъ позывомъ съ судорогой и мы ясно видѣли, какихъ неимовѣрныхъ усилій, какого нечеловѣческаго напряженія воли стоила ему эта борьба...

— Ахъ!

Этотъ крикъ вырвался у всѣхъ насъ внезапно, невольно и, не помня себя, мы бросились къ койкѣ. Больной вдругъ не совладѣлъ съ собой,—челюсти сомкнулись помимо воли...

— Выйми палецъ!.. Разомкни челюсть силой!—вырвалось у меня, наконецъ, изъ задохшейся груди.

— Нельзя! Это обезпокоитъ больного!—какъ бы колеблясь отвѣтилъ Гурвейсъ.

— Но ты можешь заразиться!...

Блѣдный, но не терявшій самообладанія, онъ привычнымъ образомъ повелъ плечами.

— Если могу, то я уже все равно зараженъ! Но успокойся,—наука не знаетъ ни одного факта передачи этой заразы человѣкомъ человѣку...

Я задрожалъ отъ этого ледяного тона, я похолодѣлъ, меня трясла лихорадка, зубы стучали какъ въ пароксизмѣ, но Гурвейсъ продолжалъ сидѣть все такъ же, повидимому, спокойно, осторожно держа на вѣсу руку съ ущемленнымъ пальцемъ у сведеннаго судорогой рта, успокаивая и гладя несчастнаго другою, свободною рукой. А тотъ глядѣлъ на него взглядомъ полнымъ мольбы, и стономъ, и слезами прося себѣ прощенія. Это была безмолвная, тихая драма, трагедія,—что хотите,—но, во всякомъ случаѣ, что-то небывалое, поражавшее своею крайнею неестественностью. Предо мною лежалъ живой, умный человѣкъ, глубоко сознающій и весь ужасъ своего положенія, и все зло, причиняемое имъ другому, на котораго онъ глядѣлъ съ такою мольбой, съ такою любовью,—и безсильный въ то же

время совладать съ собой, съ этимъ невольно причиняемымъ зломъ. Я понималъ его жгучія слезы, понималъ мольбу его взгляда, его ужасный стонъ; я видѣлъ, какъ онъ дѣлалъ усилія разомкнуть челюсти и *не могъ*. И то, что онъ *не могъ*, увеличивало его страданія, его ужасъ,—приводило его въ ярость.

Когда онѣ разомкнулись, наконецъ, и ущемленный палецъ выскользнулъ, я бросился къ Гурвейсу съ крикомъ: „прижигай, прижигай скорѣй!"—Онъ обмылъ кровь какимъ-то растворомъ и прижегъ.

— Повторяю тебѣ: наука еще не знаетъ случая передачи бѣшенства человѣкомъ—человѣку...—какъ-то вскользь пробормоталъ онъ мнѣ ради успокоенія:—не волнуйся!

Агонія длилась всю ночь и добрую часть слѣдующаго утра. Больной зналъ, что ему нѣтъ спасенія, что наука лѣченія безсильна,—онъ это понималъ и сознавалъ вполнѣ ясно. Онъ молилъ только объ одномъ, чтобъ его не оставляли одного, чтобы хоть кто-нибудь сидѣлъ у его постели и глядѣлъ на него такимъ добрымъ, человѣческимъ взглядомъ. По-временамъ, однако, въ рѣдкіе промежутки покоя между пароксизмами, которые становились все сильнѣе и сильнѣе, къ нему слетала иногда тихая надежда, и съ невообразимо-грустною мольбой, съ отчаянно-жгучею мольбой онъ поднималъ вдругъ полные слезъ глаза и какъ-то нерѣшительно, какъ-то робко спрашивалъ: не-

ужели такъ-таки и нѣтъ спасенья? Блѣдный, растроганный до глубины души, Гурвейсъ блѣднѣлъ еще больше, успокаивалъ его, говорилъ что-то о природѣ и ея тайнахъ, приводилъ какіе-то примѣры, но вотъ-вотъ, казалось, готовъ былъ разрыдаться. Самообладаніе стоило ему неимовѣрныхъ усилій,—тѣмъ не менѣе онъ оставался все время съ больнымъ, такъ какъ, я, обезсиленный, измученный, разбитый всею этою тяжелою картиной, волей-неволей принужденъ былъ уйти въ другую комнату, чтобы не заболѣть самому.

И Гурвейсъ, какъ мать, какъ сестра, сидѣлъ все время съ несчастнымъ съ глазу на глазъ и, какъ нѣжная мать, какъ сестра, дѣлилъ съ нимъ его ужасныя послѣднія минуты. Припадки становились все сильнѣе,—человѣкъ все больше уступалъ звѣрю, разсудокъ, сознаніе, мысль все властнѣе подчинялись недугу, духъ слабѣлъ, но, слабѣя, все-таки отчаянно боролся. Иногда самъ больной, чувствуя приближеніе припадка, кричалъ, вопилъ: „уходите, уходите!“—и затѣмъ уже, не помня себя, метался и бился такъ, съ такими стонами и криками, что ихъ слышали даже на улицѣ,—что окна и полъ дрожали даже у меня. И въ эти страшныя минуты,—минуты полной, казалось, побѣды недуга надъ духомъ,—до меня долеталъ тихій, ровный, спокойный и ласкающій голосъ врача, которымъ онъ успокаивалъ, уговаривалъ больного, напоминалъ ему

о другихъ видѣнныхъ имъ страданіяхъ, напоминалъ героевъ-мучениковъ... И чудо свершалось: побѣжденный, казалось, духъ человѣка воскресалъ, оживалъ отъ этого магическаго слова человѣческой любви, отъ этого тона нѣжной матери, отъ этихъ великихъ, приводимыхъ примѣровъ любви и самоотверженія, и воскресая,—хоть на моментъ, но побѣждалъ недугъ,—пробуждалъ человѣка во всей его человѣческой красотѣ и мощи. И пробуждавшійся на моментъ человѣкъ полнымъ скорби и страданія голосомъ молилъ себѣ прощенія за свою слабость, благодарилъ за участіе и, хватая и цѣлуя руки Гурвейса, страстно и громко рыдая, просилъ у него смерти...

— Братъ! другъ! мать!—молилъ онъ, задыхаясь отъ слезъ:—именемъ всего святого, что есть въ человѣкѣ,—во имя любви и состраданья,—дайте мнѣ яду!... Я хочу умереть *человѣкомъ*, а не звѣремъ...

— Развѣ я могу убивать!?—долеталъ до меня дрожавшій голосъ: — я — врачъ, обязанный лѣчить и спасать людей!

— Но спасенья все равно вѣдь нѣтъ?!—не то спрашивалъ, не то утверждалъ, колеблясь, страдалецъ!...

— Я дѣлаю все, что велитъ наука... Природа для нея еще мало раскрытая книга!—отвѣчалъ все также ласково Гурвейсъ, только голосъ его дрожалъ все больше:—успокойтесь и не теряйте вѣры...

— Нѣтъ,— вздыхалъ больной:—въ жизнь у меня уже нѣтъ вѣры... Но, умирая, я вѣрю въ человѣка!...

И я слышалъ страстные поцѣлуи и лобзанья, которыми *бѣшеный* осыпалъ руки и платье врача, давшаго ему возможность умереть съ такою великою и святою вѣрой.

VIII.

А въ это самое время на улицахъ носилась та страшная, стихійная человѣческая буря,— безсознательная, какъ и всякая стихія, какъ она же безжалостная, жестокая, ничего не разбирающая, какъ она роковая,—та буря, что, зарождаясь незамѣтно, исподволь, гдѣ-то глубоко и тихо, вдругъ, внезапно, подъ вліяніемъ какого-нибудь самаго незначительнаго фактора, волнуетъ спокойное на видъ море человѣческой жизни. Такія стихійныя бури отличаются отъ сознательнаго движенія человѣчества тѣмъ, что всецѣло лишены созидающаго, творческаго элемента, что онѣ представляютъ собою только взрывъ накопившейся годами страсти. Вообще, онѣ имѣютъ много общаго съ катаклизмами въ мертвой, неорганической природѣ. Тамъ, какъ и тутъ, постепенно, тихо, годами и незамѣтно накопляются скрытыя въ потенціи силы и, скопившись, ждутъ только незначительнаго толчка, малѣйшаго движе-

нія, чтобы вдругъ, внезапно произвести катастрофу. Громадная лавина, ломающая лѣса и засыпающая цѣлыя деревни, срывается съ горъ отъ дѣтскаго плача.

Въ такихъ явленіяхъ неорганическаго міра мы видимъ нѣчто роковое, мы складываемъ предъ ними руки, мы не бранимъ ихъ, не хвалимъ, мы признаемъ ихъ за нѣчто, стоящее внѣ нашей воли, и стремимся только понять ихъ и постигнуть. Къ стихійнымъ явленіямъ человѣческой жизни, къ такимъ ея бурямъ мы относимся иначе; ихъ мы любимъ или не любимъ, бранимъ или хвалимъ,—такъ или иначе прилагаемъ къ нимъ мѣрку нашихъ личныхъ симпатій. А между тѣмъ, по своей природѣ, и тѣ и другія тождественны, и тѣ и другія носятъ характеръ одинаково-роковой, одинаково-безсознательный и стоятъ внѣ нашей личной воли. Крестовые походы дѣтей, напримѣръ, въ средніе вѣка, были въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ тою же катящеюся съ горъ лавиной.

Бушующія волны такихъ бурь направляются сначала обыкновенно туда, гдѣ онѣ встрѣчаютъ или могутъ встрѣтить меньше всего отпора или сопротивленія, почему онѣ и сметаютъ только тѣхъ, кто въ данный историческій моментъ является *слабѣйшимъ*,—слабѣйшимъ не только въ физическомъ, но и въ соціальномъ, правовомъ смыслѣ. Оттого и кажется такъ, будто онѣ всецѣло имѣли въ виду

только такихъ *слабѣйшихъ* и только на нихъ направлялись. Это тоже законъ мертвой, безсознательной, неорганической природы,—законъ стихій. Котелъ, черезчуръ переполненный парами, разрывается въ точкѣ наименьшаго сопротивленія.

Разверните исторію, эпическія сказанья, басню, въ которыхъ человѣческое творчество формулировало въ образахъ свои вѣковыя воззрѣнія, свой опытъ, и вы увидите, что при стихійныхъ буряхъ за вины всѣхъ платится слабѣйшій, что накопившіяся страсти направляются только на него и дѣлаютъ его отвѣтственнымъ за все, что такъ или иначе способствовало ихъ накопленію.

Въ данномъ случаѣ это была еврейская бѣднота, на которую направилась стихійно вспыхнувшая уличная буря. Расходившаяся, наэлектризированная толпа, сама не отдавая себѣ отчета: зачѣмъ, почему?—повинуясь одному неодолимому побужденію разрушать, рвать, уничтожать, съ какою-то стихійною страстью, въ какомъ-то болѣзненномъ, какъ пароксизмъ бѣшенства, экстазѣ разбивала еврейскія квартиры и лачуги. Человѣкъ заражался этимъ экстазомъ, этою вспыхнувшею страстью къ разрушенію отъ человѣка, группа отъ группы, а всякая новая разрушенная лачуга увеличивала и общее возбужденіе, и вспыхнувшую страсть... Во всемъ этомъ не было ни мысли, ни сознанія, ни ясной цѣли,—ничего, кромѣ вспых-

нувшей страсти... Толпа била, ломала, уничтожала, казалось, только для того, чтобы слышать звукъ и трескъ ломаемаго и разбиваемаго, и каждый ловкій ударъ, куда бы онъ ни приходился, каждый трескъ и звонъ,—былъ ли то звонъ зеркальнаго окна или крошечнаго, тусклаго оконнаго стеклышка,—все равно, будилъ ея восторгъ и ликованье... Просто-на-просто, катилась лавина и сметала на своемъ пути то, что было ей по силамъ.

. . . . . .

Мы шли съ Гурвейсомъ къ нему, оба разбитые, измученные, усталые, изъ больницы, гдѣ только-что закрыли глаза несчастному страдальцу. Гурвейсъ жилъ въ самомъ центрѣ бѣдноты, намъ приходилось идти такимъ образомъ переулками, гдѣ больше всего бушевала стихія и печальный видъ разрушенія: разбитыя окна, вещи, носившійся вездѣ пухъ, вездѣ валявшійся хламъ, и стоны, и вопли бѣдняковъ ремесленниковъ, превращенныхъ въ одинъ моментъ въ безусловныхъ нищихъ безъ всякаго крова,—усугублялъ то глубокое горе, что мы несли съ собою. Вездѣ кричали дѣти, рыдали женщины: вездѣ стоялъ стонъ и содомъ... Гурвейсъ молчалъ, онъ только дышалъ порывисто... Глубокая обида за *своихъ*, за несчастныхъ, пострадавшихъ только за свой языкъ и обычай,—безъ личной вины съ своей стороны, зря,—обида понятная каждому, кто можетъ перенестись въ душу другого, сжала

плотно его губы, заставила поблѣднѣть еще больше, почти посинѣть его блѣдныя щеки. Вѣдь и онъ, отдававшій себя всецѣло другимъ, былъ такой же „жидъ“, а, значитъ, и противъ него въ общей массѣ направлялась эта слѣпая стихія, и онъ бы долженъ былъ стоять рядомъ съ этими рыдавшими нищими, дѣлить ихъ участь, помогать имъ въ самозащитѣ! Гдѣ и въ чемъ граница между ними, когда онъ самъ не хотѣлъ знать ее, самъ не отдѣлялъ себя отъ другихъ?! Эти мысли жгли меня точно каленымъ желѣзомъ, а вѣдь я не могъ чувствовать все это *такъ* страстно и сильно, какъ, несомнѣнно, чувствовалъ онъ; не могъ, органически не могъ принимать все это такъ же близко къ сердцу. И потому я понималъ, какая глубокая буря должна волновать его грудь, какія жгучія, обидныя слезы наполняютъ его душу,—отчего онъ дрожитъ такъ и дышетъ... Я самъ, казалось, стыдился себя, стыдился идти съ нимъ рядомъ, стыдился, что не дѣлю съ нимъ одной доли и обиды, что такъ или иначе я принадлежу къ тѣмъ, что нанесли ему эту больную, невыразимо больную обиду.

— Вотъ она стадность!... Помнишь,—у Михайловскаго, въ его статьѣ „герои и толпа“?!—вырвалось у него какимъ-то больнымъ крикомъ, при видѣ одной буквально разбитой лачуги, на развалинахъ которой рыдали оборванныя нищія дѣти.—Вотъ она, стихійная справедливость!

Нищета—нищету!.. Свой—своего... за другой кафтанъ, за другой обычай!.. Умно!

Онъ бросилъ дѣтямъ денегъ и пошелъ, все такъ же молча, плотно сжавъ губы, дрожа отъ волненія, а я шелъ за нимъ какъ виноватый, не находя ни словъ, ни возраженій, ни мысли... Я чувствовалъ, точно вина *своихъ* ложится и на меня,—и еще яснѣе понималъ, какъ должна быть ему больна обида его *своихъ*... Въ сущности, отношеніе каждаго изъ насъ къ нашимъ *своимъ* было одинаково... Гурвейсъ во многомъ былъ настолько же чуждъ массѣ еврейства, насколько я бушевавшей противъ нищихъ евреевъ толпѣ. Тѣмъ не менѣе, теперь, тутъ эта непонятная сразу, неуловимая связь каждаго съ *своимъ* чувствовалась особенно остро. Помню, что, не выдержавъ, я схватилъ его руку, пожалъ и затѣмъ обнялъ. Онъ обнялъ меня, дрожа, задыхаясь, и мнѣ показалось, что что-то влажное, теплое упало изъ его глазъ на мои щеки.

Не знаю, что думалъ Гурвейсъ, но мнѣ, конечно, не приходило и въ голову, чтобы разрушеніе, погромъ могли коснуться и его квартиры,—квартиры самаго популярнаго врача. Ни на одинъ моментъ страхъ за его „гнѣздо“, въ которомъ онъ отдыхалъ среди своей рѣзвой дѣтворы отъ своей тяжелой работы, не омрачилъ еще больше моихъ мыслей, не усугубилъ моей душевной боли. Гурвейсъ, правда, все прибавлялъ и прибавлялъ шаги, но я не при-

давалъ этому никакого значенія... Мнѣ казалось, что онъ просто хочетъ убѣжать скорѣй отъ этихъ скверныхъ, глубоко печальныхъ картинъ, стоновъ и рыданій. Я забылъ, что стихія слѣпа, что она ничего не разбираетъ...

И я ахнулъ, искренно ахнулъ, когда картина повальнаго разрушенія и его „гнѣзда“ предстала предо мной. Погромъ былъ въ полномъ разгарѣ, толпа бушевала еще у него въ домѣ, и, не помня себя отъ негодованія, отъ вспыхнувшей злобы, я бросился стремглавъ, вверхъ по лѣстницѣ. Все, что до сихъ поръ волновало меня, мучило, давило,—все больное, щемящее чувство вылилось, перешло въ одно бѣшенство,—такое же стихійное, можетъ быть, какъ и буйство разбивавшихъ... Можетъ быть, это была та же психическая зараза, принявшая только иное направленіе, направившаяся иначе,—которой заражались люди на улицѣ другъ отъ друга,—по крайней мѣрѣ, я себя не помнилъ, не сознавалъ, я дѣйствовалъ не разсуждая, не думая... Тамъ, на площадкѣ лѣстницы, прижавшись другъ къ другу, стояли испуганныя дѣти, стояла жена Гурвейса, закрывавшая ихъ собою, и бросились къ намъ, ломая руки, съ криками и плачемъ...

Гурвейсъ схватилъ младшаго ребенка на руки и обнялъ бившуюся въ истерикѣ жену, что-то шепча, говоря какіе-то неясные, спутанные обрывки мыслей, фразъ, которыми силился успокоить семью, а я бросился въ разбитыя

двери къ бушевавшей толпѣ и въ тотъ же моментъ услышалъ близкую дробь барабана...

Было ли это дѣйствіе моего нечеловѣческаго крика, вырвавшагося изъ пересохшаго горла, какъ вырывается рычаніе у разъяреннаго звѣря,—бѣшеный ли видъ мой, бросившагося впередъ съ сжатыми кулаками,—оружія у меня не было,—дробь ли барабана подѣйствовала или все вмѣстѣ,—не знаю, но бушевавшая толпа, остановившись точно въ изумленіи на моментъ, стремглавъ бросилась вонъ, увлекая и меня за собой. Это была паника, чистѣйшая паника, въ которую такъ легко переходитъ стихійное возбужденіе, не поддержанное сознаніемъ и волей. Разъ я видѣлъ кулачный бой, гдѣ „стѣна на стѣну“ шли люди, ничего не имѣвшіе другъ противъ друга, увлеченные только общимъ примѣромъ, зараженные общимъ настроеніемъ. Никто имъ не мѣшалъ, ничто не угрожало... Вдругъ, грянулъ выстрѣлъ,—инженеры недалеко взорвали скалу,—и вся толпа, одинъ за другимъ, бросилась вразсыпную, сама не зная зачѣмъ и почему. Этотъ грохотъ выстрѣла явился только диссонансомъ въ общей атмосферѣ, что ли, тишины и покоя, при которой совершался бой, и этого было достаточно, чтобы все измѣнилось и разлетѣлось.

Толпа бѣжала,—нѣтъ: летѣла, вѣрнѣе,—внизъ по лѣстницѣ какъ вспугнутое стадо, безсознательно, точно такъ, какъ за минуту

передъ тѣмъ все разрушала... Съ каждымъ шагомъ ускоряла она свое бѣгство, съ каждою секундой, казалось, росла ея паника... Одинъ наскакивалъ на другого, каждый толкалъ другъ друга, точно пьяные, точно сонные люди... И вдругъ, одинъ изъ нихъ, толкнутый сверху, споткнувшись и потерявъ равновѣсіе, полетѣлъ черезъ перила внизъ, на каменный полъ, со второго этажа...

До насъ всѣхъ донесся глухой звукъ этого паденья и отчаянный, раздиравшій душу крикъ, дикій стонъ, за которымъ сразу наступило напряженное безмолвіе. Все точно застыло въ этомъ стонѣ... Гурвейсъ стоялъ все такъ же неподвижно, задыхаясь, какъ статуя блѣдный, держа ребенка и обнимая жену. Судорога бороздила его лицо, а глаза свѣтились тусклымъ, холоднымъ и жесткимъ блескомъ. Но, заслышавъ этотъ звукъ и крикъ, онъ, какъ и всѣ, вздрогнулъ весь съ головы до ногъ и опустилъ обнимавшую руку... Еще моментъ, одинъ моментъ какого-то нерѣшительнаго колебанія, какое-то движеніе, неуловимое, непередаваемое движеніе внутренней борьбы, и *врачъ-человѣкъ* одержалъ верхъ надъ обиженнымъ, невыразимо обиженнымъ отцомъ и гражданиномъ. Онъ опустилъ, вдругъ, ребенка и привычнымъ, совсѣмъ машинальнымъ, жестомъ нащупалъ свой „прелестный наборъ“. Тотъ, конечно, былъ на мѣстѣ, и Гурвейсъ бросился внизъ...

Безмолвно, не разжимая рта, безъ одного звука, все такъ же блѣдный, все съ тѣмъ же казалось, тусклымъ, холоднымъ взглядомъ, онъ, точно механически, ощупалъ пульсъ упавшаго, сердце, перевязалъ его голову и ногу, обмылъ отъ крови его лицо. Сбѣжавшаяся со всего дома прислуга и нѣсколько товарищей несчастнаго окружали насъ тоже безмолвно, тѣснымъ кругомъ, тѣсною толпой. Что свѣтилось въ ихъ взорахъ, что стояло въ ихъ лицахъ,—я не знаю; я глядѣлъ только на Гурвейса, полный благоговѣнія и какого-то особенно хорошаго человѣческаго чувства. Помню, что меня тяготило это безмолвіе; мнѣ хотѣлось что-нибудь сказать ему, сказать ласковое, теплое, и очень можетъ быть, что то же испытывала окружавшая толпа... Говорятъ, женщина меньше всего справляется съ такою потребностью,—она не можетъ противостоять этому влеченію... По крайней мѣрѣ, такъ было тутъ,—женщина не выдержала:

— Батюшка ты нашъ!.. отецъ родной!.. заступникъ!—вырвалось у одной какъ-то невольно вмѣстѣ со слезами:—злодѣя своего самъ же и лѣчишь... Праведникъ ты, какъ есть заступникъ!...

Этого было уже слишкомъ для Гурвейса,—онъ не выдержалъ, какъ не выдерживаютъ дѣти и взрослые, когда имъ жалостливо подчеркиваютъ и напоминаютъ ихъ сдерживаемую черезъ силу боль. Эта жалостливость

бередитъ душевную рану больше новой обиды она не успокаиваетъ, не исцѣляетъ,—она обостряетъ ощущеніе страданія у дѣтей, возбуждаетъ законную человѣческую гордость у взрослаго, для котораго жалость всегда обидное чувство... Зачѣмъ ему эта жалость, когда и подъ сильнымъ ударомъ онъ не склоняется и гордо держитъ голову,—зачѣмъ она ему съ ея слезами, когда онъ, страдающій неизмѣримо-больше, потрясенный неизмѣримо глубже, плотно сжимаетъ свои губы и молчитъ, не издавая ни одного стона? Гурвейсъ не выдержалъ,—онъ поднялся на эти причитанья блѣдный, дрожащій, негодующій и окинулъ взглядомъ окружавшихъ.

— Неправда!—рѣзко крикнулъ онъ въ упоръ:—неправда! Я—*жидъ!*

Это все, что вырвалось у него изъ плотно сжатыхъ устъ за это время,—это все, что онъ кинулъ людямъ въ лицо какъ укоръ. И, склонивъ ко мнѣ на плечо свою усталую, измученную голову, онъ вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ...

Книгоиздательство Б. К. ФУКСА въ Кіевѣ.
Прорѣзная, 23. Телефонъ № 1243.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ПЕРВОЕ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЭМИЛЯ ЗОЛА
въ 48 томахъ.

Переводъ съ французскаго подъ редакціей

М. В. Лучицкой.

Въ изданіе это войдутъ всѣ произведенія **Зола**. Отдѣльный томъ будетъ посвященъ **біографіи Зола**, его дѣятельности, какъ **ЛИТЕРАТУРНАГО и ПОЛИТИЧЕСКАГО БОРЦА**, и статьямъ о немъ выдающихся критиковъ. **Въ него войдутъ, между прочимъ, слѣд. статьи:**

П. Д Боборыкинъ. „Э. Зола". Воспоминанія.
П. И. Вейнбергъ Біографія Зола.
Ю. А. Веселовскій Творчество Зола.
Проф. И. Лучицкій. Зола въ дѣлѣ Дрейфуса.

Томъ этотъ будетъ иллюстрированъ.

Въ непродолжительномъ времени **выйдутъ первые восемь томовъ**; все изданіе будетъ закончено въ декабрѣ 1903 г.

Подписная цѣна за всѣ **48 томовъ— 12 рублей,**

каждый отъ **225** до **300** стр., отпечатан. на плотной глазированной бумагѣ.

За пересылку **48** томовъ (въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа)—**3 руб.**

Допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ—**3 руб.**; остальная часть должна быть уплачена **до 15 декабря 1903 г.** ежемѣсячными взносами **не менѣе 1 руб.**

Книгоиздательство Б. К. ФУКСА въ Кіевѣ.
Прорѣзная, 23. Телефонъ № 1243.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ПЕРВОЕ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВИКТОРА ГЮГО

ВЪ 24 ТОМАХЪ.

Переводъ съ французскаго подъ редакціей

П. И. Вейнберга.

Въ изданіе это войдутъ:
1) **всѣ романы** В. Гюго;
2) избранныя **стихотворенія** его, въ томъ числѣ еще не появлявшіяся въ русскомъ переводѣ;
3) **драматическія** произведенія;
4) **публицистическія** статьи;
5) **статья о В. Гюго,** написанная **П. И. Вейнбергомъ.**

Всѣ томы изданія выйдутъ **изящно** отпечатанными **четкимъ** шрифтомъ на **плотной** глазированной бумагѣ объемомъ отъ **225** до **300** страницъ и будутъ содержать около **400 иллюстрацій**, художественно исполненныхъ на веленевой бумагѣ. Всего во всѣхъ **24** томахъ будетъ дано текста около **6000** страницъ.

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ **первые два тома** изданія.

Все изданіе будетъ закончено до Декабря 1903 года.

Подписная цѣна за всѣ 24 тома—8 руб.

За пересылку **24** томовъ (въ предѣлахъ Европейск. Россіи и Кавказа) взимается **2 рубля.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **2 руб.**; остальная часть должна быть уплачена до 15 декабря 1903 года ежемѣсячными взносами **не менѣе 1 рубля.**

По выходѣ изъ печати изданія, **цѣна его будетъ повышена.**

3 0112 043215307